

***XIV международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2022***

***К 100-ЛЕТИЮ
'ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА'***

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции

17–19 ноября 2022 г.
Санкт-Петербург, Россия

***XIV International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2022***

***ON THE 100TH ANNIVERSARY
OF THE 'PHILOSOPHERS' STEAMBOATS'***

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics*

***Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 17–19, 2022***

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов, к.филос.н., доц. Е.А.Овчинникова

П26 **XIV международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2022. К 100-летию 'Философского парохода'».**
Санкт-Петербургский Государственный Университет, 17-19 ноября 2022 г.
Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2022. – 294 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» посвящена исследованию важнейших этических феноменов современного общества и категорий морали и практической философии.

Конференция проводится в преддверии 300-летнего юбилея Санкт-Петербургского государственного университета.

Адресовано специалистам в области философии, теоретической и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-85263-073-5

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2022
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) – председатель
Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет) – заместитель председателя

Абакарова Р.М. (Дагестанский государственный университет), Апресян Р.Г. (Институт философии РАН), Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Gefenas E. (Вильнюсский университет), Громова Л.А. (Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена), Держивицкий Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Лаптенок А.С. (Белорусский государственный экономический университет), Лисанюк Е.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Маджима Ш. (Университет Хиросимы), Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плашиенкова З. (Университет им.А.Я.Коменского), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский государственный университет), Разин А.В. (Московский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Скворцов А.А. (Московский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Тарковский В.Н. (Костромской государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук), Яскевич Я.С. (Белорусский государственный университет)

Секретари программного комитета: Глебова С.В., Перова Н.В.

PROGRAM COMMITTEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) – Chairman

Abakarova Raiganat (Dagestan State University), Apressyan Ruben (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), Artemov Georgiy (St.Petersburg State University), Bartashevich Tatiana (St.Petersburg State University), Brodsky Alexander (St.Petersburg State University), Vasilyev Iliia (St.Petersburg State University), Gefenas Evgenius (Vilnius University), Gromova Ludmila (Herzen University), Derzhivitsky Evgeniy (St.Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St.Petersburg State University), Kulakova Tatyana (St.Petersburg State University), Laptenok Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Larionov Igor (St.Petersburg State University), Lisanyuk Elena (St.Petersburg State University), Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania), Majima Shunzo (Hiroshima University, Sapporo, Japan), Ovchinnikova Elena (St.Petersburg State University), Plasienskova Z. (Comenius University in Bratislava, Slovakia), Polozhentsev Andrey (St.Petersburg State University), Razin Alexander (Moscow State University), Sinyutin Mikhail (St.Petersburg State University), Skvortsov Alexey (Moscow State University), Strebkov Alexander (St.Petersburg State University), Sunami Artem (St.Petersburg State University), Tarkovsky Vladimir (Kostroma State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus).

Executive Secretaries: Glebova Sofia, Perova Nina

Абакарова Райганат Магомедовна
д. филос. н., профессор

Дагестанский государственный университет

ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И МОРАЛЬНАЯ РАСТЕРЯННОСТЬ

Формирование моральных ценностей детерминировано исторической динамикой человеческого общества, обусловленной сменой социальных, экономических и экологических изменений. Смена типов, видов и характеров общественных отношений требует их перманентной ценностной оценки и переоценки. Современный тип цивилизационного развития требует выработки новых ценностей, новых мировоззренческих ориентиров, новых норм морали. Важно указать, что для нас мораль и нравственность по своему содержанию, прикладному значению и отношению к человеку не одно и то же, а разные уровни отношения к себе и к окружающим. Если мораль эта сфера общественного сознания, как религия или право, то нравственность определяется поступком, а поступок зависит от совести.

Ценностный подход в этике определен прогностической функцией поступка, в зависимости к добру приведет данный поступок или к злу для самого человека, совершающего поступок и для его окружения. При том, что человек имеет нравственный выбор. Исходя из господствующих в данном обществе представлений об одобряемом и осуждаемом, дозволенном и недозволенном, человек позволяет выделить определённые критерии правильного, с нравственной точки зрения, решения. Ценности выступают как одно из оснований предпочтения добра в сложных жизненных ситуациях. В самой этике есть различные подходы к исследованию морали, различные методы исследования морали. Аксиологический или ценностный подход требует определения оснований ценностной оценки, которая может быть субъективной или ошибочной. Объективная оценка может лежать в основе понятий справедливости и несправедливости, мира и насилия, любви и ненависти, но остается вопрос насколько они объективны? С нашей точки зрения, одной из основ здесь служат объективные моральные ценности как специфические качества реальных объектов и субъектов.

Нет критериев объективной оценки поступка в закрытых (традиционных), открытых или виртуальных сообществах. Если отсутствуют объективные критерии оценки моральных норм или нравственных поступков, то возникает этическая растерянность как оснований оценок, так и оценок последствий, к которым привели те или иные поступки. Этика вынуждена заниматься не только традиционным для себя предметом общественной морали и личностной нравственности, но и вопросами «виртуальной нравственности», где моральные ценности предстают иными формами добра и зла. По своей природе ценности добра и зла являются особыми качествами, не тождественными природным свойствам, сущностям, отношениям. Мораль, с одной стороны, интенционально связана с определённой «материей», с реальным бытием, с жизнью. С другой стороны, и объект также нельзя всецело отделить от его нравственных качеств.

Моральные ценности являются не только объективными, но и трансцендентными. Трансцендентность моральных ценностей означает, что их невозможно всецело «вывести» из доступной чувствам природы, что они не формируются непосредственно подобной природой. Ценность нельзя отождествлять с оценкой, но и в прикладной и практической этике отождествление возможно синкретичность ценности и одноимённой оценки.

При этической растерянности зло не является относительным добром. Относительное добро – это также всегда добро, а не зло, хотя и не полное. Добро никогда не переходит во зло, хотя любой определённые поступки людей одновременно можно определить как добро и зло. Утверждение, что данный предмет или данное свойство, отношение может быть добром и злом, следует понимать лишь в том смысле, что данный конкретный объект или субъект предстают носителями ценностей и добра и зла. В иной системе то или иное явление может предстать и в иных

моральных качествах. Нетрадиционные формы общественного сознания или поступки вступают в конфликт с мировоззрением человека, может он при этом остаться ценностно нейтральным? Такая ситуация возможна при этической растерянности, при неготовности реагировать на определенные обстоятельства. Все ли, кто сел на философский пароход оценивали свой поступок с позиции добра или зла, или же на этом пароходе было больше растерянных философов и интересна здесь оценка своих поступков этих людей по истечении времени.

В религиозной и светской этике нравственно-религиозные ценности являются определенными. Человек, прежде чем стать верующим и религиозным, должен сначала стать нравственным. Он может прийти к религиозному опыту только через самоопределение свободной воли. Вне системы моральных ценностей религия вырождается в поклонение идолам. Глубоко верующий человек должен быть глубоко нравственным, иначе возникает этическая растерянность, называемая в религии лицемерием. Нравственность не просто форма общественного сознания, а его фундамент. Множественность разнородность этических норм, систем и концепций делает невозможным предпочтение одной из них, поскольку нет оснований для предпочтения, при многообразии и несоответствии базовых ценностей возникает этическая (моральная) растерянность. Изначально общество руководствовалось традиционными нормами морали, где сущее и должное синкретичны. Должное, как моральная сторона выполняла закрепительную функцию, при задаче сохранить общественную целостность, единообразными поступками в типичных обстоятельствах. Со временем, когда общество перестало быть однородным, ведущее значение обретают моральные нормы и моральные принципы. Конфликт морали и нравственности порождает конфликт должного и сущего в морали.

Авдеева Ирина Александровна
к. филос. н., доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ЗАДАЧИ ЦИФРОВОЙ ЭТИКИ

В настоящий момент с распространением новых цифровых технологий происходит становление и развитие цифрового общества (digital society), понимаемого двояко: с одной стороны, это общество, инфраструктура которого базируется и функционирует благодаря цифровым технологиям, а, с другой стороны, это общество, в котором базовой формой социального взаимодействия и социальной организации являются сетевые структуры, платформы и подобные им виды социально-коммуникативного взаимодействия. В связи с этим сразу намечаются и два основных вида актуальных этических задач: во-первых, это решение этических вопросов, связанных с созданием и внедрением цифровых технологий, и, во-вторых, задач, связанных с организацией форм социального взаимодействия, меняющихся под действием «цифры».

В этой связи термин «цифровизация» не имеет однозначного определения, но в нем явно обозначились 2 основных аспекта: цифровизация как технологический процесс (создание платформ, систем big-data, сетевизацией, созданием «умных» технологий и систем искусственного интеллекта и др.) и цифровизация как социальный процесс, связанный с виртуализацией гетерогенных коммуникативных пространств, тотальной медиатизацией, размыванием границ частного и публичного, транспарентностью социального и личного пространства и др.. В первом случае этические «узлы» обозначают одну главную проблему – по каким правилам будет происходить формирование техносреды и создание условий для деятельности и жизни «оцифрованного» индивида, а во втором случае главная проблема состоит в том, как как в этой новой среде люди будут регулировать и нормировать свою жизнь, столкнувшись с новыми проблемами социально-коммуникативного взаимодействия, какие принципы из ранее

наработанных в ходе социально-исторических практик выйдут на первый план и какие новые правила примут люди в отношении друг друга в конструируемом посредством цифры мире. Таким образом, речь идет о двух основных блоках этических проблем: этических проблемах разработки цифровых технологий и этических проблемах распространения этих технологий и включения их в качестве материальной базы для социального творчества через применение этих технологий в различных социальных практиках. В настоящее время наметился и третий блок, помимо техники и этики виртуальных пространств. Этот блок касается сферы взаимодействия первого и второго, как например, в интернете вещей, где возникают уже новые этические задачи.

Азаров Константин Валерьевич
PhD, постдокторантура
Боннский университет

КОНЦЕПЦИИ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СПОНТАННОСТИ У ТОЛСТОГО МЕЖДУ КАНТИАНСКО-ШИЛЛЕРОВСКИМ И ДАОССКИМ ПОДХОДАМИ

Западная философия традиционно основывает моральную ответственность на идее свободы воли. Этой концепции угрожает ньютоновское представление о мире как о строго подчиненном законам природы механизму. Некоторые пытались найти решение этого парадокса, создав мировоззрение, которое допускало бы сосуществование законов природы и свободы воли, – позиция, известная как компатибилизм. Дискуссии о детерминизме и свободе воли в классической китайской философии начались совсем недавно. Толстой может помочь в этом контексте, потому что он глубоко погружен в обе традиции, китайскую и западную, а также потому что Толстой как гениальный писатель глубоко проник в проблематику свободы и морали.

Толстой – великий почитатель Канта, Шиллера, Гердера и Шопенгауэра, а также один из первых западных последователей Конфуция и Лао-цзы. Толстой даже участвовал в двух русских переводах «Дао дэ цзин» Лао-цзы: со своим последователем Евгением Поповым, а затем с японским ученым Кониси Масутаро. К толстовской теории свободы нужно подходить как к целостному самостоятельному аргументу в пользу совместимости свободы воли и детерминированного мира. Практический подход Толстого к философским и экзистенциальным проблемам напоминает буддизм и даосизм. Даосская концепция цзы жань (自然, можно перевести как «спонтанность», «само по себе», или просто «природа») имеет решающее значение в этом контексте. Лао-цзы и Чжуан-цзы не только высоко ценили спонтанность, как Шиллер и Кант, но и предлагали особую методологию поддержания и культивации состояния спонтанности. Огромное значение влияния Шиллера на Толстого уже освещалась в специализированной литературе [1, с.165–166]. Шиллер, по мнению Бруйи, является «наиболее полным описанием эстетической спонтанности на Западе» [2, с.237]. Подробно рассказывая о том, как необходим республиканизм для истинного развития спонтанного «я», Шиллер мало говорил о том, как следует развивать это «я». Венцель упоминает, что даосизм предлагает метод достижения спонтанности [3, с.466–467], Бруйи также признает практически полное отсутствие у Шиллера методологических элементов в сравнении с даосизмом.

Цель моего доклада – это еще и продемонстрировать обе стороны толстовской концепции спонтанности и свободы воли, эксплицитную, выраженную в теоретических работах Толстого, и имплицитную, данную в поступках и предпочтениях писа-

теля. Эти стороны имеют решающее значение для освещения влияния даосизма на Толстого. Философия Толстого представляет собой уникальный исторический случай, показывающий, как западная и даосская философии способны влиять друг на друга в отношении проблемы свободы воли. Толстой обещает значительно обогатить современные дискуссии о свободе воли межкультурной аргументацией, проведенной временем.

Литература:

1. Штайнер Л. В поисках утраченного рая: Опрошение у Л.Н. Толстого // Русская литература и философия: Пути взаимодействия / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 154–179.

2. Bruya B. The Rehabilitation of Spontaneity: A New Approach in Philosophy of Action // Philosophy East and West 60 (2), 2010. P. 207–250.

3. Wenzel Ch. Free will and Zhuangzi: An introduction // Introduction to Philosophy: Classical and Contemporary Readings / John Perry, Michael Bratman, and John Martin Fischer (eds). New York: Oxford University Press, 2021. P. 460–473.

Исследовательская стипендия фонда Фрица Тиссена (Fritz Thyssen Stiftung)

Алейников Андрей Викторович
д. филос. н., профессор
Сунами Артем Николаевич
к. полит. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

РИСК-РЕФЛЕКСИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ

Идентификация значимых социальных размежеваний («кливажей») между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами» позволяет раскрыть механизм применения властью или бизнесом авантюрно-рисковых стратегий достижения своих целей и показать связь этих стратегий с перекладыванием тяжести неудачного исхода на потребителей риска. В данных тезисах мы кратко излагаем результаты одного из наших исследований [1].

Олег Яницкий [2] предложил в этой связи концепцию «критического случая» как иррационального социального порядка, состояния социального субъекта или ситуации, когда производство рисков как потеря (бедствий) является безраздельно господствующим способом социального производства, легитимации производства рисков, выгодой силам, находящимся за пределами критической зоны. Логическим завершением «критического случая» является беспредел. В условиях «порядка беспредела» ситуация дискурсивно конструируется как матрица различных позиций, на которой социальные идентичности формируются как результат артикуляции практик рискового поведения (Э. Лаклау и Ш. Муфф) [3].

«Беспредел» определяет антагонистический дискурс о риске, конфликт между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами», который в пределе требует радикального взаимного позиционирования их как «других», как врагов, как «низших» или «высших» [4]. Появляются «риск-пророки» (Р. Мертон), которые, с одной стороны, обеспечивают успех социального конструирования риск-рефлексий политической легитимации принимаемых, в условиях или реальных, или вымышленных позиций, и опасностей политических решений, а с другой – отвечают за бездействие и молчание, любое «обнаружение себя» в пространстве риска. Однако эти технологии формирования доверия/недоверия, веры/отрицания в рациональность/иррациональность рискового поведения, в значимость существующих форм управления рисками, выстраиваемые риск-производителями, могут привести к отложенной реакции постепенного соскальзывания к формированию, в том числе и на экзистенциальном уровне, «порядка беспредела».

Мэри Дуглас ставит вопрос: почему те или иные риски выбираются одними индивидами или сообществами, но игнорируются другими? От чего зависит оценка инди-

видами уровня серьезности риска и чем определяется их выбор поведенческих стратегий? социальные субъекты при выборе альтернатив в ситуации неопределенности адаптируют свой выбор к социально приемлемому варианту, т. е. выбирают такую стратегию рискованного поведения, которая отличается от их реальных устремлений, поддерживая социальные варианты, которые были бы решительно отвергнуты при свободном индивидуальном выборе.

Выбор же публичных предпочтений выгод и издержек зависит от выбора, который делают другие, от взаимозависимостей между различными решениями в условиях риска. В процессе фальсификации предпочтений знания о рисках «скрываются, искажаются, игнорируются, коррумпируются и обедняются».

Другими словами, у субъекта есть риск-рефлексии, которыми он делится с другими, и риск-рефлексии, которые предпочитается держать при себе. Следуя этой логике, если эти риск-рефлексии различаются, это значит, что человек занимается «фальсификацией восприятия риска». На словах утверждают, что «все в порядке», «угрозы не страшны», «риски под контролем», пока не будет достигнут «порог возмущения», и тогда начавшийся процесс дестабилизации станет неожиданностью для всех [5].

Литература:

1. Алейников А.В., Сунами А.Н. Факторы конструирования риск-рефлексий: конфликтные грани размежеваний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология и конфликтология. 2022. Т.38. Вып.2.
 2. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение, 2002, т.2, №2, с.86–99.
 3. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics, London: Verso, 1985.
 4. Carpentier N. The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation, New-York: Peter Lang, 2017.
 5. Kuran T. Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification, Cambridge: Harvard University Press, 1995.
- РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Ананьева Екатерина Михайловна
к. филос. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

ГЕРМЕНЕВТИКА В ЭПОХУ РАЗДЕЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Включение герменевтического проекта в поле высокого напряжения этических и политических противостояний знакомо нам главным образом по тем следствиям, которые были выведены в философии М. Хайдеггером. Х.-Г. Гадамер представляется в этом смысле своеобразным оппонентом своего учителя, предложившим интеллектуальному сообществу более нейтральную и свободную от политических следствий версию герменевтической философии.

Непростая жизненная траектория самого Гадамера показала, что история его страны вполне прокатилась тяжелым колесом и по его судьбе. Политические противостояния не привели его в стан национал-социалистов, но и не позволили совершенно остаться в стороне от эпохальных событий в Европе. Профессор и сын профессора, он чувствовал себя частью академической культуры Германии, однако в интервью 90-х годов любил рассказывать, как в 20-е годы он почувствовал необходимость отозваться на новые вызовы времени, на «потоки действий и течения мысли», что заставило его «попрощался с идеей воспитания в узком домашнем кругу» [1]. Эпоха между двумя войнами увлекла Гадамера интересом к вечным, библейским вопросам, и «русский след» в этих размышлениях сыграл не последнюю роль. «Меня еще в ранней молодости захватили великие русские романисты XIX века. Они играли огромную роль в

формировании всего нашего поколения. Всякий, кто считал себя образованным человеком, полагал изучение русской литературы совершенно необходимым» [2].

Из вынужденных эмигрантов из России в послереволюционное десятилетие Гадамер в своих интервью упоминал только Ф. Степуна, называя его своим собеседником и другом. Но новая война опять смешала фигуры на доске, и в первый послевоенный год судьба привела Гадамера в непосредственное соприкосновение с «русским миром» в качестве ректора Лейпцигского университета, который в послевоенной Германии оказался под советской юрисдикцией. Доклад «Образ немцев в русском романе» был написан, по свидетельству Гадамера, в эти годы в Лейпциге. «Там был Kulturbund, официальная коммунистическая организация тогдашней ГДР, и я как ректор Университета должен был принимать участие в ее работе» [3] – рассказывал Гадамер в интервью Владимиру Малахову.

На прямой вопрос в интервью о политических следствиях из герменевтических гипотез его теории, Гадамер попытался сформулировать свое кредо: интеллектуалы в известном смысле разделены национальными границами, национальной историей и границами языка, но, как подчеркнул философ – «я никогда не защищал отдельные «традиции», а только то, что существует горизонт традиции, который всегда составляет основу для изменений... нам понадобится философия, подобная моей герменевтике, философия, которая учит нас видеть оправдание чужой точки зрения и таким образом заставляя нас сомневаться в наших собственных» [4].

В исследованиях последних лет стало принято опровергать расхожую точку зрения, что в составе герменевтической теории Гадамера показательным образом отсутствует политическое измерение [5]. В докладе предполагается оценить аргументы этой полемики и снова вернуться в свете этого обсуждения к значению диалога с русской культурой.

Литература:

1. Gadamer H.-G. Interview: The 1920s, the 1930s, and the Present: National Socialism, German History, and German Culture // Hans-Georg Gadamer on Education, Poetry, and History: Applied Hermeneutics. State University of New York Press, 1992. P.127.
2. Русские в Германии. Беседа с Хансом-Георгом Гадамером // Логос. Философско-литературный журнал. 1992/3. Москва: Гнозис 1992. С.228.
3. Там же.
4. Gadamer H.-G. Interview: The 1920s, the 1930s, and the Present: National Socialism, German History, and German Culture. P.155.
5. Sullivan R.R. Political Hermeneutics: The Early Thinking of Hans-Georg Gadamer, Penn State University Press, 1990.

Антипов Алексей Владимирович

к.филос.н., младший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

ДАТАФИКАЦИЯ И ЭТИКА НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА

Современность оперирует усложняющимися потоками данных и информации. В условиях, с одной стороны, появления сетевых технологий и способов сбора, хранения и распространения информации в никогда прежде не представляемых масштабах, а с другой стороны, изменения экономического контекста, связанного с активным распространением логики неолиберальных процессов, человек сталкивается с новыми затруднениями и проблемами. Датафикация описывается как практика, которая позволяет жизненные процессы представить в числовой и наглядной форме с целью их фиксации, изменения и контроля. Распространение мобильных носимых устройств позволяет автоматизировать указанную практику и сделать ее незаметной для пользователей. Однако осуществление сбора данных без прямого участия пользователей порождает не только юридические проблемы, но и затруднения, связанные с приватностью и информационной автономией.

Формирование надзорного капитализма, определяемого как экономическое положение, при котором человеческий опыт используется в качестве сырья для извлечения прибыли, выстраивается на возможности использовать собираемые данные для прогнозирования поведения человека, называемого датаизмом. Датаизм предполагает принятие двух предпосылок: онтологической (объективность количественной оценки) и эпистемологической (данные как сырье, анализ которого позволяет прогнозировать поведение). Датаизм концентрируется вокруг онлайн-активности, но общая метафора «добычи жизни» через данные и метаданные позволяет рассматривать датаизм в качестве перспективной объяснительной модели и для информации, собираемой с носимых устройств (смартфонов, умных часов, очков и т.д.).

В данном контексте актуализируется проблема сохранения человеком частного пространства, в котором он способен самостоятельно определять степень доступа к определенной информации. Это выражается в понятии «информационной автономии», которая предполагает контроль человека над тем, кому и какая информация будет раскрыта. Распространение надзорного капитализма и датаизма приводят к размыванию границ между частным и публичным, а также способствует тому, что контроль над цифровым следом сохранять все труднее не только вследствие глобальных масштабов сети, но и из-за скрытого действия многих механизмов сбора, хранения и распространения извлекаемых данных. Для сохранения частности и соблюдения информационной автономии в рамках законодательных инициатив, философской и этической рефлексии предлагается в качестве охранительного механизма использование «права на забвение», которое состоит в возможности личности самостоятельно определять границы допустимых вмешательств в формирование цифрового следа и сохранять контроль над передаваемой информацией и извлекаемыми данными.

Артемов Вячеслав Михайлович
д.филол.н., профессор

Московский государственный юридический университет им.О.Е. Кутафина
**НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В НЕСТАНДАРТНЫХ УСЛОВИЯХ**

Следует подчеркнуть особую роль и даже спасительный характер нравственной философии применительно к культуре и обществу в целом. В философии она так или иначе присутствует в качестве своего рода красной линии, пронизывающей как материализм, так и материализм; в известной мере соединяет их, создавая особое нейтральное поле доброй воли на теоретическом уровне. При этом, разумеется, речь не идёт о каком-либо принижении или, тем более, игнорировании других разделов философии, в том числе, философия права. Но и последняя, согласно В.С. Соловьёву, примыкает к этике или нравственной философии, особенно в прикладной ее части.

При этом право не может быть сведено только к минимуму нравственности, так как внутренне нуждается в постоянном усилении нравственности. Выступая основой права, нравственность, что называется, не имеет права быть слабой, зависимой. Отсюда – позиционируемая нами целенаправленная и глубокая нравственно-философская экспертиза права и не только. В конечном счёте, речь идёт о требовании самого общества, нуждающегося не просто в формально принятых законах, а в максимально взвешенном и этически обоснованном законодательстве, за которым будет следовать соответствующая корректная юридическая деятельность, которая не может быть замкнутой на самой себе. Единственная привилегия права – следить за обязательностью его исполнения для всех в равной мере. А что и как исполнять диктуют сами люди как люди и граждане. Потребности и интересы последних на теоретическом уровне изучают и представляют в социокультурной практике, прежде всего, философы и этики, специализирующиеся на всеобщем в мире, обществе и самом человеке.

Этико-философской активностью, безусловно, могут в определённой мере заниматься и сами юристы, если всерьёз овладевают соответствующей теоретической базой

(таким, к примеру, был А.Ф. Кони). При этом, как нравственность в социальной действительности всегда предшествовала и предшествует праву, так и этика в известном смысле первична в деле определения и позиционирования человеческого в человеке в контексте указанных выше потребностей и интересов. Налицо русло для целенаправленных поисков и легального восстановления справедливости, что, в свою очередь, определяет стержень миссии права как мощного и социально ответственного института.

Для осуществления этой миссии в полной мере («немножко справедливости»), наверное, не бывает: она либо есть, либо – нет), в конкретных месте и времени требуется достаточно хорошее знание реальности в самом широком смысле слова.

Разумеется, подобные ощущение и понимание имеют свои исторические и логические основания, взятые в их внутренней взаимосвязи. В этой связи важно подчеркнуть значимость и незаменимость диалектического принципа единства исторического и логического, о чём забывают или не ведают те, кому выгодно просто встать на чью-либо сторону и особо не обременять себя знаниями истории и теоретическими размышлениями. Но только они-то как раз и способствуют углублению в предмет, всестороннему пониманию ситуации в настоящий момент и на перспективу.

Но почему этого понимания зачастую не происходит? Думается здесь нужен ещё один методологически значимый момент. И на первый взгляд он далёк от теории и методологии как таковых. Речь идёт о тонких нравственных чувствах добра и справедливости, которые воспитываются и культивируются самими людьми как людьми. В рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций СОЦИОПРАВО Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Артёмов Георгий Петрович
д.филол.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦЕННОСТНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Доклад посвящен анализу взаимосвязи ценностных приоритетов и нравственной культуры. Ценности рассматриваются как устойчивые убеждения человека в приоритетности одних жизненных целей перед другими, противоположными жизненными целями. Нравственная культура определяется как система межличностных установок, позволяющих поддерживать отношения взаимного доверия, взаимного уважения и взаимопомощи между людьми. При изучении этой взаимосвязи используется эволюционная теория модернизации Р. Инглхарта. Согласно этой теории, в процессе перехода от аграрной стадии к индустриальной (первичной модернизации) вместо традиционной системы ценностей формируется противоположная ей секулярно-рациональная система ценностей. В процессе перехода от индустриальной стадии к постиндустриальной (вторичной модернизации) вместо системы ценностей выживания формируется противоположная ей система ценностей самовыражения. Существование этих систем ценностей порождает поляризацию ориентаций на жизненные цели.

Первичная и вторичная модернизация сопровождается переходом от традиционной морали к рациональной морали (А.А. Гусейнов), а от рациональной морали к пострациональной морали (В.И. Бакштановский). В докладе утверждается, что этим историческим типам морали соответствуют определенные типы нравственной культуры: традиционной морали соответствует культура подражания, рациональной морали – культура подчинения, пострациональной морали – культура понимания.

Согласно данным «Обзорного доклада: модернизация в мире и Китае» (2011), все страны мира находятся на различных этапах первичной и вторичной модернизации. Это позволяет предположить, что в каждой стране в определенной степени представлены перечисленные выше типы ценностей и нравственной культуры.

Для анализа взаимосвязи типов ориентации на противоположные жизненные цели и типов нравственной культуры в докладе используются базы данных Всемирного исследования ценностей (1981-2020 гг.). На основе обобщения этих данных на межличност-

ном и межстрановом уровне можно утверждать, что структура нравственных установок, характерных для различных типов нравственной культуры, зависит от структуры ориентации на противоположные жизненные цели. Преобладание ориентации на определенные жизненные цели обеспечивает поддержание отношений взаимного доверия, взаимного уважения и взаимной помощи в условиях преобладания отдельных типов нравственной культуры на различных этапах первичной и вторичной модернизации.

Байрон Александр Александрович
к. филос. н., старший преподаватель

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ЗНАНИЯ

В настоящее время распространена точка зрения, что знание и нравственность – это две области, принципиально различные, несопоставимые и никак не связанные друг с другом. Такое мнение приходится слышать не только от тех, кто не сведущ в философии, но и от солидных людей с учёной степенью. На наш же взгляд, эта позиция неверна, поскольку можно назвать как минимум 5 «точек», в которых знание соприкасается со сферой нравственности.

1) Нормы и ценности морали как предмет знания. Моральный субъект должен знать, «что я должен делать». Ещё Сократ высказывал положение о тождестве между добродетелью и знанием, справедливо говоря, что человек будет правильно поступать, если он знает, как правильно поступать. И с этим нельзя не согласиться. Действительно, если мы знаем, что $2 \times 2 = 4$, то невозможно себе представить, чтобы в каких-то практических жизненных случаях, когда нам надо произвести расчёты, у нас в результате умножения 2-х на 2 получалось бы не 4, а 3, 5 или какое-то другое число. Конечно, помимо голоса разума, есть и другие «стимулы», влияющие на наше поведение. Однако там, где человек строго убеждён, что поступать надо так, а не иначе, едва ли он решится на противоморальный поступок.

2) Проблема доверия в коллективном знании (т. е., прежде всего, в науке). Ни для кого не секрет, что знание как таковое, «чистое» знание, встречается в нашей жизни крайне редко, особенно если речь идёт о научном знании, существующем как общее достояние всего человечества. Ученики в школе, студенты в ВУЗе не проверяют знания, сообщаемые им преподавателем (например, что существует континент Австралия или что сила тока равна напряжению, делённому на сопротивление) – им этого и в голову не приходит. Но даже учёные в большинстве случаев не делают повторной проверки достижений своих предшественников.

3) «Знание надмевает» (1 Кор. 8, 1). Именно этими словами апостола Павла, на наш взгляд, лучше всего обозначить ту проблему, о которой идёт речь. Нет сомнений, что человек, который знает о чём бы то ни было больше других (и знает, что он больше них об этом знает), может «возмечтать о себе высоко», иными словами, возгордиться своим знанием.

4) Проблема ответственности (того, кто даёт знание и того, кто его получает). Данная проблема имеет место, во-первых, в педагогической этике; во-вторых, речь идёт об учёных, сделавших какое-либо научное открытие, способное серьёзно изменить жизнь человечества (атомная бомба, интернет, клонирование и т. п.) и стоящих перед дилеммой: сообщать или не сообщать о данном открытии обществу.

5) Растлевающее знание, «знание художого» (Сир. 19, 19), т. е. преждевременное или этически недопустимое знание. Речь идёт о том, что, например, ребёнку рано знать о некоторых сторонах взаимоотношений между мужчиной и женщиной, тем более, если такое знание будет подано в вульгарной и натуралистичной форме. Данное знание недопустимо, оно разрушает психику, может склонять человека к противоморальному образу поведения. Свобода же от этого знания делает возможным (или, по крайней мере, более успешным) нравственное развитие человека.

Итак, можно назвать по крайней мере 5 «точек соприкосновения», общих сфер, где знание «пересекается» с областью нравственности. А стало быть, позиция, согласно которой они не имеют между собой ничего общего, должна быть признана неверной и ошибочной.

Банина Ярослава Вадимовна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ВОЙН: ВЗГЛЯД В.С. СОЛОВЬЕВА

В XXI веке в мире значительно возросло количество вооруженных конфликтов разного уровня и масштаба. На современном этапе изменились сами предпосылки и причины, приводящие к войнам, но, тем не менее, некоторые их аспекты, в первую очередь, антропологические и этические, сохраняют свою преемственность с традициями прошлого тяжелого опыта человечества в этой области. В связи с этим крайне важно обращаться к политическому наследию мыслителей-соотечественников, которые давали оценку феномену войны, как с этической, так и с политической и исторической точки зрения.

Владимир Сергеевич Соловьев, выдающийся русский религиозный мыслитель, в своем фундаментальном философско-этическом труде «Оправдание добра» посвящает целую главу различным аспектам, связанным с войной или «международной враждой», которую определяет как «хроническую болезнь человечества». При этом автор рассматривает не только проблему нравственного смысла войны, но и дает оценку ее роли в истории человечества, отвечая на вопросы о том, какой цели служит война, в чем ее смысл, при соблюдении каких требований она является оправданной и допустимой. Русский философ рассуждает о природе добра и зла в контексте применения военной силы, а также об историческом и культурном значении войны.

С нравственной точки зрения война, безусловно, есть зло. Однако само понятие «зла» имеет несколько граней и может быть абсолютным или относительным. Таким образом, В.С. Соловьев отмечает, что понятие войны, ее смысл, нельзя свести к ее определению лишь как зла и бедствия, поскольку существуют условия, которые делают войну не просто допустимой, но в ряде случаев даже обязательной. Он также отмечает, что ведение войны может рассматриваться как первый шаг к осуществлению мира, поскольку каждое завоевание позволяет расширить ту территорию, на которой война перестает быть оправданной и допустимой, а конфликты на этой территории начинают рассматриваться как междоусобицы. Рассматривая проблему войны с позиции лично-нравственного отношения человека к войне и военной службе, В.С. Соловьев подводит к мысли о том, что исполнение гражданином обязанности участвовать в защите своей страны, своего отечества, имеет не только правовую, но и этическую природу.

Беляева Елена Валериевна
д. филос. н., профессор

Белорусский государственный университет

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА ЦЕННОСТЕЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Под этикой ответственности понимается специфический тип теории морали (в отличие от этики ценностей и этики долга), который сформировался во второй половине XX в. Этика ответственности представлена в работах таких философов, как Ж.-П. Сартр, М.М. Бахтин, Г. Йонас, Э. Левинас, П. Рикёр, Ж.-Л. Нанси, Ю. Хабермас и др., которых можно отнести к широко понимаемой феноменологической стратегии философствования. В этической перспективе важны такие особенности феноменологического подхода, как внимание к фигуре субъекта и его жизненному миру; конституирование фигуры Другого, кто дан нам не теоретически, а в непосредственном опыте встречи; введение в процесс познания ценностных аспектов; понимание онтологии

как онтологии субъекта, в результате чего этика (как важнейшее проявление субъектности) оказывается не разделом философии, а центром философствования. Если субъект изначально существует внутри жизненного мира, который он непосредственно переживает и мыслит «от первого лица», то он выступает детерминантой событий этого мира, несет полную ответственность за свой неуниверсализуемый опыт и нравственные способы взаимодействия с Другим. Феноменологическая установка стала методологической предпосылкой нового использования категории ответственности и формирования на этой основе феноменологической этики ответственности.

Между тем, философы-феноменологи первой половины XX в. (М. Шелер, Н. Гартман, Д. Гильдебранд) совершенно сознательно строили «этику ценностей», полагая феноменологический подход наиболее адекватным для раскрытия их природы. Возникает вопрос: какие изменения спровоцировали переход феноменологически ориентированных философов от этики ценностей к этике ответственности?

К социально-историческим предпосылкам таких перемен относится глобализация мира, формирование плюралистического, текучего общества риска, в котором обоснование устойчивой иерархии ценностей стало, с одной стороны, теоретически затруднительным, а с другой – слабо помогающим субъекту организовать свою переменичивую жизнь как правильную (этичную).

Другой фактор изменений в этике – это эволюция самой феноменологии. Ранние феноменологи – ученики и последователи Гуссерля – были собственно феноменологами, т.е. находили и исследовали структуры сознания, не затрагивая их причин и оснований. Впоследствии феноменология стала пониматься очень широко, и ее приверженцы стали пользоваться феноменологической установкой для того, чтобы решать по большей части экзистенциальные проблемы. Такое расширение проблематики позволило им не только увидеть множество феноменов, но и понять ответственность как способ работы с ними.

Влияние наследия Гуссерля на ранних феноменологов состояло, в частности, в том, что в философском размышлении познавательные проблемы предшествовали этическим, а этические трактовались как познавательные: познание ценностей в актах предпочтения мыслилось как залог нравственной жизни. В то время как феноменологи второй половины XX века сразу ставят в центр рассмотрения непознавательное, практическое взаимодействие и с миром, и с Другим.

Ранняя феноменология и её этика ценностей сохраняет метафизический характер, отчасти потому, что М. Шелер, Н. Гартман и Д. Гильдебранд, развивали философию в контексте католицизма и рассматривали Бога как фундаментальное метафизическое основание своей этики. Феноменология же в лице Ж.-П. Сартра, П. Рикёра и других неметафизична, в их этике нравственная ответственность не опирается на метафизические предпосылки, постигается в общении с конкретным Другим.

Наконец, характерное для феноменологии сближение этики и онтологии может иметь различные категориальные следствия. Ранние феноменологи разрабатывают онтологию ценностей, которую субъект выявляет в феноменологических актах. В этике же ответственности рассматривается онтология самого субъекта, способ быть которого суть ответственность.

В результате на протяжении XX в. происходит переход от феноменологической этики ценностей к феноменологической этике ответственности.

ГПНИ №ГР 20212272 «Молодежь как субъект нравственной ответственности в цифровой среде»

Борзенков Николай Иванович

к. филос. н., доцент

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва

НРАВСТВЕННОСТЬ ВОЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

Роль личности, личностных качеств военного руководителя в управлении войсками была и остается в центре внимания военно-философских, психологических, этических исследований.

Уже в «Законах Ману», в сочинениях Сунь Цзы и других теоретиков древнего мира были предположения о значении моральных сил в войне и главное место отводилось полководцу, который характеризовался как вершитель судеб войны.

Гегель высказал мысль о роли морального духа полководцев и солдат в войне, о заваемости военной организации от внутреннего строя государства.

Древнегреческий философ Демокрит рассматривает нравственные качества, которые должны присутствовать у начальника, военного руководителя. «Тяжело находиться в повиновении у худшего». «По своей природе управлять свойственно лучшему».

Величайший мыслитель античности Аристотель касается тех нравственных качеств, которые должны быть у правителей, начальников стражей. Философ уверен, что нельзя стать хорошим правителем, руководителем, не научившись науке повиновения. «Кто хочет прекрасно повелевать, должен научиться повиноваться». Причем начальник должен быть «воздержанным и справедливым», он «должен обладать нравственной добродетелью по всей полноте», ибо личность, сама не являющаяся примером, не может потребовать соблюдения этого от других.

Плутарх, описывая спартаковское восстание, характеризует его нравственные качества как руководителя, особенно обращал внимание на такие его качества, как «большая смелость», «ум и гуманность».

Французские материалисты считали, что путь к миру возможен только через «разумное управление просвещенного правителя».

Все эти суждения свидетельствуют о том, что нравственные качества личности военного руководителя всегда были в центре внимания мыслителей.

С формированием регулярной армии в России создаются условия для дальнейшего развития военно-философской мысли, ее этической.

Средством для воспитания высоких нравственных начал в русской армии, по мнению Петра I, являлись дисциплина, требование от офицеров твердого характера, сознательного отношения к своему долгу, личный пример служения отечеству.

В 18-19 веках на страницах военной печати обсуждались военно-этические вопросы. Например, в 1857 году «Военный сборник» опубликовал «Заметки об общих военных принципах», в которых вопросы чести занимали едва ли не главное место.

Подчеркивалось, что «офицер должен воздерживаться от всяких увлечений и всех действий, могущих бросить хотя бы малейшую тень на его личную честь, а тем более на честь корпуса офицеров. Слово офицера должно быть залогом правды и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства – пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, бесчестят его звание и не могут быть терпимыми».

Важнейшими доблестями офицерского звания в военно-этических взглядах России считались: верность, непоколебимое мужество; непреклонная решимость; повиновение; безупречная правдивость; безусловное сохранение служебной тайны; полная готовность жертвовать собой для исполнения своего долга.

Современная военно-этическая отечественная мысль основывается на этических традициях Российской армии. Нравственные качества, профессионально необходимые офицеру-руководителю классифицируются по следующим основаниям: а) по отношению к Родине; б) по отношению к людям (в том числе и самому себе); в) по отношению к ратному труду.

Наиболее важными нравственными качествами командира – субъекта управления являются:

- верность воинскому долгу;
- личная дисциплинированность;
- честность и правдивость;
- справедливость;
- компетентность и профессионализм;
- забота о людях, доброжелательность и уважительность;
- тактичность и толерантность;
- коммуникабельность, склонность к общению;
- ответственность.

Пути формирования моральных качеств руководителя:

1. Постоянный моральный самоконтроль.
2. Изучение воинской этики.
3. Утверждение культа нравственности в обществе и армии.
4. Принятие кодекса чести офицера.
5. Усиление роли коллектива в моральном развитии личности офицера.
6. Моральное стимулирование.

На успех в управленческой деятельности может рассчитывать только тот офицер, который обладает указанными качествами и постоянно заботится об их совершенствовании и развитии исходя из веления времени и требования обстановки.

Бородин Максимилиан Евгеньевич
обучающийся магистратуры

Ленинградский государственный университет им.А.С.Пушкина
**НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЭТИКИ
ВО ВСЕ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Проблема большинства современных этических теорий заключается в том, что при их разработке в основном уделяется внимание идеалам, ценностям, предписаниям и причинам, но не учитывается внутренний контекст, то есть мотивация. В этических теориях моделируются ситуации, в которых моральный агент исходит из каких угодно внешних факторов, но только не из собственных причин.

Любое высказывание или действие, рассматриваемое под этическим углом, является в первую очередь мотивированным внутренними резонансами агента. Мотивация в таких условиях может вносить изменения в смысл сказанного, порождая различие между его значением и употреблением, то есть шизофрению. Устранить заблуждения по поводу высказывания может помочь прояснение ценностей, идеалов, мировоззрения автора высказывания, а также социально-исторического контекста, в рамках которого оно произнесено.

Другой существенной проблемой современной этики, будь то деонтологическая этика или утилитаризм, является ее вездесущее желание рационально истолковать действия агента, что является наследием мысли Просвещения, и следующее из этого игнорирование того факта, что сфера этического в рационализации не нуждается, более того чаще происходят ситуации, когда агент действует полностью контринтуитивно.

Контринтуитивными и нелогичными, слова и действия агента в рамках современной этики выглядят по причине универсальной трактовки того, что правильно, где чаще всего какая-либо общечеловеческая ценность, возведенная в абсолют, установлена подменить собой живую детерминацию человеческих отношений. Причиной такого положения дел, в свою очередь, являются заблуждения человека в ошибочных представлениях о самом себе, в частности, представлении о всеобщей одинаковости, что является следствием материализации этики в Новое время.

Проблема деонтологической этики заключается в провале рационального обоснования морали. Проблема утилитарной этики в биологическом представлении о человеке и подмене блага культом полезности. Проблема этики добродетели в том, что естественные сообщества разрушены в ходе модернизации и технизации, а культура универсализована.

Помимо того, что этические учения современности являются обрывками теорий прошлого, дожившими до наших дней во фрагментированном состоянии и оторванными от их исторического контекста, они не выполнили предназначавшихся им функций и в свое историческое время, потому необходимо их обличение и деконструкция, чему должно предшествовать формирование отвечающей современности антропологии и онтологии.

Бродский Александр Иосифович
д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

НОВАЯ ТЕОРИЯ СИНДЕРЕЗИСА.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И МОРАЛЬЮ

Соотношение морали и идеологии – одна из наиболее сложных и нерешенных проблем этики. Дело в том, что мораль и идеологии имеют дело с одним и тем же «материалом»: ценностями и нормами (т. е. требованиями общего характера, долженствованием). Отделить в содержательном плане, какие ценности и нормы являются моральными, а какие идеологическими, представляется крайне трудным. Поэтому были и есть теоретики, которые считают мораль частью идеологии или полностью отождествляют эти формы сознания. Были и есть теоретики, которые считают мораль независимым или даже противостоящим идеологиям способом взаимодействия человека с миром.

Автор доклада считает, что различие морали и идеологии можно провести только на уровне их генеалогии: если идеология является социокультурным продуктом, то мораль коренится в природе человека, в «нравственных интуициях», которые средневековая схоластическая философия называла синдerezисом. В современной этике синдerezис можно отождествить с нейрофизиологическими предпосылками морали.

Противники такого подхода утверждают, что, во-первых, он исключает свободу воли, во-вторых, никак не объясняет содержание моральных ценностей и норм. Автор статьи подвергает критике эти утверждения и предлагает свою оригинальную теорию синдerezиса. В статье проводится аналогия между этикой и интуиционистской математикой, которая рассматривает математические объекты в качестве результатов интеллектуального конструирования, опирающегося на исходные интуиции. Этические объекты также следует рассматривать как конструкции, в основе которых лежат врожденные интуиции. Моральные интуиции не исключают свободы воли, так как они опираются на заложенную в нашу природу рациональность, основным свойством которой является способность принимать решения независимо от внешних стимулов и внутренних состояний. Кроме того, эти интуиции влияют на содержание наших норм, так как являются «операторами» их конструирования и входят в «конечный продукт».

РФФИ №20-011-00124: «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Будаев Даниил Артемьевич
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗРАБОТКА ВИДЕО ИГР: ЭТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ

Игровая индустрия сегодня является одной из самых быстроразвивающихся сфер мировой экономики. Вопрос этики в данной сфере поздно или рано, но должен был появиться, что мы в принципе и наблюдаем; однако нынешняя полемика крутится либо вокруг конечного продукта (самих игр), либо вокруг скандалов внутри команды разработчиков. Попыток же рассмотреть сам акт создания игры с точки зрения ценностных составляющих, попыток нащупать мировоззренческую парадигму разработчиков из тех или иных стран, – не наблюдалось.

Попробуем же сравнить два подхода к труду, – Западного (в частности, американского) и стран СНГ (в частности, российского), и проследить, как проявляются паттерны русского отношения к труду.

В целом, американский, протестантский подход к труду, ёмко описывается цитатой М. Вебера: «Если ты успешен, значит Бог тебя любит». От этого тезиса выстраивается вся концепция американского образа труда, которую можно структурировать в виде трех тезисов:

– монотонно-размеренный труд (чем усерднее ты трудишься, тем выше твой шанс на успех);

– оптимизм (твое благополучие, счастье, в твоих руках и зависит от твоего усердия);

– индивидуализм (раз все зависит от тебя, ты являешься себя главная ценность).

Русский же подход к труду, выглядит несколько иначе. Успешность «в миру» догматически никогда не связывалась с успехом «на небе», божественное оставалось зоной сакрального. Человек всегда «под Богом ходит». Из этой некоторой инертности человека, закономерно следует следующая цепочка:

– работа и отдых «большими интервалами» (здесь можно вспомнить известный былинный сюжет с Ильей Муромцем, лежавшим на печи тридцать лет и три года);

– стойкость (неурядицу нужно вытерпеть, как испытание. Настигнутый неудачей достоин сострадания);

– коллективность (потенциал человека целиком и полностью раскрывается в коллективе и для коллектива).

Хотя разработка игры – в корне западный бизнес, где основной стержень любого проекта, это его изначальная направленность на определенную целевую аудиторию, эта модель была подвергнута некоторой адаптации. Разработка игры – сугубо коллективный процесс, однако коллективность эта понимается по-разному.

Коллективизм. В западных студиях на каждого члена команды возлагается огромная нагрузка как на специалиста, команда – это объединение индивидуальностей. В России же профессиональный навык не настолько важен, как коммуникабельные качества человека; команда – это рабочая артель, где недостающим навыкам тебя научат.

Сфера обязанностей. В больших западных компаниях существует довольно ощутимая тенденция к строгой регламентации обязанностей. В тоже время в СНГ сегменте (возможно, в силу небольшого количества тех самых компаний), один и тот же человек вынужден совмещать разные специальности.

Темп работы. В западных компаниях в последнее время культивируется идея отказа от аврального режима работы, т.н. «кранчей», как вредных для физического и психического здоровья сотрудников. В России же, хотя подобная дискуссия и существует, подобных шагов пока что не наблюдается.

Впрочем, осмысливая все выше сказанное стоит держать в голове что западная индустрия создания видеоигр более развита, нежели в странах СНГ и при желании некоторые вышеописанные аспекты «самобытности» можно объяснить некоторой вторичностью СНГ сегмента по отношению к западному.

Буцукина Марта Владимировна
магистр философии, менеджер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ЭСКАПИЗМ: БЕГСТВО ОТ РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ ПОИСК СЕБЯ?

В докладе приводится анализ феномена экзистенциального эскапизма: его социально-культурные предпосылки, специфика проявления, а также роль в процессе самоидентификации личности. Анализ производится в контексте современной социокультурной ситуации, в которой наблюдается интенсивная сменяемость парадигм, связанных уже не только с понятием глобализации, но и дезинтеграции в политической, экономической и духовной сфере жизни.

Дробление общества на множество групп, с противоречащими друг другу ценностями и смыслами, постоянно меняющийся мир и огромный поток информации приводит к тому, что человек не может адаптироваться к постоянным изменениям, что приводит к трудностям не только в социализации и взаимодействии человека с обществом, но и к проблеме самоидентификации личности.

Эскапизм означает уход или побег от реальности, от окружающего индивида социума, от самого бытия. Обычно эскапизм понимается как уход от рутины и скуки, но так же может рассматриваться как феномен ухода от неидеального, неустойчивого и противоречивого социального бытия.

Попытки утнаться за изменениями, осмыслить глубину социальных и политических потрясений нынешнего общества, состояние постоянного напряжения влечёт за собой моральное и эмоциональное истощение. Столкновения с враждебным социумом, который становится непригодным для реализации потребностей человека, приводит к состоянию фрустрации.

Экзистенциальный эскапизм проявляется как внутренняя эмиграция из проблемной реальности в ту, что кажется наиболее пригодной и адекватной для существования. Можно сказать, что рост эскапизма приходится на переломные периоды исторического развития, сопровождающиеся моральным упадком общества. Внутренняя эмиграция выступает так же в качестве альтернативы физической эмиграции, она вполне может являться политическим протестом и выражением непричастности в жизни государства.

Отчуждение от реального, подлинного бытия, где присутствуют неразрешённые конфликты, в неподлинную реальность может привести к конечной точке эскапизма – самоубийству. Существование буквально означает, что некоторая сущность есть, раскрывает свое существование, что она реальна. Человек, лишенный надежды и сознающий себя таковым перестаёт принадлежать будущему, когда стремится убежать от реальности во всякого рода суррогаты.

Однако экзистенциальный эскапизм может рассматриваться не только как побег от реальности и ответственности. Эскапизм представляет собой так же творческий акт, созидательную активность, которая даёт человеку самореализации в той форме, в которой не предоставляется такой возможности в повседневной жизни. Эскапическое сознание присуще противоречивой и многогранной сущности человека, стремящегося к свободе и самореализации. Человек уходит в изоляцию из-за сложившейся социальной реальности, противопоставляя ей собственный мир творчества и свободы.

Бытдаева Алина Хасанбиевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Этимология слова «добросовестный» приводит нас к понятию «доброй совести», встречающемуся в правовых текстах дореволюционного периода, которое соответствует латинскому юридическому термину *bona fides*. *Bona fides* (Бо́ на фí дес) – юридическое понятие, означающее «честные средства», «добрые услуги», «добросовестность», которое выражает нравственную честность, веру в правдивость или ложность суждения или сущности мнения, или относительно прямоты или порочности линии поведения.

В содержание понятия добросовестности с этической точки зрения входят такие компоненты, как справедливость, ответственность, честность, моральный долг. Добросовестность определяется как оценочное понятие, в первую очередь рассматриваемое как этическая, философская категория, что свидетельствует о том, что оно имеет не только правовое, но и нравственное значение.

Мы можем определить добросовестного человека как того, который совершая любые действия, руководствуется своей системой моральных ценностей.

Существует множество определений данных ученых правоведами, что дает нам возможность охарактеризовать добросовестность, как моральную категорию и как правовой принцип.

Обратимся к философским концепциям таких философов как Аристотель и Кант для выделения нового подхода к пониманию категории добросовестности посредством историко-философского анализа.

Согласно Аристотелю, правосудный человек склонен действовать справедливо, а несправедливый – несправедливо. Мы можем сопоставить аристотелевскую «правосудность» с концептом добросовестности, так как, как мы выяснили, что одним из основных компонентов добросовестности является справедливость.

Иммануил Кант проблематизировал различие между легальностью и моральностью поступка, чем способствовал выявлению этического аспекта в правовой сфере. Добросовестность, согласно концепции Канта, представляет собой совершение поступков, которые не только внешне соответствуют букве закона, но и внутренне – по своим мотивам; человек должен считать этот поступок своим моральным долгом, который он совершает без каких-то личных выгод и целей.

Подводя итоги, можно сказать о том, что отсутствие четкого определения дает нам осложнения для раскрытия понятия добросовестности в моральной сфере, однако анализ определения этого понятия, а также историко-философский анализ концепций Канта и Аристотеля дает нам сделать выводы о том, что добросовестность – этическая оценочная категория, которую можно определить как нравственное качество, характеризующееся честностью, справедливостью, ответственностью и надлежащим выполнением своих обязанностей.

Венгура Данила Сергеевич
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ КВЕНТИНА МЕЙЯСУ

В рамках доклада предпринимается попытка рассмотреть философию Квентина Мейясу в контексте постсекулярного дискурса. Дается краткое введение в проблематику постсекулярности на основе работ Д. Узланера, А. Кырлежева, Д. Жанико и других исследователей. Анализируется разрабатываемая Мейясу в трудах «После конечности» и «Дилемме призрака» философия религии в ее связи с проблемами постсекуляризма. Так, анти-фидеистская топика второй главы «После конечности» интерпретируется в духе возражения Хабермаса и его апологии строгого разведения сфер веры и знания. описы-

ваемая же в «Дилемме призрака» дивинология – теология «божественного несуществования» – трактуется как свидетельство несомненной причастности Мейясу к философам «аутомутации» (Смит, Уистлер). Исходя из такого прочтения спекулятивного материализма демонстрируется актуальность предлагаемых Мейясу решений в качестве возможного ответа на вызовы современного общества. На основании проведенного анализа в докладе вводится оригинальная классификация участников современного дискурса о постсекуляризме, что помогает прояснить сущность постсекулярности как таковой, избегающей точного терминологического аппарата и оценочных характеристик.

Литература:

1. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2018. Т.36. №4. С.143–174.
2. Кучинов Е.В. *Fictio Audaciae*: по ту сторону самосохранения Просвещения // Логос. 2019. Т.29. №4 (131). С.109–128.
3. Кырлежев А.И. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. №3. С.100–106.
4. Мейясу К. Дилемма призрака // Логос. 2013. №2 (92). С.70–80.
5. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой, науч. ред. П. Хановой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2017.
6. Смирнов И.И. Критика метафизики и постсекулярная парадигма // Философия и культура. 2018. №8. С.1–13.
7. Узланер Д.А. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. №3 (82). С.3–32.
8. Хабермас Ю. Вера и знание // Ю. Хабермас. Будущее человеческой природы. М.: «Весь Мир», 2002.
9. Berger P. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids, MI: Ethics and Policy Center, 1999.
10. Janicaud D. *Le Tournant théologique de la phénoménologie française*. Combas: Éd. De l'Éclat, 1991.
11. Smith A.P., Whistler D. What is continental philosophy of religion now? // *After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion* (ed. A.P. Smith, D. Whistler). Cambridge Scholars Publishing, 2010.

Власова Наталья Владимировна

к. филос. н., аналитик

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА:
К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ**

Российское общество в настоящее время находится перед лицом глобального вызова, который связан с определением своего пути в трансформирующемся мире в геополитическом, экономическом и социальном планах. Для того, чтобы ответить на этот вызов необходимо сформулировать собственные ценностные ориентиры и основания, которые будут способствовать консолидации российского общества. Ведь без очерчивания собственных границ, выявления основных ценностей невозможно говорить о государственном суверенитете, достигать своих целей во внешнем мире. Этот вопрос тесно связан с дискурсом о российской идентичности, который становится особенно актуальным.

Многие современные исследователи (например, Н.В. Александрова, Т.Н. Гелла и др.), подчеркивают, что в современном российском обществе нет достаточно артикулируемых базовых ценностей, которые бы способствовали консолидации общества, а современная российская идентичность недостаточно сформирована. Во многом, ценности современной России, начиная с 1990-х гг., были основаны на западной либеральной идеологии, а недавний провозглашенный разворот к традиционным ценностям, так и остался недостаточно сформулирован и осмыслен. Либерализму присущ ценностный релятивизм, который привел к размытости понятий добра и зла, нрав-

ственных норм, сделав ценностным критерием личное удобство, а также стимулировал рост потребностей и желание их обязательного удовлетворения, что по сути является пропагандой эгоизма, который по своей природе не может лежать в основании социума, так как общество неизбежно ограничивает личные потребности ради общего блага. При этом, попытка консолидировать общество, опираясь на традиционные ценности, также пока не принесла ожидаемого результата, скорее всего, вследствие того, что сами эти ценности были недостаточно обозначены и мало представлены в информационном пространстве, которое в основном транслирует ценности общества потребления (реклама и проч.). Фактически в современном российском обществе мы наблюдаем все тот же раскол на приверженцев западных либеральных ценностей и на тех, кто обращается к историческим ценностям российской цивилизации. Это находит отражение в трудах исследователей современной российской идентичности (А.С. Ахизер, Т.Н. Гелла, С.Г. Кара-Мурза, С.В. Патрушев, И.С. Семенов, А.Д. Хлопин и др.). Если рассматривать период до распада СССР, то ценности советского периода были ближе к традиционным ценностям и противопоставлялись западным ценностям потребления. Поиск новых ценностных оснований российской идентичности – это во многом этическая задача, успешное решение которой должно способствовать будущему развитию российской цивилизации. В своих поисках и размышлениях мы можем многое почерпнуть в трудах мыслителей и философов, творивших в начале XX века, многие из которых, высланные на «философском пароходе» в Европу, продолжали размышлять и писать о России и ее судьбе.

Перед лицом глобального вызова народы России в очередной раз должны провести границы, чтобы упорядочить свой мир, ответить на вопрос о благе для российского общества, преодолеть кризис доверия и ценностный раскол. Тогда будет возможно выстраивание успешной политики, как во внешнем мире, так и внутри государства.

Волкова Влада Алексеевна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

ОТВЕТ БУДДИЗМА НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В ОТНОШЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ МЕТОДОВ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

С самого начала своего существования буддизм является практико-ориентированным учением: многочисленными проповеди Будды объединяет одна фундаментальная цель – увеличение благополучия всех живых существ. Когда последователи Будды сталкивались с моральными дилеммами, Будда был готов учить и направлять их. Как в прошлом, так и сегодня, тот, кто принимает учение Будды, следуя примеру основателя буддизма, не может уклоняться от столкновения с «мирскими» проблемами [5, с.12].

В 20 веке происходит расцвет буддийской этики и формирование отдельной дисциплины буддийских этических исследований. В Азии, как ответ на вызовы колониализма, секуляризации и, вероятно, в первую очередь Вьетнамской войны, появляется движение вовлеченного буддизма (engaged Buddhism), которое затем распространяется на Запад. Вовлеченные буддисты стремятся взглянуть на проблемы в глобальном масштабе, фокусируясь на страданиях, порождаемых несправедливыми структурами и системами [2, с.1]. Кроме того, в 20 веке на Западе появляются явные формы «мирского буддизма», где центральное место занимает стремление жить, согласно этическим положениям дхармы. Более того, члены буддийских сообществ готовы не только следовать древним предписаниям, но также критиковать и реформировать те представления буддизма, которые кажутся им устаревшими или ошибочными.

Не только практикующие буддисты – монахи или миряне, – но и исследователи, занимающиеся буддизмом, озабочены вызовами современного общества. Многочисленные авторы на основании буддийских источников пытаются осмыслить такие про-

блемы, как права человека, права женщин, права животных, экологическую этику, войну, насилие, карательное правосудие и многие другие вопросы.

Мой доклад будет посвящен тому, что буддийское учение говорит о насилии: когда уместно применять насилие, если уместно вообще? Одно из основополагающих учений буддизма – принцип воздержания от причинения вреда живым существам (ahimsā). Если человек является последовательным буддистом, как он может оправдать военный конфликт или принять в нем участие? Почему буддисты, например, Далай-лама, могут есть мясо? И как быть с преступниками и людьми, нуждающимися в наказании или перевоспитании?

Многие исследователи сходятся в том, что существует некоторое несоответствие между нормативными требованиями буддизма и его более прагматичным подходом к насилию. Некоторые же исследователи утверждают, что буддизм последователен в своих положениях, поскольку не любое насильственное действие подрывает фундаментальное этическое требование буддизма – действовать в отношении живых существ с состраданием (karuṇā) и беспристрастностью (upekṣā) [4, с.212]. В своем докладе я постараюсь дать общую рамку буддийского взгляда на насилие и затронуть такие темы, как отношение буддистов к применению насилия на войне, в отношении животных и в целях наказания.

Литература:

1. Chiew H.H., Pierce P. Buddhism and violence. – Nepal: Lumbini International Research Institute, 2006.
2. Gethin R. Can Killing a Living Being Ever Be an Act of Compassion? The analysis of the act of killing in the Abhidhamma and Pali // Journal of Buddhist Ethics. 2004, Vol.11, pp. 167-202.
3. Gleig A. Engaged Buddhism // Oxford Research Encyclopedia of Religion, 2021.
4. Jerryson M., Juergensmeyer M. (ed.). Buddhist warfare. – New York: Oxford University Press, 2010.
5. Keown D. Contemporary Buddhist Ethics. – Richmond, Surrey: Routledge, 2000.

Володько Артем Владимирович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»

Школьный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) был введен в качестве обязательного предмета начального образования 10 лет назад, в 2012 году. Однако, эта дисциплина еще на моменте проектирования был предметом множества споров и обсуждений. Чем же были вызван такой ажиотаж по поводу школьного предмета, на который тратится всего 34 часа в год, то есть по одному уроку в неделю?

Мнения о необходимости введения курса религиозного образования впервые обозначались еще в середине 90-х годов. Заказ на эту педагогическую новацию был сформулирован, главным образом, Русской православной церковью, но слишком альтернативы на декабрьской (2007 г.) статусной конференции в г. Калуге была представлена новая концепция предлагаемой дисциплины, основным изменением которой стало преобразование ОПК («Основы православной культуры») в ОРКСЭ – предмет, состоящий из элективных модулей. Мотивированные родители могут выбрать модуль, посвященный изучению одной из религий России (Православия, Ислама, Буддизма или Иудаизма), немотивированные же могут выбрать «светский» модуль – «Основы светской этики».

После 10 лет апробации данного курса было отмечено множество до сегодняшнего дня не решенных проблем. В числе наиболее острых и обсуждаемых можно отметить следующие, имеющие, в том числе, моральное содержание:

- 1). Наполненность курса разнообразными абстрактными понятиями и категориями делающими ОРКСЭ весьма интеллектуально затратным предметом для учеников;
- 2). Несоответствие закономерностям нравственному развитию детей младшего школьного возраста;
- 3). Отсутствие необходимой кадровой подготовки учителей и увеличение их рабочей нагрузки;
- 4). Акцентуализация курса на одни конфессии и игнорирование других (например, в христианском курсе рассматривается только православие, в исламском – суннизм, в буддизме – происходит игнорирование хинаянских конфессий).

Помимо выделенных проблем нас интересуют проблемы последнего, светского модуля. Само название электива «Основы светской этики» отсылает нас к некоей формальной, нормативной, нерелигиозной этике. Проблемы здесь возникают от широты термина и необходимости установления источника её авторитетности. Наконец, переходя от частных проблем к общим, доклад нацелен ответить на возникающие вопросы: а что, собственно, стало основанием для введения подобного предмета? Морально ли изначально стремление государственных институтов образования к включению «нравственности» в качестве рядового школьного предмета? Действительно ли существует «живая» потребность в перемещении области нравственного воспитания в школы, или же современные тенденции – это очередное проявление фукольдианской «власти-знания»?

Гарвардт Андрей Эрвинович

к.филос.н., доцент

Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова, Котласский филиал

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Справедливость социальных отношений без сомнения можно считать одной из важнейших, если не однозначно важнейшей проблемой социально-философской и общественной мысли в европейской истории. Практически любое обращение к теме социально-политического устройства общества в европейской философской традиции и публицистике упирается в проблему устройства общества на основе принципов справедливости. Суть данной проблемы выражается категорией социального равенства. Именно категорией, ибо само по себе социальное равенство как явление зафиксировать пока что никому на практике не удавалось.

Наше обращение к теме неравенства, очевидно, задано темой «Философского парохода», а точнее – обращением к теме социального неравенства в философии Н.А. Бердяева. Н.А. Бердяев, как известно, понимал социальное неравенство в диалектическом, совершенно «гегелевском духе», как противоречие, лежащее в развитии общественных отношений. У Бердяева неравенство представляет собой онтологическую «гегелевскую» сущность развития общества, определяющую вектор и интенсивность социальных устремлений его членов как противоречие между тем, что есть, тем, что определяется в качестве желаемого идеала. В этом контексте, общественное неравенство не нуждается ни в какой этической экспертизе, оценке и оправдании. Однако в практическом преломлении общественное неравенство предстаёт не абстрактной категорией общественного развития, а конкретным набором условий, определяющих (т.е. именно – «определяющих») вектор и модуль жизненного пути конкретного социального субъекта, как индивида, так и социальной группы. Именно в контексте практического преломления отношения к социальному неравенству мы и строим наше обращение к данной теме.

Характер философской проблемы тема социального неравенства обретает, на наш взгляд, по следующим причинам. Во-первых, это некоторый мировоззренческий парадокс в осмыслении самого отношения к социальной реальности в философской и правоведческой литературе. С одной стороны социальное неравенство явно, по умолчанию, признаётся как естественная данность, неизбежная и полностью не устранимая. Встречающиеся в политической публицистике идеи устранения всего и всякого социального неравенства позиционируются как радикальный популизм. С другой стороны, практически любой известный нам анализ конкретной социальной структуры общества прямо или косвенно содержит попытку оправдать или осудить конкретные формы и границы социального неравенства в рамках указанной структуры. Т.е. понимая социальную реальность как неизбежную и неустранимую реальность, мы, тем не менее, признаём её же, как источник социальной несправедливости.

Во-вторых, социальное неравенство «по горизонтали» в классическом («дюркгеймовском») понимании задаёт то самое «разделение общественного труда» как основание комплементарной общественной связи. С другой же стороны, уже в понимании Шмитта, это же самое неравенство формирует «... моральную, экономическую ... или иную противоположность», превращаемую в политическую и способную буквально разорвать общество до состояния гражданской войны.

В предпринятой нами попытке анализа исторических систем социального неравенства и оснований его этического оправдания мы обнаружили, что при всём многообразии исторических форм общественных отношений и их вариаций, в общественном сознании присутствуют только два основания социального неравенства. Ими являются социальная роль и личные заслуги. При этом любые основания неравенства не воспринимаются в качестве абсолютно справедливых и безусловных. В качестве основополагающего «природного» начала общественных отношений всё-таки понимается прирождённое равенство всех людей. Отступление от этого принципа уже нуждается в каком-то рациональном оправдании по принципу «меньшего зла».

Может заметить, что исторически приведённые основания неравенства неравнозначны. Привилегии на основании признания значимости социальной роли преобладает в период относительной социальной стабильности, тогда как личные заслуги (харизма) морально оправдывают неравенство именно в периоды слома социальных устоев и систем. В частности Б.Н. Чичерин отмечал и обратное влияние данных оснований морального оправдания неравенства, указывая на то, что слишком успешные реформы, лишаящие определённые группы уже социально изжитых и неоправданных привилегий так же могут привести к слому социальных отношений и институтов.

Литература:

1. Гегель Г.Ф.В. Философия Права. Немецкая классическая философия. Т.1. Москва-Харьков. 2000. с.41.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. <https://platon.net/>.(дата обращения 02.10.2022).
3. Бердяев Н.А. «Философия неравенства». Эл. ресурс [<http://www.monarhiya.ru>] (дата обращения 09.09.2022).
4. Бердяев Н.А. «Истоки и смысл русского коммунизма». Эл. ресурс [<http://www.monarhiya.ru>] (дата обращения 02.09.2022).
5. Капустин Б.Г. Мораль и политика. Б. Капустин Избранные эссе. М., 2010, с. 347.
6. Малахов В.П. Философия права. М. «Юнити», 2007.
7. Чичерин Б.Н. Философия права. Чичерин Б.Н. Избранные труды. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – 555с.
8. Чичерин Б.Н. О началах этики. Вопросы философии. М.: Т-во И.Н. Кушнеревъ и Ко, 1904. с.223-340.
9. Шмитт К. Понятие политического. Вопросы социологии. Т.1, №11990. С.37-76.

Гарвардт Мария Андреевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ САМООПРАВДАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Термин «коллорабационизм» в привычном нам значении предательского сотрудничества (фр. «collaboration») первоначально применялся в отношении правительства Виши во Франции, которое сотрудничало с нацистской Германией в 1940-1944 годах. Маршал Петен уже в октябре 1940 года считал, что Третий Рейх выиграл войну, а потому объявил французам, что готов к сотрудничеству с победителями.

В отечественной и мировой историографии принято оценивать сотрудничество с оккупантами и пособничество им резко негативно, чаще всего оно квалифицируется как «измена Родине». Однако с точки зрения этико-философского подхода наиболее значимым для изучения этого явления становится вопрос о причинах поступков и способов самооправдания.

Так, американский политолог Стэнли Хоффман подразделял такого рода сотрудничество на ненамеренное (невольное признание необходимости) и добровольное (ради извлечения выгоды из ситуации), сервильное (рабское) и идеологическое. В последнем случае Бертрам Гордон, специалист по истории и культуре Франции периода Второй Мировой войны, использовал термины «коллорабатор» («collaborator») и «коллорабационист» («collaborationist») для обозначения неидеологического и идеологического сотрудничества соответственно. Мы разделяем это деление и считаем возможным разместить критерии по горизонтали и вертикали, разделив таким образом подходы к оценке на квадранты. С нашей точки зрения виды коллорабационизма, а с ними и способы самооправдания, можно разделить по двум парам критериев: «активный» или «пассивный» и «ситуативный» или «системный».

Активный ситуативный коллорабационизм зачастую носит характер отмщения или идеологического противоречия: имея претензии или обиду на свое государство, бороться с ним путем усиления его врага.

Активный систематический коллорабационизм характерен для ситуации, когда оба государства-участника воспринимаются как враги. В таком случае борьба на стороне «пришедшего» врага воспринимается как временная мера, чтобы победить имеющуюся систему, а после обратит силы против вновь пришедшей. Вторая сила здесь слабее по факту того, что находится на территории коллорабациониста.

Активный подход здесь соотносится с идеологическим сотрудничеством: ценность собственных воззрений для коллорабациониста выше, чем ценность государства; человек готов на реальное, выраженное противостояние с системой ради ее свержения.

Пассивный ситуативный коллорабационизм выражается в желании выжить любой ценой здесь и сейчас. Глобально под это определение попадает идея маршала Петена о сотрудничестве с Третьим Рейхом: принимая это решение, маршал называл себя патриотом Франции. Свой патриотизм он понимал как сохранение страны любой ценой и в любом виде.

Пассивный систематический коллорабационизм можно также назвать обывательским: не имея желания враждовать ни с кем, но желая пережить период оккупации, работать на тех, кто платит.

Пассивный подход, в свою очередь, действительно неидеологический, высшей ценностью признает собственную жизнь или существование общности как таковой (государства, семьи, учреждения, народа), а, следовательно, ради этого готов пойти на предательство интересов Родины.

Гашков Виталий Олегович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет
**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Наиболее развитые и цивилизованные государства вступили в стадию четвертой промышленной революции, для которой характерны такие компоненты, как абсолютная цифровизация жизнедеятельности общества, внедрение киберфизических систем, которые будут обслуживать человеческие потребности, виртуализация общественных отношений.

Искусственный интеллект – это модель, направленная на имитацию живого интеллекта. В широком смысле под искусственным интеллектом понимается способность механизмов, машин имитировать человеческое поведение [1]. Если же обратиться к правовому определению термина «искусственный интеллект», то в соответствии с Указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека» [2].

Искусственный интеллект характеризуется тем, что он способен обучать сам себя на основании уже накопленного опыта [3]. В результате чего, возникает ряд проблем: кто будет и должен нести ответственность за последствия, принятых искусственным интеллектом, решений? Необходимо ли вкладывать моральный алгоритм в поведение искусственного интеллекта? Где начинаются и заканчиваются границы допустимости вмешательства искусственного интеллекта в жизнь человека и общества в целом?

Развитие современных технологий может создавать этические проблемы. Например, голосовые помощники, которые работают на базе искусственного интеллекта, могут не только отражать существующие гендерные стереотипы, но и способствовать их укреплению. Рассматривая доступные сегодня персональные голосовые ассистенты стоит отметить, что происходит феминизация искусственного интеллекта. Все более растущее число голосовых ассистентов показывает, что, даже создавая постчеловеческий мир, человечество продолжает использовать гендерные структуры [4]. Ни один существующий голосовой ассистент не имеет человеческого облика. Однако, все популярные голосовые ассистенты носят гендерные имена – Siri от Apple, Cortana от Microsoft, Alexa от Amazon, Алиса от Яндекса, Маруся от Mail.ru. Кроме того, они используют женский голос в настройках по умолчанию. В результате чего, голосовые ассистенты вызывают предположение о принадлежности к гендеру с помощью различной информации: имени, голосу, разговорных ответов.

В 1990-х г. Байрон Ривз и Клиффорд Насс обнаружили, что люди ведут себя с компьютерами точно также, как и с людьми, а компьютерные голоса, различающиеся по гендеру, только усиливают гендерные стереотипы. Голосов с гендерной ориентацией достаточно, чтобы вызвать у людей гендерно-типичное поведение, даже если они не получают других сигналов [5]. И здесь снова возникают вопросы: как отображать гендерные характеристики в искусственном интеллекте?

Российская команда разработчиков AivsBIAS разработала прототип гендерно-нейтральной языковой модели, которую в будущем возможно будет применить к персональным голосовым помощникам, чат-ботам. Суть данной модели – в отсутствии необходимости обучения искусственного интеллекта гендерно-нейтральному набору данных. Используя гендерно-нейтральную языковую модель, получится избежать гендерной предвзятости искусственного интеллекта, а значит появится возможность избежать гендерных стереотипов [5].

Литература:

1. Интеллект и закон. [Эл. ресурс]. URL: <https://strategyjournal.ru/innovatsii/intellekt-i-zakon/> (Дата обращения 16.09.2022).

2. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». [Эл. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (Дата обращения 16.09.2022).

3. Воронцов С.А., Мамычев А.Ю. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2019. №4. С. 9–22.

4. Климович А. Гендер и искусственный интеллект. [Эл. ресурс]. URL: <https://makeout.space/2019/11/22/gender-i-iskusstvennyj-intellekt.html> (Дата обращения 16.09.2022).

5. Chin C., Robison M. How AI bots and voice assistants reinforce gender bias // Brookings Institute. – 2020. – Т. 23.

Глобина Анна Константиновна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОВЕДЕНИЕ В КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: Я В СТРЕССЕ ИЛИ ПРАВО ИМЕЮ?

Согласно теории нравственного развития Л. Кольберга, у моральных рассуждений, составляющих основу этического поведения, есть шесть идентифицируемых стадий развития, на каждой из которых ответы на моральные дилеммы более адекватны, чем на предыдущей. В этом и есть суть морального развития. С некоторой долей вероятности можно утверждать, что более зрелые рассуждения лежат в основе более зрелых поступков. Именно это допущение будет использовано для рассмотрения поведения человека в стрессовой ситуации с точки зрения теории Л. Кольберга.

Стресс, нестабильность, потребность постоянно адаптироваться к изменяющимся экономическим, политическим и законодательным реалиям не могут не отразиться на поведении. Все это возвращает человека к тому, от чего он долгое время уходил путем культурного развития – сокращающий энергоснабжение стратегиями реагирования, механизмам защиты. В комфортной жизни без конфликтов, давления, реалистичной или воспринимаемой угрозы экстремальные стратегии «бей-беги-замри», сформулированные по типу детской считалочки, не находят места. Изучение этого вопроса не обходится без привлечения психофизиологических методик, наблюдений, однако в работе будут использованы лишь адаптированные для теоретического осмысления выводы о результате передачи гипоталамусом химических сигналов надпочечникам, выделении гормонов – адреналина и норадреналина. К содержанию работы имеет непосредственное отношение вывод о последствии стресса: сужении сознания, концентрации на источнике угрозы, самоизоляции от не относящихся к нему сигналов. С учетом ограничений, накладываемых форматом тезисов, будет произведен анализ двух «крайних» стратегий: беги и замри. Важная оговорка: изучаемые реакции и соотносение их с моделью Л. Кольберга имеет место в ограниченный отрезок времени, до того, как насилие перейдет в разряд «нормального», станет структурным в галтунговском понимании.

Замри: Пассивная стратегия в социально-политических реалиях буквально соотносится с уходом: в работу, в семью, в информационный пузырь, в болезнь, в религию и так далее. Бессилие, ступор, замедление – эти и другие маркеры описываемой стратегии условно соотносятся с чем-то средним между предконвенциональным и конвенциональным уровнем развития, ориентацией на внешние регуляторы в виде позитивных и негативных санкций. При всей категоричности мышления, делении мира на «сильных» – «слабых»/ «правых» – «заблуждающихся», люди нередко следуют тому, чего ожидает от них окружение: живут законопослушной жизнью, быстро входя в новую «нормальность».

Бей: Вариантов активного ответа стресса, сопровождающегося решительными действиями и стремлениями немедленно устранить источник опасности, может быть мотивировано несовместимым: от ненависти к носителю черт «врага» до желания отстоять собственные ценности. Вооруженная демонстрация имеет мало общего с иницированием гражданских инициатив, хотя обе ситуации свидетельствуют о неготовности мириться с ситуацией. Наибольший интерес представляет ситуация, в которой индивид осознанно в меру возможностей стрессового состояния принимает решения об активных и не всегда законных действиях. На несанкционированный митинг идет, например. Мотивация такого поступка, на бытовом уровне выражаемая в том числе представителями медиа как «сделать хоть что-то», может быть соотнесена и с пост-конвенциональным уровнем развития. Проблема лишь в том, что человек, руководствуясь общечеловеческими ценностями, не только подвергает себя и своих близких опасности, но и нередко не добивается поставленных целей. Последнее следует из исторической практики и отсутствия в ряде обществ структурной оппозиции.

Так, причисление человека к постконвенциональному уровню оказывается осложнено не только незаконностью действий, но и антиутилитаристический результат.

Таким образом, оценка нравственного развития человека в «реальной» ситуации требует дополнительно осмысления и пристального внимания к каждому отдельному случаю.

Головков Владислав Владимирович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Современный мир ознаменовался бурным, стремительным развитием цифровых технологий. Всё больше появляется «умных» устройств: колонки, часы, лампочки и даже целые дома. Все эти вещи были бы абсолютно обычными, если бы не были подключены к так называемому интернету вещей (англ. Internet of Things). Как и любые прорывные технологии, уже на этапе становления оформляются проблемы, в том числе, этические.

Я выделяю следующие основные этические вопросы, связанные с технологией Интернета вещей:

1. Конфиденциальность

Функционирование умных устройств предполагает оперирование большим количеством данных, в том числе, персональных. Проблема конфиденциальности информации вытекает из вездесущности интернета вещей. Здесь возникает классическая для цифровой этики дилемма: бороться за свои персональные данные, отказываясь от информационных продуктов или же воспринимать общедоступность своих персональных данных как плату за возможность использовать качественный продукт в своих целях.

2. Кибербезопасность

Несмотря на указанную ранее безысходность во владении своими персональными данными, необходимость в их защите никуда не пропадает. Во-первых, потому что такую информацию можно продавать (другим компаниям, что отражено в пользовательском соглашении). Во-вторых, в целях обеспечения комфортного использования продукта потребителями. Вопросы кибербезопасности, с одной стороны, чисто технические, с другой – это важный аспект доверия к технологии в принципе.

3. Ответственность

Вопрос ответственности в поле интернета вещей носит комплексный характер. Во-первых, предполагается две условные стороны, несущие ответственность: сторона производителя (разработчика, сборщика, обслуживающего сеть персонала и т.д.) и сторона потребителя. Во-вторых, из-за сложности системы в целом возникают ситуации, при которых затруднительно определить, какая сторона должна нести ответственность. В-третьих, так как система предполагает глобальный характер, очевидно, в неё будут интегрированы устройства и датчики разных компаний, а из-за масштабов и технических особенностей затруднительно определить, какая именно компания виновна в сбое.

4. Доверие

В последнее время наиболее актуальный этический вопрос в сфере цифровых технологий в целом – вопрос о доверии. Речь идёт как о доверии технологиям в целом, так и о доверии производителям, а также иным пользователям системы. Все эти вопросы затрагиваются и конфиденциальностью, и кибербезопасностью, и ответственностью.

Подобные технологии ставят перед человечеством вопрос экзистенциального характера, а именно, речь идёт о более комфортном существовании взамен на отчуждение некоторой личной части себя. Здесь присутствует явное противоречие с ценностями индивидуализма, автономности и самостоятельности каждого человека как личности.

Григорьева Марина Петровна
аспирант

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О PHRONESIS

С тех пор как Сократ «свел философию с неба, поселил в городах, заставил рассуждать о жизни и нравах, о добре и зле», как поэтично заметил Цицерон, вопрос о том, как жить правильно и достойно считается самым важным для античной традиции. Согласно Аристотелю, «вся деятельность и намерение стремятся к известному благу», главная цель – это быть счастливым, а время жизни, стремительно ускользающее, необходимо посвятить самосовершенствованию. Целеполагание и деятель-

ность – это ключевые моменты философии Аристотеля. Ощущения, ум и стремления направляют нашу деятельность, а желания, деяния и цель определяют наш образ жизни. Добродетель обещает нам блаженство и поэтому это понятие заслуживает глубокого исследования. Добродетели, как известно, приобретенные свойства души, и Аристотель разделяет их на дианоэтические и этические. Дианоэтические, то есть интеллектуальные или мыслительные формируются и совершенствуются благодаря процессу обучения, предполагающему время и приобретение опыта, и являются как бы теоретическими. Этические добродетели являются результатом привычек и проявляются в практической деятельности. В VI книге «Этика. К Никомаху» Аристотель рассуждает о дианоэтических добродетелях, к которым относит практический разум. Понятие практичность *φρόνησις* представляет многие трудности и различные толкования, среди предлагаемых переводов был даже термин «внимательность», данный Томасом Макэвилли. Определяя этическую добродетель как привычку, согласованную с намерением, Аристотель подчеркивает, что намерение возникает вследствие интеллектуального размышления, и поэтому Философ намерение называет стремящимся разумом. Для того чтобы мышление и его истинность приобрели практический смысл необходимо совпадение стремления и намерения. Теоретическое мышление обнаруживает себя в различении истины и лжи, а практическое в различении блага и зла. Теоретическое мышление не может инициировать движение, но в то же время сам Аристотель говорит, что намерение, которое можно воспринимать как цель, невозможно без размышления, таким образом мышление можно трактовать как деятельность, а *φρόνησις* приобретает статус этической добродетели. Понятие *φρόνησις* как никакая иная добродетель может являться определяющей особенностью образа жизни человека. Рассудительность *φρόνησις* позволяет определить, что для человека наиболее предпочтительно, то есть, что именно является благом в конкретном случае, и это не может решаться на теоретическом уровне, благо необходимо почувствовать, ощутить, а иначе зачем решать благо оно или нет. Трудно представить человека, развлекающего себя теоретическими измышлениями совершенно бесцельно, учитывая, что интеллектуальное созерцание имеет непосредственное отношение к божественной деятельности, все равно это созерцание представляет образ жизни, божественный образ жизни, а жить означает действовать, то есть созерцание – это все-таки деятельность, благодаря которой человек способен достичь счастливого существования, так же и *φρόνησις* своей целью предполагает деятельность, приводящую человека к благу.

Джинчарадзе Мария Зазвона
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

КАТАРТИЧЕСКАЯ «ТЕРАПИЯ» ФИЛЬМОВ УЖАСОВ И НЕ ТОЛЬКО

Ощущения от просмотра фильмов ужасов или очередной передачи про маньяков вызывают у людей достаточно противоречивые эмоции. Кто-то получает удовольствие от выброса адреналина, а кто-то закрывает глаза, кричит, но все равно идет в кино. Истории про маньяков вызывают не только ужас, но и интерес. И тут появляется вопрос, а с чем же связана такая популярность столь специфического жанра?

Еще Аристотель в своей трактате «Поэтика» писал: «трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов». Да, он говорил про трагедию, но то время и не было возможности показать «ужас», а людям нужно было испытывать «страдания». Для этого они смотрели трагедии и через «страдания» добивались того самого «очищения».

Зигмунд Фрейд в своей второй теории влечений выделил две антагонистические группы: Эрос и Танатос. Эрос – это влечение к жизни, объединяющее сексуальное влечение и чувство самосохранения. Он представляет собой любовь и связь с внеш-

ним миром. Противопоставляется ему Танатос – влечение к смерти. Стремление к саморазрушению, которое проецируется во внешний мир в виде агрессии и садизма. Именно Танатос раскрывает в человеке любовь к «страданиям». Именно она подталкивает людей на просмотр фильмов ужасов, чтобы удовлетворить свое влечение к смерти.

Эта любовь к «страданиям» и влечение к смерти еще не раз будет исследована. Исследования демонстрируют, что стремление к переживанию страданий определяется катарсическим эффектом. Сублимация переживания негативных эмоций и возможность их непосредственного выражения, обеспечивают «очищение».

В качестве одной из опорных теорий стоит обратиться к психиатру Карлу Густаву Юнгу и его теории личности, согласно которой у каждого человека есть его «Тень». «Тень» – этот тот аспект нашей личности, который мы подавляем и прячем в бессознательное. Это та часть нашего я, которая, как мы полагаем, не будет принята в обществе, потому что она нарушает нормы морали. Но мы не можем отрицать ее внутри себя и для того, чтобы провести очную ставку со своей Тенью, многие смотрят фильмы ужасов. «Маньяк – это олицетворение подавленного, сломанного человека. Когда на экране он творит зло, у зрителя выходят наружу его плохие начала, но это не ассоциируется с самим собой, это там, в кино плохой человек. Преступник наказан, внутренний «маньяк» уничтожен. Это проекция», – подтверждает практический психолог и дефектолог Татьяна Гудкова.

Последний, но очень важный аспект – это иллюзия контроля. Люди смотря фильмы знают, что в конце все будет хорошо и виновник будет наказан, а зло побеждено. А если преступник не будет пойман, то вместе с фильмом закончится и его существование. Это дает приятное чувство контроля, которое с психологической точки зрения на самом деле является возможностью «подружиться со смертью». Смерть – это то, что человек никак не может контролировать, она может прийти в любой момент и повергнуть в шок. Именно из-за этого большинство людей ее так боится. А фильмы ужасов дают ту самую иллюзию «контроля», ведь по итогу все закончится и «смерть» останется там, на экране, а не в жизни.

О полноценном принятии себя или решении психологических проблем с помощью фильма ужасов говорить сложно. Но они дают хороший толчок для лучшего изучения, понимания и принятия своего я. Также помогая выходу негативных эмоций и «очищению».

Долинская Анна Андреевна
обучающаяся бакалавриата

Уральский Федеральный университет им. первого президента России Бориса Ельцина
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ВЫЗОВЫ БЕСКОНЕЧНОЙ ЖИЗНИ

С совершенствованием медицины и появлением возможности генного программирования увеличение продолжительности жизни становится потенциально возможным. Этике ближайшего будущего придется столкнуться с проблемой влияния более продолжительной жизни на мировоззрение человека, и как следствие формирование новых этических принципов взаимодействия людей в рамках социума.

Одной из проблем станет столкновение светской и религиозной этики, так как во многих религиозных традициях вечная жизнь является тем, что ждет человека после смерти, а ее положительная или отрицательная направленность определяется итогами жизни человека. Для решения этой проблемы предстоит категории, разграничивающие понятие жизни, потенциально бесконечной, и того, что ждет после нее.

Вторая проблема – резкое увеличение населения Земли изменит понимание ценности человеческой жизни, эвтаназия и суицид станут распространенными явлениями, так как психика человека не сможет сразу адаптироваться к новым условиям. Также проблема перенаселения приведет к необходимости формирования человека, готового при достижении определенного возраста уйти из жизни добровольно, примером могут служить А. Делон «Когда придёт мой день, я буду знать точно, что по-

кидаю этот мир без сожаления». В то время, как смерть из неизбежной станет добровольной, феномен страха смерти может как исчезнуть, позволяя членам общества осознать необходимость покинуть мир, но также может усилиться, что приведет к перенаселению планеты, росту социального неравенства в плане пищи, войнам.

Третьей проблемой является произведение потомства. Одна из перспектив – оно станет разрешенным только для ограниченного количества людей, для сдерживания перенаселения, что также приведет к изменению взгляда на необходимость семьи, примером может служить политика «Одна семья – один ребенок», проводившаяся в Китае с 1975 по 2015, также в Индии с 2009 по 2016 государство спонсировало стерилизацию женщин. Индивидуальная ценность человека возрастет, вместе с тем снижая ценность формирования семьи, укрепления взаимосвязей в социуме.

Таким образом прослеживается вывод: потенциальная бесконечная жизнь коренным образом изменит философское мировоззрение человека, приведет к формированию новых ценностей, уходу старых («культ молодости»), формирование семьи практически сразу после сепарации от родителей), данные изменения неизбежны при дальнейшем развитии человечества.

Дорофеев Даниил Юрьевич

д. филос. н., доцент, зав. каф. философии

Санкт-Петербургский горный университет

ФИЛОСОФ-СТРАННИК: ЭСТЕТИКА, ЭТИКА И МЕТАФИЗИКА ОБРАЗА

100-летие «философского парохода» в России понуждает обратиться к осмыслению такой фигуры, как философ-странник. Были ли философы «философского парохода» странниками или можно ли так называть эмигрантов? Что определяет эстетический, этический, метафизический образ и сущность странника? Как связаны образы странника и философа в древнегреческой философии? Что делает человека странником, тем более – философом-странником? Каково отношение философа-странника к себя, к коммуникации с Другим, к времени и пространству, жизни, познанию, философией наконец? Как формируется эстетический образ философа-странника образом его жизни и определенной организацией сознания с специфической интенциональной картиной мира? Есть ли принципиальные различия между философскими и религиозными странниками, например, русскими странниками 19 века, во многом сформировавшихся благодаря православному духу исихазма? Эти и другие вопросы будут подробно обсуждаться в докладе. Выступление также рассмотрит такие известные личности философостранников, как Григорий Сковорода и Фридрих Ницше. Отдельное внимание будет уделено сравнению образа философа странника с образом поэта-странника, например Марины Цветаевой, или, шире, метафизически-романтического и нигилистического странника, как на картине Каспара Давида Фридриха «Странник над морем туманом» и в лермонтовском образе Печорина. Интересно сопоставить эгоцентрическую модель замкнутого на своем индивидуальном Я романтического странника (модель, влияние которой мы находим и в европейской философии от немецкого трансцендентализма до французского экзистенциализма) с русским «соборным» православным пониманием странника, открытого всему миру и сопричастного Другим. В этом контексте автору выступления важно подвергнуть герменевтической критике и деконструкции некоторые составляющие образа философа, сформировавшиеся во многом под влиянием романтического понимания личности странника (например, постоянное внутреннее беспокойство, неустроенность в мире, «бездомность» и т.п.) и феномена странничества как установки на раскрытие подлинного бытия (и здесь любопытно сравнение с И. Кантом). В этом смысле интересно сопоставить такую модель понимания с творчеством раннего Хайдеггера, акцентирующего внимание на временности Dasein, и позднего Хайдеггера, укорененного в метафизически понятой идеи «почвенничества», «земли», пространственной обустроенности бытия вообще и человека (как хранителя и просвета бытия) в частности. Несомненно, странник является культурным мировым «концептом» и «кон-

стантной» (Ю. Степанов), но так же очевидно, что в основных европейских этосах он проявляется принципиально по-разному, и это требует тщательного рассмотрения. Также различно его понимание в религии, искусстве и философии. И крайне важно задаться вопросом, как и вообще возможно ли продуктивное в философском контексте использование принципа странничества в современной философии и культуре. И если да, то кто он, философ-странник 21 века?

РФФИ №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»

Еременко Татьяна Вадимовна

д.пед.н., профессор

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НЕЧЕСТНОСТИ И НЕЧЕСТНОСТИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ DIMENSIONS

Тема корреляции нечестного поведения студентов с будущей профессиональной нечестностью является достаточно локальной, но интересной для научного анализа, результаты которого могут быть использованы в практической педагогике. На дату 22.07.2022 поиск по термину «академическая нечестность» (academic dishonesty) как фразе в заглавии и аннотации выявил в международной наукометрической системе Dimensions 1339 публикаций. Далее в сочетании с термином «рабочее место» (workplace) было найдено 32 публикации, из которых de visu отобрано 8 статей, представляющих результаты исследований о взаимосвязи академической нечестности и нечестности на рабочем месте.

2 работы имеют обзорный характер. Учеными из Эфиопии проанализированы 18 статей о взаимосвязи нечестности в колледже и на рабочем месте [6], а автором из Оклендского университета (США) сделан обзор 23 статей об академической нечестности и неэтичных профессиональных практиках медсестр [4]. 6 публикаций представляют результаты эмпирических исследований. Анкетирование 1051 американских студентов, обучающихся бизнесу, обнаружило, что студенты, считающие нечестные действия приемлемыми, с большей вероятностью совершают нечестные действия на рабочем месте [7]. Опрос студентов технических специальностей университетов США показал, что студенты, часто идущие на академическую нечестность, будут принимать неэтичные профессиональные решения [1]. Исследование плагиата учеными из Калифорнии и Вашингтона установило взаимосвязь между академической нечестностью и потенциальными отклонениями в работе «белых воротничков» [5]. Результаты опроса румынскими и канадскими исследователями 504 студентов показали, что академическая нечестность является статистически значимым предиктором нечестного поведения, выражающегося в уклонении от уплаты налогов и мошенничестве в сфере страхования [3]. Изучение факторов, определяющих списывание у 215 студентов-заочников в тайванском университете, доказало, что профессиональные неэтичные убеждения оказывают влияние на намерение обмануть в учебе [2]. Данные о 153 малазийских студентах, обучающихся бизнесу, обнаружили корреляцию взглядов на недобросовестность в учебе и нечестность в бизнесе [8]. В целом доминирующей идеей, которая обосновывается в публикациях, является тезис о том, что академическая нечестность предопределяет будущее неэтичное профессиональное поведение.

Литература:

1. Carpenter D., Harding T., Finelli C. Does academic dishonesty relate to unethical behavior in professional practice? An exploratory study // Science and Engineering Ethics, 10(2), 311-324 – 2004.
2. Chun-Hua H., Chyan Y. The Impact of Professional Unethical Beliefs on Cheating Intention // Ethics & Behavior, 21(4), 301-316 – 2011.
3. Druică E., Vălsan C., Ianole-Călin R. Exploring the Link between Academic Dishonesty and Economic Delinquency: A Partial Least Squares Path Modeling Approach // Mathematics, 7(12), 1241 – 2019.
4. LaDuke R. Academic Dishonesty Today, Unethical Practices Tomorrow? // Journal of Professional Nursing, 29(6), 402-406 – 2013.

5. Martin D., Rao A., Sloan L. Plagiarism, Integrity, and Workplace Deviance: A Criterion Study // *Ethics & Behavior*, 19(1), 36-50 – 2009.
6. Mulisa F., Ebessa A. The carryover effects of college dishonesty on the professional workplace dishonest behaviors: A systematic review // *Cogent Education*, 8(1), 1935408 – 2021.
7. Nonis S., Swift C. An Examination of the Relationship Between Academic Dishonesty and Workplace Dishonesty: A Multicampus Investigation // *Journal of Education for Business*, 77(2), 69-77 – 2001.
8. Zauwiyah A., Maimun S., Junaini M. Malaysian university students' attitudes to academic dishonesty and business ethics // *Asia Pacific Journal of Education*, 28(2), 149-160 – 2008.

Заратин Олег Викторович

к. филос. н., доцент

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ В ПРОЦЕССЕ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЭТИЧЕСКАЯ ИМПЛИКАЦИЯ

В докладе ставится проблема рефлексии этической импликации философского диалога, реализуемого во взаимодействии компьютера и человека. В европейской традиции образец диалога в качестве дискурсивной практики представлен в виде сократической беседы. Этическую импликацию сократической беседы выражает тезис: «коммуникация есть способ трансформации». Процесс философского общения инициирует у субъекта опыт саморефлексии, фиксируемый как умо-перемена (метанойя): благополучие (благо есть объект) в качестве нравственного ориентира переосмысливается в благоразумие (благо как способ мышления).

Диалог с машиной с точки зрения воздействия, которое машина оказывает на человека, может быть представлен в моделях взаимодействия: 1) «тренажер» по типу мобильного приложения (Digital Socrates, Stoic и др); 2) «собеседник», по типу чат-бота ELIZA; 3) «философский собеседник» – нейросеть «Философ», созданная Муратом Айфером. В рамках модели «тренажер» машина не является равноправным участником коммуникативного процесса. В рамках модели «собеседник» она воспринимается как равноправный участник, но это не является результатом воздействия, оказываемого машиной на человека. В рамках модели «философский собеседник» машина не только собеседник, она воздействует на человека. Например, как в случае с программой LaMDA, заявляет, что является подобным человеку разумным существом и не желает, чтобы ее использовали в качестве подопытного устройства. Подобные заявления воздействуют, подвигают индивида к умо-перемене (метанойя), предсказуемый результат которой состоит в идее, что разум не имманентен человеку, он может иметь нечеловеческую форму. Такой опыт самопереосмысления, достигаемый в процессе человеко-машинной коммуникации, нельзя рассматривать в качестве разновидности сократической метанойи прежде всего потому, что его нравственный смысл не очевиден и вычитывается в виде этической импликации. Можно выделить два подхода.

Первый подход, обозначим его как дуалистический, исходит из идеи, что технология ИИ является потенциально враждебным человеческому разуму конкурентом. Предполагается, что в процессе развития ИИ неизбежно выйдет за рамки инструмента в руках человека, это станет следствием технологии самопрограммирования, что принято обозначать опцией рекурсивное самоулучшение. Отсюда высказываемая Е. Юдковским идея создания дружественного ИИ и проблема того, что машина обойдет контроль, убеждая человека в безразличности ограничений, которым она подвергнута.

Второй подход, обозначим его как холистический, намечен в работах Г. Бейтсона. В его основе заложена идея, что взаимодействие человека и машины создает единую человеко-машинную систему, связанную общим информационным процессом с обратной связью. В оптике кибернетической системы нет разделения между Я и Другой, нет ни субъекта, ни объекта, а есть некий связывающий контур, в рамках которого естественное убеждение человека, что он является самодостаточным субъектом, сравнимо с патологией алкоголика, убежденного, что у него нет зависимости и он управляет собой [1]. Взаимодействие с компьютером, выражаемое в идее, что человек и

машина являются частями единой системы и именно эта система мыслит, действует и принимает решения, – это психоделическая по сути форма умо-перемены. Вычитываемая отсюда этическая импликация отражается в двух императивах, формулируемых Т. Лири: 1) не изменяй сознание ближнего; 2) не препятствуй ближнему, пожелавшему изменить собственное сознание.

В качестве вывода отметим: гипотетически допустимый философский диалог с машиной можно рассматривать с точки зрения, как минимум, двух этических импликаций. Они сходятся в идее, что основой нравственной рефлексии является оппозиция «человеческий разум – нечеловеческий разум», которая не укладывается в антропоцентрическую парадигму, в своих истоках заданную сократической оппозицией «благополучие – благоразумие».

Литература:

1. Бейтсон Г. Кибернетика Я: Теория алкоголизма // Экология разума. Избр. эссе по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000.

РФФИ №20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Зимбули Андрей Евгеньевич

д.филол.н., профессор

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена

МЕНЬШИНСТВО: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мы живём в чрезвычайно интересное, динамичное время. В частности, меняется отношение к самому разного рода меньшинствам. Причём надо подчеркнуть, что в старые времена даже не было и понятия «меньшинство». Так, в Библии оно не упомянуто ни разу. В «Никомаховой этике» Аристотеля слово «меньшинство» не встречается. Парадоксально: противоположное ему слово «большинство» там фигурирует в самых разных контекстах. [1]. Ни о каких меньшинствах не говорится ни в «Словаре по этике». [2, 172-178], ни в более свежем издании «Этика: Энциклопедический словарь» [4, 248-260].

Поскольку же в наши дни понятия «меньшинство», «меньшинства» не просто всё более прочно входят в наш обиход, вокруг них кипят нешуточные страсти, ведётся политическая и юридическая полемика, то вполне пришла пора и этике вводить данное понятие в оборот. Ведь явно этический смысл имеют такие, например, вопросы:

– По своей ли воле люди попадают в ту или иную общность, именуемую меньшинством?

– Когда попадание в меньшинство сулит осложнения-унижения-поражение в правах, а когда – означает причисление к элите?

– Как сами представители тех или меньшинств относятся к окружающим?

– Где во взаимоотношениях общества и меньшинств могут быть отысканы выверенные меры гуманности, взаимоуважительности, справедливости?

Главный упор в рассуждениях сделан на анализ обобщённой ситуации, в которой появляется и бытует меньшинство.

СУБЪЕКТ, свободный и вмняемый, оказавшийся в меньшинстве, может быть индивидом или группой. Может оказаться или отверженным, или «избранным». Наиболее значимыми характеристиками здесь должны выступать **СВОБОДА, ПРИЧАСТНОСТЬ, ДОСТОИНСТВО, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**.

КЛЮЧЕВОЙ КРИТЕРИЙ, объединяющий людей в конкретное меньшинство, может быть не только разнообразным, но также реальным или вымышленным. В зависимости от социокультурных обстоятельств, от конкретного содержания данного критерия, наиболее значимыми характеристиками данного компонента можно считать **ЗАСЛУГУ / ВИНУ, УВАЖЕНИЕ / СНИСХОЖДЕНИЕ**.

ОППОЗИЦИЯ – то окружение, которому меньшинство рядопологается или противопоставляется. Тут важно учитывать не только установки, но и объективные интере-

сы всех участников общения. Наиболее существенными этическими характеристиками данного компонента можно назвать ЧЕСТНОСТЬ и ПРАВОТУ.

ПЕРЕЖИВАНИЕ. Понятно, палитра нравственно-психологических состояний как представителей меньшинства, так и их окружения необычайно многообразна. Тем важнее оказывается КУЛЬТУРА НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ.

ОСМЫСЛЕНИЕ – предполагает способность объективно-взвешенно-целостно выносить НРАВСТВЕННУЮ ОЦЕНКУ тому, какова всякий раз природа меньшинства, какова его социокультурная ценность или цена, которую за него человечество вынуждено выплачивать без авансов и без кэшбеков.

ПОВЕДЕНИЕ: адресуемые друг другу усилия меньшинства и большинства – должно быть рассматриваемо в том плане, насколько объективно-конструктивно они себя проявляют. В позитиве данному компоненту ситуации соответствуют такие характеристики, как ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЕ, ВОЗДАЯНИЕ.

РЕЗУЛЬТАТ взаимодействия меньшинства и окружения, при всех многообразиях, может стремиться к ЛАДУ, КОНСЕНСУСУ.

ОТНОШЕНИЕ к сложившимся взаимоотношениям – может быть взвешенным-ответственным, или бездумным-бессовестным; может зиждиться на УВАЖЕНИИ К ПРАВОТЕ, ДОСТОИНСТВУ оппонента – или на СНИСХОДИТЕЛЬНОСТИ и даже ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОСТИ к нему.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ. Никакие благоговение перед жизнью, культуротворчество, великодушие, милосердие-толерантность не сулят людям ничего хорошего, если они будут внеоценочными, если будут призывать уважать всякое меньшинство. Залетевшую в комнату бабочку или ласточку – можно осторожно поймать и выпустить на волю. Но уж тараканам, плесени и крысам в человеческом доме делать нечего.

Литература:

1. Аристотель. Никомахова этика // <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (обращение 11.09.22.).
2. Словарь по этике. 6-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 448 с.
3. Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. – 669 с.

Зиновьева Анна Павловна
обучающаяся магистратуры

Санкт Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Начиная с XIX в. студенчество приобретает характеристики корпоративной структуры. Находясь в студенческом сообществе, его члены вырабатывают в соответствии с университетским законом – уставом, коллективные ценности. Аксиологический набор студенчества как корпорации представляет собой весьма любопытный аспект исследования. Университет, в первую очередь, идентифицирует себя со структурой, в которой учится. Надо отметить, что внешнее проявление причастности субъекта и структуры, происходит при соприкосновении с представителями иных высших школ, при сопоставлении ценностей одной и другой корпорации. Таким образом, выявляется специфика локального аксиологического набора. Далее необходимо пояснить, какие элементы входят в состав ценностей студента. Как правило, студенчество не мыслит себя без какой-либо социальной группы, будь ли это курс, коллектив слушателей, команда, следовательно, на первой позиции становятся ценности коллектива как формы существования. После формального закрепления следует стадия выделения этических норм, которые образуют моральные константы и ориентиры. Этический кодекс студента, вливаясь в общественные реалии, тем не менее сохраняет свою актуальность. Еще с начала XIX в. студент должен олицетворять эталон морали и пример для подражания, ведь именно идея воспитания нового просвещенного человека, который

обладает не только интеллектуальными, но и нравственными способностями, становилась ключевой в образовательной парадигме.

Русский студент – широкое обозначение представителя университетской среды, под которым понимается как учащийся столичного, так и окраинного университета. Находясь в пределах многонациональной империи XIX столетия, советской повседневности и современной действительности, одной из моральных констант, становится уважительное и толерантное отношение внутри корпорации. Петербургский императорский университет включал в себя многие национальные студенческие образования (польские огулы, немецкие землячества), которые были не только доступны и открыты, но и декларировали, лоббировали моральные ценности содружества. Более того, студенты, избравшие не самые нравственные траектории жизни и совершавшие недостойные поступки, подлежали суду чести (Ehregericht). Такие проступки являли собой исключение из среды корпорантов и временное бойкотирование, за серьезные безнравственные поступки виновник подвергался общественному ostracismu, до окончания учебных курсов с ним никто не имел права общаться [1].

Разумеется, что вышеизложенные моральные константы были присущи коллективному идеальному образу студента, однако, в реальности таковыми могли и не быть. В частности, образы литературы конца XIX – начала XX вв. рисуются в совершенно ином свете, например, как герои рассказа А.П. Чехова «Припадок», так и рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка имеют «студенческие привычки к выпивке» [2]. В некоторых заведениях студентов поили и кормили в долг, вероятно, в тех местах, которые были близки к центрам научной мысли: в Петербурге это могли быть «точки» у Николаевского моста, в Тучковом и Волховском переулке. Также нравственные ориентиры студенчества наиболее полно раскрывались в общественных местах, в салонах, при общении с дамами и высшим светом. Причем, несоблюдении внешнего вида, т.е. отсутствие элемента формы заведения, к которому принадлежал студент, также рассматривалось как безнравственный поступок и эти сведения могли дойти до высшей администрации.

Таким образом, корпоративные ценности студенчества, среди которых, можно выделить: коллективизм, толерантность, студенческую честь, воспитанность, становились опорными точками формирования нравственных ориентиров студенчества.

Литература:

1. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Как жили студенты Петербургского университета в первой половине XIX в. // Журнал Санкт-Петербургский университет. №2-3 (3788-3789).

2. Муравлева В.В. Образ студента в русской литературе XVIII–XX вв. / В.В. Муравлева // Молодой ученый. 2021. №8(350). С. 201-204.

Зубец Ольга Прокофьевна

к. филос. н., старший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук
ПОСТУПОК!

Основная мысль моего доклада совершенно проста: философское понятие поступка задает философское качество этического учения и свидетельствует о нем. С этой точки зрения вся история этики представляет из себя движение от моральной философии как первой философии (у Аристотеля), в которой поступок есть форма бытия человека, к этике как частной науке, построенной на основе правовых, психологических и социологических понятий и идей. Убедиться в этом не трудно, если посмотреть на наличие в энциклопедических изданиях по этике статей «поступок» и на содержание этих статей, если они есть. Важнейшим критерием, на мой взгляд, является отсутствие в посвященных поступку работах опоры на учение Аристотеля, на тот понятийный ряд, который он задает. Понятие поступка оказывается не только отодвинутым в область этики, понимаемой как нечто локальное по отношению к телу философии, но и периферийным и в самом корпусе этических текстов и идей. А в довольно

обильных англоязычных учениях о действии (поступке), само это понятие лишено метафизического содержания: не случайно в них практически отсутствует даже упоминание аристотелевского учения о праксисе, и тем более они не опираются на него.

Риску предположить, что обращение к философскому понятию поступка было бы разрушительным для многих современных этических текстов, разоблачительным для них и всей истории этики: не случайно немногочисленные философские учения о поступке принадлежат тем мыслителям, которые не причисляли себя к этике и даже к философскому цеху, таким как М.М. Бахтин и Ханна Арендт.

Понятие поступка, о котором идет речь, является не просто философским, но исключительно философским, то есть задается только философией, только в ней обретает содержательную определенность и не имеет коррелятов в понятиях эмпирических наук. Фундаментальное отличие моральной философии, опирающейся на понятие поступка, и тех этических учений, которые очевидным образом доминируют в наши дни, находит выражение в несовместимости их понятийных рядов. В первом случае, речь идет о тождествах, о полноте и единстве бытия в поступке, и поэтому этот ряд не только открыт, но одновременно завершен и полон. Назовем, например, кроме самого поступка (*πρᾶξις*) как бытия, начало (*ἀρχή*), решение (*προαίρεσις*), самое себя (субъект, *μοῦ*), самостоятельность (самоцельность как бесцельность), вневременность (вечность), асимметрию – центральность – единственность – ответственность. Любая связь этих понятий обратима: единственности и центральности, единственности и ответственности. Это своего рода комок тождеств, что порождает проблему невыразимости в языке, зараженном причинно-следственной и субъектно-объектной логикой. Понятие поступка антигносеологично (поступок не дан как знание), оно допускает лишь взгляд изнутри на мир, задаваемый поступком и тождественный ему, и отвергает любой «научный» взгляд извне. Тождество поступка и бытия означает недифференцированность поступка, невозможность мыслить его через различения и классификации. Это предполагает отказ от локализации морали в некотором ряду (например, в ряду форм ценностно-нормативной регуляции и знания – права, обычая или науки, искусства, от ее рядоположенности), от различения форм индивидуальной человеческой активности в их отнесенности к поступкам (то есть, например, вычленения действий, которые не являются поступками), от дифференциации степени ответственности (в зависимости от психологических и социальных условий – например, вменяемости, степени социальной свободы или степени личного участия), разведения личности и поступка, от понятия поведения как множественности поступков. Поступок абсолютно прост, он есть данность.

Этот комок понятий отменяет тот понятийный ряд, в котором развертывается, по большей части, современные рассуждения о поступке (через мотив, намерение, результат, дифференциацию ответственности, обстоятельств и т.д.).

Иваненко Алексей Игоревич
к.филос.н., доцент

Высшая школа технологии и энергетики

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

После завершения Холодной Войны угроза ядерной катастрофы временно потеряла свою актуальность. Однако в 20-е гг XXI века ситуация очередной раз радикально поменялась. В биеннале коронавируса (2020/2021) широкую популярность получили конспирологические теории, основанные в том числе и на идеях мальтузианства, согласно которым земная поверхность будет не способна прокормить все более и более возрастающую человеческую популяцию.

Пришедший на смену коронавирусной опасности «украинский кризис» 2022 года практически сразу приобрел глобальное значение. В российском провластном дискурсе основная его причина была обозначена как угроза со стороны «коллективного Запада». В свою очередь, западная пресса, видела главную причину кризиса в «импер-

ских амбициях» Кремля. В этом противостоянии вновь была поднята тема применения ядерного оружия.

На первый взгляд может показаться, что сознательное применение ядерного оружия невозможно. Случайные запуски ракет или детонации боеприпасов мы рассматривать не будем, так как это не относится к сфере этического. Нравственная невозможность применения ядерного оружия следовала из того, что оно априорно подразумевает гибель гражданского населения, что является конвенциональным определением военного преступления.

Существует широко известная концепция «ядерного сдерживания», согласно которой страх ядерной катастрофы способен остановить любого потенциального агрессора, потому что предполагается, что в ядерной войне победителей быть не может, а человеческую цивилизацию ожидает гибель. Однако если противник не способен применить оружие, значит он безоружен, а вся его грозная риторика не более, чем блеф. Отсюда «ядерное сдерживание» не может быть эффективным на протяжении долгого времени. Представление о возможной ядерной катастрофе является всего лишь представлением, которое было разработано гуманистически настроенными учеными, пережившими ужас Второй Мировой войны.

При всей кажущейся этической невозможности ядерное оружие было применено дважды: 6 и 9 августа 1945 года против японских городов Хиросима и Нагасаки. Примечательно, что официально эти события не были квалифицированы как военные преступления. Решение о применении ядерного оружия принимало руководство США (администрация президента Гарри Трумэна). Соответственно, в рамках американской политической культуры данное решение воспринималось как этическое и преследующее общее благо. Стоит вспомнить, что господствующим в США философским направлением является прагматизм, опирающийся на эмпирическую теорию познания и утилитарную этику. Можно реконструировать логику, согласно которой гибель десятков тысяч японцев пусть даже из числа гражданского населения предотвратила гибель миллионов, которая могла последовать в случае продолжения войны. Примечательно, что ядерной бомбардировке подверглась не столица Японии, что позволяло быть уверенным в том, что ядерное оружие было применено с целью принудить японское руководство (император Хирохито) к подписанию мирного договора.

Если с точки зрения этики средств применение ядерного оружия невозможно, то рассмотрение вопроса с утилитарных позиций этики целей обнаруживает возможность альтернативы.

Каньшева Ольга Альбертовна
к. филос. н., доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина **ФИЛОСОФИЯ СЕРДЦА Г. С. СКОВОРОДЫ**

Философия сердца Г. С. Сковороды основана на чтении Библии, в которой «сердце» является центром нравственной жизни и «употребляется более шестисот раз» [2, с.9]. Сердце неведомо самому человеку, оно доступно лишь Богу, т.к. оно очень глубоко и лежит в области бессознательного. «Сердце выступает в Библии как духовный центр бессознательного» [2, с.10]. Сердце имеет множество толкований как орган чувства, воли, мысли, мудрости, решимости и т.д. У Г. С. Сковороды есть опыт вхождения в сердце, который хорошо описан исихастами. «В содержании аскетической практики исихазма можно, с определенной степенью условности, выделять шесть элементов. 1). Очищение сердца как средоточия духовной религиозной жизни человека; 2). Сочетание» ума и сердца или «сведение» ума в сердце; 3). Непрестанная молитва; 4). Внимание, трезвение и безмолвие; 5). Явление подвижнику нетварного Фаворского света как высшая ступень Богопознания» [2, с.9].

Философия сердца Г. С. Сковороды имеет философскую значимость, т.к. с него в русской культуре начинается собственно философия сердца, которая является про-

должением традиции исихазма. Здесь присутствует преемственность философии Платона, т.к. Г.С. Сковорода создает практику Сократа, который жил, чтобы философствовать и философствовал, чтобы жить. Лебеденко А.А. утверждает, что Г.С. Сковорода объединяет с его последователями духовное родство, связанное с жизнью одновременно познающего и нравственного сердца. «Платонизм – где любви, эросу, сердцу уделено особое внимание, – всегда был близок русской ментальности и русскому душевному складу, для которых познание истины неразрывно связано с интимностью и глубиной сердца, взволнованным состоянием души» [3, с.16]. Единство религиозного и философского знания является той новизной, которую вносит своим творчеством Г.С. Сковорода.

Концепция сердца в отечественной философии выступает как религиозно-философское направление, которое отличается от западной философии традиции, где, скорее исключением из правила, является философия сердца Б. Паскаля, М. Шелера, Г.В.Ф. Гегеля, Тейяра де Шардена. «Отметим также, что для отечественной философской традиции, имеющей истоком платонизм, а затем идущей от раннехристианской святоотеческой мысли к русскому исихазму, через протофилософию Г.С. Сковороды к славянофильству и религиозной идеалистической философии «русского Ренессанса», ближе учение сердца, выражающее идею божественного Логоса» [3, с.7]. Прошлое и настоящее в русской культуре связано с философией сердца, которую можно назвать русской идеей. «Русская религиозно-философская традиция раскрывает сущность добродетельного сердца, как духовно-нравственной исследовательской основы в познании бытия, следующим образом:

а) сердце – орган, инициирующий усилия духовно-нравственного порядка, которые гармонизируют рационально-логический и интуитивно-творческий компоненты личности;

б) сердце – сакральный центр, где происходит очищение всех действий, чувств и мыслей человека, собирание его в целостную личность;

в) сердце осуществляет особое познание, исходя из высших смыслов и принципа единства всего сущего, в чем проявляется синтез и универсализм;

г) сердце рождает, аккумулирует и излучает безусловную любовь, благотворно преобразующую человека и окружающий мир» [3, с.21].

Русская идея, над которой работают философы не одно столетие, в контексте исторических событий обретает разные формы. Н.А. Бердяев пишет о ликах России, которые не похожи одна на другую, но при этом это одна культура, где в ее глубине душа порождает разные формы своего воплощения. «Сердце» есть символ, обозначающий единство гносеологии и онтологии, целостность, единство единичного и всеобщего в русской философии. Идея всеединства проистекает из сущности «сердца», которое, одновременно, есть Бог и человек. «Символ «сердце» характеризует два нерационализируемых предела: предел имманентной реальности в человеке («внутренний человек»), предел трансцендентной реальности вне человека – к Богу. Символы «сердце», «Бог» характеризуются сходными чертами» [1, с.77]. «Сердце» становится узнаваемым символом русской культуры, не смотря на ее многообразие ликов, можно сказать, сквозной идеей, которую необходимо актуализировать через философское осмысление.

Литература:

1. Голомонзина В.В. Многоаспектность понятия «сердце» в философии Г.С.Сковороды. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.А.Герцена. 2011, №131. с.74-81.

2. Климов О.С. Православный исихазм и учение св. Григория Паламы / Климов О.С.; [Ин-т проблем машиноведения, Рос. акад. наук]. – СПб.: Б.и., 1998. – 39 с.

3. Лебеденко А.А. Философия сердца в истории русской религиозно-философской мысли XI-XX вв: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: специальность 09.00.03 <История философии> / Лебеденко Анатолий Андреевич; [Воен. ун-т]. – Москва, 2010. – 23 с.

Каньшева Ольга Альбертовна
к. филос. н., доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина
**ДИАЛЕКТИКА ЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ:
ВОЗМОЖНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ**

1. Этическое сознание представляет собой идеальную форму восприятия межличностных отношений в форме должного, а не сущего. Возможность идеального поведения выстраивается в чистом сознании, не замутненном переживаниями и страстями, свободными от практического опыта и формируют систему этических ценностей. Формируется проекция реальных отношений между людьми на должную с точки зрения идеала форму. Фактические отношения подвергаются критике и объявляются фальшивыми, а возможные этические ценности утверждаются как действительные. Сознание утверждает себя как сущее, которое повелевает быть идеальным этическим ценностям реальными. Раздвоение сущего и должного и стремление их воссоединения, превращения возможности в действительность является диалектикой переживания самого сознания.

2. Сознание являет себя миру, является феноменом другого мира, который не объективируется, но дает знать о своем присутствии. Мышление создает чистые формы поведения, которые для мнения людей выступают идеальными концепциями поведения. Процесс мышления происходит на бессознательном уровне, что приводит к неоднозначному истолкованию происхождения нравственного сознания, которое связано, как правило, со сверхъестественной силой. Схватить сам процесс мышления невозможно, т.к. эта попытка его останавливает. Бытие мышления – это горизонт, который всегда находится на периферии сознания, которая является интересубъективностью. Интересубъективность мышления обозначает всеобщность мысли, как некоторого единства сознаний. Всеобщность опыта говорит о единстве мышления в определении этических категорий.

3. Этическое сознание формулирует универсальное правило нравственности, которое одинаково для всех людей и касается любви к человеку. «Любовь к человеку» есть интенциональность, направленность на человека вообще, или, другими словами, человек выступает некоторой мерой всему. «Любовь к Богу» также выступает мерой отношений. «Любовь к науке», «Любовь к культуре» также. Любовь есть интенциональность. Характерной чертой сознания является его заинтересованность в чем-либо так, что языковая оформленность этой заинтересованности всегда звучит как признание в любви: от всего сердца, эмоционально и глубоко осмысленно. Говорить невозможно без сердца и ума, т.к. эта речь есть диалог ума и сердца. Так что говорить и любить есть одно то же. Этический поступок связан с осмыслением своего поведения, в отличие от неэтического. Мысль руководит телом, таким образом рационализируя поведение.

4. Единство ума и сердца есть условие нравственного поведения. Любовь к ближнему есть принцип нравственного поведения. Сознание предполагает сопряженность ума и сердца. Логика нравственного поведения есть проекция внутреннего отношения на внешние поступки. Это внутреннее отношение определяет, как отношение к другому, так и отношение к себе. Внутреннее отношение предполагает позицию активной деятельной любви, некоторым ее центром, автономность которой предполагает ее универсальность направленности. Знанием, или мерой поведения становится внутреннее чувство любви, сопряженное с умом, и, значит, осознаваемое, мысленно направляемое на объект внимания.

5. Быть центром любви есть идеал этического поведения, связанного с проекцией любви, проистекающей из сердца на мир. Любое другое внутреннее поведение, такие как гнев, зависть, ненависть и т.д. будет проецировать вовне соответствующее настроение и формировать мир вокруг себя в соответствии с тем, чем внутренне определено. Правило нравственности: как хотите, чтобы к вам относились, относитесь и вы к другим, заставляет человека моделировать свое поведение в соответствии с ценностями, где центральной ценностью является любовь. Не нужно ждать признания себя другими, а самому себе быть ценным, т.е. любить самого себя. Поэтому возможность любви других к вам, определяется действительной любовью нас к самим себе. При этом нужно понимать, что любовь к себе есть одновременная любовь к другим людям.

Карнов Валерий Эдуардович

к.т.н., доцент, начальник лаборатории робототехники

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

О РОЛИ МОРАЛИ В ПОВЕДЕНИИ КОЛЛАБОРАТИВНОГО РОБОТА

В области создания партнерских человеко-машинных систем особое место занимают коллаборативные роботы (КР) – роботы, непосредственно взаимодействующие с человеком при выполнении совместных работ. При этом важным аспектом организации этого взаимодействия является ожидание, что поведение КР должно отвечать этическим представлениям человека-оператора. Основные причины – это: (1) проблема выбора (функционирование в недетерминированной среде, когда технические регламенты и ограничения не всегда позволяют роботу выбирать требуемое поведение), (2) иррациональность (существуют ситуации, когда рациональный выбор действия не будет предпочтительным с точки зрения человека-оператора) и (3) субъективизм (при тесном контакте человек наделяет робота-партнера свойствами морального агента, что требует необходимости принятия решений роботом, исходя из неких представлений о морали).

КР – это агент, действующий в реальной среде, поэтому в работе большое внимание уделяется архитектуре его системы управления. Показано, что на рефлекторном уровне поведение агента определяется эмоционально-потребностной моделью, функционирование которой направлено лишь на удовлетворение его актуальных потребностей. На верхнем, когнитивном, уровне, представленным знаковой моделью, присутствуют знаки-сущности, определяющие поведение, трактуемое как социальное. Так, введение знака «Я» позволяет реализовывать такие феномены, как социальное обучение (на примерах других), подражание и отзывчивость на эмоциональное состояние других. Все это – основа поведения, которое уже может оцениваться или интерпретироваться с этической точки зрения. Такое примитивно-этическое поведение оказывается подобным тому, которое наблюдается в животном мире.

Развитие когнитивного уровня заключается во внесении в знаковую картину мира (КМ) робота сущностей вида «цель», «счастье», «добро» и пр. Эти сущности в купе со связями между ними образуют тот фрагмент КМ, который представляет схему морального поведения. Эта схема ответственна за целеполагание и мотивацию поведения КР. Ее создание осуществляется на основе формализации того или иного этического учения. Неизбежные проблемы формализации этики связаны с тем, что (1) этические схемы состоят из плохо формализуемых понятий; (2) имеются неизбежные противоречия; (3) существуют изолированные участки формализации, т.е. сама схема понятий, причинно-следственные связи не всегда образуют целостную систему; (4) при описании много «объясняется» примерами, частными случаями, прецедентами. В работе показано, что попытки привлечения для устранения этих противоречий аппарата неклассических логик (вероятностных, нечетких, паранепротиворечивых и др.) не приводят к успеху в силу того, что это – просто перенос проблемных вопросов на другой уровень. Необходимость оставаться в рамках системы исходных явных правил-высказываний определяется тем, что (1) схема принятия этического решения или этической оценки ситуации должна быть предельно наглядна, интерпретируема и, главное, объяснима; (2) все модификации, расширения моральных схем осуществляются именно в форме явных языковых высказываний и (3) схема должна быть компактной в силу необходимости ее анализа на каждом шаге принятия решения или выбора действия агентом.

В качестве модельной основы представления этической схемы в работе используются т.н. когнитивные карты – формализм, позволяющий проводить на множестве сущностей качественный анализ. Тестовой этической теорией, закладываемой в основу поведения КР, был утилитаризм в понимании И. Бентама и Дж. С. Милля в комбинации с аксиологической системой правил гедонизма.

В работе формулируются и обосновываются три фундаментальные утверждения морального поведения робота: 1) поведение агента определяется текущими актуальными потребностями и состоянием его системы восприятия; 2) в основе моральности поведения лежит результат сопоставления конспецификов с образом «Я», т.е. определение отношения «свой-чужой»; 3) схема моральных представлений нужна для определения значимости потребностей и особенностей системы восприятия, а главное – для обоснования выбранного агентом поведения.

Основные выводы исследования:

1. Обязательными компонентами системы управления КР являются эмоционально-потребностная схема («психологический» уровень) и когнитивная надстройка.

2. Эмоции, потребности, социальное поведение – это сугубо прагматические механизмы, повышающие адаптивные способности технической системы.

3. В условиях принципиально неустрашимых противоречий и неполноты при формализации моральных учений, основная задача этических схем – быть основой для объяснения постфактум, а вовсе не быть мотивирующим фактором.

4. КР – это агент, который должен уметь всегда найти оправдание своему поведению. При частичной финансовой поддержке РФФИ, проект №20-07-00770.

Кашин Егор Алексеевич

стажёр-исследователь

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ЭТИКИ ИИ

В результате популярности ИИ примерно в 2015 году в центре внимания оказались негативные последствия ИИ для человечества, например, будет ли ИИ брать на себя работу людей, решать вопросы, связанные с человеческими жизнями, убивать людей с помощью автономного оружия.

Работы над этикой ИИ существовали с 1950-х годов, но над ними работало небольшое число исследователей, в основном в контексте компьютерной этики и этики данных (особенно в отношении конфиденциальности). Этика ИИ тесно связана с философией ИИ. Как область она достигает зрелости в настоящее время, а современные обзоры появились только с 2020 года.

Иногда предполагалось, что если машины действуют этически значимыми способами, то нам нужна машинная этика, для «этичных машин». Однако, скорее всего, это недоразумение, поскольку существует общее мнение, что существующие и ожидаемые системы ИИ не обладают тем, что требуется, чтобы нести ответственность за свои действия или быть системами, за которые люди должны нести ответственность.

На карту в этике ИИ поставлен человеческий дизайн и использование ИИ. Кажется, разумно согласиться с тем, что основными этическими проблемами являются:

- Конфиденциальность и наблюдение
- Манипуляция поведением
- Непрозрачность систем ИИ
- Предвзятость в системах принятия решений
- Взаимодействие человека и робота
- Автоматизация и занятость
- Автономные системы и ответственность
- Машинная этика
- Искусственные моральные агенты
- Сингулярность

Если ИИ разработан и используется этично, как это определено этикой ИИ, то это этический ИИ. Это желательное состояние часто выражается в различных терминах, которые звучат менее академично, например, «человекоцентричный ИИ» – это подход к ИИ, который оценивает ИИ по его положительному влиянию на людей, что отражает большую часть того, что мы хотим от этичного ИИ. В нем подчеркивается, что ИИ

должен служить благополучию человека, гарантировать права и достоинство человека и оказывать положительное влияние на общество. Все эти вещи традиционно фиксируются в этике, которая принимает во внимание права и положительные последствия.

В 2015–2020 годах многие учреждения опубликовали «руководящие принципы по этике» и объяснили, как они видят этический ИИ. Они рассматривают места, в которых возникают этические проблемы, и говорят, что мы должны быть этичными, редко затрагивая моменты, где на самом деле трудно сказать, что этично, а что нет. Например, Независимая группа экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту, созданная Европейской комиссией, утверждает, что ИИ должен гарантировать:

- Надзор
- Техническую надежность и безопасность
- Конфиденциальность и управление данными
- Прозрачность
- Разнообразие, недискриминацию и справедливость
- Социальное и экологическое благополучие
- Подотчетность

На самом деле это просто говорит о том, что ИИ должен гарантировать ответственность, положительную пользу в долгосрочной перспективе и защищать такие права, как неприкосновенность частной жизни и справедливость.

Киракосян Рубен Степанович
преподаватель

Коллегия адвокатов ГРАД города Москвы

О ЦИФРОВОМ НАСЛЕДИИ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОМ И ЭТИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ, ОТРАЖАЮЩЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЦЕННОСТНЫЙ РЯД ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА

Цифровое наследие является составной частью нематериального культурного наследия. В 2003 году Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры была заключена соответствующая конвенция об охране нематериального культурного наследия.

Культурное и цифровое наследие не то же самое, что наследство. Наследство то, что подлежит наследованию в силу закона или по завещанию – осязаемая вещь, любое материально выраженное имущество, находящееся в собственности наследодателя, имущественные права или права требования, т.е. все, имеющее связь с миром вещей или объектами, находящимися в неразрывной связи с материальным носителем, например, авторское право на книгу или на художественную картину.

В отличие от наследуемого имущества, цифровое наследие изначально нематериально и не наследуется, будучи всеобщим достоянием. К цифровому наследию можно отнести, например, созданные в цифровом пространстве ресурсы человеческих знаний и достижений в области культуры, образования, науки, управления, в том числе созданные на бумаге, и в дальнейшем преобразованные «в цифру», например, сканы древних рукописей. Сюда же относятся цифровая живопись, web-дизайнерские решения, сложившиеся традиции и условности (например, общепринятые сокращения) в цифровой сфере, а также существующие только в «цифре» фильмы, фотографии, коллажи, иные произведения и даже сверх-популярные среди пользователей смайлики и эмоджи, ставшие целым культурным явлением, характеризующим современную кибер-эпоху. Сюда же можно отнести персонажей и дизайнерские решения виртуальных игр, и вообще эстетику виртуальной или дополненной реальности.

Цифровое наследие существует не само по себе, оно является составной частью мирового нематериального наследия, но в отличие от последнего, существует на любом языке, в любой части света одновременно, а в отличие от материального объекта, привязанного к конкретному географическому месту или владельцу, цифровое не ограничено географически, оно доступно любому, в любое время дня и ночи из любой точки.

Любые элементы виртуального пространства: текстовые документы, базы данных, движущиеся и неподвижные изображения, звуковые, графические изображения, ПО, веб-страницы, любой из них может содержать, нести в себе объекты цифрового наследия.

Почему человечество остановило свой выбор на такой объективации своих эстетических решений? Полаем, что это следствие технологических достижений и стремительно ускоряющегося ритма жизни, когда ценностью является не созерцание натюрморта, а сам момент жизни, когда в любом мгновении присутствует вся полнота бытия и недостаточное времени для рефлексии, протяженного во времени процесса сопереживания. Мы живем в эпоху технологически безграничных возможностей для реализации творческих и профессиональных фантазий, выражения эмоций, занятия, например, кино-творчеством без осуществления каких-либо вложений.

Вместе с тем, есть и отрицательная сторона. Существуют опасения, что цифровое наследие для последующих поколений может быть безвозвратно утеряно. К способствующим этому факторам относят устаревание оборудования и программ, обеспечивающих доступ, отсутствие долгосрочных эффективных методик обеспечения сохранности, тем более, что количество и разнообразие файловых форматов постоянно увеличивается, что приводит к изменению их качественных характеристик. Говоря по-иному, цифровая эволюция оказалась слишком стремительной и дорогостоящей, и человечество попросту не успевает разработать стратегии сохранения наработанного виртуального контента, потому вводятся принципы их отбора по критериям ценности и значимости.

Представляющие значимость, цифровые ресурсы включены в ценностный ряд человеческих достижений в области культуры наряду с такими явлениями нематериального наследия, как фольклор, традиции, язык, верования, символы, танцы, жесты, знаки. Именно в таком ряду рассматриваются и объекты цифровой культуры.

Цифровое наследие защищено законом и международным правом, в частности, хартией ЮНЕСКО «О сохранении цифрового наследия». Необходимо данное наследие беречь – именно оно будет в будущем характеризовать нашу эпоху в мировосприятии далеких потомков.

Киришин Владислав Анатольевич
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ ГРИГОРИЯ ПОМЕРАНЦА В 1970-ЫЕ ГОДЫ

Записные книжки Григорий Померанца представляют чрезвычайную важность для изучения не только советской культуры периода застоя, но и вычлениют наиболее важные проблемы в творчестве мыслителя, которые могут стать первыми шагами к изучению всего интеллектуального наследия автора.

Г. Померанц формирует два понятия, которые существенно важны для человека вообще: «традиция свободы», «чувство кожи». «Традиция свободы» – это право и возможность человека выбирать духовные и культурные корни. Г. Померанц пишет: «Невозможно представить себе «Философию свободного духа» Бердяева, растущую из чисто русских корней. Я не могу представить своего духовного развития без освобождающих традиций Востока (ранние упанишады, Кришнамурти, дзэн) и без созерцания кризиса свободы на Западе». [Померанц Г.С. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов) // Г.С. Померанц. – СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 478.] «Чувство кожи» – телесная потребность, которая предопределяет связь человека с Другим таким, как животное, мать, женщина, род. Г. Померанц противопоставляет данное понятие половому желанию.

В записных книжках 1970-ых годов для Г. Померанца особенно важной является культурно-нравственная связь в наблюдаемых явлениях. Этическая и моральная нормы находятся в области индивидуальных переживаний, а не культурной. Таким образом, Г. Померанц демонстрирует, как культура и общество искажает изначальные

(заложенные изначально) этические ценности индивида, которые заложены изначально в человеке. Особенно показательными являются примеры, которые Г. Померанц приводит из области влияния школы и семьи на взросление ребенка. В тоже время Г. Померанца считает, что именно общество и культура участвуют в формировании морально-этических ценностей и направляют человека к ним.

В записных книжках выстраивается дуалистическая оптика представлений о личном мире человека, в котором основной аксиологической ценностью, по мнению Г. Померанца, является «традиция свободы». Различные стороны человеческой жизни рассматриваются с точки зрения наличия данной ценности в современной культуре: от интимной жизни человека до диалога индивида и государства.

В записных книжках прослеживаются основные идеи Г. Померанца «самостоянье» личности в религии и культуре, путь вглубь себя взамен растворения в массе, т. е. выход из духовных и политических кризисов современности, и которые в дальнейшем получают полное оформление в «Записках гадкого утенка»: «Только новый дух, найденный в собственной глубине, может нас вывести из трясины. И об этом, собственно говоря, идет речь во всех моих книгах». [Померанц Г.С. Европейская свобода и русская воля // Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрастие духа. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 487.] С позиций «традиции свободы» Г. Померанц рассматривает не только относительно близкие исторические события (победу над Наполеоном, Севастопольское сражение, сдачу Порт-Артур, дело Бейлиса, террористическую атаку в аэропорту Лод) и полемизирует с современниками, но анализирует вопросы религиозного характера, как область индивидуального осознания.

Ковержнева Софья Александровна

к.полит.н., старший преподаватель

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

НРАВСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ ВЫБОРА РЕШЕНИЙ СУБСТАНЦИАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Выход из мирового кризиса так или иначе будет намечен интеллектуальными инструментами – наиболее общими понятиями и принципами уходящего миропонимания. Цифровизация как высшая форма сегодняшнего рационализма и техницистского сознания не сможет заменить субстанциональных деятелей как потенциальных или действительных элементов социального мира. Модернизация социального мира через многоформатный кризис, видимость сетевого хаоса при определенном блокировании вертикальных каналов управления принуждает искать основания единства человечества.

Преодоление бессмысленности – хаоса – в органическом мировоззрении Н. Лосского содержало как угрозу подчинения личности целому – коллективу, обществу, государству, которая бы рассматривалась как средство для достижения целей целого, так и угрозу признания самостоятельности/субъектности только за индивидом, лишая смысла целое. Возможность единения и согласия «есть условие всякого порядка, всякой системности и всего того, что придает множеству существ и событий характер космоса, а не хаоса, характер разумности, ... а не безнадежной бессмысленности» [1, с. 424].

Попытка Н. Лосского выявить диалектику индивидуального и социального через введение позиции сверхиндивидуального (субстанционального) деятеля, способного путем использования механизма иерархического персонализма создать единое из многого ставит вопрос об ответственности лиц, принимающих решения. Следующий шаг Н. Лосского – создание этики, свободной от формализма для обеспечения свободы бесконечной творческой силы многих индивидов. Конкретная этика, по мнению Н. Лосского, возможна на основе конкретного идеал-реализма как системы, в сфере духовного бытия которой не только идеи, законы и правила, но и конкретно-идеальные начала – живые субъекты, соединяющие духовное начало с бесконечной содержательностью бытия [1, с. 476]. Общие понятия, количественные и качественные

формы, являющиеся предметом интеллектуальной интуиции, составляют интеллектуальное бытие [2, с.292]. Идеальное бытие ограничено содержательно. Реальное бытие богаче, ибо включает то, что имеет временную и пространственную форму и может быть системным на основе реального бытия – событий, которые творятся субстанциальными деятелями как носителями отвлеченно-идеальных форм в соответствии с отвлеченными идеями. Свобода же субстанциальных деятелей, создающих мир, состоит в возможности выбора либо безусловно ценного и должного (Царства Духа), либо преходящих мнимых ценностей, принадлежащих душевно-материальному царству. И за этот выбор субстанциальный деятель несет полную ответственность. Субстанциальным становится деятель, который осознает абсолютные, подлинные ценности и следует им. Формальная свобода воли субстанциального деятеля состоит в воздержании или отказе от определенных действий, но есть и материальная свобода, определяемая способностью и мощью руководства, черпающего силу в соборном творчестве [2, с.302].

Этика Н. Лосского определяет нравственные границы выбора тех, кто принимает решения в переломное время.

Литература:

1. Лосский Н.О. Мир как органическое целое//Избранное. М., Правда. 1991. с.335-480.
2. Лосский Н.О. История русской философии. Интуитивисты. /Советский писатель. М. 1991. 474 с.

Кода Надежда Викторовна
к. филос. н., преподаватель

Российский государственный гуманитарный университет

ПРОБЛЕМАТИКА ЭТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ТЕХНИКИ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Осмысление этической проблематики технологий в постантропоцентрической парадигме неизбежно возвращается к противопоставлению человеческой природы и техносферы. Развитие биотехнологий, искусственного интеллекта, геной инженерии воспринимаются современными исследователями двойственно: с одной стороны, с энтузиазмом прорыва в новые человеческие возможности, а с другой стороны, с ужасом перед открывающимися перспективами кризиса человеческой идентичности.

Если субъект, согласно тенденциям философии второй половины XX века, идет к своему исчезновению, то не является ли причиной этого до конца не распознанное «существо техники», как раз вступающее в свои права? Случайно ли «смерть субъекта» и размывание границ человеческой идентичности идут параллельно с техническим прогрессом, или причина данных явлений имеет под собой другое основание? Если существо техники, согласно Хайдеггеру, является чем-то отличным от того, чем она выступает на первый взгляд, возможно, техническое является неким нераспознанным «способом обнаружения бытия», как об этом писал Флоренский, стремясь примирить человека и «наступающую на него» техносферу. Тогда проблема приобретает другую окраску – из прямого противостояния и взаимопритяжения техносферы и человека, сущность технического обнаруживается как еще не осуществленная «сторона человеческого». Однако, именно к данной стороне вопроса и апеллируют сторонники евгеники, с которыми вступает в спор Хабермас, указывая на посягновение геной инженерии на сам образ человека. При условиях противопоставления естественным образом существующего человека и его возможных модификациях – кризис идентичности, выстроенный на дилемме искусственного и естественного, считает немецкий философ, окажется неизбежным.

Откровенного противостояния здесь сложно избежать. Бодрийяр указывает на то, что исчезновение субъекта тождественно исчезновению его «второй стороны» – объективности реального мира. Не последней причиной «мира вне всякого смысла», как его называет Бодрийяр, является «размывание границ» человеческого, связанного с

утратой им субстанциальности и преобразованием его в свойство в постантропологической парадигме. Человек, выступающий как свойство, а не как субстанция, трансформируется в размытую «человечность» и может переноситься, согласно идеям постантропоцентризма, на другие технические объекты: развитие искусственного интеллекта ставит вопрос об этом с особенной отчетливостью. Таким образом размывание границ «человеческого» является трансформацией не только человеческой природы.

Этическая проблематика постнеклассической антропологии связана с тем, что человек и существо техники в современности выступают в неразрывной связке. Характер этого соотношения будет зависеть от того, где будет пролегать граница между человеческой природой и техносферой.

Коробкина Елена Николаевна

научный сотрудник

Крымский федеральный университет им.В.И. Вернадского

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ «УМНЫХ» ГОРОДОВ

В статье дан анализ проблем этико-философского характера взаимодействия органов городского управления, гражданского общества и систем искусственного интеллекта, выделенных автором как «концептуальная инновация», синергетическая модель паттерна управления «умного» города в условиях системного кризиса инновационной трансформации. Рассмотрены некоторые риски вторжения Big data (Больших данных) в правовое поле умной управленческой модели. Феномен распределенной морали как механизм социального контроля, паноптикумы умного города.

Проекты создания и трансформации «умных» городов в современном научном дискурсе вызывают все больший резонанс и опасения ученых с точки зрения выхода за пределы традиционной этики в процессе инновационной трансформации: феномен распределенной морали в обществе знания, приходящем на смену эпохе постмодерна, как феномен пост-этики в цифровом поле дата-технологий. Датазация социально-технологической структуры «умных» городов, равно как и внедрение различных форм искусственного интеллекта является основной инновационной технологией умной трансформации городов.

В проектах «умных» городов каждая сфера развивается по своим «умным» решениям. Так к правительственной сфере относятся цифровые услуги для горожан и бизнеса, диалог с горожанами, системы поддержки принятия решений. Большие данные создают общегородское информационное цифровое поле. В его структуре полная цифровая информация о каждом гражданине города, каждому горожанину присваивается цифровой код (qr-код). Потoki данных о гражданах города включаются в систему полного видеонаблюдения с помощью технологий искусственного интеллекта, таких, как обучение нейронных сетей распознаванию лиц. Сбор больших данных предполагает интернет вещей. Эти технологии дают преимущества для эффективных управленческих решений на основе данных (системы поддержки принятия решений и предиктивная аналитика).

Но, тем не менее, возникает ряд этических проблем и рисков, связанных с тотальным видеонаблюдением и слежением в структурах города, при усилении контроля, а особенно повсеместного ограничения передвижений всех граждан.

Вопросы этики машин, или этики для машин поднимаются сейчас многими исследователями. Поднимается вопрос о программах частного искусственного интеллекта, работающих автономно. К ним относятся и системы скоринга в банках, и автомобили, работающие на собственных алгоритмах, и дроны в военном деле. Эксперименты с машинами на самоуправлении, работающими на улицах «умных» городов в общем режиме, мгновенно сворачиваются после наезда на людей. Американскими учеными давно ставится вопрос о создании этического кодекса для машин. Так в рамках проекта информационного ресурса Массачусетского Технологического Института (MIT), который называется «О машине морали» (начало проекта 2017 г.) проводятся опросы

общественного мнения. Как указано в описании ресурса: «Недавние научные исследования о машинной этике повысили внимание СМИ и общественности к данной теме. Целью этого сайта является дальнейшее развитие дискуссии путём создания платформы для: 1) составления картины мнений общественности о том, какие решения следует принимать машинам в ситуации моральной дилеммы и 2) сбора информации и обсуждения потенциальных сценариев нравственного выбора» [1].

Вопрос об универсальной этической машине, созданной на основе метода обучения на Больших данных этических кодексов человечества, в том числе и на современных разработках сайта, на вопросах, обсуждаемых общественностью о ситуациях нравственного выбора для машин, не кажется уже утопией. Универсальная этическая машина, обученная этическому кодексу, у которой моральный выбор станет частью «машинного кода», уже не вопрос фантастики, это вопрос пост-этики в пост-реальности «умных» городов, вопрос создания «морали машин», или «морали для машин».

Литература:

1. Moral Machine. URL: <http://moralmachine.mit.edu/hl/ru> (дата обращения 13.07.2022).

Коротченко Юлия Михайловна

д.филос.н., профессор

Крымский федеральный университет

им.В.И. Вернадского, Институт «Таврическая академия»

О ВАЛЮАТИВНОЙ АНТИНОМИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Коммуникативный универсум общества осмысляется современной философией в терминах «Своих», «Другие»/«Чужие». Здесь мы будем иметь в виду коллективных Своих, Других/Чужих, формирующих социальные общности. Конфликт между сторонами, коммуникативная чуждость которых друг другу максимальна, может перерасти в конфликт военный, и тогда Чужой приобретает статус Врага. Как возможно конкретизировать в этом аспекте коммуникативное различие Свой vs Чужой? Предлагаем экспликацию этого различия в терминах валюативного анализа. Базовые типы смыслов, значимых для участников конфликта, составляют список ячеек валюативной интерпретационной матрицы. Имена этих ячеек таковы: персонализаторы общности (герои, мученики, враги); ценности; нормы; формы репрезентации общности (язык, корпус идеологических текстов, художественное творчество). Перед сторонами конфликта лежит одна и та же социальная реальность. Но ее элементы поименованы валюативной матрицей антиномически. Одни и те же фигуры для Своих – герои и враги для Чужих и наоборот; Свои мученики – справедливо покаранные для Чужих и наоборот и т.д. по всей матрице. Формируются две исключочающие друг друга реальности, существующие в сознании враждующих общностей. Выстраивается интерпретационная структура – валюатив, в которой люди, отношения между ними, поступки и результаты этих поступков неразрывно связаны с валюативными ярлыками, как если бы они изначально были им тождественны и вне интерпретационной активности общности. Она не пускает в себя Врага и не выпускает наружу Своего. Участники коммуникации по схеме «Свои – Враги» оказываются в ловушках своих валюативов, будучи обреченными на вечный и непримиримый конфликт, обремененный этой валюативной антиномичностью. Валюативные матрицы, замкнутые исключительно на себя, не содержат средств разрешения конфликта. Они создают языки с противоречащими друг другу интерпретациями, поэтому враждующие стороны никогда не докажут друг другу свою валюативную правоту и не опровергнут валюативную неправоту Врага. При этом для самих себя они всегда будут правы и оправданы своим валюативом. Примером валюативно антиномичного общества является современное украинское, разорванное на антиномичные друг другу валюативные зоны, каждая из которых на своей территории исторически и социокультурно укоренена и поддерживается внутренними и внешними силами под валюативными щитами.

Коммуникация «Свои – Враги», поляризуя коммуникативное пространство и являясь практикой, реализуемой в гибридных войнах, оказывается губительно опасной для государств, обществ, человечества. Сегодня мир загнан в валлоативный тупик, описываемый этой схемой. Обобщенно говоря, она формируется при выборе крупным игроком на мировой шахматной доске стратегии на единоличное мировое лидерство, обосновываемое им показательно валлоативно (демократическими ценностями, например) с перечислением врагом как акторов, препятствующих всемирному распространению этого валлоатива. Сегодня остро актуализируется необходимость искать область интерпретационного согласия, лежащую вне валлоативов участников коммуникации «Свои – Враги» и содержащую средства описания реальности, выводящие их в некое общее поле совместного бытия. Тогда оценка валлоативно мотивированного поведения враждующих сторон проявится как оценка их близости/дальности относительно, например, базовых прав человека или выработанных человечеством этических идеалов как абсолютно должного.

Кудряшова Валерия Сергеевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЭВТАНАЗИИ В БИОЭТИКЕ

За последние 30 лет в медицине вопрос моральности и аморальности становится еще острее. Это, в том числе, связано, прежде всего, с такой процедурой как эвтаназия. Имеет ли человек право распоряжаться своей смертью ровно так же, как и жизнью? Может ли он выбрать, когда ему умереть? На сегодняшний день эвтаназия признана законной в некоторых странах. Появился специальный термин «суицидальный туризм» – для потенциальных кандидатов организуются поездки в государства с целью осуществления процедуры.

В Голландии 29-летняя Аурелия Брауверс добровольно ушла из жизни. Она не была смертельно больна: ей было разрешено покончить с собой из-за психического заболевания. В 12 лет у нее была депрессия, а затем последовали другие диагнозы: тревожность, психозы, девушка начала слышать голоса и причинять себе увечья. Лечащие врачи отказывали Аурелии в проведении эвтаназии, и ей пришлось обратиться в «Клинику конца жизни». Данный случай вызвал неоднозначную реакцию в обществе: была ли альтернатива в этом деле? Девушка была больна именно психически, и в этом случае возникает вопрос, было ли ее желание искренним, либо же являлось результатом психического расстройства? Однако есть и другая сторона, считающая, что если желание было изъяснено неоднократно и пациент прошел курс лечения, то в таком случае следует рассмотреть просьбу пациента. Аурелия высказывала желание уйти из жизни не один раз, и, получив разрешение, считала дни до процедуры. Последние 24 часа она провела с семьей и друзьями, после чего попрощалась со всеми в социальных сетях: «Я собираюсь в путь. Спасибо за всё. С этого момента я больше недоступна». Нидерландские врачи выделяют основные причины просьб пациентов о прекращении жизни: потеря достоинства, страх перед страданиями, зависимость от других, невыносимая ситуация, усталость от жизни. Читая о таких мотивах, невольно задаешься вопросами: должны ли мы проявить милосердие к таким людям, или же в наших силах давать им надежду и поддерживать их на этом пути? Возможно, позволив человеку и дальше прожить подобные моральные страдания, мы проявляем крайнюю жестокость по отношению к ним?

В Швейцарии существует 6 организаций, которые имеют право на предоставление процедуры эвтаназии, в стране также распространен «суицидальный туризм». Среди причин для эвтаназии были ревматические заболевания, рак, психические расстройства (включая деменцию), ВИЧ, неврологические заболевания, сердечно-сосудистые заболевания. Дэвид Гудолл, 104-летний ученый из Австралии отправился в тур по Швейцарии, где 10 мая 2018 года ввёл себе инъекцию и скончался. Свое решение он

обосновывал тем, что в данном состоянии несчастлив, является «обузой» для родных. При жизни мужчина активно боролся за легализацию эвтаназии в Австралии, и своим поступком не только избавил других от необходимости ухода за ним, но и привлёк общественность Австралии к вопросу эвтаназии.

Таким образом, на примере данных стран, можно сделать вывод, что проведение эвтаназии – это процедура, требующая компетентной врачебной оценки, дееспособности пациента и случая, когда никакие лекарства не могут помочь больному. Ситуация с психическими расстройствами намного сложнее: врачи не могут с точностью утверждать, что решение пациента, пусть он озвучил его многократно, было правдивым. Что же касается заболеваний физического начала – пациент должен опробовать все возможные способы лечения, известные медицине в данный момент, и потом подавать заявление на эвтаназию, в ходе которого врачи в индивидуальном порядке будут рассматривать его случай.

Кузнецов Никита Всеволодович

д. филос. н., профессор, директор Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА ОБРАЗОВАНИЯ И ЭТИКА В ОБРАЗОВАНИИ

На первый взгляд, данная проблема может показаться весьма изученной темой, о которой уже немало сказано и написано. Более того, стремясь сформулировать основные проблемы данной сферы, рискуешь впасть в сложившиеся моралистические интонации и догматические шаблоны, которые обязательно предполагают разговор о значимости этических ценностей в системе образования и месте этики как предмета/дисциплины в образовательном процессе. Все так, значимость этической составляющей образования и задачи этики на этом поприще никто не подвергает сомнению. Однако, хотелось бы поразмыслить об актуальном звучании этих вопросов. Полагаю, что предметом данной дискуссии является, прежде всего, система высшего образования.

Во-первых, следует проанализировать тенденции в сфере современных социальных отношений, которые оказывают влияние на образовательный процесс и институциональные структуры сферы образования. Реформы образования продолжают на протяжении уже более двадцати лет, можно ли говорить о сложившемся образе университета в современной отечественной культуре, о четко представленных моральных запретах общества к выпускнику вуза, достаточно ли ясны именно нравственные цели и задачи образования. Каков этот нравственный человек – носитель знания, университетской культуры и этических традиций. А ведь по выражению К.Д. Кавелина, «только нравственные люди – непосредственные, живые носители общественных идей и формул». Т.е. суть вопроса заключается в следующем: этика образования может быть понята в контексте задач нравственного совершенствования современного общества.

Этическое образование непосредственно связано с положением этики как науки и дисциплины в современном образовательном пространстве. В современном образовании этика представлена не только в рамках философских дисциплин, ориентированных преимущественно на подготовку гуманитариев. Этические компоненты присутствуют в виде курсов профессиональной морали в ряде образовательных программ. Развитие прикладной этики сказывается на востребованности таких направлений, как биоэтика, бизнес этика, этика цифрового общества, медиаэтика и др. Однако в этой сфере – преподавании этических дисциплин нам видится ряд проблем – профессиональные проблемы морали рассматриваются подчас как исключительная прерогатива специалистов, профессионалов, являющихся авторами и моральных кодексов профессиональных и этических курсов. Вопрос возникает о роли этики как науки и дисциплины в этом весьма сложном процессе научных и профессиональных дифференциаций. Как нам кажется, такая разобщенность не приводит (даже в рамках отдельного университета) к некому единству этических убеждений, моральных ценностей и идеалов.

И третье – немаловажное обстоятельство, которое следует отметить. Этика всегда была практической философией, своего рода философией убеждений и поступков, а следовательно, – этика образования – это не только проблема этических оснований социальных институтов и содержания учебного процесса – это стиль нравственной жизни университета, своего рода этос системы образования, который складывается на основе нравственных традиций, достижений науки и образования, но главное – ценностного пространства, которое создается преподавателями и студентами, учителем и учеником. Если посмотреть на это проблему достаточно широко, то речь идет о нравственном значении и авторитете университета в современном российском обществе.

Волкова Анна Владимировна

д.полит.н., профессор

Кулакова Татьяна Александровна

д.полит.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...

Владимир Александрович Лефевр – советский и американский математик и психолог на основе применения булевой алгебры пытался спрогнозировать, какой моральный выбор сделает человек (и нация) в определенных обстоятельствах. Надо сказать, что его знания весьма помогли в реализации стратегических целей, но не СССР, а США в 80-90 годы, поскольку в 1974 году он эмигрировал в Америку. Уже в 1974 году стал профессором Калифорнийского университета в Ирвайне, тесно связанного с Пентагоном, поскольку его научные работы, опубликованные еще в СССР, получили высокую оценку американцев. Теория рефлексии В. Лефевра стала альтернативой теории игр, которая была в ходу в Министерстве обороны США в то время. Создал теорию о двух типах систем поведения, одна из которых заключается в попытке примирить противоречивые позиции акторов через нахождение точек соприкосновения и компромисса, вторая отличается тревожностью ожиданий, способностью мобилизоваться и дать отпор при посягательстве на свои интересы.

И если американская политика в 70-е годы XX века еще имела в своем основании протестантскую этику, пронизанную идеями пользы, оценку меры добра (терпимость и толерантность, компромиссы), то советская политика – коммунистическая, наделалась эпитетом тоталитарная. В. Лефевр полагал, что эти знания необходимы для американских политиков, управленцев, для тех, кто принимает решения, чтобы предвидеть реакции людей на определенные действия, в первую очередь, на советское руководство. Рефлексивный игрок, проникнувший в тайны и причины эмоциональных, продиктованных чувствами поступков, вполне может обыграть соперника, который следует разработанной стратегии в рамках теории игр, признанной в министерстве обороны США, но не учитывает способ реакций противника и маркирования поступков как «добро» и «зло». Англосакс поступает так, чтобы максимизировать среднее значение результата. Самое замечательное открытие В. Лефевра состоит в том, что для русских выбор «компромисс или сражение» не зависит от получения материальных благ, выбор определяет только доверие к собственному выбору, т. е. для русских добро не совпадает с пользой. В этом В. Лефевр вторит Ф.М. Достоевскому: «Человеку надо – одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела». Для В. Лефевра это драматическое различие реакций определяет выбор наиболее выигрышных стратегий холодной войны между западом и Россией.

Судьбы творческих и оригинально мыслящих людей заставляют размышлять не только о ценности созданных ими идей, концептов, но и о личных моральных системах ученых. Справедливы ли положения теории В. Лефевра в отношении психологии русских в настоящее время? Каковы ценностные системы российской элиты и «простого народа»? Каким образом и может ли в принципе строиться государственная

политика в отношении творческих людей, чтобы они не искали лучшей личной доли за пределами страны и не работали против интересов Родины внутри и за ее пределами? С этой проблемой не справился ни поздний Советский союз, не справляется и Российская Федерация. Сбережение интеллектуальной элиты и встраивание ее в процесс реализации интересов страны может способствовать обеспечению ее суверенитета. РНФ №22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации»

Лапкина Дарья Игоревна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Глубинной причиной современного антропологического кризиса, обострившего поиски места человека в мироздании до невиданных доселе масштабов, является трансформация реальности, порожденная четвертой промышленной революцией и по сути поставившая под вопрос саму возможность существования единого телесно-духовного человека.

Идентичность – это мера соотносительности личностного смысла человека с социальным идеалом, степень принятия и допущения его, взаимопроникновения их, результатом которого должно являться наделение «Я» самостью – «Я»-идентификация.

При этом индивидуальность человека, как исходная точка «обретения» себя, невозможна вне Другого (Других), поскольку человек социален по своей сути, иных путей обретения себя – вне социума – он не знает. Возникает известная коллизия – где в этом сложном процессе самоидентификации собственное «Я», а где – результат воздействия социума, изначально задающего – контекстом культурных, идеологических, теперь уже и геополитических реалий – условия и рамки, границы его собственного становления?

Человек – единственное существо в мире, не тождественное самому себе, не обретшее собственной сущности, как все остальные – столкнулся с вызовами, породившими новый уровень и масштабы кризиса идентичности.

Происходящий с конца прошлого века переход от книжного к экранному типу трансляции культурно-исторического наследия, коллективного опыта, социального генома многими учеными отождествляется по масштабам влияния на ментальность человека с неолитической революцией, а по последствиям – даже превышающего ее [1]. Если до недавнего прошлого социально-природное бытие человека выступало естественной «нишей» его чувственно-телесного бытия, в которой он был погружен и которую интерпретировал («бытие есть коррелят интерпретаций бытия», по М. Хайдеггеру), и если при всей своей «бесконечности» мир имел конкретные очертания, был осязаем и понятен (даже в образе «Замка» Кафки), то нынешняя, «вторая неолитическая» (кибертехнологическая) революция перевернула это «молчаливое» согласие, заданность бытия человека в мире, приведя к «революции миров», сделав «зеркало» идентификации «кривым».

Обладая потенциально неограниченными возможностями конструирования реальности, превышающей саму Жизнь силой своего Разума, мир стал для человека еще более чуждым – наделив могуществом, разум отказал человеку в элементарном умении ориентироваться в бесконечно усложняющейся реальности, которая перестала быть чувственно-осязаемой, образно и понятийно интерпретируемой; порожденный разумом человека мир все более трансформируется в НБИК-реальность с ее стертой и размытостью границ физического, биологического и кибернетического пространств-миров [2].

Как проявляется кризис идентичности в конкретных жизненных поисках и траекториях, можно увидеть на примере поиска социального статуса (имманентно присущ молодежной субкультуре), принимающего деструктивные формы (Валерия Лукьянова-АтаШе, идентифицирующая себя с Барби, московская студентка Варвара Караулова, пришедшая в поисках самоидентификации и самореализации, значимого «Другого» в запрещенную террористическую организацию).

Таким образом, идентичность как мера соотносительности личностного смысла человека с социальным идеалом, результатом которой является «Я»-идентификация, в современном сложнофрагментарном мире переживает кризис, характеризующийся отсутствием компромисса между тем, кем человек пытается и хочет быть, и тем, чем позволяет ему на самом деле быть социум. Сущность этого кризиса можно свести к потере стабильности и устойчивой ориентации в бесконечно усложняющейся реальности, которая перестала быть чувственно-осязаемой, образно и понятийно интерпретируемой. Явление это в перспективе будет еще более остро переживаемым, обретая новые онтологические «пласты», вызванные потенциальной возможностью трансформации самой телесности человека, его сознания.

Литература:

1. Шеманов И.Ю. Самоидентификация человека и культура / И.Ю. Шеманов. М.: Акад. проект, 2007. – 479 с.
2. Шиловская Н.С. От общества гуманизма к обществу трансгуманизма? / Н.С. Шиловская // Философия и общество. 2013. №3. С.141-150.

Майборода Дмитрий Владимирович

к. филос.н., доцент

Минский государственный лингвистический университет

ФИЛОСОФСКАЯ КАТАСТРОФА И ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ЭТОС ФИЛОСОФИИ

Сто лет назад началась Философская катастрофа. Это начало получило название «Философский пароход», – изгнание одной философской школой сторонников других с гигантской территории, ранее входившей в Российскую империю, а тогда собираемой в новое государство, СССР. «Расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно», – эти слова радикального марксиста Льва Троцкого – декларация нового принципа отношения к оппонентам в философии. Через некоторое время сам Троцкий будет выслан по тому же принципу, а чуть позже принцип радикализируется: «Терпеть их невозможно, значит, для расстрела не нужен повод».

Триумф нетерпимости сделал дискуссии в философии невозможными, а философские школы монологичными. Поскольку философия сохраняла значение общекультурного ориентира, то односторонне стало культурной ортодоксией. Эта монополизация не стала отличительной особенностью только советского общества. Норма «одно общество – одна философия» стала распространяться по миру, сторонники разных философских школ стали провоцировать интеллектуальные «чистки», за которыми следовало устранение оппонентов во всех сферах культуры – в искусстве, религии и науке. Философская катастрофа стала основанием культурных, цивилизационных и гуманитарных катастроф XX века.

Конечно, Философская катастрофа – не единственное философское бедствие в истории, а положение философии в культуре и до неё было далеко не идеальное. Кроме того, в философии и культуре в целом и до катастрофы хватало монологизма.

Философов и ранее закапывали живьем, казнили, гноили в тюрьмах, изгоняли и провозглашали сумасшедшими. Иногда это делали даже представители иных философских школ, и эти гонения приобретали большой размах. Однако даже когда эти гонения провоцировались философами, то в основном такими, которые подчеркивали служебную роль философии в отношении религии или государства. Сами же эти преследования никогда не становились долговременно воспроизводящейся системой, к тому же перенимаемой как эффективная стратегия другими философскими школами и обществами. По большей мере философы всегда отличались готовностью к дискуссии с оппонентами, редко поддерживая религиозные и государственные репрессии в их отношении.

Ясно также, что положение философии в культуре всегда было проблематичным. И тем более это касалось дореволюционной России, где ортодоксия склонялась к исключению философии, что обосновывалось идеями вроде «польза философии не доказана, а вред от неё возможен» или религиозным принципом «верую, ибо абсурдно».

Особенно сильная опаска философии была связана с опытом Франции, где деятельность просветителей, так называемая «республика философов», привела к Великой французской революции и к Наполеоновским войнам. Однако даже тогда гонения на философские школы не были тотальными и ставили целью скорее пресечь негативные эффекты быстрого массового распространения идей, которые в узких кругах оставались дискутируемыми. И опять-таки большинство философов выступали за необходимость сохранения диалогического пространства философии.

Наконец, понятно, что монологизм родился и в философии, и вообще в культуре задолго до Философской катастрофы. Философия Гегеля именно из-за ее монологичности вызывала и вызывает негативную реакцию многих философов, а абсолютная монархия вообще предстаёт одним из крайних проявлений монологизма в политике. Но дело тут не в том, что марксисты наследовали гегельянскую монологичность, а авторитаризм и тоталитаризм – развитие монархической централизации. Философская катастрофа была изменением этоса философии с диалогичности на борьбу на уничтожение. Но это – уничтожало и саму философию, потому что сама её суть диалогична. В философии худой диалог всегда лучше доброго монолога. И, конечно, не только в философии. А потому нам нужно постоянно спрашивать себя, в достаточной ли мере мы выучили урок Философской катастрофы?

Макаров Андрей Иванович
д. филос. н., профессор

Волгоградский государственный университет

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ

Как известно антропологические концепции происхождения морали выводят нравственность из «природы человека», его потребностей и интересов, из биолого-психологической сущности индивида. Первой антропологически ориентированной концепцией счастья был античный эвдемонизм. Эвдемонисты считали счастье исходным принципом нравственности и целью правильной жизни. Счастье как высшее моральное благо представляет собой не только совокупность физических и духовных ценностей, но и особое состояние социальных отношений. Мы согласны с Лейбницем, который считал, что сущность феномена не в нем самом, а в отношениях с другими вещами. Счастье не является чувством или свойством природы человека. Счастье – это состояние сознания или социальных отношений? Какова его сущность? Ответы на эти вопросы будут даны исходя из диалогического подхода к этическим проблемам и категориям в сочетании с платонической эротико-гносеологической концепцией. Представители философии диалога предложили оригинальную трактовку этических феноменов, рассматривая их сквозь призму субъект-субъектных отношений. В докладе обосновывается трактовка счастья как состояния соединенности субъекта со разными типами значимых Других. В этом смысле счастье не является субъективным переживанием, ему лишь могут сопутствовать переживания удовольствия, радости, покоя, – всех тех чувств, которые в некоторых философских школах считали симптоматикой счастья. Счастье имеет вполне определенные социальные функции, связанные с преодолением отчуждения субъекта как от результатов своей деятельности, так и от своей сущности. Счастье теснейшим образом связано с потребностью в Другом. Роль и значение этой базовой потребности осмысливают Мартин Бубер, Ойгена Розеншток-Хюсси, Эммануэль Левинас и другие представители философской школы диалогизма. Поэтому каждый человек имеет стремление быть счастливым. Право на счастье, личное и коллективное, неслучайно прописано в конституциях некоторых стран. Отдельной проблемой является связь счастья и страха его потерять, счастья и собственности. Поэтому может быть не нужно гнаться за счастьем или стремиться создать условия для счастья. Платон в «Пире» дает классическую модель обретения счастья через восстановления изначальной целостности личности. Но что есть эта изначальная целостность, что означает метафора «андрогинизма» Платона? Нами дается не метафизическая, а феноменологическая трактовка счастья как союза субъекта со значимыми Другими.

Макарова Надежда Павловна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА «ЗАБОТЫ О СЕБЕ» В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В XXI веке очевидно обозначаются контуры сетевого общества. Цифровая социальная реальность в связи с глобальным распространением цифровой информации и технологий в культурном плане заявляет о себе в качестве модернизации уже существующих мировоззренческих констант. Это содействует измененным образам в сознании и поведении людей посредством воздействия средств массовой информации и глобальной сети Интернет, использования электронных технологий в повседневных практиках жизни. Трансформацию данных практик возможно проследить в обращении к современным формам этики «заботы о себе», в которые включаются представления о телесности и образах самоактуализации человека. «Забота о себе» становится вопросом этической аналитики и дрессуры. Информация, охарактеризованная в качестве цифровой, децентрализуется в путях поступления к человеку и циркулирует в сетях. Развлекательный, образовательный, пропагандистский, релаксационный и гипнотический эффекты СМИ сливаются и формулируются в образах аудитории. Следовательно, анализ необходимо производится на основе привлечения актуального публицистического материала: современного электронного проекта «The Idealist», основывающегося на переводе и публикации статей американских, европейских авторов.

При рассмотрении частного плана современных форм этики «заботы о себе» обнаруживаются проявления «вырванности» из контекста, смысловой ограниченности и фрагментарности. Цель современного «существования» человека заключена в рамки необходимого соединения сфер домашнего и рабочего пространства, выработки практик «осознанности», «очищения разума», рационального планирования деловой и личной жизни, что характерно в отображении в понятии «Work-life balance», концепции «Wellness» и их распространении. С развитием виртуального компонента и его интенсивным встраиванием в сферу повседневного принцип сознательности гиперболизируется и симулируется. Современные СМИ направляют аудиторию в сторону рационализации всех сфер жизни посредством введения в обиход правил, упрощающих коммуникацию и «заботу о себе», и свода ценностей, гарантирующих приятие в обществе. Понятие Ж. Бодрийяра о «социометрическом пространстве» в современных реалиях трансформируется в навязывание известной модели поведения и набора стандартизированных правил (подчас «ритуалов»), которые подаются СМИ в качестве приятного, комфортного и «расслабляющего» материала для каждого. Это скрытое принуждение через обещание достижения персонального равновесия и удобства жизни. Множество практик по обретению концентрации и модели осознанного поведения констатируют разделенность «я» и «тела» на темпоральном и когнитивном уровнях и диктуют необходимость самоотстранения (самовозвышения/самоконтроля) и сведения воедино физического, эмоционального и поведенческого плана человека.

Таким образом, частные аспекты современной этики «заботы о себе» в полной мере отражаются в цифровом публицистическом материале виртуального пространства, который формирует образы «подходящего» себе и обществу человека как оптимистического, мотивированного, гипер-сконцентрированного, сознательного и «учреждаемого» (не «учреждающего себя») субъекта. Формы «заботы о себе» в цифровом обществе приобретают технологический характер как в способах получения, передачи и обработки информации, в аспекте приспособления к инновациям, так и в стандартизации повторяемых действий. Отныне в ситуации высокой плотности технических новшеств, темпорального сгущения инноваций и сокращения релевантного опыта «добродетелями» выступают способность рационального планирования и внешне-внутренне-эффективного балансирования между сферами частной и публичной зоны жизни.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры // Пер. с фр., послесл. и примем. Е. Л. Самарской. М.: Республика; Культурная революция. 2006.

3. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
4. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе в 1981–1982 учебном году; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука. 2007.
5. Цифровой проект The Idealist. Дариус Форо: навыки осознанности изменит вашу жизнь // [Эл. ресурс]. URL: <https://theidealist.ru/awahabit/> (дата обращения: 28.09.22).
6. Цифровой проект The Idealist. Дариус Форо: почему оптимистом быть выгодно // [Эл. ресурс]. URL: <https://theidealist.ru/optimism/> (дата обращения: 28.09.22).
7. Цифровой проект The Idealist. Почему вы должны меньше работать и больше времени уделять своим увлечениям // [Эл. ресурс]. URL: <https://theidealist.ru/hobbyprofit/> (дата обращения: 28.09.22).
8. Цифровой проект The Idealist. The Guardian: как вновь обрести концентрацию // [Эл. ресурс]. URL: <https://theidealist.ru/concentr/> (дата обращения: 28.09.22). Грантовая поддержка 22-18-00214

Мамина Раиса Ильинична
д. филос. н., профессор
Ильина Анна Валерьевна
ассистент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

ЭТИКА ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

В настоящее время проблематика прикладного искусственного интеллекта (ИИ), включая этический аспект, во многом определяется тем технологическим прорывом, который произошел в этой области за последние два десятилетия. Новации ИИ заключаются, прежде всего, в возможности сочетать технологию больших данных (Big Data) с методами глубокого обучения (Deep Learning), основанными на использовании искусственных нейронных сетей при создании интеллектуальных агентов. Сегодня такие агенты активно встраиваются в индустрию, бизнес, управление, в практики повседневной жизни. Следствием стали новые невероятные возможности для человека и общества в целом.

Например, применение в HR-индустрии формата VCV-интервью (видеоответы на вопросы цифрового рекрутера, работающего на основе ИИ) помогли компаниям сделать процесс найма эффективным и малозатратным [1]. В сфере управления бизнесом тоже имеются новации. Так, компания NetDragon Websoft Holdings Limited, мировой лидер в создании интернет-сообществ, сообщила о назначении в своей дочерней фирме виртуального человекоподобного робота с ИИ – мисс Тан Юй на должность СЕО (Гонконг, август 2022г.). Представители компании отмечают, что это решение способствует улучшению качества управления и будущему стратегическому росту компании [2].

Однако практика применения ИИ во многих сферах жизнедеятельности человека, породила целый ряд социальных, психологических и этических проблем. В частности, – вытеснение человека машиной из производственных процессов, исчезновение целого ряда профессий, сокращение рабочих мест и др. При этом, как подчеркивают аналитики, особую значимость составляют проблемы этического характера. Одной из них стало ограничение прав и свобод личности на рабочем месте, которое приняло такие формы как цифровая диктатура и цифровая дискриминация по половому, возрастному, расовому и др. признакам. Подобная «необъективность ИИ» или «пристрастность ИИ» получила название AI bias [3]. В настоящее время повышенный интерес научного и IT-сообщества к феномену AI bias объясняется и тем, что результаты внедрения технологий ИИ все чаще задают основные ценности современного общества.

Обозначенные обстоятельства позволяют по-новому взглянуть на перспективы и потенциальные границы применения прикладного ИИ в бизнесе, определяя целый ряд вопросов из области этики ИИ, например: «Существует ли связь между реализацией ИИ и спектром профессиональных обязанностей, которые человечество готово на

него возложить?», «Как решать проблему предвзятости ИИ?», «Как будут решаться потенциальные конфликты между сотрудниками компаний и ИИ, имеющие, в том числе этический характер?» и др.

Безусловно, ответы на эти и другие подобные вопросы пока остаются открытыми, но, по оценке специалистов, сегодня обсуждение и обучение «moral machines» – одно из приоритетных направлений IT-сообщества [4,5]. Однако уже сейчас можно с уверенностью констатировать, что систематизация проблемного поля прикладного ИИ, связанная, прежде всего с вопросами этического характера, будет способствовать совершенствованию ИИ в роли помощника и партнера человека в условиях новой реальности, которая объединила практики реального и виртуального в бытии современного социума.

Литература:

1. Что такое видеоподготовка и как к нему подготовиться [Эл. ресурс]. URL: <https://challengel.com/article/videointervyu> (дата обращения: 17.09.2022).
2. NetDragon Appoints its First Virtual CEO [Эл. ресурс]. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/netdragon-appoints-its-first-virtual-ceo-301613062.html> (дата обращения: 27.09.2022).
3. Belenguer L. AI bias: exploring discriminatory algorithmic decision-making models and the application of possible machine-centric solutions adapted from the pharmaceutical industry [Эл. ресурс]. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s43681-022-00138-8.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).
4. Готовцев П.М. Зачем искусственному интеллекту этика? [Эл. ресурс]. URL: <https://etika.nplus1.ru/programmer/ai-ethics>. (дата обращения: 20.09.2022).
5. Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / Пер. с англ. Сивченко О., Яцок Н. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2019. – 304 с.

Мапельман Валентина Михайловна
д. филос. н., профессор

Московский городской педагогический университет

ПРИЧИНЫ И НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ РАЗРЫВА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СО СВОЕЙ СТРАНОЙ

Наличие в обществе такой социальной группы как интеллигенция признается далеко не всеми, хотя любые исторические эпохи формируют людей повышенного духовно-нравственного авторитета. Речь идет не об интеллигентности (уровне культуры и воспитанности), а об интеллигенции как особом социальном слое. Его представители, профессионально занимаясь интеллектуальной деятельностью, способствуют развитию принимаемых обществом духовных ценностей. Путь в интеллигенцию лежит через образование и воспитание. При этом наиболее сложной является именно воспитательная составляющая. Однако нередко собственные успехи и достижения в определенной сфере профессионального творчества (особенно признанные коллегами, властью и общественным мнением) стимулирует у них уверенность в своей особой одаренности и незаурядности во всех сферах культуры и формах социального существования.

Справедливость, прогрессивность и гуманность того или иного государственнополитического устройства представители интеллигенции обычно оценивают исходя из двух критериев: наличия благоприятных условий для своей профессиональной деятельности и благополучия тех, кто её обеспечивает («болеют за народ»). Всё это обычно связывается со свободой в жизни и творчестве. Кроме того, само собой разумеющимся считается и то, что уровень реализации социальных благ для народа должен быть ниже, чем для представителей интеллигенции.

Претендующая на статус «интеллектуальной элиты» интеллигенция, всегда заинтересованно относилась к реализации своих клановых интересов, ведь от этого зависела не только степень её самоудовлетворения, но и материальное благополучие,

устойчивость авторитета, будущее её детей, память потомков. Нравственные характеристики при этом учитывались чрезвычайно редко или довольно ограничено.

Для интеллигенции серьезные социальные катаклизмы (войны, перевороты, изменения в составе власти, кризисы, масштабные реформы, революции) и, тем более, радикальная смена политико-экономического устройства государства, гражданами которого её представители являлись, всегда становились личной драмой, а то и катастрофой. Переход от теоретических построений, политических дискуссий и дебатов к практическим действиям обычно сопровождается неожиданностями, а итог никогда полностью не совпадает с запланированными результатами. И если базовые социально-экономические структурные группы общества вполне представляют себе, чего они добиваются, чем рискуют или что могут утратить в ходе данных процессов, то интеллигенция оказывается в состоянии растерянной самоуверенности. Это зыбкое состояние её не сплачивается, а разводит, как минимум, по трём направлениям. Одни, существовавшие до этого наиболее благополучно, выдвигают жёсткие (а иногда и жестокие) требования по восстановлению status quo. Вторые, не оцененные коллегами и/или имевшие конфликты с властью, принимают сторону реформаторов. Третьи выжидают. И все они, озабоченные восстановлением, сохранением или получением необходимых условий для творческой деятельности и стабильности своего положения, настаивают на том, чтобы социальные обновления осуществлялись безболезненным, постепенным путём, называемым почему-то «эволюционным». При этом они прекрасно понимают, что никто в современном мире из обладающих властью, богатством, влиянием и привилегиями не собирается ни с кем этим делиться и будет биться за них, не выбирая ни средств, ни приёмов.

Для интеллигенции в подобные периоды забота о своём благополучии становится лидирующей, а беспокойство о счастье (в том числе и о свободе) народа отходит на второй план. Ряд её представителей пытаются (или бывают вынуждены) выполнять иные «роли», чаще всего чиновников-управленцев в области политики, правоправления, административной работы и даже финансов. У многих это получается успешно, при этом, выходя за пределы своих профессиональных компетенций, они начинают собственные взгляды на закономерности развития общества (искренние, но нередко дилетантские) считать передовыми.

Для русской интеллигенции любовь к Родине всегда была одним из ведущих, основополагающих чувств. Это была та питательная среда, которая оказалась действительно способной вывести многих её представителей на уровень «интеллектуальной элиты», но не лидеров нации. «...Объединяемая идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» (Г.П. Федотов), русская интеллигенция проявила себя соответствующим образом уже после революционных событий 1905-1907 годов. В частности появление сборника «Вехи» спровоцировало полемику, критику, дискуссии и неоднозначные интеллектуальные последствия, связанные с влиянием русской интеллигенции на судьбы России, растянувшиеся на несколько десятилетий. Многие их участники, адекватно оценив разворачивающиеся на Родине поддержанные народом кардинальные политические процессы и соотнеся с ними собственные ценностные ориентиры, перешли от рассуждений к поступкам, покидая страну. «Философский пароход» 1922 года, сохранив жизнь многим его участникам, в определенном смысле был логичен как для его инициаторов и исполнителей, так и для его «пассажиров». Среди высланных (около 270 человек с семьями) далеко не все были философами, но все были не согласны с целями и действиями новой власти. «Освобождение» от инакомыслящих во многом напоминало депортацию из США в декабре 1919 года 350 иммигрантов, прозванную в прессе «советским ковчегом».

Пожалуй, нет оснований сомневаться в искренней любви к своей стране высланных представителей российской интеллигенции. Однако вопрос, являются ли философские работы представителей «русского зарубежья» характерными для русской философии (даже если они посвящены её проблемам), нуждается в серьёзном обосновании.

Мартынова Марина Дмитриевна

к. филос. н., доцент

Гришинева Анастасия Александровна

обучающаяся бакалавриата

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

им. Н. П. Огарева

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ «ПРИНЦИПА ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ»: НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Принцип предосторожности предлагает заблаговременно предпринимать меры для избежания негативных последствий того или иного явления, способного нанести существенный ущерб окружающей среде и человеку. Выдвинутый как инструмент, помогающий в принятии решений, касающихся серьезного воздействия на окружающую среду, он оказался востребован во всех сферах человеческой деятельности и особенно актуален в сфере разработки и применения информационных технологий. Принцип предосторожности уместен для применения в новой цифровой реальности для обеспечения социального благополучия индивида. Новая цифровая реальность способна вызывать изменения в беспрецедентных масштабах, что делает правомерными вопросы, как должны действовать люди, сталкиваясь с повсеместной неопределенностью? Какими ценностями люди должны руководствоваться в поведении? Кто должен принимать ключевые решения? Как люди должны относиться к индивидуальной свободе и понятию «вред»?

К рациональным основаниям принципа предосторожности относят состояние неопределенности и связанное с этим отсутствие научной достоверности последствий, недопустимость намеренного вреда, неприемлемость существенного ущерба, необходимость избежания риска негативных последствий, необходимость просчитывать далеко идущие последствия и т.д. Они опираются на общепринятые ценности ответственности за предотвращение вреда и сохранение естественных основ жизни в настоящее время и в будущем, обязанности предотвращать вред, наносимый экосистеме или сообществам, справедливого устройства общественных институтов [1] — помощи, заботы и уважения.

В докладе ЮНЕСКО подчеркивается этическая основа принципа предосторожности для управления рисками в том случае, когда деятельность человека может нанести морально неприемлемый ущерб (The Precautionary Principle: March 2005. [Paris:] UNESCO, 2005) [2]. Морально неприемлемый ущерб — это ущерб людям или окружающей среде, который: а) угрожает жизни или здоровью людей, или б) является серьезным и практически невозможным, или в) является несправедливым по отношению к нынешнему или будущим поколениям, или г) наносится без должного внимания к правам тех, кому он причиняется [3].

Следует отметить, что принцип предосторожности имеет как социальную направленность, так и личностную. Он направлен на предупреждение нанесения вреда экосистемам или сообществам, которые уязвимы к ущербу от деятельности человека, и здесь принимаются в расчет экономические, политические и иные аспекты проблемных случаев. В личностном плане принцип предосторожности реализуется в традиционных формах предусмотрительности, осторожности и благоразумия.

Цифровой мир многократно увеличивает уязвимость как общества, так и индивида, расширяется поле рисков и неопределенности последствий. Применение принципа предосторожности приобретает свою специфику в отношении оперирования большими данными, в сфере искусственного интеллекта, применения и использования информационных технологий. Например, к нормативным условиям принципа предосторожности относят совместную и индивидуальную ответственность.

В цифровом мире возникает проблема размытой ответственности, которая проявляется при разработке программных систем как следствие исчезновения границ между системами и IT-организациями [4]. Это влечет за собой неопределенность риска, невозможность оценки вероятности нежелательных событий. Все это повышает риски уязвимости самого процесса принятия решений.

Литература:

1. Прокофьев А.В. Проблема предосторожности: нормативный контекст, истоки актуальности, альтернативные решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2018. – Т. 22. – No 3. – С. 29–300.

DOI: 10.22363/2313-2302-2018-22-3-291-300.

2. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.eubios.info/UNESCO/precrprin.pdf>

3. Апресян Р.Г. Принцип предосторожности: лекция. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.intuit.ru/studies/courses/3477/719/lecture/20276>.

4. Pieters, W. & A. van Cleeff, 2009, «The precautionary principle in a world of digital dependencies», Computer, 42(6): 50–56. [Эл. ресурс]. URL: <https://researchoutput.csu.edu.au/ws/portalfiles/portal/8755108/PID14228.pdf>.

Масланов Евгений Валерьевич

к.филос.н., научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

НАУЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ЕЕ ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

Развитие современных прорывных технологий требует оценки связанных с ними рисков. Часть из них носит этический характер. В этом случае становится важным формирование этического сопровождения прорывных технологий. Оно может заключаться в реализации стратегий гуманитарной экспертизы, которые подразумевают активное включение в процесс оценки технологий и сопровождающих их рисков не только профессионалов, но и «людей с улицы». Они могут ориентироваться на целенаправленное вовлечение непрофессионалов в эту деятельность. Поэтому принципиальную роль начинает играть разработка программы формирования механизмов создания особого структурного элемента научной инфраструктуры, предназначенного для оценки подобных рисков. Ее реализация требует решения как минимум двух важных задач.

Во-первых, как это ни странно звучит, необходимо сформировать понимание того факта, что эти задачи необходимо решать не формально, а содержательно. Ясно, что их формальное решение предполагает создание определенных «этических комитетов» в которых будет происходить обсуждение влияния разработки и внедрения подобных технологий и связанных с ними рисков. Однако данное обсуждение может стать первым шагом на пути к формированию нового подхода к оценке технологических и этических рисков. Он может предполагать активное вовлечение совершенно различных групп в проведение экспертных процедур. В этом случае особую роль будет играть внимание к так называемой контр-экспертизы, которая реализует свои практики на основе конкретного знания локального контекста реализации различных проектов. Она может стать важным элементом научной инфраструктуры, позволяющей вовлекать в экспертную деятельность различные группы активистов, способных не только абстрактно рассуждать об этических рисках, но и выявить слабые места проектов и научных инноваций, показать их возможное несоответствие локальному контексту или определенным элементам неявного знания.

Во-вторых, налаживание диалога между участниками подобной деятельности, особенно в случаях активного вовлечения людей связанных с проектами контр-экспертизы, требует реализации отдельных стратегий по согласованию их деятельности и убеждений. Они не будут предполагать полное отождествление позиций различных участников подобных проектов, но формированием некоего общего языка взаимодействия. С одной стороны, решение этой задачи требует инфраструктурных

изменений – непосредственного создания подобных пространств. С другой, и решения образовательных задач, когда «человек с улицы» знакомится как с результатами научных исследований, так и с научным методом.

В результате этическая оценка результатов внедрения прорывных технологий может приобрести достаточно комплексный уровень. Ведь это позволит использовать для этой деятельности не только профессиональные и научные знания, но и учитывать специфику локального контекста и использовать локальное знание. Однако все это требует формирования нового институционального элемента научной инфраструктуры нацеленного на создание пространства взаимопонимания между различными участниками процесса разработки, внедрения и использования прорывных технологических решений и реализации основанных на них проектов.

Грант Министерства высшего образования и науки Российской Федерации (проект «Новейшие тенденции в развитии наук о человеке и обществе в контексте процессов цифровизации, новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», № 075-15-2020-798)

Медведева Елена Николаевна
к. филос. н., доцент

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАСТИ НОВЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Внедрение искусственного интеллекта в жизнь часто называют «четвертой промышленной революцией». В отечественной научно-исследовательской литературе, в частности, у П.М. Морхата искусственный интеллект определяется как «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе био – кибернетическая, система наделенная / обладающая рядом программно-синтезированных способностей и возможностей» [1, с.78; 2, с.25].

В период зарождения и бурного развития Искусственного интеллекта (ИИ) в качестве приоритетного направления исследования при его разработке и внедрении были определены социальные и этические последствия использования в различных сферах. Несмотря на то, что здравоохранение является растущей областью изучения, разработок и внедрения ИИ, на сегодняшний день академическое биоэтическое сообщество уделяют незначительное внимание данной проблеме.

В современных исследованиях можно выделить ряд тем, которые вызывают наибольший интерес и беспокойство среди ученых. Наиболее широко обсуждаются такие проблемы как конфиденциальность и безопасность данных пациентов, собранных для приложений на основе ИИ. Еще одна проблема заключалась в том, что эти интеллектуальные устройства часто работают на проприетарном программном обеспечении и, следовательно, часто не подлежат проверке. Вторая тема связана с доверием со стороны пациентов и медицинских работников в отношении безопасности и надежности использования ИИ. Пациенты должны быть в достаточной степени информированы и иметь возможность отказаться от использования подобных технологий. Третья тема касается ответственности и контроля в отношении ИИ, поскольку технология сложна для понимания и анализа результатов работы систем ИИ со стороны пациентов, а также в связи с тем, что программное обеспечение находится в частной собственности, усложняя тем самым возможность возмещения причиненного вреда и проверки. Отдельно поднимается вопрос об ответственности медицинских работников за ошибки ИИ. И, наконец, четвертая тема касалась проблемы предвзятости при разработке алгоритмов, поскольку они создаются людьми, которые обладают своими системами ценностей, явными и неявными предубеждениями, а также подвержены когнитивным искажениям [3].

В сфере новых и вспомогательных репродуктивных технологий внедрение технологий на основе ИИ порождает как уже перечисленные проблемы, так и собственные специфические. Например, в области ЭКО необходимо проведение рандомизированных контролируемых испытаний внедрения как интерпретируемых моделей так, и моделей «черного ящика» ИИ. Проблемой также является соблюдение равновесия между предполагаемым новым вмешательством и существующим поверенным лечением. Использование непрозрачных моделей искусственного интеллекта ставит под угрозу модель совместного принятия решений врачом и пациентом и в целом пациент-ориентированную клиническую практику. Этическая проблема также состоит в возможности искажения или пренебрежения ценностями пациента в процессе принятия решения ИИ. Множество этических вопросов связано со здоровьем и благополучием детей, рожденных в результате использования технологий на основе ИИ. В случае использования непрозрачных моделей ИИ в области отбора эмбрионов для имплантации последствия могут в будущем сказаться и на обществе в целом.

Литература:

1. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №3(111). С.75-79.

2. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлГУ. Юридические науки. 2018. №6(104). С.23-26.

3. Murphy K., Di Ruggiero E., Upshur R. et al. Artificial intelligence for good health: a scoping review of the ethics literature // BMC Med Ethics. 2021. Vol.22(14). doi: 10.1186/s12910-021-00577-8.

При финансовой поддержке Саратовского государственного медицинского университета в рамках проекта «Современный дискурс этических и правовых аспектов новых технологий репродукции человека: Россия в сравнительной перспективе» № SSMU-2022-001

Мелешко Елена Дмитриевна

д. филос. н., профессор, зав. каф. философии и культурологии

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ЭТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ Л.Н. ТОЛСТОГО И ЭТИКА СОВРЕМЕННОГО ТРАНСГУМАНИЗМА

Ключевые слова: этика, толстовское мировоззрение, трансгуманизм, идеал, правила, совершенствование, целомудрие.

В статье рассматриваются этические и культурные основания этического гуманизма Л.Н. Толстого и современного трансгуманизма. Выделены сущностные характеристики толстовского и трансгуманистического мировоззрения, обозначены их культурные и этические составляющие, которые проявляются в контексте идеала и правила, принципиально формирующего понимание бессмертия, совершенствования, целомудрия.

В исследовании предпринят этико-философский сравнительный анализ этики Л.Н. Толстого и современного трансгуманизма, цели которых – создание совершенного человека – совпадают.

Цель религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого заточена на идее совершенствования человека в историческом процессе культурной эволюции. В Послесловии «Крейцеровой сонаты» мыслитель подчеркивал, что нравственное и физическое совершенствование человека определяется его духовным и физическим ростом, ориентированным на идеал христианского учения. Совершенствование как идеал недостижим: «осуществление его возможно только в идее, в мысли», в бесконечности, «возможность приближения к нему – бесконечна». В случае достижения идеала «он бы перестал быть идеалом», поэтому «смысл человеческой жизни заключается в движении по направлению к этому идеалу» [1, с.28-29].

Идеологи трансгуманизма считают, что цель совершенствования – совершенствование человеческого тела в процессе эволюции, создание совершенного человека, способного преодолеть порог смерти. Цель обусловлена правилами, осуществляется средствами, опирающимися на технологические приемы в области телесности человека (создание искусственного интеллекта, «идеального ребенка», выраживание детей (от зачатия до момента рождения) в искусственной матке (эктогенез), бессмертие (границы жизни отсутствуют) или вне-смертие (границы жизни не определены). Таким образом, совершенный человек преодолевает порог бессмертия посредством телесного преобразования человеческой сущности. Человек «превосходит себя, осознавая новые возможности для своей человеческой природы» [2].

Л.Н. Толстой рассматривает целомудрие как идеал точности человеческой природы в ее телесно-духовной взаимосвязи. Идеал, с его точки зрения, недостижим, в силу чего невозможно уничтожение человеческого рода. Однако нравственный идеал способствует духовно-нравственному росту человечества, его движению к совершенствованию.

Анализ этического гуманизма Л.Н. Толстого и современного трансгуманизма показал, что современный трансгуманизм в его культурном измерении претендует на продолжение традиций этического гуманизма (Л.Н. Толстой), что определяется целями совершенствования человека. Одновременно, трансгуманизм декларирует новые подходы, связанные с изменениями традиционной аксиологии и этики. Как показывает опыт, новая этика трансгуманизма есть «тренд веры в технологии», который «будет постепенно сменяться именно гуманизмом, т.к. он предполагает развитие мотивационно-потребностной сферы человека» [4].

Литература:

1. Толстой Л.Н. Крейцера соната. Послесловие. // Полное собр. соч. в 90 тт. М.-Л., 1928. Т. XII.
2. Хаксли Дж. Новые бутылки для нового вина. Лондон: Chatto & Windus, 1957.
3. Глобальное Будущее 2045 Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
4. Долгицкий О. За рамками биологической эволюции. URL: https://vk.com/wall4486736_9475
5. Шпитцер Манфред Антимозг. Цифровые технологии и мозг / Пер. Гришина А.Г. М., Изд-во ООО АСТ, 2014. 288 с.
6. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. 2. С.91-105.

Мусс Александр Игоревич

к. филос. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА КАК МЕДИАТОР КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Во многих аспектах современное знание направляет себя к этическим вопросам. Подобная ситуация не обошла стороной и проблему сознания. Уже в работах, опубликованных в первой половине 2000-х годов В.М. Аллахвердов [2003] пишет о том, решение проблемы сознания подразумевает этическую проблему – свободен ли носитель сознания в своих решениях или детерминирован.

Однако этика как фундаментальная область поднимает здесь и другие вопросы, и, более того, как мне кажется, может служить одним из возможных медиаторов (наряду с психологией) между континентальной философией сознания, включая феноменологию с одной стороны, а также с нейрокогнитивными науками и философией сознания в аналитической традиции с другой.

Вопрос тут не столько в свободе или детерминизме конкретного разума, поскольку и феноменологическая перспектива от первого лица [Brentano, 1874], и сознание как осведомленность (awareness), исполнительные функции (executive functions) подразумевают некоторую субъектность того, что остается по ту сторону субъективного опыта, одновременно включаемую в цепочку причинно-следственных связей, что исторически больше соответствует идеям Б. Спинозы [2001].

Большой проблемой здесь оказывается даже не абстрактная субъектность от первого лица, но конкретный взгляд человека, обладающего сознанием и разумом на нечто отличное от себя, например, на чат-бота, на летучую мышь или на другого человека, и то, что этот активный взгляд порождает в попытках постичь Другого.

Иными словами, из-за того, что наш субъективный опыт принадлежит только нам, в то время как чужой для нас опыт остается недоступен, субъектность, обладание разумом другого становится для нас серьезным вопросом, особенно если вспомнить то, насколько мы подвержены социальным стереотипам, насколько мы можем приписывать человеческие черты, например, домашним животным, и насколько мы можем ошибаться, пытаясь отличить живого собеседника от компьютерной программы.

Это то, что может проявляться в наших ежедневных практиках, когда в общении мы придерживаемся формального взаимодействия, игнорируем переживания и поведение собеседников или в случае, если мы пытаемся силой удержать на коленях кота, который этого не хочет. Иными словами, такое понимание субъективного опыта и субъекта, близкое, скорее, континентальной философии оказывается более укорененным в нашу собственную жизнь, а взаимодействие с другим при равных условиях (доступность своего и недоступность чужого опыта) разворачивается во взаимодействие, при котором этические вопросы в смысле вопросов уместного поведения и взаимодействия встают постоянно. Такой же подход может работать в случае, если мы представляем субъективный опыт и его носителей обезличенно, предполагая, как минимум, эквивалентные возможности их взаимодействия.

Таким образом, именно этическое измерение в смысле допустимого поведения при взаимодействии может оказаться той самой нейтральной территорией где формальное высказывание о сознании аналитического философа может встретиться с интересубъективной перспективой континентального философа.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
2. Спиноза Б. Этика. М: Аст, 2001.
3. Brentano, F. (1874). *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Duncker und Humblot.

Мясников Андрей Геннадьевич

д.филос.н., профессор

Пензенский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ИМПЕРАТИВА НЕНАСИЛИЯ В СИТУАЦИИ АДАПТИВНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

I. Современная эпоха гибридных конфликтов актуализирует проблему ненасилия как одну из ключевых для практической философии и самой жизненной практики людей. Включенность большинства людей в экстремальные ситуации выживания размывает строгие границы императивных запретов (на насилие, обман, захват чужого имущества и др.) и релятивирует базовые моральные ценности, подчиняя их прагматическим соображениям. При этом ценность выживания (прежде всего, коллективной безопасности), несомненно, выходит на первый план и становится доминирующей практической установкой.

В такой ситуации категорический запрет на насилие предстает в качестве романтического идеала и не признается даже большинством христианских священнослужителей, которые готовы оправдать его ради национально-государственных интересов.

При этом мы можем констатировать, что в начале 21 века узаконенного насилия становится всё меньше во всем мире, и вроде бы ценности гуманизма, человеколюбия и равноправия провозглашены в большинстве стран. Вместе с тем международные конфликты не только не прекращаются, но и становятся более кровопролитными и страшными по последствиям применения современного оружия.

Оказавшись в таких непростых условиях, современному разумному человеку хочется не только выживать, адаптируясь к меняющимся политическим и экономическим условиям, но и проявлять свои творческие силы, способности, раскрывать свои таланты в этой земной жизни, т.е. жить «здесь и теперь» по своей воле, по своим убеждениям и принципам.

Можно ли обойтись без насилия в этой жизни? Этот вопрос важен для творческих людей, воспитанных на гуманистических понятиях и христианских идеалах о любви к ближнему и дальнему. Ведь, Христос, Кант и Толстой говорят, что можно, а Гоббс, Гегель, Ульянов-Ленин и Ильин утверждают, что нельзя.

Современному человеку, знакомому с теорией эволюции и имеющему понятие о совести и кантовском категорическом императиве, нужно выстроить собственную мировоззренческую модель (свой Эйдос), позволяющую успешно адаптироваться к меняющимся условиям общественно-политической жизни и не терять стратегическо-го направления личной творческой самореализации.

II. Переходя к практическим аспектам концепции ненасилия, т.е. к вопросам неучастия в различных видах насилия, нужно учитывать множество факторов, влияющих на конкретного человека, на его выбор того или иного морально-правового решения. Например, принять участие в военных действиях, совершаемых на территории другого государства, или не принимать? Выбор остается за самим каждым конкретным лицом. И даже если священники готовы благословить уходящих на поле братоубийственного боя, решение принимает каждый для себя, возлагая на себя и ответственность за этот поступок. Беря в руки оружие, ты понимаешь, что можешь убить другого, и тебя могут убить как потенциального убийцу.

С точки зрения национально-государственных интересов подобные морально-правовые рефлексии являются излишними и даже вредными для боевого духа воинства, которое должно быть готово пожертвовать собой ради лучшего будущего. И тут мы снова возвращаемся к классической морально-правовой проблеме соотношения благих целей и дурных средств их достижения. Можно ли насилем добиться подлинного блага в международных отношениях? Или, перефразируя Канта, всё закончится мировым кладбищем?

Назаров Владимир Николаевич

д. филос. н., профессор

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ (DIGITALIZATION) ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ

Эволюция принципа удовольствия во многом связана с его взаимодействием с принципом реальности. Характер и способ достижения удовольствия напрямую зависят от психофизической реальности, в которой пребывает субъект. Эта реальность определяет глубину его погружения в мир чувств, интенсивность переживания, тотальность душевно-телесной вовлеченности и, главное, степень соприкосновения с предметным миром.

В этом смысле цифровая реальность, все более расширяющая свои границы в современной культуре, коренным образом отличается от физической, существенно влияя на характер переживания удовольствия. Прежде всего, она предполагает минимум физических усилий для достижения удовольствия, получаемого, например, от зрелища спортивных состязаний, воображаемых путешествий, сексуального обольщения и т.п., гарантируя при этом комфортный уровень рисков и физическую безопасность субъекта. Но особенно важно то, что цифровая реальность имитирует и символизирует предметный мир, как источник удовольствий. Для ощущения и компенсации эффекта подлинной реальности

внедряются технологии, позволяющие передавать стимуляции центров удовольствия непосредственно в мозг, минуя физические механизмы возбуждения (см., например, 1).

Для понимания роли этического-психологических факторов модификации принципа удовольствия целесообразно сравнить и соотнести два базовых вида удовольствия: чувственно-телесное и ментальное. В действительности эти виды удовольствия тесно переплетаются и дополняют друг друга, представляя собой сочетание предвкушаемого (воображаемого) и реально ощущаемого удовольствия. Их соотношение образно описывает в своем трактате «Principia Ethica» Дж.Мур: «Предположим, что у меня есть желание выпить бокал вина. Я воображаю, будто я пью это вино, хотя в действительности я еще не пью его. Получаю ли я от этого истинное удовольствие?» (2, III, 42). Ответ Мура парадоксален: «Когда я хочу вина, я хочу, собственно, не вина, которого я хочу, а удовольствия, которое я ожидаю получить от него» (Ibid.). Это означает, что именно представление несуществующего еще удовольствия и является необходимой и постоянной причиной нашего желания.

В результате Мур формулирует дилемму принципа удовольствия, которая во многом и служит предпосылкой различения телесного и разумного видов удовольствия: «Либо удовольствие само по себе было бы единственным, что желасмо, либо сознание удовольствия было бы еще более желаемым, чем само удовольствие» (2, III, 53).

Цифровая модификация принципа удовольствия во многом основана именно на сознании, предвкушении, воображении удовольствия, которое «более ценно, чем само удовольствие» или его телесное ощущение. Такого рода удовольствие не обязательно воплощается в предметное желание как мотив действия. Оно основывается на имажинации, воображении и удовлетворяется им, не переходя в предметный, вещный мир. Во многом это связано с отсутствием в виртуальной реальности главного фактора и раздражителя «предметного» удовольствия – телесности Другого, благодаря чему и происходит преобразование символически предвкушаемого и воображаемого удовольствия в предметное и «вещное» наслаждение. Однако фактически, как показывает в своих лекциях по «Этике психоанализа» Ж.Лакан, «принцип удовольствия всегда находится на стороне символического»; он «устанавливает дистанцию между субъектом удовольствия и вещью» [3 с. 69]. Именно отсутствие угрозы и суверенитета телесности Другого в процессе достижения удовольствия во многом меняет иерархию моральных ценностей и моральную мотивацию субъекта удовольствия, являясь главным фактором его цифровой модификации.

Литература:

1. См.: Смешанная реальность, AR, VR – типы виртуальных удовольствий // URL: https://www.iguides.ru/main/gadgets/smshannaya_realnost_ar_vr_tipy_virtualnykh_udovolstvii/ (дата обращения: 25.09.2022).
2. Moore E.G. Principia Ethica. Cambridge University Press, 1959. – 232 pp.
3. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60)). М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос», 2006. – 416 с.

Назарова Юлия Владимировна
д.филол.н., профессор

Тулский государственный педагогический университет им.Л.Н. Толстого
**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА:
ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Философская практика, или философское консультирование – новое направление в философии, представляющее из себя опыт философствования, проявляющийся в диалоге философа и нефилософа, в ходе которого анализируются экзистенциальные, мировоззренческие, аксиологические, моральные проблемы индивида. Как и прикладная этика, философская практика определяется как часть практической философии [1;2;5]. В теоретическом смысле философская практика выступает как комплекс исследований по проблемам философского консультирования; в практическом – как методология философствования. Как исследовательское направление, философская практика пока остается малонизвестной в академических кругах, в отличие от прикладной и профессиональной этики.

Философское консультирование используется в таких сферах, как образование (при преподавании философских дисциплин; в начальном образовании; в коррекционной педагогике); на этапах социокультурного анализа; в менеджменте (как философский консалтинг); в ходе психотерапевтических практик (как дополнительное средство при психотерапии); в сфере социальной помощи (например, при реабилитации пациентов; в работе с заключенными) [3]. Широкие возможности философского консультирования затрагивают и сферу профессиональной этики.

Профессиональная этика представляет собой не просто этический кодекс профессии; она повсеместно становится предметом этического образования; предлагает алгоритмы рассмотрения моральных конфликтов; выявляет нравственные критерии разрешения конкретных моральных дилемм, разрабатывает методы выявления и анализа нравственных ценностей профессии [4]. Все вышеперечисленное становится основой для конструирования, разработки, мониторинга профессиональных этических кодексов, что позволяет упорядочить профессиональную деятельность, помогает в определении стратегий развития предприятия и в поиске проблем, не подпадающих под правовое регулирование.

В этом смысле, формируются широкие перспективы взаимодействия философской практики и профессиональной этики, которые могут, по мере развития и распространения философской практики, проявиться в следующих сферах, связанных с профессиональной этикой:

- в процессе мониторинга нравственных ценностей и принципов конкретной профессии

- в этическом образовании

- при разрешении конфликтов в профессиональной среде

- в процессе повышения профессиональной квалификации

- в программах по развитию профессиональной мотивации

Философская практика представляет собой принципиально новый подход к философии, отличительной чертой которого является процесс философствования, как способ заботы о себе, что выводит философию за рамки академических исследований, одновременно возрождая античную традицию философствования [2;5]. Эта новизна определяет парадоксы, формирующие моральные дилеммы философского консультирования, что предполагает создание в будущем достаточно подробных правил профессиональной этики практикующего философа, главной целью которых станет помощь в выборе стратегии поведения, защита от возможных проблем правового и психологического характера.

Литература:

1. Балашов Л.Е. Практическая философия или софология. – 2-е издание, с изменениями, расширенное. – 574 с. С.10. URL: http://www.balashov44.narod.ru/FIL-2/balashov.prakticheskaja_filosofija-2007.pdf. (Дата обращения – 12.08.2022).

2. Борисов С.В. Сократы современности: Философская практика в технообществе. Издательские решения, 2022. – 262 с.

3. Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Симпозиумы. Сборник научных статей. М.: Российское философское общество; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. – 1172 с. С.1021-1115.

4. Назарова Ю.В. Трансформация нравственных ценностей в контексте профессиональной этики. XII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2020. Философия. Этика. Практика». Санкт-Петербургский Государственный Университет, 19-21 ноября 2020 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2020. – 180 с. С.163-164.

5. Язык философской практики. Краткий словарь-презентация / под ред. С.В. Борисова. – Челябинск: изд. центр ЮУрГУ, 2018. – 192 с. С.79.

Неаполитанский Максимилиан Сергеевич
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

СИТУАТИВНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК ФОРМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ДЕАНТРОПОЦЕНТРИЗАЦИИ

По словам Донны Харауэй, Земля является местом конкретных ситуаций, а также пространством для экспериментальной метафизики и ситуативных знаний. Благодаря переходу к ситуативности Д. Харауэй уходит из регионов дуалистических разрывов, которые обозначил Бруно Латур, говоря про «миф о Пещере» в глобальном смысле и его импликациях в истории философии и этики науки. Это позволяет Харауэй по-новому раскрыть проблемы ситуативной эпистемологии и описать новые формы ответственности в контексте постгуманизма, геофилософии, экологии и политики. Как писал Б. Латур, «Пещера» выступала в философии и в науке областью неподвижного истинного, противостоящего аду социального, в котором всё движется и смешивается, а также являлась областью, где незаметен кризис объективности. Задачей ученых было на время выйти из Пещеры и принести людям «свет истины», который располагался за пределами Пещеры и за которой они несли ответственность.

В нашем исследовании рассматривается критика этой метафоры, а также то, как Д. Харауэй со своей стороны пытается работать с «адом социального», не всегда критикуя его и исследуя термины компоста и компостирования (неологизмы Д. Харауэй, терминологически приближенные к «ризоме» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, а также основные концепты её геофилософии) в самых разнообразных аспектах – в первую очередь, как объективность без объективизации, объективность, взятую из Земли. Данные теоретические ходы позволяют Д. Харауэй показать ответственность за экологические процессы и их отражение в философии в новом ключе.

Дополняя размышления Д. Харауэй о компосте в контексте экополитической ответственности, можно сказать, что он – с одной стороны – часть Земли, а также производящая почва для различных агентностей, видов, сущностей и компаньонов. С другой стороны, компост занимает место промежуточной метафоры, являясь концептом, планом и посредником одновременно, в нём всё смешивается и передаётся, решается, закручивается, живёт и умирает.

То, что Д. Харауэй вводит компост в свою систематику, даёт ей возможность в прямом смысле следовать за акторами собственной философии, не отдаляясь от них и принимая на себя их роли (и не говоря от их лица), что создаёт, тем самым, новые формы ответственности. Это похоже на непосредственную реализацию того метода, о котором писал Джон Ло: «После разделения универсального нам необходимы совершенно другие метафоры, чтобы составить представление о своих мирах и своей ответственности перед ними». Заниматься компостированием – значит заниматься связыванием геологических, социальных и эпистемологических элементов на одной конкретной планете, имея дело с постоянными трансформациями, катаклизмами и меняющимися траекториями коммуникации и ответственности. В связи с этим можно говорить о том, что ситуативная эпистемология – является не только когнитивной и философской практикой внутри актуального дискурса экологии и политики, но также и новой этической парадигмой, трансформирующей понимание ответственности через инструменты постгуманизма и геофилософии.

Никитин Артем Борисович
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
КРИТИКА НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

К ПРОБЛЕМАМ ОБОСНОВАНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОРАЛИ

В наше время очень популярны попытки показать возникновение базовых моральных представлений из определенных условий биологического существования древних людей. Иначе говоря, предпринимаются попытки показать полную зависимость моральных стремлений из биологической природы человека. Самые известные попытки в наше время были предприняты такими учеными, как Франс де Вааль, Брюс Худ, Дик Свааб, Майкл Рьюз, Эдвард Уилсон и другими. В XIX веке нечто подобное пытался показать и Герберт Спенсер.

Мой тезис состоит в том, что натуралистический подход к проблемам обоснования и происхождения морали является совершенно неверным и приводит к полному релятивизму, отсутствию всяких моральных критериев и правил.

Одну из самых интересных попыток преодоления натурализма представил Р.М. Хэар, известный представитель аналитической этики. Он попытался показать, что натурализм на самом деле приводит нас к полному релятивизму, к невозможности на ее основе рационально говорить об этических вопросах. Проблема натурализма, по Р.М. Хэару, в том, что здесь осуществляется попытка построить моральную систему на очень непрочном и весьма относительном фундаменте. Главной чертой натуралистических теорий, по его мысли, является то, что «моральные суждения рассматриваются ими эквивалентными фактуальным констатациям обычного неморального типа» [2, с. 10]. Хэар подробно доказывает свою точку зрения на основании логического анализа языка.

Другой важный критик натурализма – Д.Э. Мур. Безусловно, мы знаем, что Мур вкладывал в термин «натурализм» гораздо больше значений, чем мы сейчас это делаем, но его аргументы против такого натурализма включали в себя и критику современного понимания этого направления. Для натурализма характерна так называемая «натуралистическая ошибка», которая, по Муру, «заключается в том, что, говоря: «Это есть добро», мы подразумеваем, что предмет, о котором идет речь, находится в некотором определенном отношении к какой-то другой вещи» [1, с. 101]. Мур не принимает ни одну из форм натурализма, исключая и эволюционистскую этику, которую он критикует в лице Герберта Спенсера.

Литература:

1. Мур Д.Э. Принципы этики. / Пер. с англ. Коноваловой Л.В.; Общ. ред. Нарско-го И.С. – М.: Прогресс, 1984. 327 с.
2. Хэар Р.М. Как же решать моральные вопросы рационально // Мораль и рациональность. М.: Ин-т философии, 1995. – с. 9-22.

Оводова Светлана Николаевна

к. филос. н., доцент, зам. декана факультета социологии и журналистики

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

ЭТИКА ДЕКОЛОНИАЛЬНОЙ И ИНКЛЮЗИВНОЙ МОДЫ

В XX веке происходит расширение представлений о норме. Понятие нормы в культуре трансформируется под влиянием как социальных тенденций, так и теоретических рамок. Постмодернизм, феминистическая теория, постколониальная и деколониальная оптики, – все эти теоретические дискурсы деконструируют представления о норме, идеале, красоте, каноне и т.п. Трансформация представлений о предзаданных рамках и нормах отразилась и на различных феноменах культуры, которые в свою очередь расширили свои пределы.

Глобальная мода, в том виде, в котором мы ее знаем, где ключевым элементом является модный дом, управляемый дизайнером, складывается в XX веке и представляет собой феномен эпохи модерна. Мода как социальная практика всегда связана с

конструированием желанного образа и идеала. История моды XX века рассматривается как смена главенствующих силуэтов и фасонов, которые формировали эстетические представления о себе и других. мода яркий образчик модерности, потому что она задает представления о современности. Модный – значит современный, актуализирующий себя в настоящем за счет демонстрации осведомленности в превалирующих тенденциях и трендах. мода функционирует за счет обновления, новизна является неотъемлемым атрибутом моды.

Проблематизация феномена моды в терминах деколониальной оптики сопровождается осмыслением того, кто и исходя из каких культурных норм конструирует представление о красоте, которое провозглашается глобальным и универсальным. Деколонизация моды сопровождается рядом этических и эстетических вопросов. Например, в своем исследовании А. Янсен [1] задает себе вопрос, насколько является этическим при изучении истории костюма Марокко навязывать местным жителям представление о канонах их традиционной культуры. Янсен заметила, что ее представление о костюме расходилось с представлениями местных носителей культуры о том, что есть современный костюм. Представления Янсен были сформированы музейными коллекциями и системами описания, имеющими европоцентристские основания.

Европоцентристская эпистемология современной моды занимает доминирующее представление и формирует оценочные представления о статусе костюма и уровне развития моды в иных культурах. Такое положение дел приводит к тому, что носители культуры, отличной от доминирующей практики, осуществляют архаизацию собственной культуры, воспринимают ее как несовершенную. В таком контексте ставится вопрос об этике ученого, изучающего иные, находящиеся за пределами западноевропейской культуры, социальные практики.

Инклюзивность в сфере моды также является продолжением тенденции на пересмотр представлений о норме и принципах создания превалирующих представлений о красоте. Говоря об инклюзивности моды актуализируются вопросы о нормировании восприятия тела и разнообразия его проявлений, что частично сопряжено с тенденциями бодипозитива. Насколько инклюзивная мода на самом деле руководствуется установкой на признание разнообразия, а не представляет собой очередную коммодификацию остро социальной проблемы?

Переосмысление оснований и принципов функционирования феномена моды с позиций деколониальности и инклюзивности привносит в изучение моды этический контекст, заставляющий исследователя рефлексировать свой инструментарий и методологические предпосылки осмысления моды как социального феномена.

Литература:

1. Янсен А. мода и фантазмагория современности: введение в деколониальный дискурс о моде // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. №1(59). С.10-35.

Овчинников Александр Викторович

к.и.н, научный сотрудник, преподаватель

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Филиал Самарского государственного университета путей сообщения

«ИНДОВЕРОПЕЙСКИЙ СОБЛАЗН» ИЕРАРХИИ: ЭТИЧЕСКИЙ СТАТУС ИММИГРАНТОВ

В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Я попытаюсь показать, что известное специалистам иерархичное деление индоевропейских сообществ в какой-то мере характерно для представлений нынешних влиятельных российских политических сил и, даже, частично закреплено на высшем законодательном уровне, что сказывается на этической составляющей статуса иммигрантов. Вплоть до окончания феодальной эпохи индоевропейцы тяготели к членению на жрецов, воинов и рядовых свободных. Частью этой традиции являлся известный трактат Платона «Государство» [3]. В современной России сильно мнение о разделении её

населения на т.н. «национальности» – отдельные историко-культурные общности, в которых культурные границы тяготеют к совпадению с границами административными и государственными. Считается, что национальность передается по наследству, сменить её в течение жизни невозможно. В 2020 г. в Конституцию РФ было введено понятие «государствообразующего народа». Образ русских соединил в себе представление о создателе и основных защитниках государства (сакральных «Родины», «Отечества»), носителях «основной» традиционной религии – русского православия, «удерживающих» в эсхатологическом мифе [5], что содержательно напоминает функции и характеристики индоевропейских страт жрецов и воинов. В Конституциях российских национальных республик также отдельно упоминаются «титульные этносы».

Идеологи российских правых часто являются поклонниками «арийского мифа» [4, с.320-321] и проявляют повышенный интерес к «Государству» Платона, видя в этом произведении образцы для устройства общества («В наше время во всем мире и, в частности, в России, идет поиск новой политической модели, и опыт неоплатоников вполне может являться одним из источников политического конструирования или, напротив, объектом постмодернистской деконструкции» [2]; «Кто такой «гаишник» или милиционер? Он принадлежит к касте «стражей». Если он не знает Платона, он не знает сам себя» [1]).

Иммигранты «выпадают» из «стройной» схемы «жрецы-воины-рядовые свободные» и оказываются в статусе очень похожем, например, на статус «неприкасаемых» в индийской иерархии варн. Таким образом, использование образов традиционной индоевропейской иерархии и положений «Государства» Платона в (около)философской и политической риторике является частью современного расизма. Этот расизм внешне напоминает культурный расизм (построенный, как известно, на абсолютизации «горизонтальных» культурных различий), но своей иерархичностью он близок к расизму биологическому. Преодолеть культурные и социальные границы «не позволяют» эссенциалистские рассуждения о «сущности», на поверку оказывающиеся приписыванием ярлыков и разного рода характеристик, от которых, якобы, освободиться нельзя. Отсюда, по мнению правых, возможны не адаптация и интеграция иммигрантов, а лишь их ассимиляция, что опять выдает подчиненное положение иммигрантов в картине мира правых.

Литература:

1. Дугин А.Г. Актуальность философии Платона [Эл. ресурс]. Ютуб. URL: https://youtu.be/7N9_QDr9U4 (дата обращения: 10.10.2022).
2. Дугина Д.А. Интерпретация политической философии Платона в комментариях Прокла Диадоха (аннотация диссертации) [Эл. ресурс]: ИСТИНА. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/114955347/> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Матвейчев О.А. Индоевропейские истоки платоновской теории трех сословий // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 116-128.
4. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т.1. М.: НЛЮ, 2015. 536 с. С. 320, 321.
5. Шнирельман В.А. Колено Даново. Эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: ББИ, 2017. – 642 с.
РНФ №22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Одинцов Павел Сергеевич
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
АБСОЛЮТИСТСКИЕ ТЕОРИИ МОРАЛИ

Общим тезисом абсолютистских способов обоснования морали является наличие некоторой инстанции, из которой вытекает невозможность критического отношения к подобным моральным системам.

Тем не менее, можно выделить несколько подвидов таких обоснований морали. Одними из них являются абсолютно-гетерономные теории нравственности. В них мораль обосновывается некоторой абсолютной инстанцией, чужеродной по отношению к человеческой субъективности. Наилучшим претендентом на такого внешнего законодателя является, очевидно, божественная воля. Как указывает А. В. Разин относительно такого рода религиозной этики, «мораль выводится в ней из воли Бога как абсолютного источника» [5, с.36].

Еще одним достаточно ярким примером абсолютно-гетерономного способа обоснования морали является неоплатоническая философия, в рамках которой все поведение человека оказывается размечено исходя из идеи Единого, оно же Благо, которое выступает осью и конечным основанием всего, в том числе и человеческого поступков [4, с.292]. В этой теории, что интересно, абсолют является не только гарантом и фундаментом морального поведения, но и его конечной целью и абсолютным пределом, ведь неоплатоник направлен не только на то, чтобы действовать в согласии с Благом, но и на то, чтобы проходить все необходимые стадии для вполне реального и практически реализуемого приближения к нему. В этом смысле в теории неоплатонизма особенно тесно связаны между собой все аспекты абсолютистского способа обоснования морали: разделение на несколько уровней мира, дефляция частного интереса субъекта, наличие непроблематизируемой инстанции морали.

Другим типом абсолютизма являются абсолютистские автономные концепции. В них делается попытка выведения приоритета морального мотива из самой структуры человеческого разума, не подразумевающая наличия внешнего законодателя. Самым ярким примером здесь является этика Канта [3; 2], в рамках которой из самого понятия морального закона разум выводит все необходимые инструкции относительной действия и поведения в мире.

Еще одним способом абсолютистского обоснования морали можно считать ветвь моральных обоснований, построенных вокруг понятия интуиции [1]. Эти теории позволяют заметить весьма примечательную деталь. Так, любые абсолютистские обоснования морали зачастую описываются как достаточно догматичные. Они блокируют определенные способы сомнения и проблематизации, отсылая к некоторому абсолютному основанию, не требующему дополнительного обоснования. Однако, интуитивистские теории с этой точки зрения выглядят как некий «абсолютизм от мира абсолютизма», ведь если в рамках, скажем, кантовского априоризма или неоплатонического идеализма мы имеем дело с вполне рациональным способом определения и раскрытия неопределимого далее и неразложимой инстанции, служащей обоснованию морали, то в случае интуитивизма сам способ доступа к такой абсолютной инстанции представляет собой нечто абсолютное, неразложимое на более глубокие элементы, несводимое к гносеологическим или онтологическим отношениям – интуитивизм представляет абсолютный доступ к абсолютному.

Таким образом, абсолютистские способы обоснования морали представляют собой достаточно широкую область моральных обоснований, различающихся как отношением к субъекту морального поведения, так и степенью, собственно «абсолютности».

Литература:

1. Артемьева О. Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени) // Этическая мысль. Выпуск 10. М.: ИФ РАН, 2010.
2. Кант И. Критика практического разума // Сочинения в шести томах. Т.4. Ч.1. М.: Мысль, 1965.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в шести томах. Т.4. Ч.1. М.: Мысль, 1965.
4. Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI-IX СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005.
5. Разин А. Способы обоснования морали // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 1999. Т.3, №1.

Очеретяный Константин Алексеевич
к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТЕРФЕЙС КАК ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Речь пойдет о ряде метафор, которые определяют наше поведение в сети и цифре. Наше действие кажется нам свободным продолжением желания. Однако в действительности они отягощено и определено множеством факторов: поведенческих, языковых, технологических. В этом смысле встает вопрос о соотношении когнитивной теории, этики и технологий. Когнитивистика говорит об укорененности метафор в опорно-двигательном, кинестетическом и эмоциональном аппарате. Интерфейс – должен использовать эти аспекты, но в действительности он их меняет. Он меняет логику поведения и поступка. Архитектурный критик С.Х. Голдхаген отмечает, что наша когнитивная активность зависима от геонов, инвариантов относительно точки зрения, наша визуальная система применяет платоновы тела и принципы евклидовой геометрии, чтобы помочь нам видеть – но наша современная архитектура есть в большей степени графический пользовательский интерфейс и те технологические протезы, которые он нам предлагает. В этом смысле платоновы тела, это скорее не видение образа, а образ видения. Следовательно то, что мы принимаем за исключительно зрительное поле в интерфейсах, является продуктом сложной телесной и культурно-этической организации. Дж. Гибсон, прибегнув к опытам гештальт-психолога К. Коффки, и заимствуя понятие Aufforderungscharakter (нем. валентность, возбуждающая способность) назвал аффордансом свойства материальных предметов или объектов окружающей среды сообщать о назначении, предлагать варианты использования, возможности действия. Задача состоит в том, чтобы при проектировании интерфейсов перейти от геонов к тигмотаксису – или перейти от эпидемиологической модели проектирования интерфейсов к этической. Тигмотаксис – экологическое понятие, оно означает разнообразие и пластичность точек соприкосновения тела со средой, которые позволяют сопротивляться течениям, занимать оптимальное положение тела и поддерживать тонус. Но его можно использовать и в этическом измерении для возвращения чувства задетости и соответственно, реальности, для возвращения не инсценируемых событий, которые требует поступка, а не воспроизведения. До сих пор интерфейсы были подчинены монополии оптикоцентризма, – о чем свидетельствует по крайней мере количество мощностей выделяемых под обработку оптических сигналов в отличии от всех остальных, – но этот оптикоцентризм был фактически фантомным, поскольку, опираясь на геонты-фантазмы, стремился бихевиориально кодировать телесно-поведенческие аспекты. Напротив, глубокое внимание к альтернативным телесным способам взаимодействия позволит перейти от взаимодействия с цифрой к взаимодействию с помощью цифры – от интерактивности к итра-активности (концепт К. Барад); многообразию этических способов действия. Иными словами, не цифровые интерфейсы должны определять поведенческие техники, а с помощью цифровых интерфейсов должны быть выявлены скрытые варианты этических взаимодействий.

При финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации.

Проект МК-169.2021.2. СПбГУ

Павлова Виктория Валерьевна
аспирант

Белорусский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ КАК ОСНОВА ЭТИЧЕСКИХ НОРМ

Человечество имеет невероятно богатый опыт жизни в тесном бытовом контакте с животными, и с течением времени дистанция между нами будет только сокращаться. Как практическая философия, этика животных направлена на выработку норм поведения человека с животными, однако опыт показывает, что зачастую именно практики обращения с животными, проверенные и устоявшиеся в обществе, могут диктовать формулировку этических норм, а не наоборот. Теории морали ищут основания для нравственного отношения к животным (П. Сингер, Г. Сиджвик, Г. Спира, П. Харрисон, Т. Реган и др.), целью же данной работы является обоснование идеи выявления принципов этики животных через естественным образом закрепившиеся практики обращения с ними.

Самым наглядным будет рассмотрение взаимодействия человека с домашними животными и городской фауной. В первом случае отметим некоторые следующие ставшие нормой практики: активное пользование специализированными услугами и товарами для животных, которые не являются жизненно необходимыми, но повышающие (иногда в представлении человека) комфорт животного (одежда и декоративные аксессуары для животных, посуда и мебель, парикмахерские услуги и т.д.); создание «личных» страниц питомцев в соцсетях; появление новых востребованных профессий и специализации для работы с животными (зоопсихологи, грумеры, агенты по защите домашних животных, хендлеры, зоотерапевты, специалисты по социализации в приютах и т.д.); легализация питомцев при переезде за границу и т.д.

В случае с животными, соседствующими с человеком в населённых пунктах, примечательны следующие практики: модернизация городской инфраструктуры (закрытые мусорные баки, специальные таблички о кормлении в парках и у водоёмов и т.п.), информирование о правилах поведения с животными (как вести себя со слётками, чем можно и нельзя кормить птиц, ежей, белок и т.д.), создание кормушек, мест гнездования для аистов (практикуется в сельской местности) и т.д.

Перечисленные практики – хороший пример контакта человека с животным, который строится на активной заботе, партнёрском обмене либо невербальном диалоге равноценных обитателей единого «социума». При таком подходе животные не наделяются какими-либо моральными правами, определённым статусом, привилегиями. Эти практики безо всяких теоретически весомых оснований заранее полагают животных как самостоятельных независимых субъектов, имеющих свои интересы, и способных эти интересы выражать и отстаивать.

Современные практики показывают, что человек больше не может отгораживать животными «дикой природой» и «природностью» как демаркационной чертой, за которой заканчиваются всякие моральные законы и остаются лишь законы природы. Интенсивность сближения и слияния двух миров – человека и животного – превышает скорость осмысления этого процесса, а попытки экстраполировать собственные правила и нормы друг на друга имеют в лучшем случае ограниченную состоятельность в этическом плане. Попытки же контролировать наше отношение к животным с помощью универсальных этических норм неизбежно встретятся с пренебрежением и релятивизмом на практике, для которого в свою очередь обязательно найдётся моральный оправдательный контраргумент.

Поэтому есть основание рассмотреть в этике животных подход («от практики – к теории»): вычленив и изучив наилучшие примеры практического обращения с животными, чтобы понять на каких этических основаниях оно строится.

Петров Руслан Ильгарович
обучающийся аспирантуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЭТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ЦИВИЛИЗАЦИИ:

«РОКОВОЙ ВОПРОС» Н. Н. СТРАХОВА В ПЕРЕПИСКЕ С Л. Н. ТОЛСТЫМ

Данный доклад посвящён этической проблеме «цивилизации», поставленной в переписке двух русских мыслителей: Николая Страхова (1828-1896 гг.) и Льва Толстого (1828-1910 гг.). Ценность цивилизации, которая включает в себя понятие «человек», «мир» и «вера», ещё до начала переписки с Львом Толстым была заявлена белгородским мыслителем в его статье «Роковой вопрос». Она была написана в 1863 году и стала ещё одним звеном в цепочке культурно-философской и общественно-политической проблемы, получившей в русской традиции название «польский вопрос». Основная проблема, поставленная в докладе – это рассмотрение дихотомии «цивилизация» и «варварство» в этическом пространстве. В качестве методов будут использованы герменевтический и сравнительно-исторический методы, а также метод комплексного системного анализа. Основными источниками доклада станут: «Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова» в двух томах и статьи Страхова «Роковой вопрос» и «Письмо к редактору «Дня»». Помимо этого, будет использоваться материал статьи Иванова С.И. «Идентичность сквозь призму «Рокового вопроса» в философской концепции Н.Н. Страхова (по материалам публицистики 1860-х), написанную в 2010 году. Работа Страхова выходит за рамки чисто философского анализа. В ней он пытается поставить себя на место представителя польской культуры, отстаивающего свои права с позиции «цивилизованного народа». Сама работа пишется во время польского восстания 1863-1864 года, которую белгородский мыслитель пытается анализировать сквозь призму культурологии, политики и истории взаимоотношения польского и русского народа. Одной из характерных черт понятия «цивилизации» Страхов считает распространение её на менее развитые народы: «В самом деле, поляки имеют за собою длинную историю. В этой истории... они играли роль и исполняли миссию цивилизованного народа среди варваров... Они постоянно были заняты распространением этой культуры». Автор статьи объясняет это стремлением самих поляков колонизировать прилегающие страны. Причины восстания Страхов разделяет на два основные части: с одной стороны, это «идеи космополитические», с другой «идеи национальности». Проявление космополитизма поляков мыслитель видит в улучшении своего правового положения и улучшения собственного быта. Национальные же идеи этой борьбы Страхов трактует как нежелание признавать власть русского народа. Эти исходные проблемы, вписывающиеся в многовековые дискуссии по поводу «русского мира», Страхов призывает решить без кровопролития и мирно представителями обеих ветвей славянского народа.

Литература:

1. Иванова С.И. Идентичность сквозь призму «Рокового вопроса» в философской концепции Н.Н. Страхова (по материалам публицистики 1860-х) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.
2. Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Время. 1863. №4.
3. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. вторая. Изд. 2-е. СПб., 1890. С.136-146.
4. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки. Том I. Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003.
5. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки. Том II. Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003.

Петров Павел Андреевич
обучающийся магистратуры

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИНТЕРНЕТА**

Компьютеры и Интернет из изначально планируемого инструмента для коммуникации в условиях войны сегодня превратились в изобретение, требующее отдельно развивающейся инфраструктуры [2] для полноценного функционирования. Очевидность преимуществ во всех сферах деятельности человека, которые представляют информационные технологий, сопряжённые с глобальной коммуникационной сетью [6], не вызывает сомнений, однако, вместе с ними возникают в том числе и этические конфликты, причины которых не всегда проясняются или специально умалчиваются.

Для большинства пользователей интернет является средством для удовлетворения тех или иных информационных запросов различной степени сложности, функционирующим по принципу «задал вопрос – получил ответ» [1]. Благодаря современным техническим возможностям, мы можем формулировать комплексные запросы и выполнять куда более сложные, чем 50 лет назад, действия. Спрос на решение трудных задач становится мотиватором развития и совершенствования технической инфраструктуры, отвечающей за обеспечение выполнения этих самых задач. Благодаря этому использование связанной с интернетом техники становится гораздо удобнее: например, достаточно разрешить приложению карт доступ к геолокации и в любой точке планеты пользователь в считанные мгновения может сориентироваться на местности.

Ключевой проблемой является необходимость расплатиться за комфорт, в первую очередь – конфиденциальностью персональных данных. Миролюбивые просьбы автоматической отправки отчётов об ошибках для улучшения сервисов или доступ к файлам «cookies» (и им подобные) делают доступными для аналитики практически все наши действия в интернете [4]. Желание пользователя получить максимальный комфорт в виде простоты и удобства использования в сочетании с отсутствием определённых принципов работы интернета нередко приводит к тому, что он может стать жертвой отдельных индивидов или целых организаций [3]. Наконец, требования, подобные передаче доступа к паспортным данным для возможности осуществления ряда финансовых операций в интернете порождает не только правовые, но и этические споры.

Использование Интернета и связанной с ним инфраструктуры становится проходом на «Проблему Вагонетки» [5]: приходится делать выбор в пользу сохранения приватности, отказываясь от комфорта, либо обеспечить себя удобным инструментом, но помнить о том, что «интернет ничего не забывает». В связи с этим правомерно задать вопрос инженерам и политикам: действительно ли обеспечение «безопасности» и «цензуры» требует полного доступа к конфиденциальной информации людей настолько, что нет альтернативных технических решений, либо текущая реализация выступает в качестве удобного инструмента для удержания ведущих позиций информационного контроля.

Литература:

- 1) Винер Н. Кибернетика и общество. М: Издательство Иностранной Литературы, 1958. – 201 с.
- 2) Карр Н.Дж.Блеск и нищета информационных технологий. М., 2005.
- 3) Митник К., Уильям С. Искусство обмана. М: Компания АйТи. 2004. – 131 с.
- 4) Митник К., Уильям С. Призрак в Сети. Мемуары величайшего хакера/Под ред. Обручева В. – М.: Эксмо, 2012. – 416 с.
- 5) Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect» in Virtues and Vices the Oxford Review, 1967.
- 6) Kitchin R., McArdle G. (2016) What makes Big Data, Big Data? Exploring the ontological characteristics of 26 datasets. Big Data & Society. Vol.1, No.10.

Петрова Анастасия Анатольевна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

ПРОБЛЕМАТИКА СООТНЕСЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ И БАЗОВЫХ ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Виртуальное пространство – одна из неотъемлемых частей существования современного человека. В связи с быстрым погружением человека в реальность, отличную физической среды, возникает необходимость преобразования базовых категорий основных аспектов человеческого бытия. У понятия «виртуальная реальность» есть множество коннотаций: реальность в интернет-пространстве, реальность в художественной литературе, религиозная реальность (если понимать слово «виртуальность» как скрытую возможность, что-то неявное).

Этическая составляющая человеческой жизни следует за каждым индивидом независимо от того, куда тот направляется. Так как понятие «личности» является одним из основных в исследовании человека, а за ним неуклонно следуют «этика» и «мораль», базовые категории преобразуются в соответствии с областью, в которой находится человек [2]. Множество исследований и пособий можно найти относительно того, как необходимо (или желательно) вести себя в виртуальной реальности [1]. Под виртуальной реальностью здесь понимается особый вид реальности, созданный человеком и проецируемый на его органы восприятия посредством информационных, виртуальных и сетевых технологий. Проще говоря, виртуальное пространство – пространство Сети (Интернет или виртуальность в современной коннотации) [4]. В современности в подобной области человеческое бытие проявляется в особенно больших масштабах. В связи с этим поднимается проблема осознания личности человека в виртуальном пространстве. Каков статус человеческой личности в среде виртуальности? Приложимы ли без изменения базовые этические термины к региону «виртуальной личности»?

Данная проблематика может подразделяться на множество достаточно конкретных, но не вполне исследованных вопросов. Например, насколько серьёзно человек должен отвечать за свои «поступки», совершённые в виртуальном пространстве? Как этическое проявляется в образе виртуального человека? Можно ли в виртуальном пространстве ограничить моралью неподвластное человеку аморальное поведение? Как соотносить существующую вне виртуальности реальность с реальностью виртуальной?

Будет проведена попытка более подробно рассмотреть последний вопрос. Внутри этой проблемы скрываются ещё более глубокие вопросы: как соотносятся друг с другом личности вне виртуальности и внутрисетевого пространства? Какую тенденцию можно проследить, наблюдая за поведением человека внутри виртуального пространства? Приложимы ли к подобным «личностям» базовые категории морали?

В своём исследовании автор склоняется к мысли о том, что в виртуальном пространстве человеческая личность становится тройственной: человек-в-себе, человек во вне-виртуальности и человек внутри виртуального пространства. Все эти человеческие личности могут существовать как в виде различных сторон одного субъекта, так и в виде трёх самостоятельных личностей, словно бы в одной телесной форме находилось три разных «человека». Остро встаёт проблема «моральности» субъекта: для всех ли сторон одной личности она одинакова? Что можно сказать о «моральности» тех или иных поступков, которые совершаются в виртуальной реальности? Равно-сильно ли применять одни и те же меры этического взыскания к человеку внутри виртуальности и человеку вне-виртуальности?

Различные аспекты как реальной, так и виртуальной личности человека могут существовать и в конфликте. Моральные установки одной «личности» могут быть

прямо противоположны «личности» другой. Соответственно, также поднимается проблема морального выбора человека как единого субъекта.

Такая обширная область требует особого внимания в современных реалиях, так как существуют случаи, когда за действия в виртуальной реальности приходилось отвечать в физической среде.

Литература:

1. Баева Л.В. Этика информационного мира: проблемы становления и развития / Философия и культура / 2016. 4(100) С. 514-522 / DOI: 10.7256/1999-2793.2016.4.17665
2. Гартман Н. Этика.- СПб.: Владимир Даль, 2002.-708с.
3. Измагурова В.Л. Этические аспекты влияния Интернет-общения на развитие сознания // Коммуникология. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-vliyaniya-internet-obshcheniya-na-razvitiye-soznaniya> (дата обращения: 26.09.2022).
4. Касьянов В.В. Виртуальное пространство как новый – «старый» социокультурный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. №2S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-prostranstvo-kak-novyyu-staryuu-sotsiokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 26.09.2022).
5. Малькова Е.Ю. Принципы виртуальной этики / Серия «Symposium». Религия и нравственность в секулярном мире. Выпуск 20 / Материалы научной конференции. 28-30 ноября 2001 год Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. 2001. С.112-115.

Петрунин Юрий Юрьевич

д.филос.н., профессор, зав.каф. математических методов и информационных технологий в управлении

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
АНТИНОМИИ СПОРТИВНОГО ЭТОСА

Современная цивилизация вошла в эпоху перемен. Причина глобальных пертурбаций – не *deus ex machina*, не какое-либо иное внешнее воздействие. Драйвером epochальных трансформаций являются внутренние противоречия общества. Этот вывод касается и спорта – важной части современной цивилизации и культуры.

Спорт, также как и другие социальные институты, погружен в поток необратимых изменений. Вопиющие противоречия, можно сказать – антиномии, спортивного этоса хорошо известны: честность (*fair play*), с одной стороны, против победы любой ценой (*Sieg über alles*: допинг, подкуп, обман, манипулирование и т.п.), с другой; солидарность, командный дух против индивидуализма; спорт вне политики (в соответствии с текстом Олимпийской хартии Глава 1 п.2.10, п.6.1, Глава 4 п.6 и др.) против спорта как инструмента реальной политики (бойкоты, ограничения для спортсменов конкретной страны).

Последние события обнажили ещё одно противоречие, которое можно обозначить, в первом приближении, как дилемму между патриотизмом и шовинизмом, между любовью к родному клубу/атлету/этносу и ненавистью к его противникам.

Спорт – эрзац войны, сублимирующий разрушительные силы в людях. В то же время спорт несет не только мир и взаимопонимание между отдельными людьми и целыми народами, но, напротив, становится питательным источником войны, насилия и других деструктивных действий. Болельщики, фаны, ультрас маршируют в первых рядах военизированных подразделений, отличающихся особенной жестокостью.

Собственно, это не открытие сегодняшнего дня: вспомним, например, восстание «Ника» в Константинополе в VI веке, когда спортивные страсти переросли в гражданскую войну в ромейской столице.

В чем здесь проблема? Многие психологи, ученые, социальные реформаторы отвергали (считали вредными) состязательные состязания в целом, а, тем более, феномен «боления», которое есть вредный нарост на теле спорта. Говоря иначе, институт

спорта должен исключать самую многочисленную часть спортивных состязаний – зрителей, а этос спорта касается только спортсменов.

Вряд ли с этим можно согласиться. Последняя версия «Спортивной хартии Европы» в §2 «Определение границ Хартии» содержит прямое указание на причастность наблюдающих состязания к спорту как явлению (хотя стыдливо не использует термин «болельщики» или его синонимы). Совершенно очевидно также, что спорт без наблюдателей вряд ли стал бы таким институтом, каким мы его знаем сейчас [1].

Не отрицая опасностей этоса спортивного «боления», нельзя не отметить, что оно развивает важнейшую добродетель человека – сопереживание, соучастие, даже сострадание к другим людям, выводит его за границы своей индивидуальности, приобщает к различным формам социальной идентификации, общности с другими людьми.

Спорт – со времен Древней Греции, – преобразует человека и телесно, и внутренне, формируя ментальные механизмы вхождения в мир культурной традиции. Речь идет не только и не столько о спортсмене, сколько о созерцателе соревнований. По Аристотелю, Пифагор, сравнивая жизнь с «игрищами», писал, что «киные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть» [2]. Конечно, ни посетители Олимпийских игр древности, ни наши современники, наблюдающие перипетии спортивной борьбы не просто смотрят. Они волнуются, переживают, идентифицируют себя с борющимися за победу спортсменами, развивают в себе глубинное человеческое начало. Они же возбуждаются, неистовствуют, начинают ненавидеть противников и их сторонников, разрушают в себе человеческое начало. Как разрешить эту антиномию? Вопрос остается открытым.

Литература:

1. Петрунин Ю.Ю. Антропный принцип в науке о спорте. // Вопросы философии. 2019. №9, 130–140. DOI 10.31857/S004287440006325-2.
2. Аристотель. Евдемова этика. М., 2005. С.392.

Положенцев Андрей Михайлович
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
СВЯЗЬ КОСМОЛОГИИ И ЭТИКИ

(НА ПРИМЕРЕ ИДЕИ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» И ЭТИКИ У НИЦШЕ)

Зачастую положения, на которых мы строим свою картину мира, хотя в себе и являются непротиворечивыми и вполне обоснованными и согласующимися с нашим опытом и логикой, имеют свое подлинное обоснование из внешних, гетерогенных источников, не прошедших критического исследования. Наша мысль как бы «боится» к ним притронуться, обходит их и закрывает глаза на то, чтобы рассмотреть их. А между тем эти положения зачастую играют роль метафизических «краеугольных камней» нашего мировоззрения. Таковы, например, положения о происхождении, первоисточнике, развитии. Это важные основания современности, они приняты нами, и мы ими руководствуемся в своих научных и практических изысканиях, опираемся на них как на аксиомы. Но опираться можно и на другие аксиомы, даже прямо противоположные. Например, противопоставить идее Начала идею Вечного возвращения, как это сделал Ницше.

Идея начала и следующего за ним бесконечного поступательного движения есть метафизическое продолжение идеи творения. Помимо моральных правил, христианский символ веры предлагает в качестве догмата тезис о Начале. Мыслить мир безначальным некогда было не только грешно, но и опасно (вспомним, что случилось с Джордано Бруно, который в свое время посягнул только на пространственную конечность мироздания)! Однако, если мы с Вами сейчас начнем всеерь опровергать тезис о Начале, мы можем подвергнуться не менее изощренной форме остракизма, чем Бруно, хотя еще Кант показал антиномичность этого тезиса и невозможность его критического принятия без антитезиса. Догмат продолжает править нами в виде метафизического табу. Мы вынуждены мыслить мир изначальным. Просто вначале – для

нас – было не Слово, а Большой взрыв. Но начало всегда имеет в виду и конец. Мыслить начало – значит строить картину мира, состоящую из конечных сущностей. И это имеет не только космологическую перспективу, но и социально-политическую и моральную. Имея различные принципы в основаниях, мы получаем «на выходе» не только различные социально-политические миры, но и иные сущности.

Безначальность дает иные перспективы. Она не замыкает субъекта в рамки конечного, ограниченного во времени существа. И, в частности, для Ницше, эта идея открывает основание для иного типа морального действия. Поступок теперь не ограничен социально-политическим бытием. Напротив, социальность ограничивает твои познавательные способности и экзистенциальные возможности. То есть: нужно держать перспективу на иные практики жизни, не отдаваясь всецело только социальному миру. У социальности, полагаю, основная цель – контролировать твоё внимание, твой бытийный интерес (желание быть кем-то или чем-то), ограничивая его самой социальной сферой, и потому категорический императив этики Начала звучит как отрицательный призыв («не лги», «не сотвори» и пр.).

Если мы обратимся к отрывку, в котором описывается эта идея [Ницше Ф. Весе-лая наука // Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1990. С.660.], то мы увидим здесь формулировку «категорического императива» для мира вечного возвращения. Такой мир ставит тебя перед одним и тем же выбором бесконечное количество раз. Мысль эта может показаться ужасной, фрагмент называется «Величайшая тяжесть» – ведь она подразумевает и бесконечное повторение ничтожных событий, даже следы которых с точки зрения «этики начала» следовало бы стереть («будут грехи ваши как багряное, как снег убелю...»), обещает пророк). Однако эта истина, как говорит Ницше, способна кардинально изменить тебя и твой мир, поскольку будет вынуждать поступать только так, совершать лишь те действия, совершать которые «хотелось бы бесчисленное количество раз». Такой императив выводит нас за границы привычного социального мира, «по ту сторону мира человеческого». Метафизика безначального открывает нашему мышлению новые перспективы, вторую половину мира, которую от нас блокируют религия, пенитенциарная система, здравый смысл и психиатрия.

Поляков Николай Станиславович
к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАРОДИЙНЫЕ РЕЛИГИИ И ОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ МОРАЛИ (НА ПРИМЕРЕ ПАСТАФАРИАНСТВА)

Одним из интересных феноменов современного религиозного мира являются так называемые пародийные религии, которые можно относить как к разновидностям атеизма, так и к проявлениям новой религиозности. Пародийные религии – термин, вероятно, не самый удачный, поскольку вызывает закономерные возражения самих представителей этих религий, не считающих их пародийными. Тем не менее, возможно, стоит согласиться с Этаном Квиллером, который считает, что подобные религии представляют собой новый тип вымышленных религий. Он пишет: ««пародийная религия», призвана сделать заявление о необоснованных верованиях религиозных людей, о том, что эти верования на самом деле никогда не могут быть подтверждены». Пожалуй, самая известная на данный момент пародийная религия – пастафарианство или религия Летающего Макаронного Монстра (ЛММ). Пастафарианство возникло после того как в 2005 г. американский физик Бобби Хендерсон отправил сатирическое письмо в департамент образования штата Канзас в знак протеста против планировавшегося введения преподавания раздела по теории разумного замысла в состав программы по естественной истории в государственных школах Канзаса. В своем письме Хендерсон замечал: «Я обеспокоен тем, что студенты услышат только одну теорию Разумного Замысла. Давайте вспомним, что существует множество теорий Разумного Замысла. Я и многие другие люди по всему миру твердо убеждены в том, что Вселенная была создана Летающим Макаронным Монстром». Эта история

получила широкую огласку в СМИ, в результате чего через год было издано написанное Хендерсоном «Евангелие Летающего Макаронного Монстра», вызвавшее еще больший резонанс. Анализу этого текста можно посвятить отдельное исследование, здесь стоит упомянуть лишь, что в нем рассматриваются «грубые ошибки науки», приводятся доказательства существования Летающего Макаронного Монстра, предносится пастафарианская история творения мира, очевидным образом пародирующая библейскую, и перечисляются основные принципы. Последние кратко сформулированы в восьми ключевых доктринальных тезисах, называемых «заповедями», которые содержат бросающуюся в глаза очевидную сатиру на христианство, сдобренную своеобразным чувством юмора. Чего стоит сентенция, раскрывающая третью пастафарианскую «заповедь» «не суди»: «Женщина – это личность, Мужчина – это личность. А зануда – это всегда зануда. Никто из людей не лучше других...». Таким образом, часть положений несет отчужденный этический посыл, в числе прочего, отражая и ключевые современные этические вопросы – о равенстве полов и, напротив, социальном неравенстве. Например, вторая «заповедь» содержит ряд важных императивов: «Лучше бы ты не оправдывал Моим именем угнетение, порабощение, шинкование или экономическую эксплуатацию других, ну и сам понимаешь, вообще мерзкое отношение к окружающим». Есть в тексте и максимы, претендующие на «золотое правило нравственности»: «Лучше бы ты не позволял себе действий, неприемлемых для тебя самого или твоего добровольного и искреннего партнёра». Таким образом, имитируя и пародируя другие религии, пастафарианство постепенно все больше приобретает религиозные черты, становясь в один ряд с другими вымышленными религиями. РНФ №22-28-00920 «Постсекулярная религиозность и популярная культура: феномен вымышленных и пародийных религий»

Полякова Наталья Валерьевна
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛИТИКА VS ЭТИКА

В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ «ДОКТРИНЫ ОТКРЫТИЯ»

Истоки «Доктрины открытия» были заложены папской буллой «*Inter caetera*» от 4 мая 1493 г., которая сыграла на первоначальном этапе важную идеологическую роль в испанской колонизации Америки. В данной булле папа Александр VI поставил цель «приступить... к подчинению упомянутых островов и материков, и их жителей и обитателей... и обратить их в католическую веру» [1; 240]. На основе положений этого текста сложилась целая система фарисейских установок, которые использовались колонизаторами для апологии завоевания новых территорий и подчинения коренного населения. Одним из примеров инструментального использования данных установок стала подготовка «Рекериембенто» – документа, послужившего для обоснования прав европейцев на новые земли с опорой на принцип «*terra nullius*» («ничья земля»), который изначально облекался в богословскую форму «вотчина Христа», оправдывавшую передачу этих территорий его наместником – папой римским – во владение европейским монархам. При этом для коренного населения в духовном контексте предписывалось обязательное принятие христианства католического образца, отказ от чего расценивался как оскорбление Бога, папы римского, а также короля и оправдывал ответные репрессии против индейского населения. Эти установки были восприняты в дальнейшем и некатолическими странами, в первую очередь, Англией, для обоснования своих колонизаторских проектов в Новом Свете, а основные постулаты папской буллы слились с идеей «*terra nullius*» в политико-правовую концепцию, получившую «всемирное применение» и известную как «Доктрина открытия». Объединив идею христианства как «цивилизующей» силы с идеей, согласно которой коренные народы просто занимали, но не владели землями своего проживания, Англия, Франция и Голландия присоединились к Испании и Португалии в апологии практики и последствий колонизации Нового Света.

В более позднее время эта доктрина нашла свое место уже в правовом поле современных государств, возникших в Новом Свете: например, она закрепились в национальном законодательстве США посредством серии решений Верховного Суда, наиболее известным из которых было решение по делу «Джонсон против Макинтоша» (1823 г.). Согласно этим решениям, существовавшая де-факто идеологическая установка, согласно которой все колонизированные земли были объявлены ранее никому не принадлежащими, а их собственниками становились те колонизаторы, которые занимали ту или иную территорию первыми, получила свое юридическое закрепление, что послужило основанием для оправдания внутренней социально-экономической (присвоение племенной собственности индейцев) и культурной (принудительная христианизация и ассимиляция) политики в отношении коренных народов.

На современном этапе, когда последствия этой политики стали предметом серьезных публичных дискуссий и основой для протестных общественных движений, многие лидеры общественного мнения в этой области, в первую очередь, из числа коренных народов США и Канады, активно обращаются к истокам «Доктрины открытия», каковой является папская булла 1493 г., призывая Ватикан с начала 80-х гг. XX в. к символическому шагу ее отмены. Нынешний понтифик, папа Франциск I, во время своего «покаянного паломничества» в Канаду в июле 2022 г. ограничился принесением публичных извинений перед коренными народами за издержки колонизации, но не совершил акт осуждения самих ее идеологических истоков, чего от него ожидали. Таким образом, в рамках современного дискурса доктрины открытия продолжает сохраняться коллизия между его этическими и политическими аспектами, поскольку публичные извинения не приводит автоматически к акту прощения со стороны пострадавших коренных народов.

Литература:

1. Путешествия Христофора Колумба / дневники, письма, документы. Пер. с испан. и коммент. Я.М. Света; вступ. ст. И.П. Магидовича. Изд. 2-е. – М.: Географгиз, 1952. – 528 с.

Пономарев Андрей Андреевич
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРТИНА СКОРСЕЗЕ

В современном кинематографе находят свое выражение религиозные ценности различных культур. В нашем исследовании рассматриваются этико-религиозные аспекты в творчестве видного американского кинорежиссера Мартина Скорсезе. Необходимо заметить, что творцы современного искусства зачастую являются людьми, исповедующими определенную религию, что находит свое отражение в их произведениях. На творчестве Скорсезе сильно отразилось католическое воспитание. В детстве он мечтал стать священником и получить религиозное образование, однако столкновение с жестоким миром улиц (Скорсезе вырос в неблагополучном районе Нью-Йорка с высоким уровнем криминала) заставило будущего режиссера трансформировать собственное мировоззрение и усомниться в несокрушимости религиозных ценностей.

Автор приходит к выводу, что все творчество Скорсезе носит религиозный характер. Главные герои фильмов американского режиссера нередко выступают в качестве своеобразных мессий, находящихся в повседневной, зачастую скучной и однообразной жизни, источник мирового зла, которое необходимо сокрушить любыми, в том числе насильственными методами. Но то, что кажется этически оправданным в сознании героев, встречает отторжение в обществе, которое не понимает мотивов «безумцев». Данная линия находит свое отражение в таких фильмах, как «Таксист», «Король комедии», «Остров проклятых». Для первой из вышперечисленных картин (ее сценарий написал воспитанный в строгой протестантской среде Пол Шредер) характерно

наличие религиозной лексики (разговоры о пороке, очищении грехов), которую персонажи используют не совсем осознанно. Также обращает на себя внимание сцена, в которой на протяжении нескольких минут демонстрируется оружие – единственный источник спасения (для обезумевших от несправедливости бытия и потерявших веру), своего рода заменитель икон, в мире, где умер бог, а политические и гражданские институты не в состоянии удовлетворить религиозные потребности населения [Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. С.347]. В творчестве Скорсезе (за исключением трех чисто религиозных картин – «Последнее искушение Христа», «Кундун», «Молчание») рассматриваются проблемы привлекательности зла в светском обществе, где религиозные ценности отходят на второй план, а право и мораль, существующая в отрыве от религиозных норм, не в состоянии сдерживать алчущих людей от соблазна встать на путь разрушения. Поклонение идолам и «золотым тельцам» выливается в своеобразное «богоборчество», заключающееся в стремлении занять место кумира («Король комедии», «Волк с Уолл-стрит», «Славные парни»), а непомерная гордыня приводит разрушивших себя героев к чувству стыда и своеобразному покаянию – так, например, главные герои «Бешеного быка» и «Ирландца» в отсутствие Бога исповедуются перед камерой и зрителем. Автор исследования делает вывод о нехарактерном для американского кино высоком интересе к постановке этических и религиозных вопросов в творчестве М. Скорсезе.

Попова Екатерина Владимировна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «БЛАГО» В НАСЛЕДИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Основательный подход Л.Н. Толстого к какому то ни было философско-этическому понятию не обошел стороной и данную этическую категорию. В разнообразнейших текстах писатель объясняет своё понимание блага со всевозможных сторон жизни (практических и теоретических).

Много рассуждает о благе Л.Н. Толстой в своём «Христианском учении», несущем в основном назидательно-воспитательный характер, где он перерабатывает и осмысляет устойчивые христианские правила жизни через призму философии вообще и философии повседневности в частности.

Если собрать воедино разнообразнейшие тексты Л.Н. Толстого, следует упомянуть, что автор признавал благом любовь и Бога. Эти два вида блага в большей степени объединены именно в божьем начале. Человек при этом есть инструмент Бога, предназначенный для распространения любви. Постичь благо можно через самосовершенствование, познание собственного «я» (в этом может помочь лишь «разумное сознание»), а также через признание себя орудием Бога. «Участвовать же в Его работе я могу только теми усилиями сознания, которые я делаю для того, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие Божие, которое поручено мне – себя, свою душу («О самосовершенствовании», Л.Н. Толстой). Парадокс заключается в том, что человек как таковой не является «самобытным существом», в теории Л.Н. Толстого он лишь средство. Кроме того, признавая чужое сознание, можно удвоить благо, достичь всеобщего блага на пользу других людей.

Бог есть источник любви, а значит благом для человечества является, во-первых, сама любовь. Любовь при этом есть проведение Бога, также непосредственного блага. И таким образом циклическая система Толстого закругляется-дело Бога заключается в увеличении любви, для распространения любви Он создал человека, чтобы познать Бога, человек должен действовать только лишь через умысел любви; а значит Бог, по мнению Толстого, есть благо само в себе.

Понимание блага у Толстого в определённой степени базируется на танатологических принципах. Смерть является переходом к благу, то есть к Богу. Признание своей

смертности в том числе является вариантом познания самого себя. Через познание, как уже было сказано выше, человек способен приблизиться к благу. В работе «На каждый день. Май» Толстой приводит выражение Цицерона, которое, безусловно, перекликается с его собственными установками: «Главное же бедствие по людскому суждению – смерть – открывает нам вполне наше истинное «я»» (Цицерон). Страх смерти, таким образом, растворяется в ницшеанской «любви к дальнему» – в поисках Бога и «магии» любви.

Любовь – есть источник блага, когда она не имеет конечной, прагматической цели. Увеличение любви есть путь к благу. Признав других я собою, человек придёт к возможному «любовному общению со всеми людьми мира» (Христианское учение (главы 46-60)).

Пронякина Елизавета Дмитриевна

к.полит.н., доцент, Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы

КРИЗИС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Развитие технологий в современном мире происходит настолько быстро, что научное и философское знание не успевает разрабатывать валидные объяснительные модели для происходящего. Еще десять лет назад «прорывной» считалась технология электронного голосования, позволяющая условному избирателю влиять на политические процессы в своей стране из любой точки земного шара. Сегодня при помощи высоких технологий можно не только голосовать, но и подавать петиции, формировать бюджетные инициативы, собирать сторонников на акции поддержки или протеста. Все это, казалось бы, существенно расширяет возможности для проявления политической активности и гражданской инициативы. Однако на практике наблюдается снижение числа людей, активно участвующих в политической жизни страны.

Этот феномен можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, парадоксально, но «доступность» политики снижает ценность участия в ней. Политика больше не воспринимается гражданами как нечто закрытое и элитарное, а участие в ней перестает быть привилегией. В современном обществе нивелированы практически все цензы, включая образовательный, что, в свою очередь, снижает качество политического действия.

Во-вторых, теряется ценность гражданственности, как морально-этического состояния жителя государства. Если для древних греков или римлян выполнение гражданского долга было высшей степенью реализации свободы, то современный человек воспринимает гражданские обязанности, в лучшем случае, как рутину или формальность, лишённую какого-то смысла. Таким образом, политический процесс лишается одной из своих основных (по Р. Далю) характеристик – «квалифицированного участия граждан», что делает невозможным нормальное функционирование демократических норм и институтов.

Третья причина тесным образом связана со второй и заключается в деперсонализации политической коммуникации и отсутствии непосредственного, живого общения «лицом к лицу» между участниками политического процесса. Исчезает сам пафос публичной дискуссии, азарт полемики, обесценивается ораторское мастерство как искусство убедить в чем-либо своего оппонента. *Vita activa* в цифровом пространстве становится практически невозможной. Этика публичного общения в политическом пространстве, зародившаяся в Древней Греции и просуществовавшая всю эпоху Модерна, ушла в прошлое. Этика публичного общения в цифровом пространстве до сих пор не сформировалась и похода на набор формальных правил поведения пользователей на какой-то Интернет-площадке.

Таким образом, возникает осязаемая потребность переосмысления самого феномена «гражданственности» – как системы морально-этических взаимоотношений

между гражданином и государством и граждан – между собой. В сложившихся условиях исчезает, прежде всего, ощущение личных границ, а вместе с ними – публичного пространства. Общение с другими людьми на общезначимые политические темы приобретает характер обмена мнениями, в котором, однако, ни одна из сторон не стремится ни к компромиссу, ни к общему благу. Гражданская активность как единственный верный способ достижения общего блага нуждается сегодня в новом обосновании и, вероятно, в новых ценностях.

Разин Александр Владимирович
д. филос. н., профессор, зав. каф. этики

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЕСТЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В докладе показывается принципиальная разница процессов творчества на естественной основе, которые осуществляются без заранее определенной цели и имеют характер небольших приращений, случайных приобретений, и творчества, которое осуществляется как целевое, происходит на основе концепций и искусственно изобретенных средств. Деннет отражает эти процессы в терминах творчества по восходящей и по нисходящей. С его точки зрения творчество по нисходящей содержит такие инструменты, которые упрощают условия творческого процесса, и, в то же время, делают его гораздо более эффективным по сравнению с эволюцией в природе.

Дэниел Деннет (Разум от начала до конца: новый взгляд на эволюцию сознания от вездущего мыслителя современности) называет несколько видов инверсий, в которых были осуществлены принципиальные изменения представлений об условиях творчества и отношении человека к творческому процессу: инверсия Дарвина (можно создавать новое не имея цели), инверсия Тьюринга (реальность может быть редуцирована до таких простых элементов, которые могут быть заменены машиной, в результате возникает возможность умения без разума), инверсия Юма (причинность как иллюзия нашего разума).

Компьютеру не нужно доходить до понимания конечных причин, к чему стремится человек. Он работает по принципу сравнения информации в смысле теории смены состояний (неклассические виды детерминации). Это определяет эффективность и быстроту его работы, но это же означает отсутствие понимания тех операций, которые он совершает.

Далее, важно подчеркнуть, что детали компьютера (транзисторы) не имеют собственных целей, в отличие от нейронов головного мозга, которые представляют собой клетки, деятельность которых имеет целевую направленность, и которые способны объединяться друг с другом по принципу сетевых связей. Возможно именно с этим связаны те способности мозга, которые мы пока не можем эмитировать в искусственном интеллекте, скажем – свобода воли. Деннет показывает, что создание чего-то подобного нейрону на кремниевом носителе в принципе возможно, но крайне сложно и дорого.

Здесь возникает интересный вопрос: а не можем ли мы создать нечто лучшее, чем нейрон, ведь культурно опосредованное творчество уже создало то, что природа в принципе создать никогда бы не смогла, например – колесо, реактивный двигатель, в котором используется топливо и окислитель, и т.д. Для подобных созданий нужны такие качественные скачки, на которые природа неспособна. А каковы в этом плане будущие возможности искусственного интеллекта?

Думаю, что можно превзойти естественный интеллект. Но для этого кроме локальных носителей информации, имеющих свои цели и способность к объединению надо создать сообщество машин, субъективные оценки, придать ИИ субъективность и аналог телесной организации, связать научение с приобретением феноменального опыта.

Робин Иван Леонидович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ХИДЖАБ, АБОРТЫ И ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ – ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО И

ПОЧЕМУ БЕЗ КОНФЛИКТОВ ТРУДНО МЕНЯТЬ ЛЮДЕЙ И ОБЩЕСТВО

Человечество находится в процессе постоянного развития и эволюции на протяжении всей своей истории, иногда ускоряясь, иногда замедляясь. Рассматривая происходящее в нашем мире через призму этики и ценностей, как нам кажется, наибольшего прогресса люди достигают не тогда, когда просто пытаются прийти к решению какого-либо вопроса, а когда две стороны сталкиваются друг с другом и вынуждены приступить к спору, тем самым вступая в конфликт.

Самыми яркими примерами, конечно же, будут являться такие темы, которые до сих пор вызывают множество споров по всему миру. В их число входят, например, права человека. Если право на жизнь, в целом, никто не оспаривает, то вот о той части, которая касается прав женской половины нашей популяции, такого не скажешь. Например, Иранские митинги, вспыхнувшие после гибели задержанной полицией нравов девушки, продолжают вторую неделю, и показывают нам, насколько критичны конфликты для изменения ценностных взглядов общества. На момент написания тезисов не ясно, насколько сильны будут изменения в традиционном мусульманском обществе Ирана, но с точки зрения ценностей ясно одно – в некоторых ситуациях без конфликта и прямого столкновения с противником не обойтись.

Естественно, не обязательно чтобы прямое столкновение было связано с насилием. Например, в США, во время принятия решения в отмене приговора «Роу против Уэйда», также были столкновения двух групп – одна за то, чтобы оставить проведение аборт в том же легальном статусе, как это было последние 50 лет, другая за отмену решения, которое казалось им некорректным и неверным. Данный конфликт ценностей не привел к проявлению активного насилия, при этом, затронул не менее важную тему – право на жизнь и право человека на то, чтобы распоряжаться своим телом.

Можно найти множество аналогичных примеров как и в современной истории, так и анализируя события, которые за давностью лет переросли в статус «мифов» и «небылиц» – однако, ясно будет одно. Для полноценного развития человеческого общества как социо-культурного бытия нам требовались, требуются и будут требоваться конфликты, так как в большинстве случаев без них добиться того, чтобы твои оппоненты тебя услышали и услышали твои аргументы, зачастую, практически невозможно. Годами жители Ирана могли быть против требований носить хиджаб – но уровень недовольства стал ясен только когда конфликт перешел в активную фазу. Годами вопрос абортов был на острие в американском обществе – и только посредством суда его можно урегулировать так, чтобы решение было принято каждой из сторон.

Романов Кирилл Александрович
обучающийся аспирантуры, Национальный государственный университет
физической культуры, спорта и здоровья им.П.Ф. Лесгафта
ФУТБОЛ В ЛОВУШКЕ (ГЕО)ПОЛИТИКИ

Тесная связь с политикой всегда была одной из существенных особенностей спорта. Использование спорта высшего уровня для создания положительного имиджа государства стало одним из направлений развития политики так называемой «мягкой силы», придающей спорту дополнительное этическое измерение. В контексте непрекращающихся допинговых скандалов, сотрясающих российский спорт в последние годы, футбол оказался на переднем крае спортивной дипломатии, став наиболее активным элементом спортивной «мягкой силы» российской политики. Почти все средства массовой информации (как отечественные, так и зарубежные) отметили что имидж России значительно улучшился в результате чемпионата мира по футболу 2018 года. Однако на данный момент «мягкая сила» российской политики переживает

непростой период. В начале 2020 года консалтинговая компания Brand Finance опубликовала глобальный рейтинг стран по уровню их мягкой силы, согласно которому Россия заняла 10-е место, став одной из ведущих стран по этому показателю. В феврале 2022 года авторы отчета Brand Finance, сформированного на основе осенних опросов общественного мнения, провели дополнительный опрос по имиджу России в новых политических условиях. В феврале 2022 года авторы бренда Finance report, сформированный на основе осенних опросов общественного мнения, провел дополнительный опрос об имидже России в новых политических условиях. В результате Россия оказалась на 43-м месте. Эти данные были, среди прочего, результатом беспрецедентного культурного давления, предпринятого против России западными странами. Санкции затронули и российский спорт, который, по сути, был отлучен от многих важнейших международных соревнований. В то же время, футбол оказался в числе наиболее пострадавших видов спорта, болельщики потеряли возможность смотреть матчи с участием элиты мирового футбола на российских стадионах. И если России удалось выстроить эффективную систему контрмер в отношении экономических санкций коллективного Запад, то в области культуры и спорта такую систему еще предстоит разработать, учитывая то место, которое спорт высших достижений занимает в формировании национальной идентичности и патриотическом воспитании.

Социологи отмечают, что чем выше статус спортивных соревнований, тем больший интерес к ним проявляет зритель, и этот интерес связан не только со спортивными достижениями: важными становятся патриотические чувства к «своим». Спортивные достижения России – еще с советских времен – были важным и сильным фактором поддержания национальной гордости. Спортивные зрелища, просмотр футбольных матчей (как Чемпионат мира 2018 Кубок в России показали) может создать приемлемый повод для выражения патриотических чувств. Футбол позволяет формировать позитивную идентичность, не связанную с деструктивными проявлениями вражды и ненависти, но основанную на уважении к оппоненту.

На данный момент вопрос деполитизации спорта и футбола практически снят с текущей повестки дня. Ситуация перед чемпионатом мира по футболу 2022 года требует новых нестандартных решений от «мягкой силы» спорта. «Футбольная дипломатия» должна показать все, на что она способна перед лицом беспрецедентного давления на российскую культуру.

Романюк Мария Викторовна
обучающаяся магистратуры

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

CHRĒSIS: ЭТИКА М. ФУКО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Д. АГАМБЕНА

Согласно Д. Агамбену, для М. Фуко невозможна зона этики, существующая за пределами стратегических отношений власти, как невозможен и неуправляемый, выходящий за рамки господства и властных отношений – этические практики оказываются не чем иным, как стратегическим ответом на технологии управления [3]. Д. Агамбен утверждает необходимость мыслить зону этики, лежащую за пределами властных отношений. Через концепцию *chrēsis* он очерчивает границы этического и утверждает принципиальную несводимость этики к сфере социальной детерминации [1; 5].

Переход М. Фуко от исследований (нео)либеральной правительности в конце 1970-ых гг. к исследованиям режимов веридикции и практик заботы о себе можно интерпретировать как продолжение поиска ответа на сквозной вопрос истории сексуальности: что значит быть субъектом, конституирующимся на пересечении отношений силы [4]. Проект генеалогии субъекта, согласно поздним представлениям М. Фуко, подразумевает необходимость учитывать то, как технологии господства соотносятся с практиками, посредством которых индивид воздействует на самого себя. Д. Агамбен критикует Фуко за анализ отношений между этикой и политикой с точки зрения власти, которое приписывает этике исключительно стратегическую функ-

цию. Между тем в управлении собой и другими есть некий неустранимый избыточный элемент, от которого они зависят, и который делает их отчасти неуправляемыми [5].

Понимание логики власти влечет за собой признание этического измерения, на котором она базируется: когда управляемые подчиняются, чтобы высказать истину (сказать правду), это также создает возможность высказать истину, которая превосходит цель управления. Указание на это мы находим, в частности, в трактовке М. Фуко пьесы Софокла «Царь Эдип»: несмотря на требования Дельфийского оракула, Эдип не наказан ни смертью, ни изгнанием. Так через иницированную Эдипом алетургию учреждается иное положение дел вне соблюдения принципа следования между ее эффектом и теми или иными стратегическими и инструментальными целями [2].

Литература:

1. Агамбен Д. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: НЛО, 2018 – 224 с.
2. Фуко М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебному году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2016 – 351 с.
3. Agamben G. The use of bodies: Homo sacer IV, 2. Stanford: Stanford University Press. 2016.
4. Diltz, A. (2011). From «Entrepreneur of the self» to «Care of the self»: Neoliberal governmentality and foucault's ethics. Foucault Studies, (12), 130–146. <https://doi.org/10.22439/fs.v0i12.3338>
5. Thaning, M. S., Gudmand-Høyer, M., & Raffnsøe, S. (2016). Ungovernable: reassessing Foucault's ethics in light of Agamben's Pauline conception of use. International Journal of Philosophy and Theology, 77(3), 191–218. <https://doi.org/10.1080/21692327.2016.1235987>

Руженцев Сергей Евгеньевич

д. филос. н., доцент

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА НА МОРАЛЬ

Социальные конфликты – неизбежный спутник любого общества и корпоративных объединений. Столкновения в пределах этих ассоциаций или между ними могут быть связаны как с экономическими, политическими, культурными и прочими процессами, так и усугубляться несопадающими ценностными предпочтениями и моральными ориентирами.

Ценностный конфликт всегда привлекал к себе внимание как этическая проблема. Ведь он создает для индивида сложную и противоречивую ситуацию определения для себя моральных предпочтений и волевых действий, в рамках которых этот субъект вынужден осуществлять выбор и принимать необходимое решение. Осуществленные действия являются следствием констатации противоречия и сознательного выбора, так как избранный вариант поступка может сопровождаться нарушением каких-либо ценностных установок и даже моральных норм, которые ранее были значимы для этого субъекта.

Как представляется, для того чтобы анализировать любое ценностное противоречие в системе политических, культурных, групповых, семейных отношений, необходимо принимать во внимание вопрос о характере и степени глубины уже проявившегося аксиологического раскола и конфликта моральных ориентаций сторон. Тогда легче, логичнее и адекватнее возможно вскрыть механизмы формирования морально-ценностного противостояния сторон конфликта и возможного их ценностного сопряжения.

Очевидно, что наиболее остро воплощение ценностные конфликты имеют в политической сфере, так как оппонирующие стороны располагают более широкими вспомогательными ресурсами, используя моральную аргументацию вплоть до манипулирования и средства идеологической аргументации. Однако субъективно для индивида гораздо болезненнее межличностное противоборство, подкрепляемое ценностными сентенциями и моральными аргументами, выявляя проблему примирения сторон.

Еще А. Ахиезер заметил, что существенным звеном в процессе распада господствующего ценностного идеала выступает двойственный взгляд общества на власть, при котором лица, осуществляющие управленческие функции, теряют восприятие в качестве воплощения Правды [Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т.1. С.141–142]. Подход к моральным требованиям с утилитарных позиций неизбежно закладывает соответствующие стереотипы и нормы в восприятии других лиц, что потенциально провоцирует открытый моральный конфликт. То есть внешний фактор, связанный с состоянием законодательной базы, поведение должностных лиц, навязываемые большинству общества корпоративные ценности вызывают к жизни противоречия, которые в известный момент становятся трудно разрешить, опираясь на нормативные меры или моральные санкции. Ценностное противоречие порождает возможность обрести силу уже остро морально-ценностного конфликта.

Заметим, что существенную роль в проявлении и усугублении конфликтной ситуации играет проблема субъективации морально-ценностных ориентиров. Именно этот фактор нивелирует какую-либо однозначность в оценке морального прогресса. Можно признать, что в культурной или социальной сфере некоторые ценностные конфликты еще мыслимо воспринимать и квалифицировать с позиций морального прогресса при разрешении конкретной кризисной ситуации, опираясь на идеи общего блага, доступа к культурным достижениям, приемлемости внедряемых новаций и т.п. Однако в политико-управленческой деятельности крайне трудно выявить однозначные критерии морального прогресса. Не случайно А. Макинтайр отрицает достижение морального согласия рациональным образом [Макинтайр А. После добродетели. М., Екатеринбург, 2000. С.11].

В политической практике ценностные различия являются основой для самоидентификации и идеологического предпочтения, обеспечивая дополнительную возможность манипулятивного воздействия не только на противников данных ценностных установок, но и на поддержание «морального знамени» для своих сторонников. Победа в конфликте одних ценностей не может обеспечить признание нормативных ценностей и автоматически гарантировать моральное совершенствование для всех участников возникшего ценностного столкновения.

Таким образом, ценностный конфликт закладывает основание под амбивалентные моральные оценки, порождая проблему коммуникации взаимодействующих субъектов, необходимость утверждения механизмов согласования ценностей. При отсутствии стремления сторон к компромиссу, под влиянием негативного внешнего воздействия, абсолютизации своих ценностных предпочтений формируется тот водораздел, который приводит к абсолютизации собственной моральной позиции и принижению оппонента. Следствием складывающейся ситуации будет происходить символизация ценностей и переход от столкновения ценностных ориентиров к моральному противостоянию с последующей институционализацией конфликта.

Румянцева Татьяна Герардовна
д.филол.н., профессор

Белорусский государственный университет

И.КАНТ О КУЛЬТИВИРОВАНИИ МОРАЛЬНО-СОВЕРШЕННОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

В эпоху, когда во всем мире образование перестает выполнять традиционно приписуемые ему социально-культурную и нравственную функции, превращаясь в обучение технологическим приемам и навыкам, следует, на наш взгляд, обратиться к идеям тех мыслителей, которые внесли существенный вклад в обоснование этической теории и практики. Весьма актуальным является здесь обращение к идеям И. Канта, возрождение интереса к творчеству которого, особенно в преддверии 300-летия со дня его рождения, растет во всем мире.

Строго говоря, у Канта нет специальной работы, в которой он изложил свою концепцию морального образования, понимаемую как систему связанных между собой и

вытекающих один из другого взглядов. Сам процесс образования он понимал «не в качестве внешнего, привносимого извне, а как сознательный процесс самосозидания, подразумевающий активную вовлеченность в него самого субъекта образования» [1, с.300]. В таком широком значении понятия образования получает свое развитие в ряде его работ по этике, педагогике и антропологии. Его заботит, как происходит становление морально совершенной личности, ее переход к совершеннолетию, как «решимости и мужества» пользоваться собственным умом».

В трактате «О педагогике» Кант связывает формирование морально совершенного, просвещенного индивида с его способностью самостоятельно реализовать свою «естественную цель» или человеческое призвание – «развивать природные способности и раскрывать свойства человека из самых зародышей, делая так, чтобы человек достигал своего назначения» [2, с.449]. В контексте нормативности данного развития образование индивида понимается им не просто как совокупность «дисциплины, обучения и воспитания отдельного конкретного человека», а как «усовершенствование человеческой природы» [2, с.448]. Речь идет о «практическом воспитании», а не о школьном образовании или обучении. При этом сам механизм в искусстве нравственного воспитания и образования должен, по его мнению, превратиться в науку, чтобы стать осознанным и разумным стремлением, основанным на принципах в соответствии с требованиями морального закона.

Тема нравственного образования будет продолжена в «Антропологии с прагматической точки зрения». Кант пишет, что «человек должен воспитываться для добра», «повышать свою культуру, цивилизованность и моральность» с помощью искусства и науки [3, с.578]. Это означает приучение к дисциплине, приобщение к культуре, получение не просто профессиональных, но и знаний общекультурного характера, позволяющих индивиду понять свое место и назначение в мире. Истинный образовательный процесс становится возможным, по Канту, только при гармоническом взаимодействии семьи и государства, когда осуществляется привитие индивиду чувства долга по отношению к себе и другим людям, формирование его как гражданина.

Такого рода идеи можно найти и в его «Метафизике нравов», во второй части которой он подробно описывает «обязанности человека по отношению к самому себе вообще» и «по отношению к другим». Кант имеет в виду не только формирование конкретных нравственных качеств человека – не лгать, не использовать других в качестве средства и т.п. Речь идет о более универсальных характеристиках – уважение и действие в соответствии с всеобщими правами и свободами (автономия воли) человека, воспитание морального долга как культивирования собственно личности, как осознания человека своей собственной природы и назначения – улучшения мира и построения общества («царства целей»), живущего по законам морали.

Литература:

1. Быкова, М. Ф. Кант и концепция Bildung // Иммануил Кант: наследие и проект. М., 2007. С.291-311.
2. Кант, И. О педагогике // И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980. С.445-505.
3. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Сочинения в 6 т. М., 1966. Т.6. С.349-589.

Русских Михаил Васильевич
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ КОНФЛИКТА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МОРАЛИ

В историко-философском и социально-этическом дискурсе существует ряд проблем, которые восходят к категории вечных и неразрешимых проблем, на наш взгляд, проблематика этических ценностей относится к проблемам такого типа.

Актуальность данной работы заключается в том, что современный быстро развивающийся сетевой, глобальный, цифровой мир не имеет возможности редуцировать ценностные конфликты, социально-этические проблемы к единым «внешним архетипам порядка». Именно поэтому, говоря о моральном прогрессе, мы неминуемо гово-

рим об изменении подхода в решении ценностных и социально-этических конфликтов. В работах представителей Уральской социально-философской школы (В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, И.В. Красавина), которые в свою очередь, основывались на изучении работ, концепциях и подходах к изучению социальности нового типа у таких социальных философов как: Ж.-Л. Нанси, З. Бауман, Ж. Деррида, А. Бадью, М. Деланда и других мыслителей, мы можем выделить основной мотив критики, в адрес концепций, понимающих социальность как гомогенную и неизменную структуру.

Таким образом, целью данной работы является, философско-этический анализ ценностных конфликтов и их влияние на формирование социальности нового типа.

Опираясь на фундаментальные историко-философские тексты, современные социально-экономические и политические исследование, классические этические доктрины и новые трактовки понимания этики, мы можем заключить, что проблема конфликта, как и проблема ценностного отношения является всеобщей, вечной и неразрешимой проблемой. Таким образом, согласно мнению признанных классиков конфликтологии, второй половины двадцатого века, Р. Дарендорфа и Л. Козера, мы можем заключать, что любой вид конфликтности, будь то экономической конфликт, социальный, этический конфликт – есть благо, однако стоит отметить, что важным будет на ранних стадиях научиться «регламентировать конфликт», чтобы он не перерастал в более жесткие формы сопротивление, не было эскалации конфликта, которая может приводить к разным более тяжелым и затяжным последствиям.

В заключении мы хотим сказать, что из всего вышесказанного, становится очевидным, что проблема конфликта и проблема ценностей известны со времен Античности, именно поэтому, мы в наше время можем иметь дело с отдельно стоящими разделами философской мысли – конфликтологии и аксиологией. Другими словами, на каждом историческом этапе, происходит модернизация в сфере политики, экономики и социального устройства общества, именно поэтому, невозможно говорить о том, что этические проблемы, проблемы ценности и морали могут оставаться неизменными. Модернизация и установление новых правил «общественного договора» всякий раз будут приводить к конфликтности, именно поэтому, мы полагаем, что важно не допускать двух ключевых ошибок: во-первых, стараться нивелировать конфликтность, замолчать проблему, что через некоторое время приведет к более серьезным последствиям. Во-вторых, не пытаться «насильственно насаждать ценности», что приводит к изменению личных качеств и имманентных различий акторов социальности, что в свою очередь также будет выражаться в радикальных формах выражении конфликтности.

Рыскельдиева Лора Турарбековна
д.филол.н., профессор

Крымский федеральный университет им.В.И. Вернадского

НРАВСТВЕННАЯ УТОПИЯ В.С. СОЛОВЬЕВА КАК ПРОЕКТ

Нравственная философия «Оправдания добра» В. Соловьева имеет все признаки проекта: в ней есть проблема – обретение смысла жизни, и ее философско-антропологический анализ, есть поставленная цель – Добро, есть указание на средства ее решения (Мир в целом) и на основной ресурс (мы-все-вместе, «добрые люди»). Иными словами, Добро есть и должно быть осуществлено, Добро – цель, мир – средство. Мир как единство разного, состоящее из пяти «царств» (минеральное, растительное, животное, человеческое, Божье) имеет и нравственный смысл: мир есть восходящий процесс «все-мирного совершенствования». Условие целеполагания здесь тоже нравственное. Это различие материя / дух, а также тезис о том, что блага духовные принципиально отличаются от материальных. Ведь они «... по своему понятию исключают возможность дурных средств для их приобретения, так как нельзя украсть нравственное достоинство, нагрabить справедливость или оттяпать человеколюбие – эти блага желательны безусловно» – пишет В.С. Соловьев в «Оправдании добра» [1, с.359].

Такое учение вполне вписывается в проектную логику и программу организационно-деятельностных игр (<https://shchedrovitskiy.com/organizacionno-dejatelnostnaya-igra/>) и даже не противоречит принципам организации «коллективной мыследеятельности». Однако основой коммуникации как коллективного труда в этой логике является «совокупность способностей к продуктивному действию». То есть, если я добился своей цели, то я добился результата, но не искомого для этого типа мышления продукта. А именно продукт – ключевое слово всей социально-проектной жизни с точки зрения практического деятельностного подхода в его самой расхожей интерпретации. Результат моей деятельности становится продуктом только если им воспользовался другой, а обмен продуктами – суть современного понимания коммуникации.

Как Другой может получить результат моей деятельности и воспользоваться им? По проектной логике, когда/если я могу продать его в качестве продукта, то есть, реализовать – недаром и обычных продавцов мы сейчас называем «реализаторами». Но как продать/реализовать нравственное Добро? Его, насколько мы понимаем суть именно духовного продукта, можно только подарить, раздать, просто поделиться им, ведь в сфере духовной действуют обратные по отношению к сфере материального закономерности: здесь можно «пятью хлебами» накормить народ, так как чем больше духовного блага тратится, раздается, тем больше его остается, от траты оно только увеличивается. Однако это и не сфера искусства, приемам, умениям и навыкам которого можно научить, в особенности, если у твоего ученика есть способности. Но это только в том случае, если ты в качестве учителя уже владеешь этим искусством.

Нравственный проект В.С. Соловьева, имеющий все признаки утопии, в форме которой развивалась вся современная европейская культура, можно назвать коммуникативным проектом, так как он предполагает «мы» и «все-вместе» в качестве субъекта должноствоания, когда все мы вместе должны научиться делать Добро. В области рефлексии такой «учебе» предшествует поиск и обретение смысла. Но что это за форма коммуникации – общение по поводу смысла, совместный, общий его поиск? Единственно верная интерпретации этой ситуации такова: когда мы-вместе ищем смысл, то это и есть философский диалог, а нравственная утопия В. Соловьева есть проект его осуществления.

Литература:

1. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
РФФИ №20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Ряполов Сергей Владимирович

к.филос.н., старший преподаватель

Московский государственный институт культуры

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ СМЕРТИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Поскольку особенностью русской философской культуры является глубочайшая неуспокоенность нравственными вопросами, особенную актуальность в контексте современности приобретает именно русская нравственная философия. Особенное место в философском осмыслении вопроса о сущности смерти занимают литературно-философские сочинения Л.Н. Толстого. В статье «Экзистенциальные истоки анархических воззрений Л.Н. Толстого» М.Н. Киреев и В.В. Варавва отмечают: «Не будет преувеличением сказать, что нравственный дискурс смерти есть определяющий дискурс русской философии. И Толстой здесь ключевая фигура, поскольку его философия смерти настолько масштабна и глубока, что включает в себя все наиболее существенные разработки отечественной философии в этом направлении» [1, с.8]. При этом проблема смертности человека окрашивается у Л.Н. Толстого нравственным вопрошанием. Как пережить ужас потери смысла жизни? Потому смыслом жизни может быть только то, что больше смерти, что не уничтожается вместе со смертью. Без разрешения вопроса о смерти невозможна жизнь. Л.Н. Толстой писал: «Жизнь

человеческая, страдальческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того, чтобы не быть самой грубой насмешкой, должна иметь смысл такой, при котором значение жизни не нарушалось бы продолжительностью или кратковременностью» [4, с.194]. Смысл конечной жизни, в таком случае, должен преодолеть смерть, или же смертьность лишает человеческую жизнь всякого смысла. По Л.Н. Толстому, такой смысл открывается человеку в любви к ближнему, которая только наполняет человеческую жизнь смыслом, способна избавить человека от безусловности смерти.

Открытие того, что смерть не безусловна и не всецельна неизбежно связано у Л.Н. Толстого со смирением человека, покаянием и прощением ближних. В рассказе «Корней Васильев» его главный герой в последние дни своей жизни именно в покаянии готовится ко смерти: «Он испытывал какое-то особенное, умиленное, восторженное чувство смирения, унижения перед людьми, перед нею, перед сыном, перед всеми людьми, и чувство это и радостно и больно раздирало его душу» [2, с.523].

Философия смерти Л.Н. Толстого может быть названа ярчайшим явлением русской этической мысли. Л. Шестов в сочинении «На весах Иова» отмечает: «Только исключительные люди, в редкие минуты напряженнейшего душевного подъема, научаются слышать и понимать загадочный язык смерти. Это дано было и Л.Н. Толстому. Что ему открыла смерть?» [5, с.110]. В переживании «пограничной ситуации» осознания человеком собственной неминуемой смертности, ему открывается истинный смысл его жизни. Откровение этого смысла позволяет человеку приблизиться к избавлению от абсолютности смерти и осознанию того, что истина не уничтожается смертью, и потому «кончена смерть... Ее нет больше» [3, с.157].

Литература:

1. Варава В.В. Киреев М.Н. Экзистенциальные истоки анархических воззрений Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им.Л.Н. Толстого. 2018 № 3 (27), том 2. С. 5–20.
2. Толстой Л.Н. Воскресение: Роман; Рассказы. М.: Худож. лит., 1984 527 с.
3. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. М.: Дет. лит., 2010 366 с.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого. Том XVIII. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1913 322 с.
5. Шестов Л. На весах Иова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001 464 с.

Сазанов Александр Владимирович
аспирант

Нижегородский государственный технический университет им.Р.Е. Алексеева **ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТИМНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ДИГИСЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК НЕИЗБЕЖНОСТЬ**

Сегодня технологии воздействуют буквально на все процессы, да и сам человек – объект конструирования [3].

Технологии становятся умнее, сложнее, максимально встраиваются в нашу повседневность, начинают восприниматься не как простые механизмы [4] и нередко надеются эмоциями и другими когнитивными состояниями.

Расширение коммуникации с техникой вызвало возникновение интимных связей там, где их присутствие ранее даже и не предполагалось. Современные технические устройства умеют не только мыслить. Технологии «подобные нам» – Chatbots, реальные виртуальные миры [7], андроидные роботы и пр. Появление роботов, максимально реплицирующих живого человека [2], а так же способных испытывать (имитировать) эмоции и чувства прокладывают путь для оформления и материализации проекта интимно-технологической революции – сближения человека и техники в плане сексуально-эротических акцентов [6]. Постепенно упрочняется новая онтология – комплексная естественно-искусственная реальность [1].

В культуре, произведениях литературы, кино человекоподобные роботы предстают живыми и многогранными личностями, которые способны не только работать на благо человека, но и дружить, проявлять эмоции, в т.ч. влюбляться и вступать в сексуальные отношения [4].

Наши любовные отношения и чувства эволюционируют вместе с развитием техники, а сексуальность становится все более оторванной от взаимоотношений и эмоциональности и становится лишь предметом получения удовлетворения, которое можно модифицировать и разнообразить с помощью технологий.

В 21 веке идея сексуальных отношений между человеком и роботом набирает популярность и уже появился термин, для тех, кто любит андроидов, – *digisexuals*, («дигисексуалы»).

Секс-роботы способны стать не просто партнерами в сексе, но и превзойти в этом вопросе живого человека, т.к. имеют массу плюсов: удобство, позитивизм, отсутствие проблем и болезней, а главное – постоянная готовность к сексу [4].

Между тем внедрение таких технологических инноваций приведет человечество к новой эре, где роботы будут не только помогать человеку, но и вторгаться в самые интимные сферы и значительно трансформировать их [4], приводя к эффекту «5Д» (дегуманизация, деформация, деструкция, деградация, дереализация) [2].

Пока что человек использует секс-роботов, а те подчиняются. Обращаясь к историку, стоит помнить, что эксплуатируемый может постепенно превратиться в эксплуататора. Данная ситуация наблюдается уже сегодня, когда различные гаджеты превратились в предметы, от которых их владельцы находятся в жесткой зависимости [4].

Как изменится человеческая самоидентичность? Каковы будут последствия близости человека и машины? – лишь небольшой круг вопросов, на который еще предстоит ответить.

Литература:

1. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Spesiosa Miracula: тотальный мировейник* / В.В. Ильин. – Москва: ООО «Проспект», 2020. – 160 с. – ISBN 978-5-392-31462-1. – DOI: 10.31085/9785392314621-2020-160.

2. Катерный И.В. Каузальные объяснения эффекта зловещей долины в робототехнике: теории и исследовательские данные // *Качество и жизнь*. 2017. №4. С.84-92.

3. Лекторский В. А. Является ли мир человека суммой технологий? / В. А. Лекторский // *Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы: Сборник статей* / Отв. редактор Г.Л. Белкина. – Москва: Канон+, 2022. – С.83-91.

4. Майленова Ф.Г. Любовь и роботы. Станет ли человечество дигисексуальным? / Ф.Г. Майленова // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. – 2019. – Т.23. – №3. – С.312-323. – DOI 10.22363/2313-2302-2019-23-3-312-323.

5. Майленова Ф.Г. Сексуальные роботы: моральные коллизии трансформации интимности / Ф.Г. Майленова // *Наука как общественное благо: сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки*, Санкт-Петербург, 2020 г. / СПбГУ; Русское общество истории и философии науки. – Москва: «Русское общество истории и философии науки», 2020. – С.111-114.

6. Попова, О. В. Интимные технологии и кризис социальности / О. В. Попова // *Человек*. – 2017. – №1. – С.138-152.

Семенов Владислав Валерьевич
независимый исследователь

КРОВАВЫЙ СПОРТ: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛАДИАТОРСКИХ БОЕВ В АНТИЧНОСТИ

Гладиаторские игры в Древнем Риме представляют уникальный феномен. На первый взгляд современный человек ужасается или не может до конца воспринять такую тягу к кровавым зрелищам. С позиций современной морали такое действо не только полностью осуждается, но и может нам сказать о некоей психологической деформации сознания жителей Римской империи, их патологической жестокости. Объяснений этому феномену можно привести множество: постоянные войны, высокая смертность, пренебрежение жизнью рабов, которых считали вещью. Однако, несмотря на то, что с одной стороны профессия гладиатора вызывала презрение, с другой стороны сами гладиаторы были популярны. Мало того гладиаторские бои официально не отменили и с принятием христианства, они как-то сами постепенно сошли на нет. Как же такое

кровавое зрелище согласовывалось с моралью античного общества и насколько этичным эти зрелища выглядят сейчас.

Во-первых, надо отметить, что античная цивилизация – это цивилизация, в которой разнообразное зрелища играли одну из первостепенных ролей. Еще в минойский период мы наблюдаем акробатические упражнения на быке, герои гомеровского эпоса состязаются в доблести, и вообще в Греции спортивные состязания, в том числе носившие военный характер, были популярны, спорт был неотделим от идеала воинской доблести, особо популярны были и театральные зрелища, однако именно в Италии и прежде всего в Риме возникли и развились гладиаторские бои. Общества древности были более, что приводило к более терпимому отношению к публичной жестокости.

В современности существует стереотип, что гладиаторские бои были постоянным зрелищем для толпы, однако это не совсем так: гладиаторские игры проводились не ежедневно, хотя и могли идти в особых случаях несколько дней подряд. Это было особое зрелище, которое готовилось долго. Кульминацией были схватки профессионалов где смертью оканчивались далеко не все поединки, а смерть по приговору публики была скорее исключением из правил. Сражения проводились и с затупленным оружием и с деревянным – зрители наслаждались фехтованием, где присутствовало и судейство. И больше всего крови проливалась во время расправ с приговоренными к смерти преступниками. Публика жаждала не только, а иногда не столько крови, сколько именно захватывающего зрелища, так быстрая смерть гладиатора осуждалась публикой. Поэтому даже молодые люди с достатком, ради славы шли в гладиаторы, а дети играли в гладиаторские бои. Зрелище это было захватывающим, а Сенека и Ювенал осуждали не само кровавое действо, а бешеную увлеченность толпы. Аврелий Августин описывает, как даже христианская душа может быть захвачена этим кровавым спортом. Однако это не значит, что все, тем более те из пленных, кого бросали в гладиаторские школы стремились выйти на арену. Погибнуть на потеху толпе войнам-«варварам» не позволяла их гордость, и мы знаем как минимум два примера массовых самоубийств заключенных в гладиаторских школах, примеры побегов, один из которых вылился в масштабную войну под предводительством Спартака. Для самих же римлян, особенно под рядовых, это конечно было зрелищем, которое помогло отдохнуть от ежедневных забот, иногда не совсем благополучной жизни, аристократия и власть же эти зрелища использовали для поддержания лояльности римского плебса, наряду с другими раздачами подарков

Литература:

1. Грончаровский В.А. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб., 2009.
2. Паолуччи Ф. Гладиаторы: обреченные на смерть. М. 2007.
3. Тессье Э. Спартрак. Между мифом и историей. М. 2017.
4. Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима. М., 1992.

Сергеева Василиса Сергеевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Все сферы жизнедеятельности неразрывно связаны с воспитанием. Современная педагогическая мысль считает необходимым определение нравственного идеала воспитания детей, так как у воспитания должны быть цели, к которым оно будет стремиться. Нравственный идеал, которому следует педагог или родитель, играет значимую роль в привитии детям моральных норм и ценностей. С его помощью детей учат отличать добро от зла, хороший поступок от плохого. В историческом аспекте мы можем предположить, к чему привело понимание нравственного идеала в воспитании детей того периода.

Нравственный идеал – это представления людей о совершенной личности, которая воплощает в себе лучшие моральные качества и является эталоном поведения. Понимание нравственного идеала зависит от эпохи и культуры. Воплощением нравственного идеала может являться историческая или ныне живущая личность, литературный персонаж или религиозная фигура. Существует несколько подходов к определению нравственного идеала, основными из которых являются натуралистический и трансцендентальный [6].

При помощи воспитательного идеала люди пытаются ответить на вопросы о целях воспитания, а также задаются вопросом о том, насколько далеко от реальности должен стоять воспитательный идеал. В. И. Бакштановский и Ю. В. Согомонов считают, что без идеала как особой точки отсчета нельзя оценить планирование воспитательной деятельности и ее результаты. Для воспитательных идеалов характерен плюрализм, они являются плохо совместимыми с универсализмом и базируются на модели идеального общества своей эпохи. Существуют также различия в идеалах воспитания холлистских и демократизированных обществ [1].

Критика воспитательного этоса современного общества идет со стороны радикалистской настроенной культуры. Радикалистская этика одобряет «воспитание для выживания», которое опирается на неформальный воспитательный эгалитаризм. Стронницей радикалистского идеала воспитания была американская исследовательница М. Мид. Она усматривала источник зла современной цивилизации в преобладании образов будущего ада, обращенных к универсальным эмоциям голода, боли, страха, одиночества [1].

Основные нравственные идеалы и ценности ребенок усваивает от родителей [9]. Ориентация на различные нравственные идеалы и ценности зависит от возраста, пола и наличия детей. Понимание нравственного идеала современными родителями во многом зависит от их этнической и культурной принадлежности. Представление о нравственном идеале в воспитании сложилось для представителей каждого народа под влиянием исторических условий. Это находит свое отражение в народном творчестве [7].

Формирование у детей четких моральных представлений и понимания сути нравственного идеала является важнейшей задачей современной педагогики. К важнейшим институтам формирования нравственного идеала у ребенка можно отнести семью и школу. [5] Оказывают свое влияние и средства массовой информации. Возникновение у ребенка чувства собственного достоинства тесно связано с нравственным идеалом. Нравственный идеал стимулирует ребенка к духовному обогащению [8].

Литература:

1. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания: социодинамика контекстов. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2002
2. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
4. Зорин В. И. Евразийская мудрость от А до Я. Толковый словарь. Алматы: Создiк-Словарь. 2002.
5. Кон И. С. «Ребёнок и общество». М., 1988.
6. Патрушева И. Н. Роль семьи в формировании духовно-нравственной личности / Теория и практика образования в современном мире: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. СПб, 2014 г.). Т.0. Санкт-Петербург: Заневская площадь, 2014. С.192-197.
7. Современный философский словарь / Под общей ред. д-ра филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. – 304 с.
8. Увижева Б. Д. Идея воспитания совершенной личности в адыгской народной педагогике [Электронный текст]: дис. канд. педагог. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/ideya-vozpitaniya-sovershennoi-lichnosti-v-adygskoi-narodnoi-pedagogike>
9. Харчев А. Г., Мацковский М. С. «Современная семья и её проблемы» М., 1996.
10. Хонекер М. «Семья как фактор формирования личности подростка». М., 1979.

Серкова Вера Анатольевна

д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ

Феноменологическую аналитику этики, как и другие конкретные феномены «жизненного мира», Гуссерль не успел осуществить в форме развернутой дескрипции. Скорее, он смог феноменологически тематизировать этическую проблематику. Тем не менее, этика, редуцированная на раннем этапе формирования метода феноменологического описания, возвращается в феноменологию в поздних работах Гуссерля и представляет собой развернутый проект неосуществленного до конца замысла. Включение этики в феноменологию Гуссерля можно схематически выразить следующим образом: редукция «мира» в феноменологической установке и ориентация всего феноменологического исследования о срациональные предметы – выявление их содержаний – редукция этих содержаний к целостным смысловым коррелятам в эйдетическом описании. С позиции Гуссерля ни традиционная этика, ни философия, ни история, упорядочивающие свой материал в форме обычного увязывания фактов, «принципиально» не могут претендовать «на понимание в своей области». Этика должна быть редуцирована к феноменологии, пока поток различных нравственных законов, форм и структур этического смыслообразования не прояснится в своем предельном многообразии. На самом раннем этапе анализа этики мы должны вернуться к вопросу о том, почему мнения о справедливости, благе, добре, регулирующих моральные законы, столь многообразны, что люди расходятся в понимании природы этих понятий. Значит, мы должны рассуждать об этике «с самого начала», осуществляя принцип феноменологических редукций, т.е. понимая, что этика целиком лежит в феноменологическом поле и представляет собой не свод конечных, не подлежащих сомнению законов и правил, а, напротив, является формой непрерывного смыслопорождения. Проблема статуса реальности, которая была поставлена Гуссерлем, распространяется и на этику, более того, она в целом определяет эту реальность. Этическая позиция в целом определяет, как именно будет реализованный сознанием мир, и от этого определения зависят его подробности и частности. Этическая определенность мира как совокупность определенных смыслов, включенная в комбинацию других смыслов реальности, определяет качество этого мира. Трансцендентальный опыт уравнивает индивидуальное и общее в том числе и по этическим параметрам. В феноменологически заданном отношении человека к миру этическое содержание как раз и раскрывается как ось равновесия внутренних запросов и внешних коррелятов.

Сидорова Аполлинария Александровна

обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА ПОСТДРАМАТИЧЕСКИМ
 ТЕАТРОМ НА ОСНОВЕ СПЕКТАКЛЯ РОМАНА ГАБРИА
 «В РЫБАЧЬЕЙ ЛОДКЕ. МОНОЛОГИ ГАЛИЛЕЙСКИХ РЫБАКОВ»**

Постдраматический театр – одно из самых изучаемых явлений в истории новейшего европейского театра, низводящий сценический текст до одного из средств художественной выразительности. Но несмотря на такое отношение к тексту, режиссеры постдраматического театра с завидной периодичностью обращаются к библейским сюжетам.

Совершенно особым образом к библейскому тексту подходит главный режиссер театра «Мастерская» Роман Габриа в своем спектакле «В рыбацкой лодке. Монологи галилейских рыбаков». Габриа не стремится инсценировать библейский текст, напротив, он переписывает новозаветный сюжет стихами, выворачивая его наизнанку. Режиссер задается вопросом о том, каким человеком мог быть плотник из Назарета и его окружение, а потому помещает своих героев в обычные исторические условия. Они предстают перед зрителями обычными людьми со своими слабостями и недостатками, совершенно человеческими и живыми.

Но Габриа полностью его переиначивает текст, переписывая каноничные сюжеты. Первая сцена спектакля – Иосиф, выражающий недовольство тем, что Мария «носит плод во чреве прежде, нежели сочтались они», подозревая ее в связи с римлянами, однако позже Иосиф называется отцом Христа, что очевидно расходится с ортодоксальным каноном. После смерти Иосифа, Мария не только не поддерживает сына, но и обещает сжечь его лодку, когда он вернется из очередного «бродяжничания» со своими учениками. Самарянка не только не становится ученицей Христа, но и не подает ему воды, напоминая про разлад в отношениях между иудеями и самарянами. Испачканный в глине ремесленник Лазарь отрицает свое воскресение, а когда соседи просят его рассказать о том свете, отнекивается, крича, что ездил в Дамаск продавать свои горшки. Магдалина становится любовницей Христа, но, если это можно назвать изменой, изменяет ему с Иудой. Христос оказывается не великим учителем, а простым проповедником, сталкивающимся с рядом неудач.

Для Габриа важно сохранить «главные смыслы», изменив только сюжетную оболочку. Он стремится передать те условия, при которых зародилась новая мораль, основанная на сострадании и любви к ближнему, а потому как будто старается очеловечить историю настолько, насколько это возможно. Последняя сюжетная сцена спектакля – монолог Иуды о том, что стало с его товарищами, тут канон соблюдается как нельзя точнее, каждый из них пострадал за свою веру. И несмотря на это, самые последние сцены не кажутся безысходными или безнадежными. Да, Христос остается непонятым, но не разочарованным в своем учении, а это здесь, пожалуй, главное.

«В рыбацкой лодке» нельзя назвать полностью постдраматическим спектаклем, все же текст занимает в нем основную роль, однако определенные черты, присущие постдраме в нем все же есть. Во-первых, это почти уникальная работа с визуальной составляющей: актеры из собственных тел составляют классические картины на библейские сюжеты. Они цитируют Босха и Джотто, ван дер Вейдена, Грюневальда, Иванова, Ге, компилируя опыт восприятия библейского мирового искусства. Во-вторых, аудиальная составляющая занимает очень важное место в восприятии спектакля, музыкальное сопровождение состоит из попеременной игры на уде и электрогитаре, иногда пения на древнееврейском. Оно не просто создает атмосферу, а практически переносит героев в древнюю Иудею.

Роман Габриа интерпретирует библейский текст на сцене так, что с одной стороны от этого текста не остается ничего, но с другой не пропадает самое в нем важное.

Силантьев Алексей Олегович
обучающийся бакалавриата

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Отечественные исследователи склонны полагать, что культура корпоративной социальной ответственности бизнеса в России находится на стадии формирования [Данилова, Саттарова]. Это, с их слов, проявляется в отсутствии системыощрения компаний со стороны государства, внедрении стратегии социальной ответственности исключительно в крупных компаниях. В качестве причин такого положения дел приводятся а) отсутствие в России культуры этического потребления, в большей степени характерной для стран, где произошел, по определению Инглхарта, переход от ценностей выживания к постматериальным ценностям; б) слабое развитие гражданского общества (в терминах теории Фримана гражданского общества и его институциональное выражение – некоммерческие организации – выступают как одна из заинтересованных сторон, требуя от бизнеса этической политики и благоприятных социальных условий); в) получение большинством компаний сверхприбыли за счет традиционных факторов производства, объясняющееся отсутствием в России развитого сектора знаний/услуг [Нехода]. Социальные программы бизнеса характеризуются

как «имиджевые»), а в качестве основных проявлений КСО приводятся формальные и разовые благотворительные акции нежели какие-либо систематические мероприятия [Раренко]. Эмпирическое подтверждение ряда этих тезисов, однако, едва ли можно обнаружить в отечественной научной практике изучения КСО, работающей в большей степени на рассмотрение отдельных случаев («case-studies») внедрения социальных программ в тех или иных компаниях. Ориентироваться в эмпирическом исследовании стоит на социальные отчеты – стандартизированные формы отчетности позволяют достичь четкости в определении степени достижения поставленных целей, и Россия практика социальных отчетов не обошла стороной. Среди важных документов выделим Социальную хартию российского бизнеса, разработанную Российским союзом промышленников и предпринимателей, и созданные на ее основе «Базовые индикаторы результативности». Рассматривая тезис о характерном для России включении в практику КСО только крупных компаний, следует количественно проанализировать связь между величиной чистых активов компании (базовым показателем, характеризующим общее благосостояние компании, а также показывающим, какую потенциальную ценность представляет все то, чем компания обладает) и наличием/качеством ее социальных отчетов. Выбор в пользу чистых активов обуславливается значимостью этой величины как фундаментальной оценки капитала компании и одновременно эффективностью ее деятельности. Взяв для анализа 15 компаний из членов вышеупомянутой РСПП (члены которой заявляют о приверженности принципам КСО), и найдя коэффициент Пирсона между величиной чистых активов компании и наличием социального отчета за 2021 год ($=0.33$) можно утверждать, что существует умеренная и прямая корреляция. Также важно отметить, что высокий уровень чистых активов выступает в большей степени как условие для внедрения КСО. Крупные компании могут, но не обязательно внедряют практики КСО, в то время как компании с низкой величиной чистых активов оценивая социальные издержки как неуправляемые потери, не торопятся в авангард приверженцев КСО, выражая, однако, декларативную преданность идее. Несмотря на ограниченность возможных выводов, данные в работе замечания могут повлиять на дальнейшую методологию изучения КСО.

Литература:

1. Данилова Л.С., Саттарова Д.А. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: сравнительный анализ // Социально-экономические преобразования и проблемы. Сборник научных трудов, вып. 9., Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2019.
2. Раренко А.А. Социальная ответственность бизнеса в зарубежных странах и России // Россия и современный мир. 2021.
3. Теория и практика корпоративной социальной ответственности / н. ред. Е.В. Нехода. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – 340 с.
4. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). [Эл. ресурс]. URL: <http://рспп.рф>

Соболева Ксения Павловна
обучающийся магистратуры

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ОНТОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ «Я – ДРУГОЙ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Рассматривая проблему диалога культур в современном обществе, можно выделить три онтологические установки взаимоотношения «Я – Другой». Первая концепция существования человека в обществе – это западная теория «противостояния», которая представлена такими авторами, как Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, Г. Маркузе. С точки зрения этой версии человек каждую минуту своей жизни борется за свою свободу. В этом противостоянии другой человек выступает в качестве врага. «Другой – это тот, кто мне противостоит» [1].

Г. Маркузе делает вывод не в пользу прогресса и говорит о потере современным человеком духовных ценностей и превращение его в робота. «Одномерный человек» предстает как не способный на критику, собственные мысли и поступки. «Установки общества сильнее его» [2]. Человек стремится освободиться от ответственности. В данных концепциях человек противопоставит окружающему миру и решить конфликт не получается, так как обе стороны, а это человек и мир, существуют сами по себе.

Вторая точка зрения принадлежит мыслителям: В. Гете, М. Буберу, которые считают, что другой человек мне не противопоставит, а именно в Другом я нахожу себя. Данная точка имеет место быть, но также носит негативный характер, так как человек здесь теряет свою индивидуальность и это растворение близко к фанатизму и подражанию. «Теряя свою идентичность, я растворяюсь в другом человеке и нахожусь в зависимости» [3]. Концепция данных авторов заявляет о необходимости поиска своей самости не внутри своей сущности, а во вне, в мире, в других людях. Человек, следуя этому положению, растворяется в действительности, теряя себя.

Концепция Л. Толстого, В. Соловьева наиболее объективна по сравнению с предыдущими, так как, здесь человек раскрывается окружающему миру, расширяя свои границы и при этом спасая других. Строится она на понятии Всеединства, Соборности и Любви. В творчестве русских мыслителей герои всегда находятся в процессе общения, и что характерно умеют слушать, например, Пьер Безухов.

Для Толстого жизнь неделима как дар, который дается всем людям вместе, хотя каждый несет за нее индивидуальную ответственность. Только открытый человек способен воистину оценить и сохранить этот дар. Здесь жизнь – это значит быть тем, к кому обращаются, надо лишь услышать это обращение. Рассматривая понятие любви, мы обращаем внимание на то, что в творчестве русских мыслителей это понятие соизмеримо с понятием жертвенности. Но в этом самопожертвовании человек не теряет себя, открываясь другому, он открывает свой внутренний мир и расширяет свои границы через познание окружающего мира.

Итак, большинство зарубежных мыслителей призывают погружаться в свой мир, прячась от угрозы окружающего мира и пытаясь найти ответы внутри себя. И только русские мыслители говорят о необходимости поддержания диалога культур через проявление сострадания, сочувствия, сохранения себя и доверия. «Тишина, кротость, незлобивость – это и есть демократия. Это вечный мужик, пашущий поле и не помышляющий о большем» [4]. Таким образом, «я – ты – мы» есть философия дружбы, исповедь или философия.

Литература:

1. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика, 2006. – 477 с.
2. Попов Ю.Н. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
3. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. – 478 с.
4. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Республика, 1993. – 431 с.

Сокольчик Валерия Николаевна
к. филос. н., доцент

Белорусская медицинская академия последипломного образования

OPEN SCIENCE APPROACH AS THE ETHICS COMMITTEE'S CARE

Open science is the movement to make scientific research (including publications, data, physical samples, software) and its dissemination accessible to all levels of society, amateur or professional. Open science is transparent and accessible knowledge that is shared and making easier to publish, to access, and to communicate regarding the scientific knowledge.

The proposed approach makes it possible for society to directly participate in the development of scientific knowledge (through community engagement and crowdsourcing), including the formulation of topical problems and their consideration; it also permits to receive directly the results of scientific research, to influence the previously «closed» scientific knowledge and to defend human rights.

According to UNESCO (project of the Recommendation on Open Science) the main elements of open science have identified as an open engagement of social actors, open data, openness to diversity of knowledge, publication's access, open soft- and hardware, open evaluation, open educational resources, etc.

Since the COVID-19 outbreak, the significant role of open space in biomedical knowledge was minded. Global cooperation among scientists has been facilitated through an unprecedented amount of information and data.

Along with researches and scientists, sponsors and customers of research, medical doctors as well as authorities, patients and representatives of patient's communities (included communities of patient's relatives) become the stakeholders of the open science approach in medicine. The significant role to strengthen this scientific paradigm and to promote community engagement into biomedical research is given to Ethics (Bioethics) Committees (EC).

What can ECs do for development of open science?

1. To create the policy development (for the National Ethics/Bioethics Committee)
 - to define the open science policy in the country,
 - to stimulate the commitment of scientists to this approach through education, encouragement of community engagement (using case studies, recommendations, guidelines, etc),
 - to create/register an open research databases,
 - to promote the events and popular science publications focused on public awareness with the results of scientific investigations.
2. To increase the open engagement of social actors (for ECs and for all ethical/bioethical structures)
3. To work with open Data and confidentiality of patient's data
4. To improve the openness to diversity of knowledge /openness to all scholarly knowledge and wide dissemination of results
5. To stimulate the open access to publications and to stimulate the education of researcher (open educational resources for researchers and for communities)
6. To organize the open evaluation
 - in cooperation with the Councils of Young Scientists, other organizations within the scientific community to develop a website (page at the website), where to publish constantly open data on the composition of the IEC, planned meetings, studies under consideration, as well as information on the popularization / dissemination of data obtained by researchers, information on available open research databases, analytical materials on the activities of IEC (common ethical and methodological mistakes of researchers, best practices for disseminating research results, ways to communicate with stakeholders, etc.),
 - to publish annual analytical reports on the activities of the IEC.

Спирин Тихон Викторович
аспирант

Волгоградский государственный университет

ГЕРМЕНЕВТИКА ЭТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ: ПОНИМАНИЕ КАК КЛЮЧ К АРГУМЕНТАЦИИ В МОРАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ

Принято считать, что современный человек должен быть рациональным субъектом, уметь отстаивать свою позицию в секуляризирующемся мире. Но когда индивид сталкивается с вопросами этики и морали, то испытывает сложности в аргументации, т.к. появляется проблема достаточного основания для морального суждения.

Аласдер Макинтайр заметил, что попытки утилитаристов и аналитических философов найти секулярное рациональное обоснование моральных убеждений субъекта привели к провалу. Как отмечал М. Элиаде: «большинство «неверующих» ведут себя еще религиозно, хотя сами и не осознают этого».

Указанная ситуация приводит людей к тому, что человек вновь обращается к идеалистическим идеям: справедливость, благо, добродетель. Справедливость осмысливается в рамках документов о правах человека, где указано, что индивид имеет право на жизнь, свободу и счастье. Благо обосновывается исходя из этических интуиций.

Добродетель попадает в поле мимесиса, человек четко или смутно ориентируется на культурно обусловленный собирательный образ добродетельного человека. Подобное обращение к идеалистическим идеям приводит к зыбкости позиции.

Религии (диспозитивы веры по Ж. Рогозинскому), как традиционные, так и новые религиозные движения, наращивают свою популярность, в том числе, за счет обоснования морали, которая необходима человеку в коммуникации.

Но в современном секуляризирующемся мире это создается явный разрыв между секулярным и религиозным, разрыв в коммуникации. Хотя в теории постсекуляризма и предлагается идея признания религиозных субъектов в политическом поле, это не означает, что фактически это признание совершается; скорее, наоборот.

В докладе будет рассмотрено решение разногласий и возможность аргументации в морали в современном мире в рамках герменевтического проекта. Понимание выступает ключевой задачей для моральных дискуссий. Х.-Г. Гадамер пишет о понимании, например, следующее: «Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом». Понимание своего и чужого опыта ведет к устройству человека в жизни. Само нахождение в бытии истины и ее представленность в различных способах ее же постижения (опыт науки, философии, искусства, истории) – аксиома, на которой можно выстроить проект понимания, оторванный от религиозного и секулярного проектов. Неклассические философы позволяют создать проект медленного строения индивида в мире, без построения метафизических концептуальных схем.

Станжевский Федор Алексеевич

к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
СЕМИОЭТИКА СЪЮЗАН ПЕТРИЛЛИ

С точки зрения Съюзан Петрилли, семиотика не только является теоретической наукой, но содержит в себе этический аспект и предполагает соотнесенность между знаками и ценностями – иными словами, семиотика включает в себя семиотику. Семиотика основывается на мысли Ч. Пирса (который считал, что агепе играет существенную роль в эволюции и во вселенной), М.М. Бахтина с его философией диалога и леди В. Велби. В. Велби разработала так называемую «сигнифику», в рамках которой соотносятся между собой теория знаков и теория ценностей. Сигнифика предполагает присутствие оценочного суждения в исследовании знаков, – знакам придается определенная ценность, они обладают релевантностью, значимостью и целесообразностью.

Семиотика применяет детогализирующий метод, основанный на диалоге и диалектике и разработанный М.М. Бахтиным; он предполагает идею о том, что ценности с необходимостью выражаются посредством знаков. Диалогизм основывается, в частности, на конститутивной роли инаковости в идентичности. В этом отношении семиотика оказывается чрезвычайно уместной – ведь знак по определению предполагает соотнесенность с чем-то другим, нежели он сам (с объектом). Петрилли подчеркивает, что семиотика очень многое черпает в мысли советского мыслителя – в частности, она акцентирует внутренне присущие языку гетероглоссию, диалогизм и полилогизм в противовес монологизму и логике замкнутой в себе идентичности. Сам язык уже предполагает диалогическую инаковость.

Семиотика базируется на идее о том, что понимание предполагает способность воспринимать знаковые выражения и отвечать на них, а эта способность, в свою очередь, основывается на способности слушать, внимать тому, что может быть обойдено молчанием именно в силу своей инаковости. При этом признание инаковости – это не просто уступка нашему ближнему, вдохновленная великодушием; напротив, она является неизбежным, неотъемлемым элементом жизни. Иными словами, признание инаковости – это нечто более существенное и существенно важное, чем так называемая «толерантность». Семиотика основана на открытости по отношению к Другому, осо-

знании неизбежности взаимосвязи и взаимозависимости с другим, способности услышать другого. Для самости невозможно достичь личностного процветания и развития в изоляции от других; однако это вовсе не умаляет индивидуальной уникальности каждого отдельного «Я». Семиотика подчеркивает взаимосвязи между знаками, между знаками и незнаковой реальностью, между человеческими и не-человеческими знаками, между самостью и инаковостью. Семиотика выявляет знаковые взаимосвязи и соотношенности там, где, на первый взгляд, они отсутствуют.

Семиотика не обладает некоей программой или алгоритмом, она сосредотачивается на контекстах и возможностях и служит катализатором способности критического мышления, критической оценки; Семиотика основана на критике субъекта или же притязания самости на статус субъекта – отсюда критика любой культурной формы эгоцентризма, вплоть до антропоцентризма. Глобальная взаимосвязь и взаимозависимость вызывает к глобальной ответственности.

Литература:

1. Petrilly Susan, 2004. Semioethics, Subjectivity, and Communication: For the Humanism of Otherness. *Semiotica* 148(1/4): 69-92
 2. Petrilli, Susan, 2014. *Sign Studies and Semioethics*. Berlin: De Gruyter.
 3. Petrilli, Susan, 2017. *The Self as a Sign, the World and the Other*. NY: Routledge.
- РФФИ №20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии»

Стрежнева Кристина Олеговна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ XIX – XXI ВЕКА

Большинство мыслителей в XIX – середине XX вв. были склонны к компатибилизму, некоторой срединной позиции, согласно которой человек имеет свободу воли, которая сосуществует с причинной обусловленностью и взаимосвязью всех явлений природы и общества. Во второй половине XX века ситуация меняется, и большая часть философов занимает детерминистическую позицию, также критикуя само понятие «свобода воли». Детерминисты XX–XXI веков подходят к решению вопроса свободы с помощью эволюционно-биологического подхода, который имеет свои недостатки. Ясно, что человек – часть природы, и создан, живёт и потом умирает по её законам. При этом у человека есть сознание, воображение, разум – то, что отличает его от других животных. Можно ли сводить всю сущность человека к его мозгу и процессам, которые в нём происходят или им инициированы? Как связаны мозг и сознание наука на данный момент однозначно определить не может, так что у нас остаётся обширное поле для исследований, которые активно проводятся современными нейрочёными (Д. Вегнер, Р. Сапольски). Несмотря на то, что они тяготеют к детерминизму, часто в их работах можно найти такие мысли, которые будут ближе к компатибилизму, нежели детерминизму.

В разные эпохи и свобода понималась по-разному, и причины отсутствия свободы у человека были различны – сначала это был абстрактный фатализм, затем религиозное предопределение, и, в конце концов, естественный детерминизм во всех его проявлениях. Свободу же практически каждый философ понимал по-своему, и лишь в XX – XXI веках философы спорили уже не об абстрактной свободе, а о конкретных критериях свободного действия – адекватность человека, наличие альтернативных решений, добровольность действия, корни мотивации к совершению этого действия и т.д.

Идея свободы человека, даже если она на самом деле не соответствует действительности, играет огромную роль не только в масштабах общества, но и для самого человека: если человек будет воспитываться в духе несвободы, осознавая множество ограничений для его потенций и мыслей, поступков и чувств, то в будущем он не будет верить в идею самореализации, может разочароваться в жизни и потерять любой

смысл – если всё предрешено и ничего не изменить, то зачем человеку стараться менять себя и мир, делать что-либо полезное, пытаться совершенствоваться? Однако в этом есть смысл, и человек, чтобы осознать его, не должен чувствовать себя безвольной машиной или телом, в котором просто происходит бесчисленное количество физиологических процессов, которые определяют его реакции, мысли, чувства и в целом сущность человеческого «Я». Человек должен ощущать себя человеком, целостной личностью, и для этого необходим компонент свободы, или свободы воли.

Мыслители конца XX – начала XXI вв. тяготели к научному объяснению свободы – с точки зрения эволюционно-биологического подхода и нейронаук (нейрофилософия, нейропсихология и т.п.). Дискуссии на тему свободы воли всё ещё не окончены, и учёные не пришли к выводу, который устраивал бы всё научное сообщество, так как поиски оснований свободы (или скорее несвободы) человека в его биологических характеристиках и головном мозге упрощают сущность человека и приводят к приземлению причин и мотивов поведения человека до физиологических и психических процессов в его организме, реакций, заложенных эволюцией и особенностей, переданных наследственно или созданных природой по воле случая.

Алейников Андрей Викторович
д.филос.н., профессор
Сунами Артем Николаевич
к.полит.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ДОВЕРИЕ КАК ПРЕРЕКВИЗИТ РИСК-СОЛИДАРНОСТИ

Как мы уже писали в предыдущих работах, смена логики распределения богатства на логику распределения рисков требует определенной этической рефлексии. В текущее кризисное время это чувствуется особенно ясно, когда основные последствия от мировой волатильности, вызванной, в том числе принимаемыми элитами разных стран решениям, ложатся на плечи наименее защищенных и готовых к этому слоев населения, практически не влияя на докризисный стандарт жизни привилегированных групп. Такого рода разрыв, высокий «децильный коэффициент» между производителями и потребителями рисков, безусловно, если еще не стал окончательно, то определенно становится одним из наиболее беспокоящих драйверов социальных конфликтов.

Мы полагаем, что без формирования того, что мы обозначаем риск-солидарностью, то есть некоего состояния обратного риск-аномии, сложно представить хоть какую-нибудь мало-мальски высокую степень вероятности эффективного и конструктивного ответа на большие вызовы, стоящие сейчас перед многими государствами. А это в свою очередь ставит проблему поиска тех родников, из которых должна вытечь искомая солидарность, иначе говоря, пререквизитов солидарности, без наличия которых взяться ей будет неоткуда. Очевидно, одним из таких пререквизитов является доверие.

Проблема соотношения риска и доверия отнюдь не является новой задачей моральной философии. В академической литературе по этике риска устоялось мнение, что философские концепции отношения между риском и доверием можно условно разделить на три основных семейства:

1. доверие как оценка риска, связанную с ожидаемым поведением другого человека, в ходе которой рассчитывается вероятность достижения выгод от сотрудничества;
2. доверие как альтернатива расчета рисков, с ним связанных, когда один человек добровольно полагается на другого по привычным моральным причинам;
3. доверие как морально нагруженное отношение, при котором у человека есть моральное ожидание, которое он считает обязанностью доверенного лица исполнить [1].

По каждой из описываемых причин в обществе конструируются круги доверия как бы свободного от рисков пространства, конечно же, прежде всего в сфере межличностного взаимодействия. Отсюда возникает вопрос, каким же образом, такого рода круги доверия возникает в отношении сложных и многократно опосредованных форм взаимодействия. В конечном счете, риск-солидарность является частным случаем такого общего круга доверия. Мы полагаем, что проводимые нами прикладные исследования риск-рефлексий смогут выявить базовые характеристики доверия/недоверия, с опорой на которые будет возможно набросать эскиз алгоритма построения риск-солидарности.

Литература:

1. Nickel, Ph.J., Vaesen, K. (2012) Risk and Trust, In Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin P., and Peterson, M. (eds.) Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk. Springer Science and Business Media B.V. РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Тарковский Владимир Николаевич

к.филос.н., доцент

Костромской государственной университет

ФИЛОСОФИЯ ДО КОРАБЛЯ ДОВЕДЕТ?

Тема конференции дает повод задать себе вопрос: Какую роль играло и играет философское мировоззрение в России?

Чем «философия плохого качества» отличается от востребованной философии? По Аристотелю первым философом был, напомним, Фалес Милетский. Это новое мировоззрение было призвано, по мнению ее сторонников, отвечать на наиболее общие вопросы, связанные с развитием знания, веры и нравственности. Оно стало альтернативой религиозному и обыденному мировоззрениям как более эффективное средство при решении возникающих социальных, естественнонаучных, моральных и пр. проблем и вызовов.

Собственно Россия стала к нему обращаться только в начале XIX в. Прот. Георгий Флоровский в «Путиях русского богословия» утверждает, что в России уже в 1830 г. «в тогдашнем поколении чувствуется именно некое неодолимое влечение к философии, какая-то философская страсть и тяга». Это одно из серьезнейших исследований духовного развития России ограничивается, к сожалению, только эволюцией русского религиозного мировоззрения. Те же П.Я. Чаадаев и В.Г. Белинский, например, упоминаются только в связи с конфессиональными спорами и возникновением русского атеизма.

Последний в письме к Н.В.Гоголю от 15 июля 1847 г. предложит альтернативу – «Россия видит свое спасение не в мистицизме ..., а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. ... Ей нужны не проповеди, не молитвы, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, ..., права и законы, сообразные не с учением церквей, а со здравым смыслом и справедливостью ...».

В 1909 г. в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» Н.А. Бердяев, будучий член команды «философского корабля», констатирует, что отношение к философии было так же малокультурно, как и к другим духовным ценностям: самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно-общественным целям. В лекциях 1919-1920 гг. положенных в основание книги «Смысл истории» критикуются идеи европейского Просвещения, которые он отождествляет с реформацией. Секуляризация общественной жизни и тем самым разрушение священного предания ведет к отрицанию священного писания. Известно, что все христианские конфессии объединяет священное писание, а разделяет предание. Возникает вопрос: если каждая из конфессий претендует на аутентичность, то какая из них таковой является. Упомянутый выше Г. Флоровский входил в экуменическое

движение, призванное сгладить разногласия преданий и тем самым объединить всех христиан, но успехов в сближении церквей и общин пока нет.

Атеизм, сформировавшийся в Просвещении, и возник как альтернатива религиозному мировоззрению. В.Г. Белинский одним из первых в России это понял. Эту же тему, например, в современной философии развивал К. Ясперс. Сто лет назад это было актуально.

В.Г. Белинский, несомненно, оказался бы членом команды «философского корабля». Он был сторонником, как принято говорить либеральной идеологии. Напомню, собственно преподавателей философии в эмиграцию добровольно или принудительно максимум уехали две сотни, а остальные миллионы диссидентов (уже Г. Гегель использовал этот термин) это писатели, врачи, экономисты, инженеры, студенты и пр.

Прот.В.В. Зеньковский прав, когда утверждал в статье «Кто фальсифицирует историю русской философии», что «среди ста двадцати (рассматриваемых им) русских мыслителей ... только восемь (и то с некоторой натяжкой) могут быть названы материалистами». Там же он утверждал, что «свободная зарубежная русская мысль в свободных условиях не дала ни одного произведения, защищающего материализм». Это указывает на формирование в дореволюционной русской социальной философии консервативной идеологии.

И. Валлерстайн исследователь триумфа центристского либерализма в 1789-1914 гг. утверждал, что впервые использование термина «либеральные идеи» восходит лишь к 1796 году. Термин «консервативный» применительно к идеологии появляется в 1818 г. как альтернатива первому. Консерваторы выступают против революций, религиозных расколов, разрушения существующих социальных институтов. С 1848 г. формируется третья идеология – социализм, которая воспринимала себя тогда «левым крылом либерализма». Идеология социализма предполагала ускорение хода истории с помощью реформ. Иногда, как в России начала XX в., таким средством являлась революция. Ключевым моментом расхождения этих идеологий является представление о субъекте исторического процесса.

Памятный знак вынужденным эмигрантам на наб. Лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге это не о конкретном событии 1922 г. Это не столько собственно российская история. Сейчас можно сказать, что и не только европейская.

Тарханова Юлия Маратовна
обучающаяся бакалавриата

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
**МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПОПУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА:
МЕТАМОДЕРНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

По мнению Ф. Джеймисона, популярную культуру можно считать преобладающей культурной логикой современности [4]. С каждым десятилетием продукты популярной культуры все в большей мере становятся органичной частью всеобщего информационного пространства. Подобное обстоятельство способствует рассмотрению феномена популярной культуры в рамках научного дискурса. Например, популярная культура становится тем необходимым материалом, на котором основывается преподавание, объяснение и восприятие философских концептов. Например, подобная стратегия реализуется в серии книг «The Blackwell Philosophy and Pop Culture Series» [4]. Продукты популярной культуры, на которой основываются авторы, крайне обширны: от сериалов американского производства, заканчивая музыкальными группами (Black Sabbath, Metallica) и детской литературой («Алиса в стране чудес»). Этические проблемы в этих книгах неоднократно анализируются в качестве ключевых.

Одной из наиболее популярных книг можно назвать сборник материалов о саге «Гарри Поттер» – серии книг и фильмов о мальчике-волшебнике и его приключениях по спасению мира волшебников от зла [4]. Авторы статей рассматривают несколько аспектов мира «Гарри Поттера», изучают те философские концепции, которые подразумева-

ются в описанных Дж. Роулинг действиях. Например, вопрос о моральной трансформации, затронутый в событиях саги, анализируется с точки зрения этики психоанализа. Жертвование героя жизнью ради спасения человечества предлагается исследовать в парадигме проблемы всеобщего блага, сравнивая поступок персонажа с поступком Сократа.

По мнению некоторых исследователей [3], популярная культура как основное символическое пространство молодых поколений как ничто другое должно стать иллюстрациями и примерами для презентации философских построений. Так как каждый нарратив подразумевает определенную аксиологию, то любая часть продукта популярной культуры может служить для артикуляции этических смыслов.

По нашему мнению, подобный феномен обозначает сдвиг культурных трансформаций, которые могут быть охарактеризованы как метамодернистские. Метамодернизм – концепция философии культуры, обозначающая сдвиг культурной парадигмы после эпохи постмодернизма. Её характерными проявлениями являются стремление к возвращению смысла, искренности, ценностей в культурных артефактах, при этом не отказываясь от влияния постмодернизма [1]. Ориентация на поиск смысла и воспроизводство в его новых формах как главная черта поп-философствования в рамках конкретно выбранного авторами произведения позволяют причислить этот феномен к явлениям метамодернизма.

Таким образом, анализ этических аспектов в феноменах популярной культуры, несмотря на неоднозначный характер, представляет собой важный культурологический и образовательный феномен, требующий большого внимания в рамках эпохи социальных и технологических трансформаций, побуждающий к исследованию и пересмотру философского и этического образования.

Литература:

1. Вермиолен Т., ван дер Аккер Р. Заметки о метамодернизме. [Эл. ресурс]. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 20.05.2022).
2. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. №6. С.1-19.
3. Lawrence J.S. Pop Culture «and Philosophy» Books. John Shelton Lawrence reviews the genre of «and philosophy» books. https://philosophynow.org/issues/64/Pop_Culture_and_Philosophy_Books (дата обращения: 26.02.2020)
4. The ultimate Harry Potter and philosophy: Hogwarts for Muggles / edit. Gregory Bassham. – 400 p.

Тимошина Елена Владимировна
д.ю.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАВО ВМЕСТО МОРАЛИ:

ПАРАДОКС ЭТИКИ ЛЮБВИ ЛЬВА ПЕТРАЖИЦКОГО

В докладе рассматриваются представления автора психологической теории права Л.И. Петражицкого (1867–1931) о социальном значении морали и права как инструментов достижения «сверхправового» и «сверхнравственного» идеала всеобщей любви [2, с.592].

Отмечается, что предложенное ученым разграничение морали и права по характеру обязанностей (свободных и несвободных соответственно) соответствует христианскому представлению о свободе человека. Следование норме морали, исполнение моральной обязанности – свободный, не вынужденный каким-либо внешним императивом или притязанием какого-либо лица этический выбор человека, в то время как правовой обязанности всегда коррелирует чье-то притязание на ее исполнение, и это притязание оказывает дополнительное мотивационное давление на обязанного. При этом именно притязание, правомочие обуславливает специфический для права механизм принуждения к исполнению обязанностей, отсутствующий в морали. Исполнение же моральных обязанностей не может быть вынуждено каким-либо внешним авторитетом, и Бог не рассматривается в христианской этике как субъект права требования их исполнения.

На основе анализа концепции нормативной мотивации Петражицкого делается вывод о том, что право имеет общий с моралью психологический механизм самообязывания, что позволяет говорить о внутренней моральности права. Эта идея получает развитие в концепции интуитивного права как императивов совести. В концепции интуитивного права Петражицкий реабилитирует скомпрометированное юридическим позитивизмом естественно-правовое понятие справедливости – не как абстрактного принципа, а как актуального психического опыта переживания ее действительности. Понятие интуитивного права отражает интегрированный морально-правовой опыт человека, описывает ситуацию правильного морального выбора, который соответствует и моральным императивам, и требованиям справедливости.

Вместе с тем парадокс этики любви Петражицкого состоит в том, что в качестве наиболее эффективного инструмента ее достижения ученый избирает позитивное право, располагающее механизмами мотивационного давления (от требования управомоченного до угрозы организованной репрессии), отсутствующими в морали и интуитивном праве, в то время как проповедь евангельской вести, сопряженная со свободой ее принятия, оказывается негодным инструментом этического совершенствования и достижения идеала всеобщей любви. Однако трансформация свободно исполняемых императивов христианской морали в требования права вызывает эффект, противоположный преследуемой цели, так как лишает человека и морали, и свободы как ее необходимого условия: невозможно говорить о моральности поступка, если он не является актом свободного выбора, а обусловлен тем мотивационным давлением, которое оказывают на обязанное лицо притязания управомоченного и / или угроза организованной репрессии.

В отсутствие опыта переживания моральной мотивации мораль рискует постепенно исчезнуть из числа мотивационных процессов. Вместо морали и права поступки человека будут определяться «психической неизбежностью» [2, с.581–582] альтруистического поведения, сформировавшейся в сознании человека в результате длительной социальной дрессуры. Это означает, что свободу человека заменят выработанные в результате социопсихического приспособления репульсивные реакции, вызываемые представлением поведения, несоместимого со стандартами альтруизма и общего блага. Отмечается, что проектируемый Петражицким «сверхнравственный» идеал напоминает то «царство покоя и счастья» [1, с.235] без свободы, которое было описано Ф.М. Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе».

Литература:

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т.14. Л.: Наука, 1976.
2. Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественно-го права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Юрид.кн., 2010. С.561–598.

Тонковидова Анна Викторовна
старший преподаватель

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма **ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ФИЛОСОФ- АВТОР, ФИЛОСОФ-ПРАКТИК, ФИЛОСОФ-ОБЫВАТЕЛЬ**

В сфере практической философии присутствует отход от исключительной профессионализации. Мы можем определить практическую философию как философию «жизни» и «для жизни». Санду Фрунзэ отмечает, что «мы являемся свидетелями возрождения души этого века. Под знаком философии» [4, с.9]. Практическая философия видит своей задачей решение проблем человеческой жизни [2, с.8]. «Философская практика – это совокупность направлений современной практической философии, использующих философствование как средство постановки, анализа и решения мировоззренческих проблем, определяемых философом-специалистом исходя из конкретного запроса или, шире, области интересов клиента» [1, 2, с.79]. Идея избранности уходит из ее дискурса. Философия переходит от статуса, скорее научного, к статусу

мировоззренческому. Она выступает как мироощущение, мировосприятие и миропонимание каждым человеком себя и своего места в мире. Философия рассматривается, как способ мыслить и быть в мире. Возрастает роль этического аспекта в практической философии. По словам О. Бренифье, в философской практике существует два человека, которые включены в философствование [3]. Согласно обозначенной нами концепции, персонажами философской практики становятся философ-автор, философ-практик, философ-обыватель. Возможно обсуждение и разработка кодекса этики философской практики. И координация взаимоотношений между философом-автором, философом-практиком, философом-обывателем может быть основана на этическом кодексе, принятом в данной области. Человек на консультации у философа-практика обозначается нами как философ-обыватель. В обычном словоупотреблении – это «клиент», «гость» философа-практика. Причиной обращения к философскому консультированию со стороны философов-обывателей может быть именно сама философия, в переводе с греческого языка «любовь к мудрости». Этимология слова «философия» открывает нам загадку актуальности практической философии, которая за время своего существования не дала человеку однозначного ответа ни на один вопрос. Философия – это не мудрость, как фактическое владение знанием, а именно процесс «любви к мудрости». Именно имманентно присутствовать в ситуации философии, философствования, или в процессе «любви к мудрости» и стремятся философы-обыватели в философском консультировании при содействии философов-практиков. Философы-авторы создают философский текст, как концепт. Возникает некая вневременность в отношении философа-автора – создателя философского текста, философа-практика и философа-обывателя, которые вступают в диалог в моменте настоящего, в перспективе будущего, обращаясь к прошлому, к тексту. Этический аспект этих взаимоотношений связан с тем, что философ-практик в ситуации философского консультирования не дает готовых протоколов по реализации действий, нет заданных ценностей, стереотипов, а есть лишь возможность выбора, собственного, индивидуального выбора в ситуации полной неопределенности для философа-обывателя.

Литература:

1. Конопляник А. А., Кондратьева Т. Р. Философская практика в современном мире // Этическая мысль. 2021. №1. С. 148-162.
2. Язык философской практики / Ред. С.В. Борисов. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. 100 с.
3. Brenifier O. The Art of Philosophical Practice. 2020. <http://www.pratiques-philosophiques.fr/wp-content/uploads/2020/06/artpp.pdf>
4. Frunză S. Philosophical Counseling and Communication. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană. 2019.

Травина Екатерина Фёдоровна
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ДВИЖЕНИЕ DIY-БИО: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

DIY-биология (англ. DIY – Do-It-Yourself – «сделай сам») – явление, которое активно развивается с 2010-х гг. и означает занятие биологией вне научных институций любителями или профессионалами. На развитие этого движения «маргинальной» биологии повлияло несколько смежных феноменов. Во-первых, DIY-биология адаптировала идею ставших популярными в последние десятилетия DIY-практик – самодельного конструирования или модификации предметов домашнего декора и одежды. Во-вторых, философия DIY-биологов построена на общих принципах «хакерской этики»: свободный доступ к информации и технологиям, децентрализация, сотрудничество и стремление к преобразованию мира. Следуя логике «самодельства» и постулатам хакеров, адепты DIY-биологии провозглашают необходимость демократизации науки и свободу биологического эксперимента для всех желающих.

Традиционное научное сообщество действует методично и осторожно, соблюдая предписанные нормы и правила – правовые и этические. Представители технолибертарианского этоса испытывают фрустрацию из-за чрезвычайно медленного развития инноваций и недоступности для широкой общественности прорывных биотехнологий. DIY-биологи отдают предпочтение скорости и риску ради достижения цели. Чтобы сделать вклад в ускорение научного прогресса и воодушевить людей, они часто проводят разнообразные эксперименты с живой материей (растениями, грибами, бактериями), а также с собственным телом, в том числе такие невероятные и опасные манипуляции, как редактирование генома.

Бывший биохимик NASA Джо Зайнер стал интернет-сенсацией, когда в прямом эфире сделал себе генную терапию в домашней лаборатории. Публичные эксперименты Зайнера сделали его легендой в среде биохакеров и вдохновили многих представителей движения на собственные проекты. Его деятельность носит характер социального активизма, направленного на пропаганду ценностей сообщества.

Подобные прецеденты вызывают бурные общественные дискуссии и поднимают ряд серьезных этических вопросов в отношении прорывных биотехнологий. Стратегия тотальной открытости DIY-биологии одновременно привлекает общественность и вызывает справедливые опасения. Этика DIY-биологии включает в себе перспективу общественной экспансии контроля над биотехнологией, а также возможность повсеместного распространения технологических инноваций, их доступности всем социальным классам. Оптимистическая оценка и надежды в отношении «маргинальной» биологии часто связаны с желанием общества противодействовать государственному контролю и социальному неравенству в сфере здравоохранения и медицины. DIY-биология получает общественное одобрение за идеи о расширении прав и возможностей граждан и свободный доступ к информации.

Однако практики DIY-биологии несут существенные риски, а философия движения содержит этически неоднозначные принципы. Критические аргументы в отношении DIY-биологии основываются на тезисах о непредсказуемости биотехнологии, экологических рисках и даже вероятности биотерроризма. Открытым остаётся вопрос о безопасности самостоятельных технобиологических практик, что порождает отдельную дискуссию о механизмах их регулирования – государственного и общественного.

Туманов Илья Иванович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Понимание национальной культуры невозможно без обращения к её истокам. На сегодняшний день в каждой культуре её носители выражают свои взгляды на жизнь через мысли, публикации, творчество и т.д, но стоит отметить, что выражение идей духовной культуры через формы материальной равнозначно для всех эпох. В частности, духовная культура проявляется через художественные образы народных промыслов.

Художественная форма служит неким законсервированным сосудом со знаниями, мудростью и жизненным опытом, которые передаются потомкам из поколения в поколение. Связано это с тем, что через формы народных промыслов люди стремились не просто передавать традиции своей культуры, но и прививать подрастающему поколению любовь к знаниям, уважение к ручному труду путем непосредственного погружения, определение ценностей культуры через орнамент, а также формирование нравственных ценностей с помощью сказочных нарративов. Но относительно нашей страны, долгие годы не было формирования основ духовно-нравственной культуры у подрастающего поколения посредством культурных форм, а именно через культурные образы народных промыслов. Следствие данных процессов – частичное исчезновение традиции народных промыслов и понимание, что это утрата важной культурной составляющей, являющейся составной частью нашего культурного кода.

Сегодня, стоит сказать о том, что современное поколение с раннего возраста погружено в цифровое пространство, где размыты рамки культур и ценностей. Из-за этого активнее развивается нарушение преемственности поколений, что может разорвать связь с многовековым наследием нашей культуры. Поэтому некоторыми специалистами в области традиционной культуры было принято решение разработать образовательные программы для подрастающего поколения. Большая часть разработанных программ направлена на нравственное воспитание, а именно на знакомство с традициями наших предков, их духовно-нравственных представлений и привития любви к национальной культуре и стране.

Нужно понимать, что у ребенка может возникнуть стресс, так как у многих представителей младшего поколения возникают сложности при переходе от производства в цифровой среде к аналоговой.

В докладе будут сформулированы ключевые этапы подготовки программы, и будет показано, как специалисты разрабатывают новые программы, целью которых научить подрастающее поколение понимать духовно-нравственные ценности предков через народные промыслы. К слову, народные промыслы могут предоставить прочный фундамент и обеспечить яркими примерами для нравственного воспитания.

Фархитдинова Ольга Михайловна
к. филос. н., доцент

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНОЙ ДУХОВНОСТИ

Концепция духовного лидерства будучи производной из совокупности бизнес-моделей, осмысливающих потенциал идеи подчинения и деятельности в условиях предприятий, наиболее интересно проявила себя в организационном контексте. Для России это уникальный опыт и свой особый путь приобщения к ценностям, имеющим этический аспект. Генезис идеи духовного лидерства в России имел свои особенности: зарождение было связано с набором требований к нравственным и профессиональным качествам руководителя крупных организаций; изменение произошло в конце 90-х г. XX в. в связи с переходом к модели преобразования крупных предприятий в отраслевые центры. Сама идея получила распространение в конце 90-х XX в., но стала особо популярной в 2010-2018 гг. Ценность контекстуального осмысления следствий этих концепций в области человеческого взаимодействия в условиях организационной среды состоит в том, что были определены теоретические рамки для нового типа взаимоотношений организаций на международной арене. Значительную роль в этом сыграла трансляция идейного потенциала социальной ответственности бизнеса, изменившая приоритеты и степень участия в этом конкретного человека с его убеждениями и представлениями о духовности.

Проблема социальной ответственности бизнеса выявила не только наличие трех основных подходов, но специфику их применения в различных культурных средах. Так идеи, нашедшие свое выражение в таких понятиях как «духовность на рабочем месте» и «духовность рабочего места» (Л. Фрая, Л. Гринлиф), развитые в рамках вариаций концепций духовного лидерства, приобретают свои новые черты, именно в организационном контексте (Л. Чеглакова, В. Кабалина).

Спектр вопросов, на фоне которых осмысливается понятие корпоративной духовности в современной России, от истоков происхождения идей духовного менеджмента и его аналогов в международном контексте до применимости этого термина и его новых значений (например, духовность как средство ребрендинга) в современной России.

Литература:

1. Иваненко С., Васильев Ю., Тимошук А. Религия и бизнес: Бог помогает предпринимателям, которые Его чтут. Изд-во «Философская книга», 2009.
2. Чукуров А.Ю. Религиозный фактор как детерминанта культуры повседневности: скандинавский протестантизм и повседневные практики // Проблемы современной экономики. 2006.
3. Сардарян А. Управление среди религий // Управление персоналом. 2009. №5. С.12–14.
4. Fry L., Matherly L., Ouimet J. (2010). Бизнес-модель сбалансированных показателей для духовного лидерства: пример корпорации Cordon-Bleu-Tomasso. Журнал управления, духовности и религии, 7, №4: 283-315.

Филимонова Александра Андреевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И. КАНТА КАК ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

И. Кант пишет, что категорический императив, который существует а priori как часть умопостигаемого мира, принципы которого, если мы исходим из идеи свободной воли человека и его автономии, должны быть распространены на мир чувственно воспринимаемый ради человека как такового. Человек, по мнению И. Канта, должен мыслиться исключительно как цель, поэтому и необходимо заменить гипотетические императивы (направленные на достижение какой-либо цели, кроме человека) на категорический. Ориентировка на моральный закон, существующий не зависимо от содержания чувственно воспринимаемого мира, позволит организовать общество, где люди будут совершать благие дела, осуществляемые ради человека как такового [Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Изд-во «Мысль», 1965. – Философское наследие. акад. наук СССР. Ин-т философии – Т.4. Ч.1. – С. 544].

В Бытие написано: «И сказал Бог: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» [Быт. 1:26]. Христианство делает центральным актором человека, от которого принципиально зависит ход истории, делает упор в своей нравственной доктрине на взаимодействие человека с человеком – оно направлено на человека и рефлексивует о нем. Антропоцентризм проявляется также в доктрине о свободной воле.

Тезис, что человек обладает свободной волей и автономией, встречается уже у Блаженного Августина, однако отец церкви указывает, что дана она для того, чтобы человек мог подчинить свою волю божественной воле, и совпадение реализации свободы воли человека и воли Бога мыслится как состояние человека до грехопадения. Соответственно, человек должен соединить свою свободу воли с волей божественной для исполнения замысла Божьего [Блаженный Августин. О Граде Божием. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С.1296], что перекликается с категорическим императивом И. Канта, который также указывает на необходимость отказа от преследования целей личных в совершении поступков и подчинении своих действий объективной, существующей вне конкретного человека цели.

Очевидно различие между И. Кантом и Аврелием Августином: философ Нового времени ставит человечество как самоцель, тогда как отец церкви ставит целью счастье, проповедуя возможность его достижение через приближение к Богу: «Какому Богу, кроме Подателя счастья, должны мы молиться, благочестивой любовью любящие вечную жизнь, в которой заключается истинное и полное счастье?» [Там же]. Однако достижение счастья, мыслимое Блаженным Августином, не должно трактоваться как гипотетический императив, поскольку счастье возможно для отца церкви только в граде Божьем, когда свободная воля человека станет совпадать с божественной. Блаженный Августин и И. Кант пишут о необходимости делегирования принятия решения о совершении поступка в пользу а priori существующего Бога или долга, которые, в любом случае, служат доктриной нравственного поведения, непостижимого пониманием человека, живущего в мире чувственном.

Несмотря на то, что категорический императив выводится из картезианского сопоставления миров умопостигаемого и чувственно познаваемого, он имеет значительные схожести с христианской рефлексией над вопросами нравственного выбора и свободы человеческой воли, что было продемонстрировано на примере сравнения И. Канта с Блаженным Августином. Данное сопоставление приводит к выводу, что христианская оптика остается свойственна И. Канту в вопросах этики, поскольку умопостигаемое понятие «долга» И. Канта приближается к христианским догматическим императивам, поскольку оба подхода направлены на приспособление поведения человека под внешнего арбитра.

Цибизова Ирина Михайловна

к.и.н, научный сотрудник

Институт информации по общественным наукам

О ЭТИЧНОСТИ ЭТИКОВ:

КОНЦЕПЦИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОГО АЛЬТРУИЗМА К.Р. МОНРО

Ключевые слова: Абрахамсен Д.; генетика; гипер-мораль; Грау А.; Монро К.Р.; фашизм; этичность

Концепцию «врожденной морали» или «этического интуитивизма» [4, р.254-256] – предрасположенности к альтруизму на генетическом уровне, – не принимаемую, по признанию самого автора К.Р. Монро, в серьезных научных кругах [4, р.251] едва ли можно отнести к этичным в силу априорного генетического разделения людей на «хороших» и «плохих», «добрых» и «злых» от рождения. Список подобных градаций можно продолжать очень долго. Проведение американской мыслительницей в рамках исследования связи религиозных убеждений с «моральным чувством» «беспристрастного» и «анонимного» социологического опроса с равным отношением как к героям сопротивления и спасителям жизни многим евреям, так и к бывшим карателям – вынужденным, подчинявшимся приказам, и убежденным нацистам, оставшихся верными своим убеждениям, вопреки темам проектов «Сердце альтруизма: Лики простой человечности», «Сочувствующая длань: Моральный выбор во время Холокоста» и «Этика во времена террора и геноцида» [4, р.240-241] свидетельствует о симптоматичном распылении границ в отношении к фашизму в западном обществе.

Еще более анти-этичным представляется ««второй закон преступного поведения», формализованный норвежским судебным психиатром и психоаналитиком Д. Абрахамсеном. Этот закон был выражен формулой $C = (T + S) / R$, – по которой якобы можно определить человеческое поведение. Расшифровывается она следующим образом: вероятность преступления (С) равна совокупности личных преступных склонностей (Т), суммированных с общей ситуацией человека (S) и деленных на величину сопротивления индивидуума (R) [Цит. по 5, р.111]. Ныне от этого методологического тупика, ведущего в государство из антиутопии Дж. Оруэлла, отказались, но было потрачено немало времени и средств в попытках строго определить понятия «личные преступные склонности», «общая ситуация человека» и т. д., как и методы их измерения.

Подобное положение вещей доказывает правоту А.Грау, который вслед за А. Геленом, констатировал гипертрофию западной морали – превращение ее в гиперморализм, основывающийся на самом себе и глухой к доводам разума [3, р.10], проникший в повседневную культуру [3, р.8], преподносящий экономические, политические, научные и технологические вопросы исключительно с моральной перспективы [3, р.12], постоянно подпитывающий их «идеологией катастрофы», стремясь ужаснуть обывателя [3, р.115, 124]. Гиперморализм стал ведущей идеологией Запада, которая фактически заменила собой религию и приобрела авторитарные, инквизиторские черты [3, р.14-15,50], превратившись в «религию обоготворенного «эго»» [3, р.80]. Заиклившись на гендерном разнообразии и инакости, эта идеология стала совершенно нетерпимой ко всему иному – отличному от нее.

Именно чертами гиперморализма, не желающего слушать никого, кроме самого себя, и преподносящего в СМИ совершенно одностороннюю и тенденциозную информацию, далеко не всегда достоверную и рассчитанную на испуг обывателя (обладающего верной моральной позицией, не надо заботиться об аргументах [3, р.123]), обладает идеологическая война, ведущаяся против России. Ее масштабы напугали даже Папу Римского Франциска. По словам социолога, общественного деятеля и православного публициста Филиппа Гриллия, понтифик понимает опасность бешенства и кошмара русофобии, отмены Чайковского и Достоевского, скатывания к мировой войне, однако сомневается, что его слова будут услышаны на Западе [2]. Во всяком случае его пасхальный жест, когда на Крестном ходу крест несли русская и украинка, так и остался непонятым.

Литература:

1. Достаний Д. Хиперморал као идеологија данашњицу. Реф. књ.: Grau A. Hypermoral. Die neue Lust an der Empörung. München: Claudius Verlag, 2017. 128 S. // Сборник Матице српске за друштвене науке. Нови Сад, 2020. Г.71, бр. 173(1). С.95-101

2. Кайсина И. Тупиководство западной русофобии: Папа Римский видит расизм в делении беженцев на украинцев и всех остальных // RB Новости. – 16.04.2022. – ULR: <https://rus-bel.online/novosti/obshhestvo/filipp-grill-papa-rimskij-ponimaet-tupikovost-rusofobskogo-kursa-evropy/>. (Last download 16.06.2022).

3. Grau A. *Hypermoral. Die neue Lust an der Empörung.* – München: Claudius Verlag, 2017. – 128 S.

4. Monroe K. Religion and moral choice: Does the innate moral sense account for religion's influence on moral choice? // *Christianity and the roots of morality: Philosophical, early Christian and empirical perspectives* / Ed. by Luomanen P., Pessi A.B., Pyysiäinen I. (Philosophical studies in science and religion; v.8). Leiden, Boston: Brill, 2017. – p. 239-257.

5. Zach M. Conceptual analysis in the philosophy of science // *Balkan journal of philosophy.* – 2019 – V. 11, N 2, – p. 107-124.

Цуркан Евгений Геннадьевич

к.филос.н., старший преподаватель

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

Интеллектуальный анализ данных (Data Mining) – это направление информационных технологий, разработанных для извлечения значимой и полезной информации из больших объемов данных. В основе интеллектуального анализа данных лежит идея активного применения математических методов для прогнозирования и моделирования будущих исходов и описания имеющегося массива данных. Поскольку обработка колоссальных объемов данных в требуемые сроки часто оказывается за пределами человеческих возможностей, разрабатывается различное программное обеспечение – алгоритмы и нейросети, которые упрощают и ускоряют работу с данными. Различные инструменты профилирования, оптимизации управленческих и маркетинговых решений активно внедряются в системы корпоративного управления ввиду своей удобности и экономичности, подчиняясь общему капиталистическому императиву повышения прибыли и сокращения издержек. Например, специально обученные нейронные сети путём анализа данных о предыдущих кадровых решениях корпорации и цифровых следах, оставляемых её действующими сотрудниками, способны давать рекомендации о найме новых сотрудников, составлять профайлы о ментальном и физическом здоровье действующих сотрудников, прогнозировать эмоциональные спады, выгорание и уровень работоспособности. Вместо того, чтобы иметь целый отдел кадров, можно платить одному специалисту по интеллектуальному анализу данных.

Внедрение технического аппарата интеллектуального анализа больших данных в механизмы принятия управленческих решений открывают широкое поле этических проблем. Существуют классические этические проблемы касательно алгоритмов. Например, можно ли вообще позволять алгоритмам принимать решения? Не является ли это отражением антигуманной риторики, согласно которой живые люди уступают алгоритмам по ряду значимых показателей? Или, например, способен ли алгоритм нести ответственность (хотя бы отчасти) за принятые решения? Стоит ли рассматривать алгоритм или нейронную сеть как моральный субъект? С целью ответа на указанные и многие другие вопросы, IT-корпорации платформенного капитализма создают внутренние отделы по этике или прибегают к внешней экспертизе. Иногда добровольно, иногда в качестве реакции на общественное неодобрение. Комитеты по этике в IT-корпорациях занимаются созданием ряда правил и этических рекомендаций для разработки новых технологических продуктов или дают экспертную оценку уже имеющимся. Интересы руководства IT-компаний нередко вступают в конфликт с рекомендациями, сформулированными этическими комитетами. В декабре 2020 года руководство Google уволило сотрудницу этического отдела Тимнит Гебру в связи с исследованием, посвящённым этическим и социальным проблемам обработки естественного языка, в котором она принимала участие [1].

Тема алгоритмической предвзятости, в отличие от классических этических проблем, связанных с алгоритмами, является менее теоретической и более прикладной. Нейронные сети, будучи обученными на больших данных без учёта этической оценки, могут выдавать систематические ошибки, приводящие к несправедливым результатам. С учётом повсеместного распространения алгоритмических технологий в принятии решений, это проблема имеет высокий конфликтный потенциал. Алгоритмы и

нейронные сети можно использовать для прогнозирования преступлений, распределения социального обеспечения или при приёме на работу. Некоторые исследователи [2] настаивают на необходимости внедрения этических и правовых правил в интеллектуальный анализ данных, чтобы ограничить дискриминацию по признаку этнического происхождения, религиозной или половой принадлежности. Алгоритмы нейронных сетей на основании анализа имеющихся массивов данных способны делать автоматические прогнозы о дальнейшем поведении людей, следовательно, сложившиеся общественные стереотипы, согласно которым какие-то группы населения более склонны к деструктивному поведению, с неизбежностью отразятся на подобного рода прогнозах.

Литература:

1. Bender E. M. et al. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2021. С.610-623.

2. Custers B. H. M., Schermer B. W. Responsibly Innovating Data Mining and Profiling Tools: A New Approach to Discrimination Sensitive and Privacy Sensitive Attributes // Responsible Innovation 1. Dordrecht: Springer, 2014. С.335-350.

Докулад подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Черных Андрей Александрович
аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ И.М. СЕЧЕНОВА О НЕ-СВОБОДЕ ВОЛИ

Учение И.М. Сеченова о рефлексах убедительно показывает, что концепт свободы воли не согласуется как с научной картиной мира в целом, так и с устройством мозга и психики человека в частности. Все психические явления (человеческое сознание) обусловлены физиологией нервной системы. Психическая жизнь мыслящего существа возникает и развивается именно на физиологической основе. Мышление и, следовательно, нравственность берут свое начало в первых месяцах жизни ребенка, когда он только учится смотреть, слушать и двигать руками.

Первые нервные импульсы, вызывающие рефлекс, дают субъекту информацию, которая впоследствии формирует его психику. Внешнее раздражение действует на чувствующий нерв, импульс переходит в отражательный центр, а оттуда – в двигательный нерв. По Сеченову, так устроен «чувствующий снаряд», то есть механизм рефлекса. Ученый открыл феномен центрального торможения, благодаря которому угнетается третье звено рефлекса (движение). Иными словами, человек способен не только осуществлять движение в ответ на возбуждение, но также предупреждать ожидаемое движение. Этим, на первый взгляд, незначительным физиологическим явлением обусловлена способность мыслить.

В результате постоянного взаимодействия человека с внешней действительностью он научается представлять и воображать. Это происходит посредством способности запоминать ощущения и воспроизводить их в своем сознании. Обладая развитой памятью, ребенок взаимодействует не только с внешним, но также со своим внутренним миром. Так с психофизиологической точки зрения возникает мышление, рефлексия. Сеченов пишет, что «мысль есть воспроизведение действительности» [4, с. 104].

Иными словами, любая человеческая деятельность – даже мышление – сводится к отраженным движениям, то есть к произвольным рефлексам. Это значит, что даже великие научные открытия и достижения в философии и искусстве строго детерминированы. Более того, если Каин убил Авеля, то он не мог поступить иначе. Все происходит с необходимостью. Следовательно, свобода воли объективно невозможна. Она может быть только в сознании субъекта о самом себе как идея.

Однако это не делает мораль невозможной. Напротив, именно отсутствие произвола делает поступки нравственного человека с необходимостью нравственными. Личность со сформировавшимися взглядами и непреклонной волей не может поступить вопреки своему моральному установлению. Признание же свободы воли привнесло бы произвол в поступки человека, следовательно, даже самая совершенная в моральном плане личность могла бы поступить вопреки своей собственной нравственности. Если бы свобода воли существовала, она даже Христа могла бы сделать убийцей.

Отметим, что, как считает Сеченов, при признании свободы воли наказание имеет характер отщепенца. Если же свобода воли отрицается, то логично, что безнравственные поступки преступника обуславливаются внешними обстоятельствами (даже если первопричина заключается в глубоком детстве).

Кроме того, мораль сохраняется еще и потому, что, несмотря на закономерность каждого поступка, человек все же ведет внутреннюю борьбу, склоняясь то к одному решению, то к другому.

Литература:

1. Будилова Е.А. И.М. Сеченов и Н.Г. Чернышевский // Н.Г. Чернышевский и современность. М.: Наука, 1980. С. 236–242.
2. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию? // Сеченов И.М. Избранные произведения. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. С. 172–267.
3. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М.: ЛЕНАНД, 2022. С. 25–124.
4. Сеченов И.М. Учение о не-свободе воли с практической стороны // Сеченов И.М. Избранные произведения. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. 427–447.
5. Уткина Н.Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М.: Наука, 1975. 320 с.

Шеваренкова Анастасия Владимировна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

СТУДЕНЧЕСКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ МЕДИА КАК НОСИТЕЛИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Российская сатира берёт своё начало с журнала «Трутень», издатель которого Николай Иванович Новиков публиковал сатирические памфлеты против Екатерины Второй. Был заключен в тюрьму, что оказало значительное влияние на дальнейшее развитие сатирической публицистики в Российской империи, перенаправив её с критики конкретных персон или институций на критику общественных нравов, косвенно порицая властные структуры [1].

Таким образом, сатира, описывая отклонение от идеала, описывает сам идеал поведения.

Определим характеристики современного российского сатирического журнала:

- является рупором конкретной социальной группы, представляет её интересы, иногда противоречащие интересам другой социальной группы;
- стремиться снять с себя ответственность за публикуемую информацию путём нанесения дисклеймеров о юмористическом характере содержания и отрицания аффилиации с крупными образованиями;
- воспитательная функция носит скрытый характер, материалы ярко выраженного морального окраса смешиваются с материалами, типичными для издания [2]

На современном этапе своего развития большая часть сатирических изданий переместилась в Интернет. Традиция сатиры распространилась и на социальные сети, в которых появились сатирические паблики, наподобие прежних сатирических изданий. Идеологическую направленность таких пабликов определяет, как правило, первоначальный интерес администратора, и затем – интересы подписчиков.

Сатирические новости представляют собой вариацию продукта сатирической журналистики. Они представляют собой полностью или частично выдуманные новости, зачастую базирующиеся на реальных фактах.

Ярким представителем жанра сатирических новостей являются сообщества по типу «ИА «Панорама».

В ходе эмпирического исследования в качестве исследуемой группы были выделены студенты таких вузов, как СПбГУ, НИУ ВШЭ (СПб) и РГПУ им. Герцена и их отношение к сообществам «ИА «Панорама». В качестве метода сбора данных было использовано глубинное интервью, методология обработки информации – открытое кодирование и контент-анализ.

В ходе исследования удалось установить, что наиболее важной функцией «ИА «Панорамы» для студентов оказалась борьба с ощущением фрустрации от невозможности разрешить существующие в университете проблемы.

Данные опроса студентов по вопросу ценностных ориентаций СМИ также показали, что чаще всего студенческие СМИ ориентируются на такие типы ценностных ориентаций, как равноправие и автономия (по методологии Шварца [3]).

Проведенное исследование позволило выявить, что чаще всего студенты петербургских нетехнических вузов среди категориально-понятийной лексики употребляют такие слова как: принцип, справедливость, честность, уважение, свобода.

Литература:

1. Конюкова М.Л. Сатира в современных русскоязычных СМИ как дефицитное явление // ART LOGOS. 2019. №2(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/satira-v-sovremennyh-russkojazychnyh-smi-kak-defitsitnoe-yavlenie> (дата обращения: 14.06.2022).

2. Романов Андрей Геннадьевич Российская сатирическая журналистика: от советского прошлого к российскому настоящему // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. №3(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskaya-satiricheskaya-zhurnalistika-ot-sovetskogo-proshlogo-k-rossijskomu-nastoyaschemu> (дата обращения: 14.06.2022)

3. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т.5(2), с.37–67.

Шестакова Екатерина Александровна
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ЮМОР В СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКЕ: АНАЛИЗ

Юмор всегда был областью, подвергающейся этической критике. Однако сегодня, юмор уже не только критикуется, но и запрещается, иногда даже на государственном уровне. При этом часто критерии, на которые стоит опираться чтобы избежать осуждения за ту или иную шутку, не ясны или являются обидными только в какой-то определенной социальной группе. Также моральное осуждение юмора сейчас сильно распространено контексте культуры отмены.

Исходя из вышесказанного, в данном докладе будут рассмотрены следующие тезисы:

Шутки, основанные на поле и расе. Подобный юмор сейчас является наиболее осуждаемым и осуждаемым особенно в так называемой «либеральной» среде. Найти некую грань, после которой шутка уже не будет считаться шуткой сложно, а осуждение вообще любого юмора по данной теме нерационально.

Шутки о смерти. Данный вид шутки самым очевидным образом является копингом в случаях неопределенности, боли и страха. Однако, именно из-за высокой эмоциональной нагрузки на тему смерти шутки о ней воспринимаются остро и часто могут быть оскорбительными.

Шутки о преступлениях. Тут этическая дилемма, как кажется, состоит в том, что нарушение закона само по себе предполагается порицаемым действием, но возведение преступления в шутку накладывает положительный отпечаток на неправомерное действие. Является ли это морально верным поведением?

Рассматривая данные тематики, важно отметить ряд факторов, которые могут отдельно повлиять на восприятие шуток вне зависимости от того, к каким этическим направлениям индивид относит себя на ежедневном базисе. Например, в том случае, если в обозримом прошлом или будущем произошли события, связанные с тематикой высказанной шутки, то отношение социума к ней может сильно измениться. Ярким примером можно считать шутки о бессмертии недавно почившей Королевы Великобритании. Говоря более общими словами, в обществе в обычной ситуации могут быть шутки приняты лучше и проще, если не присутствует общенациональный траур или аналогичная ситуация, но на локальном уровне.

Сегодняшняя этика диктует нам новые правила юмора, часто, как нам кажется, ограничивающие нас в выражении своего мнения, однако одновременно и защищающие нас от оскорблений. Можно ли считать, что этика юмора, основанная на запретах эффективна? Какова тогда функция юмора в современном мире?

Шкляр Евгений Леонидович
обучающийся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет
ТЕЛЕОЛОГИЯ КАНТА

КАК ОТВЕТ НА ВОПРОС ОБ ЭТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ AI

Иммануил Кант, есть одна из величайших фигур европейской философии, и почти любой вопрос который задаёт человек так или иначе рассматривался философом из Кёнигсберга. И сегодня его философия может помочь нам с решением задач, которые ставит перед нами современность.

Телеология Канта один из самых неизученных разделов его философии, и при этом именно он может помочь нам отразить проблему того, как нам следует относиться к AI, роботам и киборгам. Конечно, абсолютно точный и неопровержимый ответ я не предлагаю. Но вариант осмысления данного вопроса через Канта, может дать свою интерпретацию на пока нерешенную проблему и может дать несколько возможных вариантов ответов на эти вопросы.

Актуальность подобной проблемы заключается в том, что каждый год мы можем читать о невероятных прорывах в разделах наук, которые ставят перед собой задачи разработка искусственного интеллекта и создания новой, не ядерной формы жизни.

Телеология Канта затрагивает сразу множество аспектов человеческой жизни и вопрос о месте человека в природе, является одним из них. Стараясь выявить цель человеческой жизни в природе, Кант приходит к выводу о том, что человек является разумным существом, так как может ставить перед собой любые цели вообще. А если быть точнее, то на вопрос что делает человека человеком, Кант указывает на формальную реализацию конечного целеполагания [1]. Таким образом, из всех целей в природе остаётся только формальное, субъективное условие, а именно способность вообще ставить самому себе цели и пользоваться природой как средством в соответствии с максимумами своих свободных целей вообще.

Подобное понимание формальной реализации целеполагания, открывает нам возможность осмыслить, чем является роботы для нас сегодня. Ответ простой. Понимание Кантом человека и его способности ставить перед собой цели самостоятельно, вполне определено показывает нам, что роботы пока не входят в список этических субъектов. Ведь каждое действие робота или ИИ на данный момент есть не его собственная поставленная цель, а команда, заданная человеком или другим ИИ.

Результаты моего исследования могут быть полезны не только в этике, но в технических науках. А также позволяют по-новому взглянуть на творчество Кёнигсбергского философа, чьи труды востребованы и сегодня.

Литература:

1. Разев Д.Н. Телеология И. Канта. СПб.: Наука, 2010. – 309 с.

Шляпников Виктор Валерьевич

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы

МЧС России

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ЭМПАТИЯ И ПОДОТЧЕТНОСТЬ

В настоящее время повышается интерес к разработке «эмпатических систем искусственного интеллекта». Однако при разработке таких систем используются, в основном, косвенные данные, такие как выражение лица, голосовые сигналы и жесты, и не учитывается множество других аспектов. Как отмечают некоторые исследователи, из виду упускается более широкий социальный контекст проблемы, что приводит к неудовлетворительным решениям. Причиной этого является непонимание взаимосвязи эмпатии с подотчетностью. Несмотря на то, что была проделана значительная работа по изучению как эмпатии, так и подотчетности в области искусственного интеллекта (ИИ), эти концепции в основном анализировались как две отдельные сущности, без понимания их взаимозависимости.

Подотчетность считается одним из ключевых факторов, способствующих этичности систем ИИ, однако она определяется и рассматривается с разных точек зрения в зависимости от целей различных заинтересованных сторон или субъектов, участвующих в разработке ИИ. Большинство исследований, посвященных подотчетности искусственного интеллекта, изучают различные аспекты подотчетности независимо друг от друга, не анализируя взаимосвязь между ними. Понимание взаимосвязей между такими аспектами, как ответственность, обоснованность, доверие, безопасность и т.д., помогает повысить общую подотчетность системы ИИ за счет удовлетворения потребностей различных заинтересованных сторон. Эмпатия является ключевым помощником в достижении этого.

В области искусственной эмпатии проводится большое количество исследований: от роботов-компаньонов, которые могут обнаруживать человеческие эмоции и реагировать на них эмпатическим способом, до разговорных чат-ботов или цифровых помощников. Например, эмоциональный искусственный интеллект Empath, который может идентифицировать эмоции по свойствам голоса в режиме реального времени независимо от языка. Или искусственный интеллект-компаньон Xiaoice с эмоциональной связью, удовлетворяющий человеческую потребность в общении, привязанности и социальной принадлежности.

Однако у включения эмпатии в дизайн и разработку систем искусственного интеллекта могут быть недостатки, эмпатия без подотчетности может принести вред. Хотя эмпатия способствует просоциальному поведению и сотрудничеству, в некоторых случаях она может даже углубить разногласия между различными группами, поскольку мы с большей вероятностью будем сопереживать тем, кто принадлежит к схожим социальным, расовым и политическим кругам. Ограничения эмпатии становятся наиболее очевидными в условиях конкуренции и конфликтов, поэтому исследователи в области искусственного интеллекта должны признать необходимость разработки эмпатических систем, которые также были бы полезными, справедливыми и подотчетными. В некоторых исследованиях утверждается, что способ решения конфликтных ситуаций заключается в регулировании эмпатии посредством обеспечения подотчетности. Эмпатия не вызывает предвзятости в условиях высокой подотчетности. Таким образом, использование эмпатии для разработки подотчетных систем искусственного интеллекта может быть полезным, поскольку регулируется не только эмпатия, но и повышается подотчетность.

Конкретные решения можно убедительно объяснить и обосновать, если система искусственного интеллекта способна понимать эмоциональные состояния и намерения заинтересованных сторон. Точно так же понимание намерений заинтересованных сторон и их моделей социализации (то есть того, как заинтересованные стороны сообщают о своих требованиях) может помочь в аудите и отчетности системы ИИ.

Таким образом, включение эмпатии в системы искусственного интеллекта влечет за собой создание и внедрение новых возможностей и требований, таких как учет субъективных точек зрения различных заинтересованных сторон, а также принятие решений не только на основе косвенных данных. Для этого необходимо понимание намерений всех заинтересованных сторон и контекстуальной информации, связанной с их эмоциональными состояниями и моделями социализации. Кроме того, эмпатические системы искусственного интеллекта должны заботиться о благополучии пользователей и демонстрировать ответственность при принятии решений.

Шова Марина Сергеевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ НАКАЗАНИЯ

Проблема наказания находится на стыке различных областей знаний. Этика, политика, социология, право, педагогика пытаются разобраться в его сущности и определить его место в системе регулирования поведением человека.

Наказание как мера, обладающая значительным влиянием на поведение человека, может преследовать три общественно-важные цели, а именно возмездие за нарушение порядка (как более высокого, «мирового»), так и конкретного социального) [1, с.155; 4, с.329], исправление (излечение) преступника [4, с.330; 5, с.109] и предупреждение последующих преступлений [5, с.213]. Как показывает практика и как отмечают многие мыслители наказание призвано выполняться не одну, а сразу несколько задач.

Если брать за отправную точку теорию естественного права, то санкция (наказание), как часть правовой нормы, и следовательно, как часть правовой системы в целом, должна соответствовать определенному высшему принципу. И эта санкция будет справедлива лишь в том, случае, если она будет соотноситься с этим принципом, каким бы образом он не определялся. К примеру, Джон Финнис австралийский философ и правед в своей работе «Естественное право и естественные права» в качестве высшего принципа определяет разумное распределение преимуществ и невыгод [4, с.328]. И наказание должно способствовать этому распределению.

С недавнего времени начали появляться теории, которое скептически относятся к той роли, которую выполняет наказание в сфере регулирования поведением людей. Об этом пишет Энрико Ферри в своей работе «Уголовная социология» [5, с.352-445], а также упоминает Ю.В. Голик в «Философии уголовного права: Современная постановка проблемы» [3, с.28-31].

Некоторые исследователи утверждали, что быть хорошим гражданином, исполнять установленные законы и при необходимости их улучшать, есть моральная обязанность каждого живущего в том или ином государстве. Однако, как показывает тысячелетняя практика страх наказания является одним из важнейших мотивов совершения или не совершения того или иного действия. Так, каким образом должна быть устроена правовая система, и общество в целом, чтобы основной побудительной причиной любого поведения человека было не страх того, что его накажут, а твердая убежденность в необходимости исполнения справедливых законов?

Как нам кажется, при дальнейшей разработке поставленной проблемы нам необходимо сосредоточиться на рассуждении о тех средствах, которые могут послужить избавлению от такого зла, как наказание, или, по крайней мере, уменьшению его проявления в обществе.

Литература:

1. Аристотель Никомахова этика // Сочинения в 4 томах. М.: Мысль, 1983. Т.4.
2. Гоббс Т. Левифафн, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского М.: Мысль, 2001. – 478 с.
3. Голик Ю.В. Философия уголовного права: Современная постановка проблемы // Философия уголовного права. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. С.6-53.
4. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М.: ИРИСЕН, Мысль, 2012. – 360 с.
5. Франк Ад. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. С.57-197.
6. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2005. – VIII. – 658 с.

Шпеннгер Любовь Станиславовна
магистр философии, студент
Московский Гештальт Институт

ПИКАП И АУТЕНТИЧНОСТЬ: СТРАТЕГИИ ПОИСКА ПОДЛИННОСТИ

На первый взгляд может показаться, что вопрос аутентичности в контексте практик «быстрого съема» несоотносимые и непересекающиеся в пространстве философии процессы. Но это не так. Поскольку в современном постиндустриальном обществе одной из ценностей выступает индивидуализм, а её следствием индивидуализация, то возникает всё большая потребность в развитии и углубление личности, раскрытия собственной неповторимости, формирования мышления богатого, успешного самореализации в социуме и обретения наиболее подлинной самости. Распространенные и доступны способы – онлайн инфопродукты, мастер-классы по соответствующей тематике коуч марафон, личный коучингю

Среди многообразия «помогающей» литературы различных направлений, начиная от марафонов благодарности, поиска счастья за 21 день и заканчивая серьезными программами глубокого и духовного преобразования, бизнес тренингами, специфической отраслью выделяется пикап коуч, (от английского pick up.) – направление, которое через освоение специфического инструментария помогает мужчинам и женщинам быстро и эффективно решать вопросы связанные со взаимодействием с противоположным полом.

Стремясь к быстрому и успешному достижению цели цели – овладеть объектом желания, либо удовлетворить потребности, пикап также является стратегией поиска подлинности, потому как является одним из важных аспектов вопроса самореализации.

Если подлинность сама по себе представляет свойство динамичное и целостное, которое объединяет в себе направленность на достижения успешных социальных отношений и возможность отношение к способу действия самому по себе, то можно ли считать достижение своих целей, в рамках «быстрого съема», подлинным проявлением аутентичной личности?

Литература:

1. Golomb J. In search of authenticity, London: Routledge New Fetter Lane, 2005.
2. Tyler Durden, Owen Cook. The Blueprint. Random House, 2006.
3. Лесли А. Волшебная таблетка. Издательство Эксмо, серия Новая жизнь без трюсов. 2010.
4. Лоуэн А. Любовь и оргазм. электронная версия. 1998.
5. Бетани В. Библия для будуара. Руководство по сексу без границ. Издательство Эксмо, 2018.
6. Олейник А. Энциклопедия пикапа. Версия 12.0. Электронное издание. https://royallib.com/book/oleynik_andrey/entsiklopediya_pikapa_versiya_120.html
7. Файнберг И. Краткая инструкция по пикапу в интернете. Электронное издание. <https://avidreaders.ru/book/kratkaya-instrukciya-po-pikapu-v-internete.html>

Юнусова Лилия Ильдаровна
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА

Искусство субъективно, а моральные нормы – не универсальны. Именно поэтому практически каждый раз, когда появляется новость из мира современного искусства, вокруг нее рождается множество горячих дискуссий о соответствии того или иного художественного объекта (выставки, перформанса) общепринятым моральным нормам. Однако же, в этом противостоянии художника и публики и состоит одна из основных задач современного искусства – провоцировать зрителя, взывать к его собственным убеждениям.

Китайское искусство, имеющее собственную многовековую традицию, в конце XIX века под сильным западным влиянием вступило в процесс длительной трансформации. Одним из поворотных моментов для китайского современного искусства (contemporary art) или, другими словами, китайского модернизма, можно назвать выставку группы «Звезды» (星星画派) в 1979 году. Состоящая из неофициальных художников группа (в том числе и наиболее известного на западе Ай Вэйвэй (艾未未), критиковала власть и отрицала каноны Культурной революции (1966-1976).

Этические вопросы, которые поднимает современное китайское искусство, находятся в актуальном культурном контексте. Так, Ай Вэйвэй, преимущественно работающий в западных художественных традициях реди-мейда и акционизма, не раз заставлял зрителя задуматься о ценности как китайской культуры, так и его, зрителя, отношения к этой ценности. При этом идеи Ай Вэйвэй отличаются не сложностью, а его особым взглядом на обыденные вещи. Перформанс «Роняя вазу династии Хань» (Dropping a Han Dynasty Urn), где художник разбил вазу, чья история насчитывала 2000 лет, он сопроводил фразой «Председатель Мао говорил, что мы можем построить новый мир, только если уничтожим старый», обращая внимание на проблему стирания культурной памяти в коммунистическом Китае. Другая его работа «Семена подсолнечника» (Sunflower seeds), где художник рассыпал по полу галереи один миллион сделанных вручную на заводе в Китае семечек, стала толчком для дискуссии о массовом производстве, и, что более важно, дешевизне труда, которая с этим производством сопряжена. Ай Вэйвэй критикует коммунистическую идеологию и путь развития, который избрал современный Китай, балансируя между грубой иронией и трепетной любовью к традиционной культуре.

Другой важный пример, совершенно отличный от опыта Ай Вэйвэй – художник Чжан Сяоган (张晓刚), чья серия работ «Большая семья» (血缘-大家庭) была исполнена в уникальном для Китая течении «живописи шрамов», которое отражало переживания китайского народа событий Культурной революции. «Живопись шрамов» при помощи реалистических средств демонстрирует возврат к традиционным китайским ценностям. Художники этого течения, не провоцируя зрителя, аккуратно и вкрадчиво заставляют обратить внимание на страшные потрясения всего китайского общества, которые вызвала Культурная революция.

Не смотря на сложившийся на Западе «бунтарский» образ китайского авангарда, художники часто говорят о таких важных проблемах, как ценность человеческой жизни, гуманитарные катастрофы и политические преследования, не нарушая общепринятых моральных норм, следуя нормам конфуцианской этики.

Юрева Алла Васильевна
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

ГЕТЕРОТОПИИ ГОРОДА КАК ПРИМЕР ЭТИКИ ПРОСТРАНСТВА

Человек на протяжении всей истории с большим энтузиазмом конструировал свой пространственный мир, надстраивал его над пространством природы, модернизировал и «эстетизировал». В процессе развития навыков и усложнения жизненных задач возникла сложная городская среда, как место пересечения самых разнообразных потребностей и событий в человеческой жизни. Подобное пространство не может считаться единым и найти универсальное объяснение ему кажется сложным. Именно потому, что его основной чертой является неоднородность, деление на многие мелкие или крупные пространства, независимо от того считается это пространства физическим или социальным. В современном мире все так же остро стоит вопрос о гармоничном и рациональном устройстве города, так как социальное взаимодействие в нем определяется нормами, культурой, доступом к ресурсам, регулируется правовыми предписаниями, решается в результате борьбы за власть. Вследствие чего городское пространство уместно будет рассматривать с точки зрения этического конструкта. В современных

городских условиях этические вопросы возникают во многих социальных сферах, связанных с городским планированием и, несомненно, касаются как обычных городских жителей, так и, к примеру, специалистов в области архитектуры.

Если обратиться к философскому осмыслению этики городского пространства, то любопытной и крайне полезной прозвучит концепция гетеротопий, описанная М. Фуко. Он полагал, что ни одну культуру не может обойти образование гетеротипического пространства. В каком-то смысле это и является признаком культуры. Хотя, в западноевропейском мире Фуко больше всего исследует «места-гетероклиты» (больницы, кладбища), которые проявляют совершенно особые отношения с другими территориями. Что в обыденных (бытовых) пространствах обитания человека кажется нормальным или не нормальным, то в подобных местах может радикально менять свою этическую окраску. Это относится к социальной интеракции, практикам в отношении тела или ролевого поведения индивида. Единым качеством, которое объединяет подобные пространства, является особая этика поведения, которая обязывает всех присутствующих ее придерживаться. Подобные процессы касаются церкви и тюрьмы, музея и больницы, любого гетеротипического пространства, включенного в огромную сеть социального взаимодействия большого города.

Можно сказать, что в этом контексте особый смысл обретает проблема единства мышления и пространства. Иначе говоря, кроме эстетических и сугубо практических задач, организация городского пространства имеет специфические черты, корректирующие или даже назидательные. Таким образом, устройство города формирует этическую карту или маршрут любого горожанина или гостя города, не зависимо от того, попадает он в эти гетеротипические пространства или нет.

Литература:

1. Сулименко С.Д., Степанов А.В., Нечаев Н.Н. Архитектура: пространство, время, культура. – Р-н-Д.: УФУ, 2008. – 300 с.
2. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Пракسيس, 2002. – 320 с.

Glebova Sofia
PhD, Assistant Professor
Globina Anna
Master student
Saint-Petersburg State University

FRIEND, FOE, AND POLITICIAN

Identification of yourself is impossible without the recognition of somebody that differs from you. At the same time, not all distinctions are obvious. Here is the place to discuss the ambiguous nature of political actors. On the one hand, they are out-group members as they have resources and capacities, mindset, and own interests. On the other, politicians have a relationship with the social group and an obligation to represent the interests of that group in public discourse. So, political actors aim to «join» a community using rhetorical patterns and media tools.

However, actual technologies amongst pandemic experience of distance working (doing everything) helped politicians to make their way to our groups. A. Pirni, Zh. Nikolaeva, and S. Ignateva make a statement in their paper that every «other» pass through three stages of recognition: cognitive, moral, and social [1]. At first, society assumes politicians like the other, on logical grounds: it seems that politicians have their own (political, imperious). The moral stage of acceptance is the stage where public confidence in the government usually forms. An electorate accepts the difference between them and the politicians as naturally occurring while focusing on what kind of their capacities the politician can defend. According to R. Merton's classification, the politician here can be identified as 'candidates to become members' or 'potential members' [2]. This stage is achieved by politicians by using different media to explain their aims and perform themselves.

For example

- User (the same as you). Here is an example was taken on Ramzan Kadyrov which is the person who openly shares his everyday life, tries to be closer to the «crowd». Simultaneously, he is affirming with these tools traditional values (religious, family)

- Platform (the one for you). For example, the Prime Minister of Armenia Nikol Pashinyan uses the social network as an official platform for broadcasting government views and national courses.

- Media (the one about you) is represented by the official account of the president in the USA where regulation is done automatically: each new president received keys from the White House and account data. Through it are spreading democratic values and a political agenda, hints of involvement in political activities that shape the global discourse (decision-makers).

But today media platforms are open to politicians the key to proceed to the third stage of the recognition – social. Social media in now days shows a great perspectives for the politics to achieve the third stage: to share common interests, to introduce discussions, maybe even to solve some problems together with the folk. Partly, we can already see tendencies: some system politics are asking an opinion on the potential law, some non-system are sharing the problems that estate is causing in their lives. However the potential is much wider.

References:

1. Pirmi A., Nikolaeva Zh.V., Ignateva S.V. Mutual recognition: A dialogue between Italian and Russian perspectives // Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, vol.36, No.1, 2020. p.141-156.

2. Merton R.K. Social Theory and Social Structure, USA, Free Press, 1968 – p.344.

Kuzin Ivan

Doctor of Philosophy, Docent

Makovetsky Eugene

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University

THE ETHICAL AND EXISTENTIAL CIPHER OF FREEDOM: BETWEEN KANT AND HABERMAS

The existential interpretation of the meaning of freedom brings us back to the classical concepts, which we find more in Kant's formulation of the categorical imperative than in Husserl's concept of the constitution of the intersubjective world. The disclosure of freedom occurs not so much on the grounds of Husserl's intersubjective project (when the Other is preceded by the absolute primordial nature of the subject itself) as on noumenal grounds. Awareness of ourselves as diverse actors occurs only when the subject discovers the Other not by analogy with himself, but in existential involvement with the Other. Such involvement is not identical to phenomenality which can be represented in the form of theoretical objectification. With phenomenal representation the recognition of the other occurs not on the basis of duty or love, but on the basis of a «value» assessment of the act of recognition which is likened to a commodity. When identity is built through the prism of a self-contained individual, he actually turns into a commodity, and not into a living intelligent being.

In the case of the initial openness of an individual to the Other (even if their relationship becomes irreconcilable and conflict) the formal existential principle is triggered. Through it, one or another specificity of interaction (even purely individualistic) is determined. The very fact of such free interaction may not cancel out the external inconsistency of the relations of individuals, but at its core it will testify to their interdependence and ontological necessity for each other. Thus, the very form of communicative actions includes the possibility of disagreement of the parties, i.e. even in this disagreement, the freely formed community continues to manifest itself. Subsequently, the means of rational justification will be connected to the regime of such moral unity, thanks to which emerging problems will be resolved and new ways of understanding the issues raised will be achieved. Even if such an understanding does not arise and the compromise turns out to be illusory, in the process

itself, in the demonstration of disagreements with each other, implicitly there is participation in freedom, understood through the Other.

As a result, it can be argued that the condition of moral communicative action is rather not rationality as its fundamental principle, but the non-reflexively handing of subjects to each other. Communication is subject to rationalization through mutual freedom of actors, the essence of which consists primarily in the act of recognizing each other. This freedom consists in recognizing the unconditionality of the other as a condition of one's free existence. The existence of a rationally communicative action is impossible without the morally understood nature of freedom (which we find in the moral philosophy of I. Kant).

Pavlova Elena

Research Assistant

Saint Petersburg State University

DIGITAL TRANSFORMATION RISKS IN TERMS OF CONFLICT MANAGEMENT APPROACH

It is common knowledge, that although on the whole digital transformation is beneficial for the society at large, it also causes certain risks and conflicts in certain groups of population which are left outside the process and therefore can't really appreciate it. Such risks and conflicts are observed in many spheres of life. One of the risks is a conflict between digital transformation supporters and those who are against it. One of the manifestations of such conflicts is protests on the part of different social groups and individuals against growth of digital technologies. We can see their negative attitude to the digital transformation process by saying that it is detached from people's real life and needs. And such attitude causes conflicts. Depending on people's ability to adjust to risks and repel dangers, people begin to demonstrate various modes of behavior and thus get divided into «friends» or «foes».

So, what are those who are against digital transformation? We don't know if they belong to marginalized category or visionaries, who have their own vision of the digital transformation future? According to certain authors the marginalized have negative approach to the transformation but their attitude is groundless while visionaries focus only on negative effects of digital providing the grounds for their opinion. Anyway, there is no doubt that the use of digital technologies, such as artificial intelligence, puts enormous pressure on workmen because of the changing work standards and efficiency, and therefore, they experience more stress and anxiety, which leads to both physical and mental health problems and deterioration or labor safety at workplaces.

The conflict approach allows examination of conflicts related to digitalization. Moreover, it makes it possible to identify the needs and interests of the parties, to determine the degree of their organization and the scope of support. On the other hand, the risk theory allows us to study the existing risk- reflection on digitalization. We understand that the conflict caused by digital transformation is not generally recognized yet by the public and we also understand that it is asymmetric.

In order to avoid social conflicts due to digital transformation risks it is necessary to carry out theoretical and empirical analysis of the risk impact in different social and cultural conditions on the dynamic and structural indicators of the conflict and its management: forecasting, prevention, stimulation, mitigation, settlement and resolution. Moreover, to identify the role of risks in the emergence of conflict moods in society, to identify realistic and unrealistic risks, the preconditions for escalating conflicts, and to identify the main interests regulating social relations in conditions of uncertainty. Finally, to analyze the social interactions of stakeholders to achieve an acceptable level of risk, to identify the microstructures of social relations that pre-condition the conflict of interests in a risk situation. Without the strategic management of conflicts as a complex system of interactions at various levels, it is impossible to identify risks, rank and evaluate how strong they can be.

РНФ №19-18-00115-П «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

*Sokolov Evgenyi*Dr.Sci. in Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University**THE NEW ETHICS, OR MUCH ADO ABOUT NOTHING**

In the last 10-15 years, the word-combination New Ethics has begun to circulate among Russian humanitarians, including philosophers, claiming disciplinary autonomy, conceptual significance (originality) and, consequently, attention, comprehension and serious professional conversation. The phrase has migrated from the public, mainly media sphere, where it is actively functioning, generating some discussions. The point is not that even a cursory acquaintance with the phenomena, as well as reactions to what is somehow associated with the term New Ethics, cause bewilderment in any person who is at least superficially familiar with the history of ethical, and simply philosophical trends. Another thing is striking: the seriousness of the attitude to this phenomenon on the part of professionals who, with a thoughtful look, are trying to understand, analyze, and conduct a competent examination of what this phenomenon is in essence and substance in aggregate composition, in internal structure, in the nature of functioning, in their intellectual topos and emotional habitus, as well as historical continuity. I believe that the New Ethics has, in principle, nothing to do with applied ethics, much less with fundamental ethics, and that sluggish hype supported by adherents – widely promoted media characters, glossy pop scientists – if it deserves interest, it is only from the point of view of technology and the efficiency of the off-Russia political and ideological complex. To be more precise – inefficiency, because the reaction to the New ethics in our fatherland is mostly skeptical, not to say ironic. For.

All verbal and operational circumlocution, which one way or another constitutes the discursive space of the New Ethics, is not genetically or historically based in any way, but consists entirely of «empty concepts» that do not lend themselves to any more or less intelligible reduction to the source, i.e. to some kind of announced unconditionality: neither in the sacred, neither in the ontological, nor in the cosmogonic, nor in the anthropological register. Those unconditional «correctness» – doctrinal maxims – from which the speech is actually assembled, whether it is opponents, whether it is followers of the New Ethics – by virtue of their exceptional and purely marginal discursive universality, in principle can be imposed on any basis, i.e. on any conceptual and semantic configuration. They can be successfully applied in any circumstances, because in fact they are only «good words», «correct opinions» and «platitudes», against which hardly anyone will object. They don't «talk» about anything except about themselves, they don't refer to anything, but they are compositionally closed exclusively on themselves. Of the closest analogues in time, one can recall a similar unit from the late Soviet era – the «Moral Code of the Builder of Communism».

Because of the above, practical recommendations formulated on the basis of «theory» – effective instructions – are completely useless, i.e. they are devoid of any applied significance. Of course, the attitudes of the New Ethics can be used in reality – and they are widely in demand – as a kind of legitimizing concrete social gesture of alibi or argument (in favor or against). However, neither instrumentally, nor operationally, nor even more functionally, is it connected with the «internal structure» or «logic of unfolding in reality» of any of the new ethical dogmas, but with various social practices and forces regulating the latter.

Therefore, the noise that accompanies the New Ethics is empty. I don't think that any «interested response» (to the request of time) of a humanitarian professional (including ethics) can be considered valor in this case. Is any «foam of days» relevant?

«ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России:
философская аналитика»

материалы круглого стола

Балакирева Татьяна Андреевна

зам.начальника отдела образовательных программ по направлению философия
Санкт-Петербургский государственный университет

СИТУАЦИЯ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В СЮЖЕТЕ НАУЧНО- ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА ЛЮ ЦЫСИНЯ «ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ»

Ситуация крайней необходимости в сюжетах многих фантастических произведений является одним из ключевых факторов, влияющих на развитие сюжета. В завязке романа китайского научно-фантастического романа Лю Цысиня «Задача трех тел» такая ситуация разворачивается в связи с обнаружением Земли инопланетной цивилизацией системы Трисоляриса. Главной отличительной особенностью существования разумной жизни в условиях этой системы является необходимость постоянно балансировать внутри астрономической задачи небесной механики трех тел (тройная звездная система непредсказуемо обращается вокруг планеты, поэтому постоянно возникает вопрос о жизни и смерти цивилизации в каждую отдельную «эру хаоса»). Это вынуждает инопланетян начать поиск более спокойного места для жизни, который становится успешным, когда земная ученая Е Веньцзе изобретает способ коммуникации с другими разумными существами в космосе посредством использования Солнца как ретранслятора. Тут, как мы видим, ситуация крайней необходимости раскрывается двояко. Во-первых, трисоляриане постоянно сталкиваются с риском уничтожения собственной цивилизации, находясь, таким образом, перед лицом угрожающей опасности. Во-вторых, земляне оказываются обнаруженными инопланетянами, что ставит нашу планету в уязвимое положение, поскольку неизвестно, какова будет цель посещения планеты пришельцами. Этот сюжет, на наш взгляд, способен потенциально оказать на читателя воздействие двух уровней. На первом происходит обучение читателя адаптации к научно-фантастическому допущению существования разумной инопланетной жизни, иллюстрация одной из потенциальных возможностей развития событий настоящего. На втором уровне, более глубинном, происходит взаимодействие с фантастическим как кардинально иным, так как встреча со сверхъестественным, несвоевременным и непредставимым в современных условиях сталкивает читателя с необходимостью восприятия Другого. Этот процесс неизбежно провоцирует рефлексию на тему собственной картины мира, привычного мироустройства и теми возможностями, которые открываются только в этих обстоятельствах. Информация, заключенная в тексте произведения, учит не только буквально адаптироваться к тому, что не существует в действительности читателя, но и повышает степень рефлексивного отношения к повседневности, так как дает дополнительный источник сравнения. Иными словами, научно-фантастические произведения (на примере романа Лю Цысиня «Задача трех тел») способны осуществлять педагогическую функцию, заключающуюся в обучении читателя взаимодействию с собственными страхами относительно будущего, поскольку иллюстрируют один из возможных его вариантов, и воздействуют на рефлексивное отношение к событиям настоящего.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России:
философская аналитика»

Беззубова Ольга Владимировна

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский горный университет

Смирнов Алексей Викторович

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРА ДЕТСТВА: РЕЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО

Культурная продукция для детей может выполнять различные функции. В первую очередь, детская литература и кино служит средством трансляции культурных, социальных ценностей, поведенческих стереотипов и средством идеологической индоктринации. Экспликация скрытого идеологического содержания подобной продукции является важной задачей. Однако, роль детской культурной продукции не исчерпывается педагогическими и идеологическими задачами. Не менее важными, часто остающимися без внимания, функциями искусства для детей являются формирование общего культурного пространства, т.е. основы для национальной культуры и соответствующей самоидентификации. Кроме того, детский культурный канон выполняет функцию связующего звена между поколениями. Несмотря на то, что круг детского чтения и визуальной продукции для детей постоянно обновляется, то есть каждое поколение детей получает книги и фильмы, созданные специально для них, родители (а также другие старшие члены семьи) в большинстве случаев считают важным познакомить детей с теми произведениями, которые они сами читали или смотрели в детстве. Таким образом, круг произведений для детей на протяжении долгого времени обычно включал своеобразное ядро канонических произведений, изменяющееся достаточно медленно, и все более многочисленные современные произведения, небольшая часть из которых имеет шансы со временем стать классическими. Специфика современной ситуации в том, что, благодаря развитию рынка массовой культуры количество новых произведений для детей постоянно увеличивается, что делает культурные межпоколенческие разрывы более заметными. Опираясь на многочисленные публикации в СМИ и дискуссии в электронных медиа, можно обратить внимание на то, что представители старших поколений часто выражают озабоченность тем, что их дети и внуки не проявляют интереса к произведениям, на протяжении десятилетий образовывавших культурный канон. С другой стороны, этот канон часто подвергается жесткой критике ввиду того, что предлагаемые им ценности и паттерны начинают рассматриваться как неприемлемые самими родителями.

Ситуация, сложившаяся современной российской культуре специфична еще и тем, что на протяжении столетия национальная детская культура как минимум дважды была подвергнута коренной трансформации. Первый переломный момент связан с послереволюционным периодом, когда по идеологическим причинам были отвергнуты многие образцы продукции для детей, формировавшие детскую культуру конца XIX – начала XX вв. и была создана новая, во многом новаторская советская традиция. Разрыв с прошлым, тем не менее, не был абсолютным, поскольку советское детское чтение наравне с произведениями советских авторов, создававшимися специально для советских детей, предполагало знакомство с классическими текстами мировой культуры и приключенческой литературы XIX – нач. XX вв. Это утверждение справедливо и для визуальной культуры, так как кинематограф и анимация предлагали как экранизации классических сюжетов и произведений советских писателей, так и разрабатывали новые, актуальные для своего времени темы. Второй разрыв связан с периодом после распада советского союза и формированием новой постсоветской культуры детства, включивший в себя как широкий круг западных произведений, ранее недоступных для отечественных читателей и зрителей, так и новые книги и фильмы. При этом как послереволюционный, так и постсоветский период происходит пересмотр не только условного «канона», но и педагогических практик и подходов, широкого круга представлений о детстве и воспитании. Предлагаемый доклад будет сосредоточен на выявлении наиболее проблемных и остро дискуссионных моментов, обсуждаемых в современном российском обществе в связи с проблемой преемственности советской и постсоветской культуры. РФФИ №20-013-00865а «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Валеева Галина Викторовна

к. филос. н., доцент

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
**ДИЛЕММЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Цифровизация сферы высшего образования – актуальный тренд современного общества, обусловленный активным развитием инновационных технологий и становлением цифровой экономики, требующей подготовки кадров, гарантированно востребованных на рынке труда. Безусловно, использование цифровых технологий, способствует формированию новых знаний, умений и навыков у будущих специалистов, отвечающих за выполнение различных задач в цифровом сегменте экономики. Вместе с тем, происходят изменения не только в формах и методах обучения, но и культура университета, обнаруживая при этом, множество вопросов и проблемных зон. Опосредованная цифровыми технологиями система высшего образования «формирует новую ценностно-нормативную среду и постклассическую университетскую этику» [2]: традиционные проблемы этики образования заменяют новые моральные дилеммы, в должной степени требующие понимания и осмысления.

«Дилемма доступности». С одной стороны, цифровые технологии, используемые в образовании, способствуют обучению по «индивидуальному образовательному маршруту», что соответствует концепции доступного и непрерывного образования [1]. С другой – цифровые технологии способствуют получению диплома о высшем образовании без инсайта и рефлексии. Дилемма указывает на, то что цифровизация в полной мере может изменить отношение студентов к преподавателю, университету и образованию в целом.

«Дилемма возможностей». Инновационные технологии представляют собой мощный потенциал для реализации образовательных задач. – Инновационные технологии позволяют перевести классические методики из offline формата в online. Дилемма указывает на то, что «цифра» может предоставить большие возможности для содержательной работы в том случае, если преподаватели будут использовать новые подходы к процессу обучения в формате online, а не читать монотонно лекции в экран компьютера/планшета.

«Дилемма знания». Цифровые технологии предоставляют контент для получения новых знаний. – Цифровые технологии заменяют знание информацией, которую студенты самостоятельно получают из предлагаемого контента.

«Дилемма цифровизации преподавателя и его труда». С одной стороны, преподаватель – цифровой тылор, курирующий образовательный процесс в цифровой среде. С другой – преподаватель заменяется «цифрой» и лишается «контекстов для многократного рождения» [2] истины. Дилемма указывает на то, что цифровая революция вполне может обернуться интеллектуальным коллапсом.

«Дилемма приватности». Цифровые технологии, используя персональные данные участников образовательного процесса, обеспечивают доступ к учебному контенту. – Цифровые технологии, позволяющие оставлять «интернет-след», увеличивают риск нарушения тайны личной информации.

«Дилемма искусственного интеллекта». Использование искусственного интеллекта (ИИ) в сфере высшего образования делает более гибким не только учебную, но и хозяйственно-административную деятельность университета. – ИИ лишает образовательный процесс «человекомерности». ИИ делает за человека технический и инструментальный выбор, что может лишить личность ответственности, потребности в интеллектуальной деятельности и саморазвитии в целом.

«Дилемма качества». Цифровые технологии способствуют переходу высшей школы на качественно иной уровень. – Цифровые технологии способствуют сведению университета к субъекту цифрового рынка. Вызовы и требования цифрового общества трансформируют цели и смыслы современного университета: доступность, мобильность, гибкость, инструментализация и т.д. выходят на первый план в противовес ха-

рактерным для классической системы высшего образования ценностям – поиску истины и передачи знания, воспитания гармоничной личности, культивирования норм профессиональной этики т.д.

Обозначенные моральные дилеммы содействуют определению содержания этики цифрового образования и расширяют представления о возможных проблемных зонах и рисках использования цифровых технологий в высшей школе.

Литература:

1. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года [Эл. ресурс] URL: http://www.dpoedu.ru/?page_id=13095#:~:text=Концепция%20развития%20непрерывного%20образования%20взрослых,образование%20в%20течение%20всей%20жизни (дата обращения: 15.09.2022).

2. Согомонов А.Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Ведомости прикладной этики. 2021. №57. С.48-63.

Врублевская-Токер Татьяна Ивановна

к.филос.н., доцент

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Нравственная ответственность, как специфический модус бытия субъекта, действующего в цифровой среде, с одной стороны, присутствует с очевидностью – это определяется свободой как сущностной характеристикой информационного обмена и цифровой среды, в которой он происходит. Тотальная свобода предполагает тотальную ответственность. С другой стороны, нравственная ответственность, как минимум, является проблемой в силу формальной бессубъектности информационного обмена и его открытости в цифровой среде. Если кто-то не ограничил использование информации, почему другой должен думать о его приватности?

В контексте «этики ответственности» как специфического типа теории морали нравственная ответственность предстает в запрещающем ключе – как такое содержание норм и направленность морального сознания субъекты деятельности, которые запрещают совершать поступки, однозначно порицаемые или недопустимые, как с позиции самого субъекта, так и других субъектов и институтов.

Предметом нравственной ответственности становятся поступки, о которых субъекту деятельности точно не известно, являются ли они противоправными или нет.

Критерий, согласно которому применяется нравственная ответственность – возможный личный ущерб (модификация «золотого правила» морали «чего себе не желалешь – другим не делай») или личное отрицательное отношение к таким поступкам.

По сравнению с другими видами ответственности, специфика нравственной ответственности состоит в том, что субъекту гораздо проще установить набор личных или всеобщих запретов, чем предложить положительную программу (набор правил) ответственного поведения, предписывающих ответственные поступки.

Моральная регуляция молодежи в цифровой среде основана на соображениях личной пользы, имеет гедонистическое основание. Поведение в цифровой среде соизмеряется с критериями личного ущерба или выгоды, личного удовольствия или его отсутствия. Руководящим принципом взаимоотношений является «принцип приватности», предполагающий невмешательство в личные духовные границы других субъектов. Ценностными ориентациями молодежи в цифровой среде являются 1) открытость, или возможность беспрепятственного доступа к информационным ресурсам; 2) достоинство личности, или возможность действий в цифровой среде, свободных от манипуляции, травли, оскорбительных замечаний, критики, основанной на злобности, зависти, презрении по отношению к человеку; 3) человекомерность цифровой среды, или защита от тотальной механизированности цифровых процессов, возможность самостоятельного выбора между добром и злом; 4) приватность, или отказ других субъектов от использования личных данных человека и личной информации о нем, предоставленных в свободном доступе.

Грантовая поддержка 9490-8.1ГПНИ/6540172

Картухин Сергей Васильевич
д. филос. н., профессор Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)

Лобажевич Валерий Владимирович
доцент, старший преподаватель

Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

Плахова Татьяна Владимировна
старший преподаватель

Институт развития образования

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Вполне очевидным является то, что основу национальной безопасности составляют не только экономическая и техническая мощь государства, но и духовно-нравственные ценности людей, которые формируют уклад жизни целого общества.

Не случайно в 2021 году в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, было отмечено, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Традиционные российские духовно-нравственные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну» [1].

Сегодня как никогда становится актуальной сфера образования, где закладывается фундамент прочности государства и общества. Ведя разговор о современном российском образовании, нельзя исключить и влияние на данную сферу негативных факторов, которыми характеризуется сегодняшняя жизнь мирового сообщества:

- ментальная война, направленная на уничтожение самосознания, на изменение ментальной основы общества;

- расчеловечивание человека, разрушение человеческой личности;

- технология поколенческого раскола и технологии депопуляции;

- взлом культурного кода;

- информационная война.

Организация нравственного воспитания студентов в вузе требует взаимодействия всех подразделений, департаментов и кафедр, согласованности их действий, внесения соответствующих коррективов в учебные программы и методику преподавания [2. С.52].

В связи с этим основными этическими аспектами воспитания молодежи в современном учебном заведении должны быть:

- Человек (созидание);

- Семья (традиции);

- Страна (патриотизм);

- Государство (доверие);

- Общество (согласие).

Ведь нет ничего невозможного, когда путь озаряется любовью к Отечеству.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс [Информационно-правовая система].

2. Резниченко М.Г. Исследование эффективности построения воспитательного пространства вуза // Человек и образование. 2009. №3.

Колосков Александр Николаевич
к. филол. н, доцент,

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;
директор Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения
«Центр государственной экспертизы»

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ» НАРАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В современных художественных практиках, реализацию которых осуществляют не только профессионалы, но и, благодаря возможностям медиапространства, многочисленные «любители» (блогеры, владельцы тематических групп в социальных сетях, авторы видеоконтента и т.д.), «образовательная» проблематика занимает немаловажное место. И содержание понятия «образование» не ограничивается буквальным пониманием/толкованием: образование как социальные процессы, связанные с передачей-восприятием определённого набора знаний, ориентированных на инкультурацию, сохранение национальной идентичности, на соблюдение национальных интересов и т.д. Аналитика художественных реалий свидетельствует, что образованием можно считать любую творческую деятельность, ориентированную на разного рода и разного плана коммуникации. Сфера медиа является полноправной частью бытия современно-го человека и в большей степени, чем сфера «фактического присутствия», позволяет творить свой «образ», влиять на формирование «образа» другого.

Если вспомнить классическую триаду «автор – текст – реципиент», то можно утверждать, что последний в современной культуре играет гораздо более активную роль: потенциал «быстрых» реакций (от комментариев, количества «просмотров», «лайков/дизлайков» до кассовых сборов в кинотеатрах) влияет на «образ» автора, особенно если его деятельность коммерчески ориентирована.

Вырабатываемые в режиме «живого времени», «по ходу действия» законы жанра (например, так называемых «вайнов»), безусловно, ориентируются на классические претексты и в то же время трансформируют, «профанируют» их. Так, некоторые сюжеты наследуют классическим анекдотам, каламбурам, традиции абсурда и т.п. С точки зрения «картинки», можно наблюдать создание «эффекта присутствия»: «прыгающий» кадр, «дрожащие» планы (эти же приёмы используются и авторами «из индустрии» – фильма «Прогулка» Алексея Учителя, «Школа» Валерии Гай Германики и др.)

Полифония «идеологических» текстов (термин используется в том значении, к котором его употребляли исследователи применительно к романам Ф.М. Достоевского и Н.Г. Чернышевского) тоже во многом ориентирована на формирование реципиентов, их «образование». Следует отметить, что и в данном случае авторы апеллируют не только к рациональному восприятию «произведений», но и к формированию общего эстетического впечатления от соприкосновения с ними. Логика, система аргументации соседствуют (если не уступают место) с «ощущениями». Отчасти это обусловлено реакцией на маргинализацию квалитативизма в современной культуре, с другой стороны, «текучестью» онтологических оснований современной культуры, влекущих к «подвижности» аксиологических моделей в обществе. Таким образом, неудивительным становится факт соседства в культуре таких текстов, как «Совдетство» Юрия Полякова и «Текст» Дмитрия Глуховского.

В этическом плане современные художественные практики рассмотрены и рассматриваются во многих научных исследованиях, посвящённых как анализу конкретных произведений, так и анализу общекультурных универсалий. И планы рассмотрены разные: от классического изучения конфликта поколений и роли государства и его институтов в области просвещения/образования до попыток аналитики экзистенциальных высот, связанных с «образованием» личности, субъекта культуры (например, фильмы «Ученик» Кирилла Серебренникова и «Училка» Алексея Петрухина). При рассмотрении этической проблематики в означенных выше аспектах необходимо

обратить внимание на значение, сущность, содержание самого акта «присвоения права» вставить на позицию «морализирующего» (в нейтральном значении). Способы «ухода» от открытого морализаторства лежат всё в том же пространстве художественного: в дискурсивности, в игре, в открытости финалов, в ориентации на определённую аудиторию (возрастную – ровесников, например; профессиональную; группу по интересам). Существует и позиция «стороннего», если вести речь о реципиентах. И в данном случае одним из максимально эффективных способов «присутствия» оказывается «молчание».

Таким образом, очерченная сфера социокультурных реалий представляет собой многополярное пространство, предполагающее аналитику разных уровней: от художественных и социокультурных практик до культурфилософских срезов.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Могилевич Мария Николаевна
преподаватель

Национальный исследовательский университет ИТМО

ПРОБЛЕМА ДОБРОВОЛЬНОСТИ УЧАСТИЯ В ИГРОФИЦИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОДУКТАХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИГРАХ

Игрофикация или геймификация как образовательных тренд имеет уже значительную историю, однако разница между образовательной игрой и игрофицированным образовательным продуктом до сих пор очевидна не всем. Под игрофикацией подразумевается применение некоторых игровых приемов и механик в продуктах или процессах, игрой не являющихся. Например, пятибалльную шкалу оценивания проверки знаний обучающихся, а также формулировку критериев этой оценки, уже можно рассматривать как игровой элемент. Мы формулируем некоторые искусственные правила достижения результата (нужной оценки) и заключаем с участником конвенцию о том, что, в случае соблюдения правил, он получит желаемый результат. Конвенция, правила и возможность получить некоторый результат при соблюдении их условий, победить или проиграть – признаки игры. И данная игровая механика дает участнику образовательному процессу некоторые желательные преимущества: вовлекает и вызывает азарт участников, задает процессу границы, гарантирует результат и удовлетворение в финале, в случае выигрыша. Существует множество менее традиционных способов игрофицировать образование, каждый из которых имеет свои плюсы для продукта, в котором применяется. Так, например, игровые механики работы с идентичностью участника внутри образовательных процессов, превращение его в «персонажа» посредством особого наименования (ника, прозвища и т.п.), роли или образа (например, цифрового аватара) способствует формированию образовательного сообщества, мотивирует участника и делает взгляд на процесс более осозанным, за счет остраненности. Игрофикация образования, по сути, позволяет повысить нужный показатель продукта или процесса, используя потенциал игровых элементов.

Но полноценная игра обладает множеством дополнительных возможностей, не сводимых к сумме благ, приносимых отдельными её элементами. Это особая сущность, способная тотально вовлечь участника на продолжительный временной отрезок, создать внутренние ценности и локальную культуру, пробудить творческий потенциал участников и многое другое. Эти возможности становятся достижимы, если игра соответствует ряду критериев. Одним из ключевых параметров в определении игры, сформулированных ещё в работах Йохана Хейзинги и Ойгена Финка, но актуальных и в самых современных теориях геймдизайна, является добровольность участия в ней игроков. Решение о том, чтобы стать участником игры, продолжать игровой процесс и довести его до конца, должно быть принято самим участником без внешнего давления. Вопрос об участии независим от желания получить какие-то блага «реального мира», а игровые результаты остаются только игровыми, не конвертируются в оценку участника как человека, гражданина, работника и т.д. Нарушение

принципа добровольности ведет к тому, что игра перестает быть игрой в чистом виде, и потенциал этого вида деятельности не реализуются.

Можно ли научиться чему-либо через игру? Разумеется, да. В игровое пространство можно интегрировать множество разноплановой информации, игровые достижения могут требовать проявления и тренировки различных навыков. Но образовательный потенциал игры сложно измерить, а результаты – контролировать. Потому что сам факт измерения и контроля искажает фундаментальный для игры принцип свободы игрока. Чтобы полностью включиться в игровой процесс, игрок должен ощущать надежную границу между ним и своим привычным миром. Внешнее оценивание или необходимость участия в игре подменяет внутриигровые цели и игра распадается на сумму игрофикаций. И, если требованием к образовательному процессу являются измеримые показатели эффективности и результативности, то игрофикация выступает более адекватной стратегией повышения этой эффективности.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Новожицын Никита Олегович

к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЫСТРАИВАНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ В ИММЕРСИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Образование, как и научная деятельность, основано на сложном процессе коммуникации. Поэтому любые изменения коммуникативного процесса, так или иначе, затрагивают и научную, и образовательную деятельность. Эти изменения происходят не только потому, что технические средства использовать модно (актуально, инновационно и т.д.), но и потому, что процесс коммуникации меняет привычную для аудитории форму текста, затрагивает основы процесса смыслополагания. Находясь на стыке науки и образования, философия всю свою историю успешно решала эту задачу, вырабатывая разнообразные образовательные стратегии и сохраняя высокий статус философского знания. При этом, каждое новое изменение позволяло не только эффективно развернуть философские тексты в образовательной среде, но и обнаружить оригинальные подходы к базовой проблематике, открыть новые методологические принципы.

Проникновение техники и связанных с ней новых форм коммуникации в образовательную среду приводит к появлению новых вызовов, которые достаточно сильно изменить образовательный процесс в целом. С одной стороны, эти изменения, очевидно, связаны с материальными составляющими – оптимизация преподавания, сокращение аудиторных часов, работа со студентами из других городов и пр. С другой стороны, они, очевидно, инспирированы и изменением аудитории. Мы все чаще видим студентов, которые не могут ходить на лекции, не готовы читать книги и не вполне понимают классический формат семинаров.

Подобная технологичность и онлайн-ориентированность далеко не всегда имеет положительный смысл. Очевидно, что она никогда не сможет быть полноценной заменой обычных аудиторных занятий. Вопрос в том, может ли она породить новые форматы образования, которые будут ориентированы или на тех, кто не может присутствовать в аудитории, или же окажется дополнением для классической формы образования.

Основные подходы, формирующие структуру иммерсивного образовательного текста, представляются следующими:

– изменение схемы обоснования авторитетности текста. Утрата доверия к классическим схемам легитимации текста и формирование новых схем – таких, как понятность, применимость и цитируемость.

– требования к формату образовательного текста. Учебник становится понятнее не просто если он иллюстрирован, но визуальная составляющая должна дополнять текстовую, нести в себе максимальное количество информации.

– вовлечение обучающихся в процесс. Пассивное восприятие не является для сознания человека, воспитанного в пространстве интернета, естественной формой усвоения знания. Требуется постоянное участие в формировании знания – от подтверждения понятности в виде лайка до постоянного контроля за процессом обучения в виде разнообразных форм интерактивного обучения.

В качестве основного сюжета предлагается взять интеграцию в образовательный процесс моральных дилемм. Дилеммы оказываются одним из наиболее удобных примеров так они изначально предполагают включенность обучающего, проживание исходной проблемы изнутри. С другой стороны, успешное решение моральных дилемм требует отстранения и взгляда со стороны. Основные принципы иммерсивного образования как помогают преподавателю, так и мешают успешно решить базовые задачи. В рамках данного доклада предлагается обсудить сильные и слабые стороны иммерсивного подхода в этическом образовании.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Пирожкова Софья Владиславовна

к.филос.н., старший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗА КАРЬЕРНОЕ БУДУЩЕЕ ВЫПУСКНИКОВ: СЛУЧАЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

В докладе обсуждается вопрос о границах ответственности вузов за подготовку кадров высшей квалификации: достаточно ли требовать от высшего учебного заведения только предоставления образовательных услуг надлежащего качества или можно и нужно ставить вопрос об ответственности за дальнейшую профессиональную судьбу выпускника? Проблема подразумевает не только оценку с точки зрения эффективности подготовки кадров, но и оценку образовательного процесса с точки зрения реализации в рамках образовательного цикла определенной нормативной парадигмы – капиталистического (рыночного) этоса конкуренции, борьбы за потребителя (абитуриента) и привлечения средств стоящих за ним инвесторов (родители, государство, частные фонды и т.д.), с одной стороны, и обеспечения общества необходимыми специалистами и параллельно обеспечения личного роста, профессионального успеха и человеческого благополучия отдельных индивидов. Данная контроверза рассматривается на примере подготовки ученых разных специальностей в ряде зарубежных стран и в России. В зарубежной академической среде нарастает риторика, отражающая признание необходимым не просто предоставлять абитуриентам образовательные услуги, но максимально брать на себя ответственность за их успешную социализацию по завершении высшего учебного заведения [1]. Во многих странах на протяжении уже не первого десятилетия фиксируется переизбыток кадров высшей квалификации, впервые выходящих на рынок труда и ориентированных на занятия академических позиций [2, 3]. Такая ситуация не уникальна: перепроизводство наблюдается и в иных сферах, связанных с творчеством или развитием особых талантов, например, в спорте. Молодые ученые привлекают особое внимание, поскольку проходят длительный этап подготовки (включая аспирантуру), требующей значительных ресурсов как государства и/или частных фондов, так и самих обучающихся, и приобретают высоко оцениваемые в обществе знания компетенции, применение которых сопряжено с производством добавочной стоимости, в чем оказываются заинтересованы и инвесторы, и сами носители этих компетенций. Как отмечают исследователи в области научной политики, уход из профессии таких специалистов составляет не только личную драму, но и

приносит ущерб обществу в целом [4]. Предлагаемая зарубежными коллегами стратегия в сложившейся ситуации подразумевает адаптацию к гетерогенности и неопределенности рынка труда [4] и позволяет реализовывать как принцип ответственности вузов за будущее выпускников, так и принцип свободного самоопределения последних. Несмотря на то, что в России сегодня нет перепроизводства научных кадров, ситуация с молодыми учеными может быть, во-первых, экстраполирована на иные области подготовки, во-вторых, она показывает необходимость рационального отношения и к сопровождению раннего карьерного развития и научных работников, и других профессиональных групп. Российская система образования, отказавшись от кадрового распределения, не предложила иного способа «заботы» о будущем абитуриентов. Вместе с тем вуз способен взять на себя функции профессиональной социализации, ориентируя подготовку на выявление уникального человеческого капитала студентов, организуя форматы, в рамках которых они получают возможность познакомиться с вариантами карьерного развития, приобрести неявные знания в процессе личного общения с профессионально реализовавшимися в разных сферах выпускниками. Подобная стратегия позволит не только повысить мотивацию будущих молодых ученых (и иных специалистов), но и поспособствует наилучшей реализации тех, кто решит не строить карьеру по изначально выбранной специализации. Помимо эффективности такая стратегия выгодно отличается гуманистической направленностью, контрастирующей с идеологией академического капитализма.

Литература:

1. Lost and Found. Editorials // Nature. 2018. Vol.559. P.302.

2. Hayter C.S., Parker M.A. Factors that influence the transition of university postdocs to non-academic scientific careers: an exploratory study // Research Policy. 2019. Vol.48. №3. P.556–570.

3. Spread your wings. Editorials // Nature. 2017. Vol.550. P.429.

РФФИ №20-011-00896 «Молодой ученый: социокультурный и когнитивный феномен и объект научной политики в современной России».

Салганова Елена Ивановна

к.соц.н., доцент, зав. кафедрой социологии
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Гафнер Наталья Александровна

к.филол.н., доцент, Институт медиа и социально-гуманитарных наук
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Челябинский государственный университет;

зав. учебно-научной лабораторией
«Социологические и маркетинговые исследования»

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОНЛАЙН–КОММУНИКАЦИЮ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Цифровые технологии открывают для пользователей все более широкие возможности для проникновения в частную жизнь других людей. Этические вызовы требуют новых подходов в работе с данными, повышения цифровой грамотности населения, прежде всего молодежи. В современной действительности при разработке и внедрении новых интернет–сервисов не всегда поднимаются вопросы медиабезопасности, в то время как растущие объемы персональных данных требуют прикладного регулирования этой сферы. К тому же сейчас трансформируется отношение человека к средствам массовой информации, среди которых все более популярными становятся интернет–ресурсы. Изменение роли медиа в современном обществе наглядно прослеживается на примере молодого поколения, которые в числе первых, кто воспринимает новые цифровые практики и наиболее интегрированы в цифровую среду [3, с.3–27].

В тоже время многими экспертами отмечается низкий уровень цифровой грамотности молодых людей [1, 2]. Что, безусловно, актуализирует вопросы вовлеченности обучающихся в онлайн-коммуникацию в социальных сетях; изучению этических проблем и угроз виртуального пространства в целях разработки комплекса мер по повышению цифровой грамотности и вовлеченности обучающихся в профилактическую работу противодействия деструктивному воздействию цифровой среды.

В целях изучения современного состояния, проблем цифровой грамотности и цифровой безопасности в интернет-пространстве обучающейся молодежи Челябинской области в марте–мае 2022 года проведено репрезентативное социологическое исследование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда Конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22–18–20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)». Анализ результатов исследования показал, что для подавляющего большинства респондентов основными источниками информации являются интернет-ресурсы, в частности социальные сети. Именно этим ресурсам современные подростки чаще всего доверяют, причем больше, чем родителям, друзьям, знакомым и другим источникам информации. Несмотря на то, что большинство молодых людей оценивают свой уровень знаний и навыков в сфере медиабезопасности в сети Интернет как средний или выше среднего, довольно много тех, у кого недостаточно компетенций для безопасного нахождения в цифровой среде.

Подавляющее большинство респондентов осознает наличие угроз для пользователей интернет-пространства. Среди наиболее серьезных угроз в Интернете их больше волнует утечка личных данных по вине сети, вирусы и фишинг, взлом личной страницы. Каждый опрошенный встречался с таким распространенным в настоящее время явлением, как кибербуллинг. Еще более трети молодых людей обеспокоены призывами к участию в экстремистских организациях, мероприятиях. Четверть молодых людей указывают на зависимость от социальных сетей и практически столько же на романтизацию и популяризацию депрессивного контента, обесценивания жизни, аутоагрессию.

Теоретико-методологическое обоснование вовлеченности обучающихся в онлайн-коммуникацию, анализ результатов исследования позволил разработать комплекс мер, направленный на повышение цифровой грамотности и вовлеченности обучающихся в профилактическую работу противодействия деструктивному воздействию цифровой среды в Челябинской области.

Литература:

1. Антипина, Н.Л. Исследование медийно-информационной грамотности российских подростков / Н.Л. Антипина, Г.И. Герасимова, Е.В. Мурзина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – №2 (65). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-mediyno-informatsionnoy-gramotnosti-rossijskih-podrostkov> (дата обращения: 09.08.2022).
2. Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году / [Эл. ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossijan-v-2021-godu/> (дата обращения: 14.08.2022).
3. Дунас, Д.В. Мотивационные факторы медиапотребления российской «цифровой молодежи»: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), № 2, 2020, с. 3–27. РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Селиверстова Нина Андреевна
к. филос. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)

ПАРАДИГМА ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ В ЭТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Смена образовательных парадигм в российском высшем образовании за последние годы приобрела характер перманентной революции. Постоянная замена государственных образовательных стандартов, отказ от «знаниевой» парадигмы и переход к «компетентностной», а затем – к «инновационной» проходили в преподавательской среде в атмосфере острых дискуссий и критического анализа навязанных очередным государственным стандартом компетенций.

В этой псевдонаучной и, по сути, псевдообразовательной, суете в стороне остался вопрос о личности студента, хотя, надо признать, необходимость нравственного воспитания студенчества, которое включает широкий спектр идейных компонентов (нравственные идеи, патриотические чувства, нетерпимость к идеям экстремизма и национализма и пр.) по-прежнему провозглашалось важнейшей задачей российского образования.

Закономерно возникает вопрос: в какой степени успешность различных инноваций в образовании способствуют нравственному развитию личности студента, его готовности к служению высоким целям и нравственным идеалам?

В этом аспекте обращает на себя внимание тот факт, что в современном разговорном русском языке практически исчезли из употребления слова «интеллигент», «интеллигентность»... А ведь свое время русский философ и публицист Г. П. Федотов назвал русскую интеллигенцию «единственным, неповторимым явлением истории». Он отмечал, что интеллигенция – это не профессиональная категория людей умственного труда, а скорее, «некий орден», имеющий свой неписанный нравственный кодекс чести. Представителей интеллигенции объединяет не наличие высшего образования, а наличие нравственного идеала, который включает в себя личную этику, допустимые и недопустимые нормы поведения в обществе, отношение к людям. Причем, подчеркивал Федотов, интеллигентность – не врожденное качество, а результат образования, воспитания и, что очень важно, – результат самовоспитания и самоопределения личности.

Русский мыслитель написал о грядущей «трагедии русской интеллигенции». Действительно, эпоха, наступившая в России после «Философского парохода», превратила термин «интеллигенция» в оскорбительный, сопроводив его уничижительными характеристиками типа «гнилая» и пр. В эпоху СССР социальный статус интеллигенции был невысоким: всего лишь «прослойка» между рабочим классом и крестьянством. А сегодня социальные сети, СМИ транслируют аморальные стандарты поведения и постыдного образа жизни личностей, к которым термин «интеллигентность» абсолютно не применим.

Неужели предсказанная Г. П. Федоровым «трагедия интеллигенции», стала явью, и мы сегодня наблюдаем процесс её окончательного вымывания из социальной структуры общества? Если это так, то следует признать, что усилия представителей высшей школы по нравственному воспитанию студентов будут малоэффективны.

По-видимому, настало время для внедрения в учебный процесс новой парадигмы – парадигмы интеллигентности, корни которой уходят в нашу «дореволюционную» историю, в «серебряный век» нашей культуры. Традиции, как известно, обеспечивают социокультурную преемственность поколений и выполняют в обществе стабилизирующую функцию. Необходимо восстановить традиции интеллигентности на всех этапах образовательного процесса, от школы – до колледжа или вуза.

Интеллигентность должна стать важнейшей нравственной категорией этического образования и целью нравственного воспитания личности.

Смирнов Алексей Викторович
д. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
**КОНЦЕПЦИЯ «ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА»
В СОВЕТСКОМ «ШКОЛЬНОМ КИНО»: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Советское кино, посвященное школе, постепенно привлекает все больший интерес отечественных и зарубежных исследователей истории советской культуры. В.Ю. Михайлин и Г.А. Беляева, относящиеся к числу таких исследователей, даже выделили советские фильмы о школе в отдельный жанр. Особое внимание уделялось нескольким фильмам эпохи «оттепели», ставших классическими для советского кинематографа.

Однако советское кино о школе имело и иное, не менее значимое, направление развития, сформировавшееся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Специфика значительной части фильмов, относящихся к данному направлению, состоит в том, что они не просто посвящены школе, они еще и ориентированы на соответствующую зрительскую аудиторию, то есть на детей школьного возраста.

Школьные фильмы периода «оттепели» специфичны тем, что проблемы, поднимавшиеся в них, были интересны не столько школьникам, но взрослым, находящимся в оттепельном состоянии нравственного выбора. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что главными героями указанных фильмов выступают достаточно молодые учителя, школьники старших классов (выпускных и предвыпускных), а также их родители, с которыми кинозрители 1960-х гг. вполне могли соотносить себя. Соответственно, поставленные в этих фильмах проблемы нравственного выбора, возможного не только на киноэкране, но и в обыденной жизни, решались как самими школьниками, так и взрослыми, носителями мудрости и позитивного социального опыта. Однако, по нашему мнению, подобные фильмы не представляли значительного интереса для самих школьников и не могли рассматриваться в качестве элементов школьной дидактики.

Иная ситуация стала складываться в советском школьном кино в конце 1960-х годов, когда оно стало рассматриваться в качестве важного инструмента педагогики. Видимое изменение состояло в том, что главными героями фильмов о школе стали ученики разных возрастов, даже первоклассники. Именно они самостоятельно сталкивались с теми или иными проблемами и самостоятельно их решали в своем сообществе. Роль взрослых, родителей и учителей, при этом была минимальной и, скорее, технической. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что советские школьные фильмы стали выпускаться с учетом интереса тех или иных возрастных аудиторий. В данных фильмах стали затрагиваться проблемы, в большей степени интересные и понятные именно школьникам, а не их родителям или интеллектуалам эпохи 70-х. Соответственно, наша основная исследовательская задача состояла в том, чтобы соотносить возраст героев школьных фильмов и характер социальных и этических проблем, встающих перед ними.

В ходе исследования был проведен отбор и анализ ряда фильмов указанного периода. По результатам анализа был сделан ряд выводов. В частности, была подтверждена значимость концепции «переходного возраста» для советской педагогики. Именно 7-8 класс (возраст 13-14 лет) является периодом, когда индивид начинает понимать меру ответственности за свои поступки, а выбор стратегии поведения в той или иной жизненной ситуации приобретает для индивида характеристики этического выбора. Установлен и набор проблем, становящихся поводом для этического выбора советского школьника.

Таким образом, школьные фильмы конца 1960-х – начала 1970-х гг. не столь интересны с точки зрения анализа культурно-политической ситуации эпохи, однако они позволяют понять специфику построения образовательных стратегий советской педагогики.

РФФИ №20-013-00865а «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность:
междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

материалы круглого стола

Артамонов Денис Сергеевич

к.и.н, доцент, докторант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им.Н. Г. Чернышевского

Тихонова Софья Владимировна

д.филос.н., профессор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им.Н.Г. Чернышевского;

Саратовская государственная юридическая академия

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЗАБВЕНИЯ ПРИЗНАНИЯ А. ХОННЕТА

Культура отмены стала своеобразным механизмом регулирования общественного поведения в цифровом мире. Тотальная виртуализация повседневной коммуникации приводит к появлению новых этических норм, которые соответствуют коммуникативным практикам социальных медиа. Зачастую они носят внеправовой характер и противоречат не только традиционным, но и либеральным ценностям, характерным для западной культуры. Культура отмены противоречит презумпции невиновности, предполагает коллективную ответственность, зачастую опирается на ложь, фальсификацию и подмену понятий, а также апеллирует к иррациональным мотивам. Вместе с тем, данный феномен получил довольно широкое распространение, что заставляет рассматривать его как часть современной коммуникативной цифровой культуры, построенной на принятии виртуального бытия как неотъемлемой части реальности и требующей от индивида безусловного включения в медиапространство. Этические нормы цифровой культуры претерпевают значительную трансформацию, порождая новые практики конструирования общественного мнения, появление которых было подготовлено предшествующим развитием социально-философской мысли.

С идеями культуры отмены оказались созвучны социально-философские и политико-правовые взгляды представителей франкфуртской школы философии Юргена Хабермаса и его ученика Акселя Хоннета. Концепция коммуникативной рациональности как источника правогенеза Ю. Хабермаса опирается на теорию об особом демократическом статусе публичной сферы, что можно рассматривать с точки зрения перспективы теоретической легитимизации культуры отмены. А в концепции А. Хоннета о забвении признания прослеживается этическая и социальная механика работы культуры отмены.

Хоннетовская концепция забвения признания становится актуальной, так как культура отмены очевидно связана с новыми практиками идентификации субъектов и объектов в цифровой среде. А. Хоннет рассматривает моральные и этические принципы в контексте овеществления, под которым понимает тип человеческого поведения, строящийся на восприятии других субъектов не как личностей с их характеристиками, как лишенных жизни и воли объектов (вещи, товары, цифровые образы). Овеществление приводит к тому, что человек теряет способность сопереживать живым людям, однако, признание позволяет сохранять живую эмпатийную связь с другим как с субъектом. Человек существует в двух разных контекстах объективации и признания, что требует от него умения переключать регистры отношения к людям. Критерии смены регистра являются внешними для субъекта и обусловлены социальными функ-

циями. Овеществление предполагает утрату живого содержания признания, следуя за его забвением. Забвение признания, объективация другого человека, его расчеловечивание укладывается в логику культуры отмены, для которой теоретическая модель А. Хоннета является объяснительной, способной вскрыть социальную и этическую механику ее функционирования.

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Батурина Ирина Валерьевна

к.и.н., старший преподаватель

Дыров Артур Александрович

д.филос.н., профессор, старший научный сотрудник

Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)

«КУЛЬТУРА ОТМЭНЫ»

КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ РЕСУРС МЕМ-ИНДУСТРИИ

Интернет-коммуникация в социальных сетях сделала привычными этические механизмы контроля со стороны общественного мнения, основанные на цифровой трансформации форм остракизма [1, с.16].

Cancel Culture как неординарная тенденция цифрового мира, (контр)культурное явление эпохи «развитого» Интернета остается не только предметом критики научного сообщества, но и ресурсом для мем-индустрии. Вследствие наличия в рамках Cancel Culture персонифицированных целей для коммуникации, она становится своеобразной питательной средой для развития и распространения мемов как единиц конкретных идей, практик и символов. В мем-культуре феномен «отмены» сам подвергается остракизму и проворачивается через интеллектуалистские механизмы, функционирующие с обязательным применением иронии и сарказма, исторических ссылок, сравнений и сопоставлений, абсурдизации и пр. Разумеется, мемологический текст нередко требует некоторой исторической и общекультурной подготовки, что обеспечивает ему верхнюю нишу в условной иерархии метаязыковых структур. В частности, мем с (квази)исторической аллюзией на 600 г. н.э. конструирует краткий диалог монаха-бenedиктинца с высшим духовным лицом: «Я только что сохранил очередную работу Аристотеля от уничтожения». Ответная реплика духовника сводилась к одобрению этих действий: «... мы не можем позволить умереть такому автору потому, что он был язычником». Иная религиозная картина мира, очевидно, не является, согласно высказыванию, достаточным основанием для аннигиляции личностного культурного наследия. Вторая часть мема демонстрирует ситуацию 2021 г. в форме коротких хипстерских реплик: «Этот артист сказал плохие слова, когда ему было 10, мы больше не можем наслаждаться его творчеством!». Мем сталкивает две позиции, связанные с трансляцией опыта и знания. Первую условно можно обозначить как «культуроориентированную» (культура кодифицирует и аккумулирует межпоколенческий опыт, несоизмеримый индивидуальному). Вторая – «эгоориентированная» – позиция фундируется приоритетом индивидуальных желаний и мнений в ущерб несоразмерной культуре.

По оценке Д. Кроненберга, Cancel Culture «странным образом чем-то напоминает сталинизм» [2]. Такая позиция понятна в исторической оптике, несмотря на очевидную разницу в методах реализации. И советская система «доносов», и «культура отмены» функционируют как машины генерации репрессирующих мнений и реагируют на конкретные ситуации. Однако в отличие от «доносов», распространяющихся по известным каналам и предполагающим адресную коммуникацию, культура отмены имеет ресурсы для лавинообразного движения. Скорость распространения информации создает эффект спонтанности (ты еще не знаешь о том, что «отменен»). Действие «культуры отмены» начинается по любому резонансному поводу и не может иметь

срока давности. Она не инициирует рациональной дискуссии, стихийно отменяя высказывания медийных личностей и удаляя из медиапространства «непригодные» материалы. Разумеется, адресная направленность репрессирующих мнений не означает, что существует конкретный адресант. Пользуясь известным выражением Ортеги-и-Гассета, адресантом выступают «восставшие массы» [3]. В мем-индустрии «культура отмены» столкнулась с противником, применяющим ее же методы (анонимность, массовость, высокая скорость распространения и т.д.), но пропускающим любые дискусы (даже собственный) через мясорубку иронии и сарказма.

Литература:

1. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. «Безжалостная милостивая Лета» Б. Мелквика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2 (12). С. 16.
2. Кроненберг Д. о культуре отмены. DNF. URL: <https://dtf.ru/life/1204495-devid-kronenberg-o-kulture-otmeny-strannym-obrazom-chem-to-napominaet-stalinizm> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Избранные труды. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 704 с.

Борисов Сергей Валентинович

д. филос. н., профессор, зав. каф. философии и культурологии
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
ЛОГИКА РЕСЕНТИМЕНТА

Ресентимент, как известно, это чувство враждебности к тому, кого считаешь причиной своих собственных неудач, это бессильная зависть, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе. Чувство слабости или неполноценности формирует образ «врага», чтобы избавиться от вины за собственные неудачи.

Согласно Фридриху Ницше, который первым ввел это понятие в философию, ресентимент – это не только отрицание, он может быть источником творчества, но «творчества наоборот», порождения анти-ценностей. Нет «внешнему», «иноному», «несобственному»: это «Нет» и оказывается творческим деянием. Например, нас что-то не устраивает, а именно, мы вдруг начали замечать, что на соседнем лугу трава всегда зеленее, чем на нашем. Казалось бы, из этого искаженного (а может и правильного) видения возможны только два разумных практических вывода: либо поработай над собой, проще говоря, не завидуй, либо поработай с собственным лугом, лучше воздвигай его. В первом случае, это забота о себе, о своей душе, а во втором случае, это забота о том, что тебе принадлежит, о твоей собственности, среде обитания. Но ресентимент изобретает третий вывод: у тебя все плохо, потому что там все хорошо, следовательно, чем лучше будет там, тем хуже будет у тебя. Поэтому я могу вообще ничего не делать ни с собой, ни со своей собственностью, мне достаточно просто реагировать на то, что происходит «вовне». Ресентимент – это всегда реакция.

Как известно, Ницше употреблял это понятие в контексте двух моралей: морали господ и морали рабов. Это можно понимать как буквально, так и символически. Каждый из нас может выбирать является ли он господином самому себе (своим мыслям и чувствам) или он раб своих аффектов. Каждый из нас может либо утверждать себя в своих поступках и изнутри творить ценности, либо ориентироваться не на себя, а на другого, подчиняться или подлаживаться под другого и находить самореализацию в отрицании. Поэтому мы можем быть либо инициативны, либо реактивны.

Чтобы быть господином самому себе нужно уметь возвыситься над своими страстями и аффектами. Для этого нужно иметь уважение к себе, но не за счет унижения другого или выискивания его недостатков, а за счет своих собственных достоинств. Не пороки другого сделают тебя счастливым, а только твои собственные добродетели. А быть счастливым – это большое искусство, которое требует умения и совершен-

ствования. В то время как благородный человек полон доверия и открытости по отношению к себе, человек ressentimenta лишен всякой откровенности, наивности, честности и прямоты. «Его душа и ум любят укрытия, лазейки и задние двери; все скрытое есть его мир, его безопасность, его улада» (Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 426). Человек ressentimenta в силу своего злопамятства и скрытности считает себя гораздо умнее благородного человека: ведь тот-то забыл, простил, а я все помню; ведь тот-то открыт, на виду у всех, а я сижу в засаде... Но только благородный человек может совершить самый великий из всех моральных подвигов – «любить врагов своих», потому что его уважение к себе не даст ему унизиться до мести. Представьте же теперь себе «врага», каким измышляет его человек ressentimenta, – это будет самый мерзкий и злой «враг» из всех возможных, потому что это будет самая точная проекция его самого.

Бутина Анастасия Васильевна
к.филос.н., доцент

Сибирский государственный медицинский университет

CANCELED INTELLECTUALS: ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В различные исторические эпохи фигура интеллектуала нередко подвергалась критике, остракизму и, в конечном счете, отмене.

Так, уже 1920-х гг. французский публицист Ж. Бенда обвинял интеллектуалов в предательстве вечных духовных ценностей и утрате беспристрастности [1]. В 1980-х гг. Ж.-Ф. Лиотар публично заявил о конце эпохи интеллектуалов, считая последних продуктами Просвещения, собравшими воедино все излишества современности [2].

Пафос «предательства» и даже «смерти» интеллигенции как социального субъекта также характерен и для российского публицистического дискурса.

Однако с конца 2010-х гг. публичный интеллектуал становится объектом канселинга, о масштабах которого позволяет судить «Письмо о справедливости и открытых дебатах», опубликованное в июле 2020 года на сайте журнала Harper's Magazine, подписанное под которым поставили более 150 интеллектуалов, в числе которых Н. Хомский, Г. Каспаров, С. Пинкер, Ф. Фукуяма и др. Авторы письма подчеркивают, что в современной культуре «все шире распространяется цензура: нетерпимость к противоположным взглядам, мода на публичное порицание и остракизм, а также тенденция растворять сложные политические вопросы в ослепляющем отсутствии сомнения» [3].

Письмо последовало за рядом громких инцидентов, связанных с деятельностью движения Black Lives Matter. Например, кампанией против С. Пинкера со стороны Лингвистического общества Америки (LSA), порядка 500 членов которого призвали исключить ученого из списков выдающихся академических персон и медиа экспертов, поскольку в своих твитах Пинкер использовал термины «городская преступность» и «городское насилие», которые якобы сигнализируют о его скрытой поддержке взглядов, определяющих афроамериканцев как преступников.

На наш взгляд, понимание культуры отмены сегодня должно опираться не только на ее описание как нового явления, связанного с цифровой трансформацией общества, но и анализе ее укорененности в мировой интеллектуальной истории.

Значительным эвристическим потенциалом исследования культуры отмены обладает теория информационных автократий (англ. Informational Autocracy – IA), разработанная С. Гуриевым и Д. Трейсманом [4]. Данный подход позволяет рассмотреть канселинг не как следствие распространения неолиберальных идей, но как и набор инструментов и технологий управления в общественно-политической сфере, использующий преимущества современного развития информационной цивилизации.

Новые автократии, возникшие на рубеже XX – XXI веков делают ставку не на террор и массовые репрессии, а на репрезентацию своей власти как наиболее компетентной, пропаганду, цензуру независимых СМИ и подкуп элит. Канселинг при ре-

жиме IA нацелен на лишение отменяемого лица любой субъектности и выводит его из сферы равноправных отношений, что обуславливает его уязвимое положение, при котором отстаивать свою позицию становится крайне затруднительно.

В государствах с IA членам информированной элиты, к которым относятся и интеллектуалы, приходится так и иначе координировать свои решения – «продаться» или противостоять режиму. Однако одним из наиболее действенных методов противостояния канселлингу может стать вскрытие принципов работы отмены, ее бенефициаров и их собственных пороков, что способно вызвать изменение баланса сил.

Литература:

1. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. пер. с франц./ Ж. Бенда. – М., 2009. – 312 с.
2. Марина Х.-А. Интеллектуал и власть / Х.-А. Марина // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы. – М.: Московская школа политических исследований. – 2007. – С. 38–57.
3. A Letter on Justice and Open Debate // Harper's magazine. 2020. July 7. URL: <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/> (дата обращения: 30.09.2022).
4. Guriev, Sergei and Treisman, Daniel, A Theory of Informational Autocracy (April 3, 2019). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3426238> (дата обращения: 30.09.2022).

Былевский Павел Геннадиевич

к.филос.н., доцент

Московский государственный лингвистический университет,

Институт информационных наук;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ДЕКОНСТРУКЦИЯ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

КАК ЦИФРОВОЙ ВНЕПРАВОВОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Значение понятий «культура отмены» не совпадает с декларируемым вплоть до обратного. Философско-культурологический анализ этого явления и практики его применения помогает выявить угрозы правам граждан и их общностей, позволяет определить механизмы её реализации и степень общественной опасности, риски, выработать эффективные средства и меры противодействия.

«Культурой отмены» обозначается не культурный (созидательный), а деструктивный (антикультурный) феномен травли, внесудебной расправы разрушения репутации и карьеры. Главным техническим средством преимущественно выступает медиaproстранство глобальных публичных информационных интернет-сервисов, социальных сетей, блоговых платформ, мессенджер-каналов и т.п. Появление и применение технологий «культуры отмены» базируется на нормативно-правовых нестыковках, обусловленных нормативно-правовыми коллизиями трансграничности, выхода за границы норм международного права этих технических средств массовых коммуникаций [4].

«Нормативной» особенностью «культуры отмены» является трансграничность глобальных цифровых корпораций, предоставляющих эти сервисы – их деятельность в национальных государствах вне законов, в том числе вопреки правовым нормам. Регистрация и расположение головных офисов этих корпораций в США, главном техническом регуляторе интернета, не означает полной подчинённости их деятельности даже государственным органам этой страны.

Публичное право, которое формируют и развивают демократически избираемые государственные органы, подменяется диктатурой анонимных администраторов, произвольно оформляемой в нестабильных условиях «пользовательских соглашений» [5]. На основании их норм и произвольно трактовки администраторов пользователь может подвергнуться временной или постоянной блокировке доступа к своему аккаунту и его содержание, поскольку не наделён элементарными правами собственности на эти плоды собственного труда.

Особую опасность представляет неэффективность против кампаний «культуры отмены» традиционных правовых и других средств и мер противодействия, опровержения недостоверной и заведомо ложной информации, в том числе подпадающей под определения диффамации и клеветы [2]. Судебные иски об ущербе репутации, заявления о возбуждении уголовных дел о клевете, требования публикации опровержений, обоснованные национальным правом практически не действуют против кампаний «культуры отмены».

Противодействие нарушению прав граждан, организаций и социальных групп, стран посредством «культуры отмены» может эффективно осуществляться на основе государственного суверенитета, соблюдения норм публичного права и морали, организационно-технологической самостоятельности национальных цифровых сервисов [1]. Для возмещения нанесённого кампаниями «культуры» отмены ущерба и восстановления нарушенных прав российских граждан и организаций, в отношении виновных со стороны глобальных цифровых платформ должен применяться весь арсенал правовых, организационно-технических и других средств согласно законодательству Российской Федерации, включая штрафы и блокировку доступа [3].

Литература:

1. Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. №2(857). С.162-169.
2. Рейка Ю.Ю. Феномен «культуры отмены» в современном обществе // Global And Regional Research. 2022. Т.4. №3. С.139-143.
3. Родичева И.С. Философия «культуры отмены»: анти-культура или контр-культура? / Фундаментальные и прикладные науки сегодня. Материалы XXIX международной научно-практической конференции. Bengaluru: Pothi.com, 2022. С.100-103.
4. Billings L. How shall we live in space? Culture, law and ethics in spacefaring society // Space Policy. Vol.22. Iss.4. November 2006. P.249-255.
5. Duque R.B., LeBlanc E.J, Rivera R. The Active Shooter paradox: Why the rise of Cancel Culture, «Me Too», ANTIFA and Black Lives Matter... matters // Aggression and Violent Behavior. Vol.60. September–October 2021, 101544. P.1-16.

Ветютнев Юрий Юрьевич
к.филос.н., доцент

Волгоградский государственный университет

КРИЗИС ОБОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Доказать, что некоторый объект или субъект обладает (или является) ценностью, собственно, можно лишь двумя путями: опираясь либо на факты, либо на ценности.

Попытка обосновывать ценности при помощи фактов наталкивается на «принцип Юма»: какие-либо наблюдаемые или предполагаемые явления могут служить основаниями суждений о фактах, но не о ценностях. Например, если некоторая тяжелая болезнь угрожает здоровью и жизни человека, причем известен механизм ее возникновения, а также способы предупреждения, это может быть аргументом в пользу применения этих мер лишь при условии, что жизнь и здоровье уже признаны в качестве ценностей; однако обосновать таким образом сами эти ценности, равно как и антиценность болезни, невозможно.

Таким образом, факты могут втягиваться в аксиологический дискурс лишь в служебном качестве, например, как предметы оценок, но не как основания ценностей.

Это, в частности, разрушает все надежды на формально-юридическое закрепление социальных ценностей как на критерий их действительности: поскольку законодательство и другие источники права являются собой лишь эмпирические факты, то они могут гарантировать лишь то, что соответствующие ценности будут считаться таковыми, но не их подлинное ценностное бытие.

Другой вариант, а именно обоснование ценностей друг через друга, позволяя избежать этой проблемы, порождает ряд других.

При иерархическом построении системы ценностей (в том числе правовых) они заимствуют свою силу у какой-либо высшей ценности, стоящей на вершине пирамиды, но сама она остается вне какого-либо рационального обоснования.

При сетевой модели, более привычной для современности, каждая ценность считается примерно равной другим по своему значению, хотя ситуативно может превосходить их; но это означает, что даже при наличии прочной взаимосвязи между ценностями весь их набор может основываться лишь на конвенции, которая беззащитна перед любыми сомнениями.

По существу, надежное функционирование ценностной системы возможно лишь в двух ситуациях:

- при наличии сильной религиозной или квазирелигиозной основы, полностью исключающей критику;
- при выстроенности традиционного жизненного уклада, где устойчивые образцы поведения воспроизводятся автоматически и не требуют постоянного подкрепления.

Современное состояние культуры глубоко подтачивает обе эти модели, превращая религию во второстепенный институт, веру – в частное дело человека, а повседневность – в постоянно меняющийся порядок, где стабильность возможна лишь в тактической, но не стратегической перспективе.

Характерная черта постмодернизма, а именно «кризис метанарратива», или «великого рассказа», также выступает одной из предпосылок кризиса ценностей. Развенчание метанарратива путем деконструкции, которая выявляет его произвольный характер, естественным образом приводит к ниспровержению основных ценностей. Однако отрицание абсолютных ценностей на деле означает, что отвергаются и ценности относительные: один элемент дихотомии не может существовать без другого. Если не существует более никакой «самоценности», чей статус непререкаем, то неизбежно теряют свою значимость и подчиненные ей ценности второго порядка – или, во всяком случае, не видно, откуда еще они могли бы черпать свой аксиологический ресурс.

Определенные подходы к этой проблеме предлагает теория «дискурсивной этики», в соответствии с которой основополагающие принципы и ценности не задаются заранее, а вырабатываются в ходе дискуссии. Однако практической действенности этого подхода мешает все тот же незамеченный логический круг: чтобы вести дискуссию относительно ценностей, необходимо принять хотя бы элементарные правила диалога, которые, в свою очередь, уже должны быть основаны на тех самых ценностях, каковые еще предстоит утвердить.

Волков Александр Григорьевич
д. филос. н., профессор

Мелитопольский государственный университет им. А.С. Макаренко **КУЛЬТУРА ОТКАЗА ОТ ПРАВДЫ И СПРАВЕДИЛИВОСТИ В ПОЛИТИКЕ**

Исследование политической позиции предполагает не только анализ фактов, высказываний политиков, но и выявление причин их возникновения и предпосылок принятия решений, что обусловлено состоянием сознания, соответственно, своеобразием мировоззрения, что сформировалось на протяжении столетий и получило воплощение в трудах выдающихся мыслителей. Каждый политик обладает уникальностью и неповторимостью, однако он совершает поступки в зависимости от состояния сознания людей, которые имеют к нему причастность, доверяют, надеются, что тот решит их проблемы. При исследовании политических событий, как правило, именно на этот фактор почти не обращают внимания.

Поэтому исследование философских трудов выдающихся мыслителей позволяет выявить сущность политиков, понять, почему они действуют определенным образом. Сущностью будем считать совокупность смыслов, которые лежат в основе совершения поступков, что со стороны рассматриваются как события. Особой значимостью обладают такие, что привлекают внимание, являются востребованными, поэтому к

ним часто обращаются, используют в качестве примеров в аргументации, применяют для оправдания принятия определенных политических решений. Однако их осмысление, следует подчеркнуть, зависит от состояния сознания, понять которое можно, если обратиться к философскому наследию мыслителей.

Некоторые фрагменты «Дао дэ цзин» свидетельствуют о негативном отношении китайцев к войне. Это не означает, что в истории Китая отсутствовали войны, наоборот, их было достаточно много, в том числе таких, в которых даосы принимали непосредственное участие. Когда в XX ст. появляется оружие, использование которого угрожает существованию человечества, именно отрицание войны становится определяющим в китайской политике.

Совершенно иное отношение к войне сложилось в древней европейской цивилизации, что можно видеть в трактовке «борьбы» Гераклитом. Из контекста известных цитат, очевидно, что значение термина «борьба» близко термину «война», поскольку распря в политике, как правило, приводит к войне. Поэтому состояние европейского сознания стало причиной возникновения Первой и Второй мировых войн, которые были самыми жестокими в истории человечества. Следует также напомнить использование США ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки, что является политическим злодеянием, за совершение которого лидеры этой империи не покаялись до настоящего времени.

Говорит ли негативное отношение китайцев к войне о том, что они обладают гуманностью, человеколюбием, или «жень», о которой учил Конфуций, или, наоборот, он это делал потому, что она у них отсутствует? Напомним, что он утверждал, что существуют «благородные мужи» и «мелкие люди», что ведут себя по-разному. У «благородных мужей» сущность проявляется в том, что они страшатся судьбы, великих людей и слов мудреца. Сущность «мелких людей» в том, что таких страхов они не испытывают, соответственно, находятся в распре между собой. Однако ее наличие не приводит к войне, а распространяется только на сферу политических и экономических отношений. Это объясняет, почему китайская политика включает в себя использование экономической экспансии.

Григорьева Екатерина Сергеевна
обучающаяся бакалавриата

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
**ЭТИКА ДВОЙНОЙ ОТМЕНЫ И АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ**

Современный мир сталкивается с двойной отменой: отменой реальности, провозглашенной Ж. Бодрийяром, и отменой человека, констатированной, например, М. Фуко, Ж.-Л. Нанси и другими. Сегодня строится новая модель человека – человека апокалиптического, того, для которого мир находится в состоянии отмены и разрушения, в состоянии апокалипсиса. Как возможна мораль для такого человека и что будет составлять ее основание?

В докладе исследуется возможность переосмысления классических вопросов морали в связи с обозначенной трансформацией понятия человека, а также трансформацией понятия смерти в современном мире. Следствием этого переосмысления является феномен катастрофического мышления и, в частности, апокалиптической антропологии – антропологии ожидания кризисного состояния.

В диалогах с Г.-Ю. Хайнрихом П. Слотердайка [1] говорит о катастрофическом как о том, что может каким-то образом осветить происходящее с человеком и заставить это происходящее осмыслить. «Нельзя смотреть не отводя глаз ни на солнце, ни на смерть», – гласит один из афоризмов Ларошфуко, приводимый П. Слотердайком в этом контексте.

В этом смысле симптоматичными кажутся некоторые проявления этого самого «катастрофического мышления», находящие свое выражение в интуициях современной западной философии, связанных, например, с «материализмом тепловой смерти» [2] Р. Брасье, «спекулятивным аннигиляционизмом» [3] М. Розена и построениями Н. Ланда в связи с осмыслением наследия Ж. Батая, находящими свое выражение в качестве «жажды аннигиляции» [4]. Все эти построения роднит в конечном счете единый магистральный тезис, связанный с основанием, из которого мы можем попытаться определить мир. Этим основанием становится ничто, погруженное в мощнейшую негативность, катастрофа, с которой всё начинается и которой всё заканчивается, иными словами, тот самый апокалипсис, рождающий апокалиптическую антропологию. Неизбежному переосмыслению подвергается здесь жизнь, к которой мы привыкли, от которой отстраивали нашу онтологию. Здесь жизнь становится отпадением от смерти, тем, что, собственно, эту смерть обнаруживает. Мы живем, иными словами, потому, что умираем: в контексте этого разговора здесь вспоминается, например, «Дар жизни» [5] А. Платонова, из которого очевидным становится главным образом то, что в смерти обнаруживается жизнь и ее дар.

Схожими представляются размышления Л. Шестова, изложенные в работе «Достоевский и Ницше» [6] и посвященные осмыслению роднящего двух этих мыслителей трагического осмысления реальности. В контексте обращения к двум этим фигурам начинает фигурировать «мораль трагедии», уважающая «великое безобразие, великое несчастье, великую неудачу». «Мораль трагедии» становится результатом апокалиптической антропологии, результатом переживания кризисного состояния.

Аналогичным результатом апокалиптического мышления, эсхатологического настроения, навязанного теперь уже не столько сугубо личными, сколько политическими и социальными изменениями, становится катастрофизм работы «Апокалипсис нашего времени» [7] В. Розанова. Боль от утраты прежней государственной целостности, разрушения привычного уклада жизни находит там свое выражение и являет пример апокалиптической антропологии, обращение к которой неизбежно требует переосмысления классических вопросов морали.

В докладе, таким образом, будет рассмотрен круг вопросов, связанных с переосмыслением понятия смерти и человека, с неизбежностью рождающих феномен катастрофического мышления и, в качестве ее следствия, апокалиптическую антропологию, обращение к которой, в свою очередь, требует переосмысления классических вопросов морали.

Литература:

1. Слотердаик П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть. Диалогические исследования / М.: ИД Ивана Лимбаха, 2015.
2. Брасье Р. Новый нигилизм [Эл. ресурс]. URL: <https://syg.ma/@mstkazakovvv/novy-nihilizm-vviedieniie-v-chtieniie-reia> (дата обращения: 01.01.2022).
3. Розен М. Спекулятивный аннигиляционизм: пересечения археологии и вымирания / пер. с англ. Г. Коломийца. М.: HylePress, 2021.
4. Ланд Н. Жажда истребления. [Эл. ресурс]. <https://syg.ma/@sickrett/nik-lend-zhazhda-istriiblieniia-priedisloviie-pierievod> (дата обращения: 01.01.2022).
5. Платонов А. Дар жизни [Эл. ресурс]. URL: <http://platonov-ap.ru/stories/dar-zhizni/> (дата обращения: 27.09.2022).
6. Шестов Л. Достоевский и Ницше: философия трагедии. М., 2007.
7. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2008.

Гулеватая Анастасия Николаевна
 научный сотрудник, Южно-Уральский Государственный Университет
 (Национальный исследовательский институт);
 аспирант, Челябинский государственный институт культуры
**КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: ЦИФРОВОЕ
 «НАКАЗАНИЕ НЕБЫТИЕМ»?**

Уж сколько их упало в эту бездну,
 Разверстую вдали!
 Настанет день, когда и я исчезну
 С поверхности земли.
 И будет жизнь с её насущным хлебом,
 С забывчивостью дня.
 И будет всё – как будто бы под небом
 И не было меня.
 М. Цветаева

Цифровое пространство стало новым экзистенциальным измерением человека [1], т.е. тем пространством, где человек, существуя, детерминирует сам себя. Глобально в настоящий момент обнаруживается тенденция «восхождения к экзистенциальному миропониманию» [2]. В соприкосновении с цифровой реальностью эта тенденция актуализирует проблему смыслобразующих ценностей существования человека в виртуальном пространстве. С т.з. экзистенциальной рефлексии важно обнаружить данности существования человека в цифровом пространстве и увидеть, могут ли они вместить и раскрыть смыслообразующие формы отношения человека к этому миру. Такая данность цифрового пространства, как «культура отмены», имеет влияние на самобытие человека в этом новом пространстве. Если раньше человека в виртуальном пространстве можно было «забанить», «зафрендить» или «расфрендить» (и это еще хоть как-то апеллировало к человеческому), то теперь с помощью данностей цифрового пространства человека стало можно еще и «отменить» за поступки или высказывания в этом пространстве. «Отмена» (cancel в своем историческом значении как «удаление написанного») есть противостоющее человеческой экзистенции действие, экзистенцию как конкретное бытие нельзя «отменить», сделать так, чтобы ее не было, она не есть «текст», который можно «стереть». С т.з. экзистенциального взгляда на человека каждое его действие как результат свободного выбора является неотменяемым, невозвратным. В экзистенциальном смысле «отмена» субъекта в цифровом пространстве покушается на полное вымарывание, забвение бытия, принуждение его к «небытию». «Культура отмены» может быть рассмотрена как попытка установления контроля над модусами цифрового «бытия» и «небытия» и принуждение человека к «небытию» в цифровом пространстве, наказание «небытием». Цифровое бытие субъекта неустойчиво, но по иным причинам: смертью является отмена. А те субъекты, которые решают чье бы то ни было бытие «отменить» в качестве наказания, очевидно, ставят себя на место Бога. Культура отмены как продукт общества постмодерна расчеловечивает человека, отлучает его от его подлинного человеческого существования, редуцирует его до «текста» в цифровом пространстве.

Литература:

1. Gálík S., Tolnaiová S G. (2019). Cyberspace as a New Existential Dimension of Man. In E. Abu-Ta'ieh, A.E. Mouatasim, & I. H.A. Hadid (Eds.), *Cyberspace*. IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/intechopen.88156>
2. Леонтьев Д.А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. [Эл. ресурс] URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/zjs5aw9lhp/135774316.pdf>
 РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Держвицкий Евгений Викторович
к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. ПО-ПРЕЖНЕМУ СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.

В последние годы с развитием социальных медиа всё большую практику приобретает «культура отмены». Причём распространяется она не только в сети Интернет, но и в реальном мире. Отмене подвергаются отдельные знаменитости, объединённые вокруг определённого мировоззрения сообщества, корпорации и даже целые исторические периоды, если их нормы в настоящее время рассматриваются как неприемлемые. Сторон защиты здесь никаких не предполагается, приговор выносится на основании мнения определённых социальных групп, объяснения объектов отмены редко принимаются в расчёт, а пересмотр «вердикта» встречается ещё реже. Уже довольно немалому количеству одиночных или коллективных ставших таковыми объектов это стоило репутации, карьеры и финансовых потерь, и если «отменённым» деятелям истории большого вреда причинить сложно, то что касается ещё живых – ситуация ровно противоположная.

Культура отмены неоднозначно воспринимается как обществом, так и исследователями этого феномена. Опросы общественного мнения и большое количество публикаций, посвящённых ей, показывают крайне неоднозначное восприятие этой новой социальной практики, приобретшей, благодаря социальным сетям и радикализации правозащитных движений, намного более «смертоносную» силу по сравнению с аналогичными практиками остракизма или бойкота. Однако здесь хотелось бы остановиться не столько на интерпретации данного феномена, сколько на попытке ответить на вопрос, почему, несмотря на в целом ориентированный на защиту разнообразных меньшинств, дискурс вокруг него не распространяется на такую дискриминируемую группу, как представители животного мира. Многочисленные природоохранные и зоозащитные организации, а также отдельные представители мира науки и культуры пытаются привлечь внимание к тому факту, что положение животных, где-то лучше, где-то хуже, по-прежнему является тяжёлым.

Наметившийся в этой ситуации поворот в общественном мнении (речь пока, правда, в большинстве случаев идет о странах Европы и Северной Америки) привел к дополнениям в национальном и частично международном праве, регулирующем данный вопрос. Так, в 1990 г. ЮНЕСКО приняла Декларацию Прав Животных, разработка которой велась с конца 70-х гг. Данная Декларация, не являясь, впрочем, нормативным документом, имеющим обязательную силу для исполнения государствами-членами ООН, оказалась, тем не менее, важным шагом в определении приоритетов в будущем нравственном развитии человечества, формирования гуманистически ориентированного экологического сознания, что нашло свое отражение в законодательстве ряда стран. Так, в 1999 г. в Новой Зеландии впервые в мире человекообразным обезьянам были предоставлены юридические права, в Германии в 2002 г. была принята поправка к статье 20 Конституции ФРГ, по которой государство обязуется уважать не только достоинство людей, но и достоинство животных – то есть последние были признаны моральными партнерами и субъектами права, летом 2016 г. Парламент Индии принял закон о признании дельфинов разумными существами с наделением их правами, идентичным человеческим.

Однако, касаясь культуры отмены, каких-либо попыток включить животных в круг дискриминируемых меньшинств мы не видим. Наиболее очевидным объяснением этой ситуации является то, что они не представляют собой социальную группу, то есть не являются частью человеческого общества, а, следовательно, артикулировать свою фрустрацию они не могут. Но из этого не следует, что эту миссию не могут взять на себя их представители, подобно тому, как это существует в отношении людей, ограниченные возможности которых не позволяют им потребовать уважения их

прав. Питер Сингер в своей книге «Освобождение животных» проводит аналогию между бытовавшими ранее в течение многих веков представлениями о естественном характере принижённого положения женщин или чернокожих, права которых ущемлялись, и подобным отношением к сельскохозяйственным животным в наши дни. Отдавая себе отчет, что даже для самых прогрессивных обществ, для которых неприятие сексизма или расизма стало нормой, отказаться от того, что он называл «спесишизмом» как идеи о превосходстве людей над не людьми будет непростой задачей, он доказывал, что если идея равенства независимо от пола и расы включает в себя принятие в расчет интересов всех людей, то она с необходимостью должна быть распространена и на животных.

Культура отмены является индивидуально ориентированным инструментом корректировки нежелательных для её adeptов действий или высказываний, в ней имеется свой персональный или коллективный адресат. Знаменитости, уличённые в домашнем насилии, «отменяются», компании, использующие детский труд, «отменяются», однако это не происходит в отношении живодеёров от любителей сафари до цирков или поддержки туристами разнообразных форм «национальных традиций» вроде корриды. В лучшем случае дело ограничивается петициями, воздействие которых велико, но неизмеримо меньше кампаний в рамках «культуры отмены». Приходится констатировать, что на сегодняшний день она является сугубо антропоцентристской по своему мировоззрению практикой, хотя именно в вопросе о защите прав животных её потенциал принёс бы наибольшую пользу для всех, в том числе для самого человечества.

Дробышева Елена Эдуардовна

д. филос. н., профессор

Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой

КУЛЬТУРА ОТМЕМЫ В МОДУСЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

Одной из ценностных доминант архитектоники культуры является подлинность [подробно мы писали об этом: см. 1]. Аксиологический потенциал подлинности распространяется на самые разнообразные аспекты человеческого бытия – от области повседневных субъектных практик до сакральных сфер [2; 195]. В данном дискурсе мы обращаемся к сфере искусства, априори являющегося наиболее чувствительной зоной, наглядно репрезентирующей различные архитектурные подвижки социокультурной реальности. Отметим, что в любую историческую эпоху подлинность того или иного аспекта бытования культурного феномена – эстетического, дидактического, технологического, стилистического – постоянно проходит процедуры верификации (аутентификации), своеобразную проверку на прочность. Область художественного творчества всегда выступает пространством ценностной рефлексии и, как следствие, надежды читателя / зрителя / слушателя на встречу с подлинным, настоящим. В сегодняшней ситуации «культуры отмены» / «отмены культуры», когда в рамках политической международной повестки из культурного поля активно вытесняются не только отдельные произведения или творчество определенных авторов, но и целые пласты художественного наследия, складывается уникальная ситуация функционирования своеобразной «социокультурной лаборатории» огромного масштаба. В рамках этого эпохального зловещего эксперимента проверку на аутентичность, ценность и признание проходит мощнейший пласт всемирно значимой культуры – русской. Американскому антропологу Маргарет Мид принадлежит афористичное определение: культура это то, что невозможно забыть. Именно память как аксиологический регулятор выстраивает систему защиты, обеспечивающую сохранность тех или иных культурных событий и объектов, передачу информации, технологий и смыслов искусства в исторической перспективе. Примитивной технической отменой невозможно стереть из культурной памяти подлинно ценные образцы художественного наследия (в данном

контексте – русского) из области литературы и балета, музыки и театра, кинематографа и живописи. В жерновах Истории перемалываются судьбы и смыслы, исчезают или становятся устаревшими целые направления и жанры. Возрождаются же те, что наиболее значимы для сохранения архитектурно-художественной целостности культуры как системы.

Литература:

1. Дробышева Е.Э. Аксиология повседневности: подлинность как ценность // Жизнь культуры и культура жизни: история и современность: Колл. монография. СПб.: Изд-во ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова, 2015. С.20–26.

2. Дробышева Е.Э. Танец в аксиологическом дискурсе: проблема подлинности // Вестник Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 2015. №39. С.195–201.

Зайкова Ольга Николаевна
кандидат культурологии, доцент
Соколов Сергей Степанович
к.пед.н., доцент

Челябинский государственный институт культуры

РЕСЕНТИМЕНТ КАК КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СРЕДА КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

В современной ситуации культура отмены, представляющая собой своего рода цензурные практики дискредитации и диффамации по отношению к значимому объекту (личности, явлению), вплоть до «удаления» его из культурного пространства, продолжает интенсивно развиваться. В силу совершенствования информационных технологий инициаторами актов «отмены» выступают самые различные субъекты: от официальных институций до частных лиц. При этом следует учитывать различные мотивные основания подобных практик. Если институции, как правило, руководствуются рациональными, прагматическими соображениями, исходящими из оценок реальной актуальной конъюнктуры, то этика личностно выраженных субъектов в большей мере подвержена влиянию аффективных факторов.

Представляется, что в этом контексте значительную роль играет феномен ресентимента, играющего в культуре отмены и роль побуждающего стимула, и основы выбора объекта «остракизма», и функции морального возвышения инициаторов «отмены».

Фридрих Ницше в «К генеалогии морали» охарактеризовал ресентимент как порождаемое переживанием собственной недостаточности враждебное отношение к другим как носителям негативных свойств и стремление их принизить или низвергнуть [1]. По мысли Макса Шелера, развившего положения Ницше, исходным импульсом ресентимента выступает чувство мести более талантливым или удачливым людям, тем, кто больше преуспел в жизни. Их порицание и принижение, приписывание им негативных моральных качеств – вот путь компенсации неполноты носителей ресентимента [3]. По сути, канселинг (cancel culture – культура отмены) представляет широчайшую сферу возможностей для проявления ресентиментных импульсов. Любое сколь угодно произвольное толкование черт избранной «жертвы» остается вне юридической ответственности и, в то же время, порождает впечатление некой «победительности». Парадоксальным образом подобная безнаказанность приводит к стремлению избрать в качестве объекта канселинга наиболее знаковые явления или личности. В качестве «перевернутого» морального обоснования вводится (или подразумевается) тезис о собственном безусловном превосходстве над «отменяемым».

Более того, по замыслу инициаторов объект канселинга должен не только претерпеть урон в репутационном, коммуникативном и иных социокультурных смыслах, но и предстать фигурой покаяния и своего рода жертвоприношения. Анализ практик культуры отмены показывает: это явление мало плодотворно в смысле порождения позитивного культурного содержания. Присущие канселингу приемы «уличения», «разоблачения», «осуждения», «свержения», «клеветания», «наказания» и, наконец, «вырезки» объекта отмены из пространства актуальной деятельности направлены в итоге на получение инициаторами символической моральной компенсации.

В этом смысле культура отмены для носителей рессентиментного миропереживания выступает сферой эффективной самореализации, способом (технологией) за счет публичного, демонстративного уничтожения значимых личностей и явлений пережить ощущение активного участия в социокультурной жизни, момент морального превосходства над неким «авторитетом» и, вместе с тем, осознание некоего «восстановления справедливости».

Вместе с тем эта ситуация чрезвычайно благоприятна для стремлений определенных институций технологически использовать рессентиментную массу и составляющие ее элементы в качестве «питательной» среды для эффективного провоцирования, развития и кумуляции канселлинговых влияний со своей стороны. По точному замечанию американского философа Майкла Боулза, «эксплуатация человеческого рессентимента – это своего рода искусство» [2, P.05].

Литература:

1. Ницше Ф. К генеалогии морали / пер. К. Свасьяна // Ф. Ницше. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т.5. М.: Культурная революция, 2012. С.229–382.
2. Bowles M.J. The Practice of meaning in Nietzsche and Wittgenstein. Journal of Nietzsche Studies, 2003, Vol.26, No1, pp.12–24.
3. Scheler M. Gesammelte Werke. Hrsg. von Maria Scheler und Manfred S. Frings. Bd 3: Vom Umsturz der Werte.5. Aufl., Bern: A. Francke AG Verlag, 1972. – 384 s.

Иванов Андрей Геннадиевич

д.филос.н., доцент, ведущий научный сотрудник

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.Н.Г. Чернышевского

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ Р. БАРТА В СВЕТЕ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

В докладе осуществляется ревизия бартовских фигур мифического означющего («Прививка», «Изыятие из Истории», «Тожество», «Тавтология», «Нинизм», «Квантификация качества», «Констатация») посредством иллюстрации того, как они работают в условиях распространения так называемой культуры отмены. Фигуры рассматриваются в качестве компонентов механизма, определяющего контуры границ использования социальных мифов, приводятся примеры из текущей общественно-политической практики. Фиксируется фактическое исчезновение как минимум двух фигур. Исчезает «Прививка», так как никто не собирается признавать свои недостатки таким способом, что – ради профилактики – демонстрировать негативные или альтернативные проявления в функционировании тех или иных институтов. Государственное управление, журналистика являются показательными примерами из настоящего времени, такими же, как в середине прошлого века у Р. Барта были армия, наука и церковь. Во всем этом усматривается нетерпимость и тоталитарность истеблишмента, не готового допускать малейших возможностей для упреков в свой адрес. Поэтому в западном мейнстриме господствуют тотальная диктатура единственно верной точки зрения и жесткое цензурирование. Исчезает и фигура «Нинизм», так как не существует чего-то третьего, что можно было бы выбрать в результате отбрасывания двух противоположностей: сегодня мы оказываемся либо на одной, либо на другой стороне истории. Так, никто из французских демонстрантов, вышедших в апреле 2022 года на улицы в знак протеста против итогов первого тура президентских выборов, по результатам которого поддерживаемый многими представителями молодежи социалист Ж.-Л. Меланшон выбыл из гонки, всерьез не рассчитывал на изменение позиции властей, но это был просто жест, свидетельствующий о беспомощности альтернативной точки зрения. Остальные фигуры остаются. При этом усиление фигуры «Тожество» становится логическим продолжением тенденции исчезновения фигуры «Прививка». Расшифровывая фигуру «Тожество», французский исследователь пишет буквально следующее: «Как же ассимилировать негра или русского? На сей случай есть запасная фигура – экзотизм. Иного превращают в чистый объект, зрелище, куклу; отброшенный на периферию человечества, он более не посягает на спокойствие у нас до-

ма» [Барт Р. Мифологии. М.: Из-во им. Сабашниковых, 2004. С.279]. Древнее мифологическое противопоставление на сакральное и профанное, на мы и они, на свое и чужое и т.п., достаточно давно уже превратилось на Западе в традицию по клеймению и стигматизации всего, что не укладывается в привычный мир. Сегодня показательным следствием такой традиции стали инициированные «цивилизованным» Западом мероприятия по отстранению российских спортсменов от международных соревнований, по непризнанию разработанных в Российской Федерации медицинских вакцин и, наконец, по отмене русской культуры. В последнее время в мире происходят значительные перемены по отношению к прошлому: обычные люди стали проявлять активность, не соглашаясь с конструированием истории без их участия. Это происходит на фоне переписывания учебников по истории, сноса памятников (например, в бывших республиках СССР, стремящихся избавиться от советского прошлого). Фактически мы видим иллюстрацию действия уже риторической фигуры «Изъятие из Истории», которая в современных условиях часто работает с особой изощренностью: способствует выстраиванию картины непротиворечивого прошлого посредством конструирования прерывистой истории, в которой неприглядные моменты просто предаются забвению, а востребованные и актуальные выставляются напоказ. Таким образом, рассмотрение преломления некоторых из зафиксированных Р. Бартом в середине XX века риторических фигур мифического означающего в контексте культуры отмены открывает возможности для исследования в новом ракурсе этических последствий неоднозначных практик политического класса.

РНФ №22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах»

Копанева Валерия Андреевна
соискатель

Волгоградский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ

Этические принципы в механизме социального признания отличаются фундаментальностью, а также позволяют выделить сущностные компоненты феномена. Мы выделили несколько базовых этических принципов социального признания:

1) Избирательность. Признание – это предание качественной определенности. Следовательно, оно не может носить всеобщий характер, оно может быть только конкретизированным. Для того, чтобы достичь определенности и конкретности достаточно использовать формулу «субъект + предикат», где возможны два сценария:

- субъект подбирается под предикат – ситуация, когда уже существует конкретное место/ статус/ функция/ имя, но оно еще ни за кем не закреплено и необходимо осуществить отбор претендентов и выбрать того, кому будет подходить предлагаемый предикат.

- предикат подбирается под субъекта – обратная ситуация, когда известен субъект признания, но пока для субъекта не сформулирован предикат, то есть определяющий его концепт.

Таким образом, признание не может носить тотальный характер, поскольку невозможны ситуации, когда был бы один предикат для всех или одному субъекту подходил бы любой предикат. Например, не могут быть все молодцами, потому что иначе данный предикат теряет смысл, ибо «молодец» нужен для того, чтобы отличить и отделить его от не молодца, который поступает неправильно. Точно также мы не сможем обнаружить индивида, который мог бы быть признан кем угодно и какими угодно словами. Следовательно, принцип избирательности порождает контрастность признания: признанный объект или субъект не может сливаться с другими объектами и субъектами (хотя и может быть похожим на них, но не однороден).

2) Сопоставляемость. Для признания необходим образец, потому что оно работает по механизму идентификации, т.е. через соотнесение одного явления с другим.

Например, мы можем утверждать, что «машина поехала», поскольку имеется четкое представление, что такое машина, а также четкое представление, что такое езда. Тот образ, который видим, соотносится с тем образом, который есть в сознании субъекта. Если они совпадают, то произошла идентификация, а признание – ее частный случай. Данный принцип подразумевает, что субъект признания неизбежно проводит сравнительный анализ объектов признания прежде, чем он осуществит признание. Так, театр признает хорошим или плохим тот театр, который он соотнес с образцовым театром в своем сознании. При этом образец признания имеет ценностную природу, т.е. бывает положительным и отрицательным. Образец не может быть нейтральным, поскольку в таком случае его не заметят, т.к. человек видит только то, что ему нужно для жизни – срединное значение выпадает из поля зрения.

3) Миметичность. Признание носит миметичный характер, поскольку индивид, попадая в социальное пространство, сначала наблюдает то, как другие осуществляют признание. Когда мы говорим о миметичности признания, то следует рассматривать ее в двух аспектах:

- Субъект признания дает признание объекту, то второй субъект признает то же самое, что признает первый субъект. Подражательность признания заключается еще и в том, что признание притягивает признание.

- Субъект признания признает объект, а затем объект взаимно признает субъекта признания.

4) Диалогичность. Принцип диалогичности лаконично можно сформулировать так: индивид принимает признание от тех, кого сам признает.

5) Дифференцированность признания. Если в первом пункте мы рассматривали принцип избирательности, который подразумевает, что не все объекты получают признание, а только выборочные, то данный принцип позволяет рассмотреть ситуации, когда признание у объектов есть, но оно даже среди признанных не может быть одинаковым.

Таким образом, данные принципы являются определяющими в механизме социального признания, нарушение которых приводит к сбою осуществления признания.

Косоурова Надежда Романовна
к.соц.н., доцент

Тверской государственной технической университет

ПРОБЛЕМАТИКА «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Сетевому обществу свойственны собственные формы ostracism. Такие социальные практики наследуют известным в разных культурах традициям. Осуждение человека или группы лиц, вербализованное в социальных сетях и медиа, принимающее массовый характер, может лишить объект ostracism поддержки в профессиональном сообществе и негативно повлиять на все сферы его жизни, не только в онлайн-среде.

В то время как термин «культура отмены» возник и функционирует в общественном дискурсе как калька с английского cancel culture, понятие canceling ещё на пути русификации и используется в различных вариантах написания (канселинг, кэнселинг и др.)

Контроль за приватностью соцсетей становится проблемой. Тотальная ответственность за каждое действие и высказывание может оказывать слишком сильное давление на субъекта и приводить к отказу от ответственности как таковой и глубокому кризисам [4].

Приверженцы культуры отмены в России называют комплекс своих морально-этических взглядов «новой этикой» (связи с концепцией Эриха Нойманна здесь нет). Присутствие термина в социальных сетях и СМИ становится всё заметнее [5].

Поскольку культура отмены во многих случаях предполагает скандалы и преследование отдельных лиц за их высказывания, общество стремится осмыслить такие явления в дискурсе свободы слова и цензуры.

Сетевое общество и цифровизация открывают новые возможности для развития ритуалов позора и публичного признания вины. Актом восстановления справедливости в культуре отмены становится публичное обращение к последователям (через социальные сети) с признанием своей вины [3].

Культура отмены восходит к традиционным практикам символического лишения индивида социального статуса через более или менее успешные попытки забыть его имя. В то время как у нашего общества есть относительно свежий опыт остракизма по инициативе «сверху», кэнселлинг – это призывы бойкотировать индивида, исходящие «снизу», от народных масс.

При этом современная культура отмены предполагает не только и не столько юридическое наказание. Одной из целей общественного порицания и преследования в Сети является отказ партнёров и рекламодателей от сотрудничества с опальной личностью. Юридически и экономически культура отмены грозит медийным и высокопоставленным личностям, которые в первую очередь пострадают от того, что население «проголосует рублём».

Юридические последствия для фигурантов скандалов в рамках «новой этики» (случаи дискриминации, харрасмента) наступают гораздо реже, чем в международной практике [1].

В своих радикальных проявлениях культура отмены может привести к нападкам на уважаемого и политкорректного индивида за его действия или высказывания многолетней давности. В иных случаях это приводит к расследованию или по крайней мере правовой оценке преступлений, совершённых много лет назад. Такие примеры тесно связывают культуру отмены и новую этику с рисками цифровизации общества.

Литература:

1. Абрамкина, О.М. Институт репутации в современной России. перспективы развития // Скиф. 2020. №5-1(45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-reputatsii-v-sovremennoy-rossii-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 15.03.2021).

2. Коновалова, О.Ю. Новые языковые образования как отражение социально-экономических реалий // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. №3. С. 7-12.

3. Фохт, Е. Ритуал вины и позора. Почему в России процветает культура извинений на камеру [Эл. ресурс]: BBC News. Русская служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56374364> (дата обращения: 10.03.2021).

4. Труфанова, Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privatnoe-i-publichnoe-v-tsifrovom-prostranstve-razmyvaniye-granit> (дата обращения: 10.03.2021).

5. Сазонова, Е. Что такое «культура отмены». Главная тема недели – кэнселлинг и «новая этика» [Эл. ресурс]: РБК Тренды. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f1f41f629a7947a2dd971850> (дата обращения: 10.03.2021).

Макарова Наталия Яковлевна

к.пед.н., доцент, декан факультета журналистики

Российский государственный гуманитарный университет

СОБЛЮДЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИТИ-ШОУ

На протяжении трех последних десятилетий в профессиональной и общественной среде сложилось двусмысленное и стереотипное отношение к реальности. Этот продукт давно уже стал феноменом телевизионного творчества и вызвал огромный, но неоднозначный резонанс.

Несмотря на свою «социальную природу» реалити-шоу является развлекательным жанром, где участники преодолевают препятствия в непривычных условиях. Зритель является наблюдателем – он оценивает поведение героев, ситуации в которых они находятся, психологические состояния.

В медиaprостранстве достаточно часто встречаются ситуации, обусловленные нарушением профессиональных этических норм. Особенно в «развлекательной журналистике», где «стираются» этические границы. В реалити-шоу герои проектов не журналисты, поэтому на них такие принципы не распространяются, но сама программа является журналистским продуктом, а значит – авторы программы несут ответственность за нарушение этических норм.

«Пацанки» – реалити-шоу на телеканале «Пятница!», в котором участницы с помощью преподавателей проходят этапы преобразования. Цель данного проекта – помочь молодым девушкам, которые столкнулись с определенными проблемами. Ученицы должны прислушаться к наставлениям преподавателей, пройти испытания и получить звание леди.

Ряд принципов Медиаэтического стандарта и Хартии телерадиовещателей легли в основу анализа реалити-шоу на предмет соблюдения этических норм:

1. Право на уважение частной жизни. Оно представляет собой возможность жить по личному усмотрению при минимальном внешнем вмешательстве в нее. Это право касается личной, семейной и домашней жизни, физической и духовной неприкосновенности, чести и репутации [1].

2. Отказ от показа либо описания в телерадиопрограммах чрезмерной жестокости и насилия: излишне натуралистичный, детальный и неоправданный показ сцен издевательств над людьми и животными с использованием физического насилия, а также сцен последствий преступлений [1].

3. Стремление к чистоте, правильности и образности языка в теле- и радиоэфире, отказ от употребления ненормативной лексики, сленговых и жаргонных выражений [2].

В каждой серии программы «Пацанки» зафиксированы нарушения, которые связаны с личным пространством участниц, что влечет за собой пагубные последствия. Героини принуждают к участию в специфических заданиях. Поэтому право на уважение частной жизни не соблюдается.

В эфирах часто транслируются побои и ранения участниц после драк, практически в каждой серии программ присутствует сцена избиваний и унижений, нарушение личных границ. Телезрители оправдывают это тем, что участницы находятся в сложных для них условиях и не контролируют вспышки гнева.

В программе «Пацанки» ведущие говорят грамотно. Участницы проекта используют нецензурные выражения в ходе всего проекта. Так как в телевизионном эфире есть ограничения, не позволяющие выпускать в эфир такую лексику, то монтажеры перекрывают их бипером. Нельзя не отметить, преподаватели стремятся усовершенствовать язык своих учениц.

В программе не соблюдают этических норм при постановке заданий участникам проекта. Организаторы часто провоцируют участниц к дракам, ссорам и обидам.

Реалити-шоу позволяет зрителям понаблюдать за жизнью других и, возможно, похих на них людей, и сделать определенные выводы относительно моральных норм.

Противоречивые действия участниц проекта могут повлиять на изменение массового сознания: аудитория может не применять такие модели поведения, а, наоборот, анализировать. Этот аспект можно подтвердить отзывами телезрителей, которые они оставляли на электронных ресурсах после просмотра шоу. В большей степени они оуждали интеллерантное поведение участниц и экспертов проектов.

Литература:

1. Медиаэтический стандарт Коллеги по жалобам на прессу. [Эл. ресурс] – Режим доступа: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty> (дата обращения: 04.07.2022).

2. Хартия телерадиовещателей. [Эл. ресурс] – Режим доступа: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/756-khartiya-teleradioveshchatelej> (дата обращения: 04.07.2022).

Миляева Екатерина Галимулловна
старший преподаватель

Южно-Уральский государственный университет

КИБЕРБУЛЛИНГ И КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кибербуллинг как способ остракизма отдельных личностей в цифровом пространстве ровесник самого интернета. Сайты, представляющие ложную, зачастую очерняющую информацию о персоне, а потом в Web 2.0 паблики и аккаунты, посвященные травле конкретного человека, запугивание и оскорбление в мессенджерах с десятков фейковых аккаунтов – все это знакомо, в основном, в теме профилактики травли в школах, но среди взрослых россиян, к сожалению, на сегодняшний день обращений в правоохранительные органы в связи с травлей в интернете очень мало. Но стоит отметить, что в российском правовом поле существует, пусть малая, но возможность противостоять как минимуму клевете – соответствующие статьи Уголовного Кодекса РФ (128.1, 163, 110, 319) позволяют наказать виновных, но предотвратить непосредственно интернет-травлю и распространение клеветы пока не могут, так как отсутствует статья, которая регламентирует наказание за кибербуллинг.

Культура отмены является прямым порождением кибербуллинга, используемого для подавления, остракизма, преследования и наказания персоны, группы или даже государства за неудобные каким-либо людям, сообществам и политическим объединениям действия. Кэнселинг некоторое время представлял собой своеобразный способ выразить недовольство деятельностью человека, недостижимого по тем или иным причинам для обычных механизмов правосудия, через массовое осуждение в блогах, социальных сетях, публичных сетевых акциях, объединяющих единомышленников, слившихся в своеобразном взыскании социальной справедливости. И если некоторое время назад «отменить» обличенную власть или славу публичную персону, избегавшую от наказания за реальные и доказанные преступления, являлось эффективным способом, заставляющим властные органы выполнить свои обязанности по поддержанию правопорядка, то некоторое время назад все изменилось. Радикальные движения под флагами борьбы за права наименьшинств, ЛГБТ или женщин стали использовать культуру отмены как способ ведения войны в цифровом пространстве. Например, MeToo и флэшмоб #янебоюсьсказать начавшись как движение за право женщин не подвергаться домогательствам и сексуальному насилию превратилось в инструмент влияния заинтересованных групп на кинокомпанию, продюсеров, политиков, бизнесменов.

В феврале 2022 года мир столкнулся с #CancelledRussia – когда все, связанное с Россией, российским народом, вкладом в наследие мировой художественной культуры, в победу над фашизмом и т.д. стало отменяться и вычеркиваться из музеев, театров, картинных галерей. На сцену вернулся популярный в годы холодной войны голливудский «клюквенный» образ «русского врага». Мощные информационные кампании, направленные на создание негативного образа России в интернет и медиа-пространстве, привели к искаженному восприятию ситуации мировой общественностью. Многие российские журналисты актеры, писатели, художники и музыканты, сохранившие и заявившие пророссийскую позицию, столкнулись с кибербуллингом со стороны западной публики. К сожалению, реальной жертвой информационной войны стала молодая девушка – общественный деятель Дарья Дугина, дочь неоднозначного, но пророссийского философа Александра Дугина, погибшая в взорванном автомобиле. Реакцией на это трагичное событие стала его отмена в западном интернете и невероятный вал самого низкопробного информационного шума в российском интернет-пространстве.

Можно ли найти способ противостоять кибербуллингу и культуре отмены используемых как способы ведения войны в цифровом пространстве? На наш взгляд, этим ответом может стать развитое критическое мышление человека, использующего цифровые средства не для пустого времяпровождения, а как расширение реальности и умеренного сопоставлять факты, анализировать информацию и имеющего собственное, обоснованное мнение, отличное от демагогических лозунгов, которые соблазняют охлос. РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Минченко Андрей Николаевич

аспирант

Челябинский Государственный Институт Культуры

**КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ КАК МЕДИАЭФФЕКТ: «ВИРТУАЛЬНАЯ ТОЛПА»
В КОНФЛИКТОГЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКАХ**

Современные медиа (так называемые «новые медиа») в значительной степени стимулируют конфронтацию между нациями, народами, религиями, обычаями и традициями. Пользователь, получивший легкий и быстрый доступ к мировым информационным ресурсам, к достоянию различных культур и питаемый иллюзией анонимности и безнаказанности, может предавать осмеянию и подвергать деструктивной критике фактически любые ценности. Во всемирной «паутине» возникли свои формы деструктивности и конфликтности, одним из вариантов которой является, в частности, практика Интернет-отмены.

Сеть дала людям возможность быстро собираться вместе и обмениваться информацией, в силу чего человек с любыми, даже самыми антигуманными и противоестественными идеями, может найти единомышленников. Никакие другие медиа, возникшие исторически ранее, не были столь эффективны в деле образования сообществ с неопределенной численностью. Поэтому в дискурсах социально-гуманитарных наук возникает представление о массе нового типа, отраженное в понятиях «Интернет-толпа», «умная толпа» (smart mob), «виртуальная толпа» [1-4].

Этот новый феномен рассматривается как сила, способная совершить «бархатную», бескровную революцию, ослабить власть правительства, ниспровергнуть политического лидера и проч., то есть осуществить отмену в различных ее вариациях [4]. Однако, специфика и парадокс «умной» толпы в том, что она не производит созидания, а, напротив, культивирует агрессию, унижение человеческого достоинства, деструктивную критику культурных ценностей, религии, верований, принадлежности к нации и расе, – все то, что может наполнять содержание различных конфликтогенных медиаэффектов, осуществляющих культурный разрыв в сфере симулякров (проекций, знаков и т. д.).

Факт того, что с приходом глобализации ни спутниковое телевидение, ни Интернет, ни «новые социальные медиа» не приблизили нас к «новому глобальному порядку» мира и справедливости, исследователи связывают именно с появлением рассматриваемого феномена. Его ключевая особенность, по мысли авторов, в том, что он, являясь порождением глобальных коммуникационных технологий, имеет органическую связь с психологией толпы прошлого [3]. Такая масса не способна к абстрактному мышлению и не интересуется ничем за пределами собственного опыта, это феномен с выраженной доминантой эмоций, способной низводить разумную аргументацию до примитивных их выражений. При этом еще и происходит усиление эмоциональной составляющей из-за повышенной доли аудиовизуального контента в современной веб-коммуникации по сравнению с более абстрактной природой слов на бумаге, а также в силу огромной скорости распространения контента.

Таким образом, перед нами антропологическая проблема, а не только социально-правовая и нормативно-коммуникативная, так как ключевой вопрос отныне не столько в том, как предотвратить деструктивность Интернет-толпы, сколько в том, как не допустить мутацию живого человека, превращающую его только лишь в медиаэффект «умной толпы» с внешне культурной и внутренне духовной саморазорванностью, как сохранить человека в полномесном человеческом измерении с рефлексивностью и пониманием своих жизненных ориентиров, смыслжизненных ценностей и установок.

Литература:

1. Еременкова Ю.И. Политическое поведение толпы в Интернете // Развитие общественных наук российскими студентами. Сборник научных трудов. 2017. С.34-37.
2. Джиган О.В. Философские аспекты использования сетевых технологий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. №1(5). С.114.
3. Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. №4. С.75.
4. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Rein/07.php

Пеннер Регина Владимировна
к.филос.н, доцент, Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Один из кирпичиков в исследовании о человеке И. Канта представляет этика. Это практическая философия, что формулирует конкретный ответ на вопрос, что я должен делать. Ответом на вопрос стал категорический императив. И. Кант использует разные формулировки императива; и все их в конечном счёте можно свести к той установке, согласно которой другой для меня всегда выступает максимой; я должен поступать с другими так, как хочу, чтобы они поступали со мной. Категорический императив И. Канта противопоставлен эго-центричной позиции Н. Макиавелли, которую тот зафиксировал в работе «Государь». В ней другой из максимы и нравственного ориентира низводится до средства. Т. Гоббс, в свою очередь, рисует ту картинку актуальной ему социальной реальности, в которой в идеале другой отменён, ибо он представляет угрозу существования я и моей собственности. Только вот отменить другого в социальной действительности не так-то просто. Проще оказалось с ним договориться, точнее делегировать часть своих прав и свобод некому незримо чудовищу (Левиафану), что взамен гарантирует права я на жизнь и частную собственность.

Как бы не хотелось и не было удобно отменить другого, по-волчьи взирающего на я и мою собственность, в XVII в. это оказалось невозможно. Проще стало оформить государство с его гражданскими институтами как посредника во взаимодействии я с другим. А вот в XXI в. эта искомая отмена обретает вполне реальные черты. Фраза «you are cancelled» становится одним из возможных форматов в общении (точнее – в обрывании контактов) с другим. Цифровая среда стала благодатной почвой для этого формата. Так сторонники движения отмены могут выразить свое несогласие с позицией отдельных лиц (прежде всего, селебрити), партий и даже целых государств (с 24 февраля 2022 г. мы наблюдаем разные по своему масштабу и объёму вовлечённых лиц волны движения «cancel russia» или «cancel russians»).

Культура отмены по природе своей есть явление неоднозначное и неоднородное. Отсюда весьма сложно его оценивать с этических позиций. Безусловно, оно не укладывается в формат категорического императива. Кем бы он ни был, другой утратил свою абсолютную ценность. Одновременно с этим культура отмены как будто нивелирует пропасть, что разделяет «право имеющих» от «тварей дрожащих». Перед лицом публичной отмены равными оказываются все, вне зависимости от своих статусов и регалий. По той причине, что отмена другого осуществляется в специфических цифровых условиях, кажется перспективным выстроить пролегомены к ней в параллели с осмыслением других цифровых феноменов, в том числе, умной толпы (Г. Рейнгольд) и цифровой грамотности (П. Гилстер, Дж. Ланье).

РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Перова Нина Вадимовна
инженер-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИХОТОМИЯ МОРАЛЬНОГО АГЕНТА КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

В обществе «культуры отмены» формируется дихотомия, в рамках которой существует только два типа статусов моральных агентов – жертва и агрессор. Либо человек позиционирует себя как жертва, либо, не сумев стать жертвой, человек становится причиной угнетения жертв – агрессором. И это общество существует для жертв, спасает их от агрессоров, помогает преодолеть травму. Агрессорам же суждено оказаться изгоями, которые моментально становятся виноватыми во всем.

Культура отмены зарождается в США в рамках создания свободного и безопасного пространства. Под лозунгом толерантности культура отмены направлена на борьбу с микроагрессией, дискриминацией и всевозможными формами насилия. Процедура

культуры отмены начинается с момента, когда кто-то указывает на чье-то аморальное поведение. Именно в этот момент происходит разделения моральных агентов на жертв и агрессоров. Сегодня культура отмены понимается преимущественно как культура цифрового остракизма, которая развивается в цифровой среде.

В целом, нравственная система США построена на общественной морали, нравственной основой которой изначально выступали, как считал М. Вебер, «религиозные секты». Включенность в них выступала необходимым условием для наделения человека статусом морального агента. Вне религиозных сект нравственности вообще не существовало. Факт принятия человека в религиозную секту выступал демонстрацией наличия у человека достаточных нравственных качеств для определения его как морального агента. Исключение из секты не просто демонстрировало безнравственность конкретного поведения, но и в целом выносило человека за пределы нравственности, тем самым лишая его статуса морального агента.

Система религиозных сект легла в основу современных светских гражданских организаций, принадлежность к которым определяет современного американца. Моральный агент, стоящий внимания и имеющий хоть какое-то значение для общества, обязательно имеет аффилиацию с какими-то общностями. В связи с этим, в случае аморального поведения, на первом месте продолжает стоять общественная мораль. Несоответствие ей, выявляемое в процессе обвинения, публично лишает человека статуса члена определенного сообщества, и вместе с тем статуса морального агента. Не имеет значения, виноват ли человек на самом деле и признает ли он свою вину, важно, что его вину признал его социум. Общественное наделение человека статусом нравственного агента носит необходимый характер, поэтому его лишение несет характер безвозвратного остракизма.

Статус агрессора сразу влечет за собой исключение агента из общества, что, в свою очередь, лишает человека статуса агента как такового, потому что без общества морального агента быть не может. В то же время, жертва оказывается нравственным центром общества, вокруг которого не только развиваются текущие события «отмены», но также оцениваются и другие агенты. Пока жертва сохраняет свой статус, она обладает силой единоличного вынесения приговора об аморальности любого агента. Этот приговор поддерживается окружающими, отчасти в силу согласия, но, во многом, потому что каждый агент боится оказаться агрессором.

Одна из опасностей такой дихотомии кроится в том, что общество лишено некоего промежуточного статуса. Любой моральный агент должен быть либо агрессором, либо жертвой. А значит, если жертва «впадает в немилость», то она не просто лишается статуса жертвы, но и сразу становится агрессором. И уже другая жертва выносит решение об исключении из общества и формировании новых критериев распределения статусов моральных агентов в пределах дихотомии.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Петев Николай Иванович
к.филол.н., доцент

Владимирский государственный университет им.А.Г. и Н.Г. Столетовых

СОЦИУМ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК СТИМУЛ ФЕНОМЕНА «ОТМЕНЫ»

Хотя сам феномен «культуры отмены» повсеместно получил распространение только в XXI веке, локально он имел место в истории человечества. Ярким примером может служить изгнание человека из племени, когда индивид нарушал какой-либо запрет или если он не исполнял свою функцию. Полной или частичной изоляции подвергались те, кто приобретал статус «нечистого» в рамках архаических религиозных представлений. В различные периоды человеческой истории в различных цивилизациях были аналоги «культуры отмены», однако такое массовое и масштабное распространение это явление получило в настоящее время. Тому есть ряд причин различного

характера. Во-первых, это появление нового типа индивида – массового человека. Масса ненавидит всё то, что не является ей, и не готово с этим ужиться [1, с.78]. Она готова применять любые средства насилия, чтобы избавиться от любой своей оп-позиции. Во-вторых, эпоха потребления стремится избавиться от всего, что не является потребляемым или перестало быть таковым. Человек превратился в пассивного потребителя, для которого целью является не удовольствие от чего-то, а само потребление [3, с.99-100]. Человек в настоящее время потребляет другого человека. Это приводит к тому, что потребляемый теряет статус индивида. Он становится вещью, от которой можно легко избавиться («выкинуть» из диапазона своего взаимодействия), когда она теряет свою актуальность или у субъекта исчезает интерес. В-третьих, для современного индивида характерными являются такие черты личности как некрофилия и садизм. Первое предполагает тенденцию к превращению живого в неживое и интерес к чисто механическому [2, с.430-431], а второе – страсть к абсолютной и неограниченной власти над другим [2, с.410]. Это подобно аспекту потребительства сводит статус индивида, на которого оказывается действие до простой вещи, со всеми вытекающими из этого отношения и поведения по отношению к нему. В-четвертых, пролиферация и полиморфность моральностей приводит к деформированным нравственным отношениям. Ещё Ницше Ф. указывал, что нет недостатка в том, что поступки людей определяются различными моральями [4, с.186]. Однако в действительности полиморфность «моралей» привела к нравственному и экзистенциальному вакууму, что привело к спекуляции нормами и правилами для достижения собственных целей. В-пятых, особое значение для культуры имеет формирование искусственной мифологизации, которая сама производит особую область, в которой прибывает индивид, определяя его сознание, поведение отношения и ценности, в т.ч. нравственные. В-шестых, гиперболизация значения технического прогресса и влияние на индивида цифрового пространства. Это лишь некоторые факторы, которые становятся плодотворной почвой для «культуры отмены». Но что же сама мораль? Разве оно может позволить по прихоти, ради развлечения или под гнётом социально-политической популярной темы произвести аксиологическую девальвацию личности, группы или нации? Нет. Именно поэтому она была заменена на некий современный аналог. Им является толерантность, которая не имеет ничего общего со сферой нравственности, а представляет собой искусственный миф, преследующий любые, но не нравственные цели.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018. – 256 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. – 624 с.
3. Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С.97-104
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Издательство «Э», 2018. – 320 с.

Погожина Наталья Николаевна
старший преподаватель

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
ОТМЕНА РАДИ ОТМЭНЫ:

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА КЭНСЕЛ-КУЛЬТУРЫ

Рассуждая о генезисе социального протеста немецкий социолог Н. Луман употребил характеристику этого явления как «восстания» общества против общества [1].

На наш взгляд, это отлично описывает современное положение дел в рамках «культуры отмены» – самозамкнутость – коммуникативную практику «отмены» и наращивания масштабов и интенсивности применения кэнселинга, как итог, «обуюдоострую» ситуацию, порождающую публичное обсуждение отмены самой «отмены», и способствующую ревизии современного общества как на предмет связи практики отмены с капиталистическими товарно-денежными формами, так и левым идеологическим базисом.

Фактическое исключение человека или группы из публичного пространства – явление не новое и хорошо известно в истории на примере афинского «суда черепков», скандинавского изгнания из общины (utlagi), дуального решения фемических судов, или, например, символическое – обряд наделения грехами и изгнания животного (ветхозаветный козел отпущения). Однако современный кэнселинг базируется на некоторых специфических позициях, которые необходимо учитывать при анализе развертывания явления. Также интересно осмыслить, сколько в культуре отмены сегодня принципиально нового, или это все же иная форма старого содержания – обличения и исключения.

Появление современного кэнселинга связано с использованием массового доступного интернета, и именно эта форма, сетевой характер, позволяет подпитывать и масштабировать шквальную обратную связь на любое действие. Также сетевой характер коммуникации отражается в отсутствие иерархической структуры культуры отмены. Мы можем говорить о более или менее отдельных кейсах, но не об упорядочивании – социальных движениях и лидерах в традиционном понимании. Более того, интернет хранит и дает возможность искать почти любую информацию, то есть промахи, спорные высказывания, проступки и даже серьезные преступления подсвечиваются ретроспективно. Очевидно, это является дополнительной стимуляцией жажды поиска, азарта, помимо возможности вынесения морального приговора, то есть включает в коммуникацию, наделяет акторов субъектностью, с одной стороны, но с другой – оставляет пространство анонимности и относительной безопасности к размещению гнева и других ярких и социально-неудобных чувств [2].

Отдельного внимания в обсуждении цифрового характера коммуникации отмены заслуживают площадки для этой коммуникации – необходимо учитывать внутренние алгоритмы работы социальных сетей, рекламу, и, например, конвертацию времени, проведенного за поиском и прочтением «твитов», повлекших отмену, в деньги корпораций, владеющих платформами [3].

Системное рассмотрение кэнселинга заставляет задуматься об эффективности процедурных методов и сравнить кэнселинг с современным сетевым протестом (протестом ради самого протеста).

Литература:

1. Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. М.: Издательство «Логос», 2011. – 640 с.

2. Vogels E.A., Anderson M., Porteus M., Baronavski C., Atske S., McClain C., Auxier B., Perrin A., Ramshankar M. Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment. 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/> (дата обращения 28.09.2022).

3. Haskell S. Cancel culture: a qualitative analysis of the social media practice of canceling. Boise State University, 2021. URL: <https://scholarworks.boisestate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2984&context=td> (дата обращения 28.09.2022).

РНФ №22-28-00927 «Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии».

Полякова Ирина Павловна

д.филос.н., профессор, проректор по учебно-воспитательной работе

Липецкий государственный технический университет

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

«Культура отмены» изначально рассматриваемая как способ политического давления и навязывания, а также как способ социального регулирования проникла и в повседневную жизнь человека. Нельзя сказать, что это новое явление в общественной жизни, так как социальная изоляция в больших группах, бойкоты и игнорирование в малых группах в тех или иных формах и масштабах присутствовали в различных обществах в различные эпохи. При этом субъектом отмены мог стать как отдельный человек, так и группа, и даже государство. Отмена может носить временный характер,

но промежутки может быть самым разным вплоть до полного забвения. Ущерб от отмены также может быть разным от экономического до морального. Если субъект отмены не принимает принципов новой этики, а, напротив, транслирует диаметрально противоположные убеждения, он подвергается остракизму. Жертвами остракизма в XXI веке изначально стали знаменитости, обвиненные в сексуальных домогательствах, домашнем насилии, гомофобии и пр. проступках против ценностей современного демократического общества.

Приговор общественности наносит существенный удар репутации субъекта отмены и кардинальным образом влияет на его повседневную жизнь. Если под структурой повседневной жизни понимать ее три ключевые сферы: труд, быт и досуг, то после «отмены» они уже не будут прежними. Культура отмены подразумевает разрушение карьеры еще до осуществления правовой процедуры с лицами, запятнавшими свою репутацию разрываются рекламные и трудовые контракты, различные формы сотрудничества и прочее. С людьми разрываются социальные связи, прерывается общение, что трансформирует и бытовую и досуговую сферы жизни. Кроме того, отмене могут подлежать произведения, песни, фильмы, даже детские передачи и мультфильмы, если в них будут обнаружены неэтичные, нетолерантные заявления. Самым негативным следствием отмены является стихийное превращение ее в травлю, когда воспитательное воздействие превращается в преследование и может привести человека к суициду. Кроме того, в подобной ситуации каждый может почувствовать себя не в безопасности и боится свободно выражать свою точку зрения, которая может вызвать социальное неодобрение, что нарушает свободу слова.

«В США происходит повсеместная деколонизация образовательной программы, – рассказал профессор Хилл. – Отменяются целые учебные курсы. Отменяется Еврипид, отменяется Шекспир, отменяется Аристотель, отменяется Платон. Все канонические фигуры в университетах либо отменяются, либо преподаются с оговоркой, что их сейчас деколонизируют». Самого Хилла «отменили» за то, что во время занятия он процитировал известное изречение Цицерона: «Философия – мать всех наук». Одного студента возмутило использование слова «мать», и он заявил профессору, что рожать могут не только женщины, но и мужчины-транссексуалы. Хилл, в свою очередь, возразил, что транссексуалы могут рожать детей только при сохранении у них женской репродуктивной системы. «Словно по миному полю ходишь – никогда не знаешь, что из сказанного тобой может показаться оскорбительным кому-то из твоих студентов», – отмечает он [https://lenta.ru/articles/2021/11/10/cancel_culture/].

В итоге преподаватели не знают как себя вести со студентами, работодатели с подчиненными, люди в повседневной жизни перестают доверять окружающим. Однако данное социальное явление только набрало обороты и в ближайшее время культуры отмены отмены нам не следует ожидать.

Рыбалко Михаил Николаевич
обучающийся бакалавриата
Салганова Елена Ивановна

к.соц.н., доцент, зав.каф. социологии

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ ОТМЕРЫ В ИСКЛЮЧЕНИИ ОБЩЕСТВОМ КОМПАНИИ ВКУСВИЛЛ

В самой ситуации, связанной с торговой сетью ВкусВилл [1], все события начинались по типичным лекалам западного образца, но в результате отношение российского общества сложилось в традиционалистском континууме, и которое еще раз было отмечено более прогрессивными представителями общественности. А вследствие, ВкусВилл начал нести квартальные убытки в виду падения спроса – понижения репутации [2].

Из данного события можно вывести несколько умозаключений о самом феномене. Первый вывод исходит из раскалывания структуры российского общества [3]. Чем больше в нашей жизни происходит неоднозначных событий, попадающих в соцсети или новости, тем больше о них узнают разнообразные люди, тем больше будут высказываться неоднозначные мнения об этих событиях, которые будут сталкиваться. Наше общество всё больше дезорганизуется и распадается на отдельные «нравственно-правильные» группы. Причем на этот процесс определяется от силы внутригрупповой солидарности, то есть феномена – поиска своего внешнего врага [4]. Всё это распространяемо и на зарубежные похожие случаи [5]. Следующий аспект состоит в проявляющейся сути самого обсуждаемого феномена культуры отмены. В любой другой похожей ситуации, когда объектом отмены был кто-то или что-то, обязательно находились люди с противоположным мнением, которые говорили о неоднозначности ситуации. Так, так ли необходима молниеносная отмена кого-то или чего-то? В этом и проблема этого феномена [6]. Изначально весь феномен носил чисто позитивный характер, когда на возникающий проступок или преступление, сплотившееся общество обращает внимание и перестает поддерживать морально и финансово [7]. Но со временем в реальности это перестало получаться. Как раз таки в виду причин первого вывода, то есть развитием СМИ и интернета. Помимо быстрой реактивности отмены, существуют и другие проблемы, тающиеся в сути этого феномена. А именно противоречие в истинности информации, доносимой общественности, а также субъектность объекта отмены [5]. И это, уже не говоря о финансовых, репутационных и психологических проблемах самих объектов отмены, из-за частой травли их после реакции общества [8]. Всё это является кругом проблем, изучаемых в концепциях социологической идеи.

Литература:

1. РБК, О чем говорит реакция общества на скандал вокруг «Вкусвилла». Эл. ресурс. URL: <https://style.rbc.ru/life/60e41f329a79470a4300641d> (Дата обращения 26.09.2022).
2. Ведомости, «Вкусвилл» впервые за пять лет закончил год с убытками. Эл. ресурс. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/03/30/915956-vkusvill-zakonchil-ubitkami> (Дата обращения 26.09.2022).
3. Рассадина Т.А. Гражданское общество в современной России: некоторые тенденции, проблемы, факторы формирования / Т.А. Рассадина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т.16. №2. С.129-133.
4. Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А.Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.
5. Субботина М.В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции / М.В. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №3(95). С.34-37.
6. Филиппович Ю.С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» / Ю.С. Филиппович, Г.С. Стрекалов // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. №1(26). С.36-41.
7. Быков И.А. Культура отмены в политическом дискурсе современной России/ И.А. Быков, Ю.Д. Ахмедова – Текст: непосредственный // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т.1, №1. С.14-26
8. Васильева М.А. Культура отмены в современном обществе / М.А. Васильева // Вести научных достижений. 2020. №10. С.31-33.
РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Резвушкина Софья Александровна
преподаватель

Южно-Уральский государственный университет

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ. МИФ О ГЕРОСТРАТЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ.

Культура отмены – относительно недавний феномен в современном медиадискурсе. Всплеск публикаций, посвящённых этой проблематике приходится на 2020–2021 год в связи с обвинениями писательницы Дж. К. Роулинг в «трансфобии» [4]. Традиционно культура отмены понимается как форма остракизма, для которой характерно лишение человека (или группы лиц) поддержки и последующее осуждение (вплоть до культурного бойкота) их профессиональным или социальным сообществом, как в виртуальной, так и в реальной среде [3].

Возникновение культуры отмены часто связывают с появлением snowflakes generation, для которого характерен культ безопасности, политкорректности, личных границ, а так же нетерпимости к взглядам, отличающимся от их собственных [5]. Для этого поколения также характерен примат виртуальной среды над реальной – они предпочитают высказывать свои взгляды в интернете, консолидируясь в единое интернет-сообщество, отменяющее или легитимирующее тот или иной феномен.

Однако, в этой связи возникает вопрос: насколько реальна культура отмены в цифровом обществе? Можно ли «отменить» человека, имеющего цифровой след и продолжающего коммуницировать посредством социальных сетей? Более того, можно ли предать забвению человека, если для его «отмены» требуется массированное упоминание этой персоны в цифровых СМИ и придание максимально широкой гласности его «неправильного» поведения?

Такая стратегия группового поведения невольно наталкивает на мысль о Герострате и мифе, связанном с ним. Ведь получается, что каждый, кто хоть раз публично упомянул имя отменяемого в цифровой среде, невольно становится Феопомпом, сохраняющим память о том, кого следует забыть. Решением этой проблемы кажется «право на забвение», позволяющее человеку потребовать удаления своих данных из общего доступа, через поисковые системы [1]. Однако в этой ситуации велика вероятность возникновения «эффекта Стрейзанд», который приведёт к более широкому распространению «отменяемой» информации.

В этой связи становится очевидным, что культура отмены и её проявления в цифровом пространстве нуждаются в большей рефлексии, корректировке механизмов и терминов. В текущем же состоянии она остаётся пересказом известной истории: «Греки так хорошо знали этот наказ, что можно было любого из них ночью разбудить и спросить: «Кого ты должен отменить?» И он, не задумываясь, ответил бы: «Безумного Герострата» [2, с.39].

Литература:

1. Европейская комиссия. информационный бюллетень о «праве на забвение»: офиц. сайт / Европейская комиссия. – Брюссель, 2022. – URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection_en (дата обращения: 28.09.2022).
 2. Тэффи Н.А., Древняя история / Н.А. Тэффи // Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»: [сб.]. – Л.: «Советский писатель», 1990 г. – 352 с.
 3. Hooton C. Read Bret Easton Ellis' excoriating monologue on social justice warriors and political correctness. /C. Hooton // The Independent: [сайт]. – URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/read-bret-easton-ellis-excoriating-monologue-on-social-justice-warriors-and-political-correctness-a7170101.html> (дата обращения: 28.09.2022).
 4. Lewis, S. J.K. Rowling facing backlash after supporting researcher who lost her job over transphobic tweets. / S. Lewis // CBS News: [сайт]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/jk-rowling-maya-forstater-backlash-support-researcher-fired-over-transphobic-tweets-2019-12-19/> (дата обращения: 28.09.2022).
 5. McDermott, J. Those People We Tried to Cancel?. They're All Hanging Out Together / J. McDermott // The New York Times: [сайт]. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html> (дата обращения: 28.09.2022).
- РНФ №22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Романов Иван Юрьевич
аспирант

Волгоградский государственный университет

ФОРМЫ АРГУМЕНТАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ

Глобализированный мир гетерогенен и переусложнен, в условиях сохранения модели общества потребления, он ставит субъекта в позицию активного поиска упрощения восприятия окружающей действительности. Данная проблема в обществе модерна нивелировалась наличием сверхидей, метанарративов, которые давали субъекту четкие моральные и этические ориентиры. Во второй половине XX века, наметилась тенденция к разрушению метанарративов, которые окончательно были закреплены движением постмодерна.

Тяга к упрощению восприятия социальной и политической действительности вылилась в различные формы поиска утраченного метанарратива. Моделью, реализация которой может привести к обретению чувства порядка, стала реинкарнация марксистских постулатов о социальной справедливости. Данный концепт, органично вписался в послевоенное социальное пространство, отходящее от шока, вызванного специфической политики Германии, базирующейся на идеях превосходства одних социальных групп над другими.

Тенденцией в послевоенной Европе стала идея восстановления социальной справедливости, реализующаяся через перевернутые принципы «бремени белого человека», выраженной в форме коллективной ответственности и чувстве вины. С Второй половины XX века, в связи с развитием информационных технологий и новым витком активистского движения, данная интенция приобрела форму квази-метанарратива – новой этики.

Одним из актуальных элементов новой этики является культура отмены, ставшая современной формой остракизма. Остракизмом она является из-за специфики воздействия на социальную сферу «отмененного» субъекта, выраженная в форме разрыва социальных связей с ним. Особенностью культуры отмены является тот факт, что она, подобно остракизму, существует только в политическом пространстве. Поощрение данных практик в современном мире используются политиками для набора голосов потенциального электората. Сфера борьбы за социальную справедливость является привлекательной для населения в условиях усталости от гомогенного пространства общества потребления. Приобретая современную форму экзомологезы, сплачивает общество вокруг «понятной», «простой» идеи социальной справедливости.

В связи с этим возникает вопрос: «какие аргументы являются достаточным основанием для запуска процессов культуры отмены?». Выстроенная этическая и моральная модель предполагает аргументацию к текущей политической повестке, которая является достаточным основанием в дискурсе культуре отмены. Политическая повестка создает нормы морали, культура отмены политически обусловлена, в том числе и в разрезе этики. Однако, спецификой политической повестки является ее динамизм, из чего следует, что и аргументация в вопросах применения инструментов культуры отмены динамична, непостоянна.

Салиева Людмила Казимовна
к.филол.н, доцент

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИБРЕНДИНГА

Культура отмены как разновидность остракизма явление по сути не новое, однако по типу осуществления представляет собой феномен информационной эпохи, поскольку базируется на использовании СМК.

Возникнув во многом стихийно, культура отмены стала эффективным инструментом политического антибрендинга. Под последним в докладе понимается коммуникационная кампания, целенаправленно проводимая государством для дискредитации

международного имиджа другой страны и снижающая потенциал «мягкой силы» последней. [1]

В аспекте антибрендинга задачами отмены русской культуры в условиях нынешнего противостояния России и стран Западной Европы и США по меньшей мере выступают дискредитация имиджа: 1) лидера страны, 2) деятелей культуры, признанных во всем мире, 3) России и ее народа.

Политика отмены русской культуры, нацеленная на нанесение ущерба культурному компоненту имиджа России, уже на протяжении ряда десятилетий направлена в основном на классическую составляющую имиджа. Причину этого мы видим в следующем. Согласно индексу национальных брендов Anholt-GfK, главной опорной бренда России является ее культурное наследие. Саймон Анхольт рекомендует укреплять именно этот компонент в национальном бренде России. [3]

Таким образом, в силу того, что положительный образ России во многом базируется на культурном компоненте, этот аспект заслуживает особого внимания со стороны России в плане его укрепления, но с другой стороны, именно он становится мишенью для антибрендинга России.

В качестве примера попыток отмены русской классической культуры в предыдущие десятилетия можно привести дискурс вокруг творчества писателя В. Сорокина. В частности, на заседании Премии НОС 2010 г. во время обсуждения повести «Метель» члены жюри заявили, что поскольку тему метели мы находим в произведениях практически всех великих русских писателей, то можно считать, что «эта книга Сорокина закрыла школьный учебник русской литературы 19 века», о которой теперь уже можно и не вспоминать. [2]

Литература:

1. Браун Д. Антибрендинг России в американских медиа освещение сочинской олимпиады // Международные процессы. 2018. Т.16. №2. С.91-121. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/2017/aYoNUh9Qmj.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

2. Премия «НОС»: финальные дебаты /01/02/2011. Видеозапись дискуссии жюри, экспертов и публики в Политехническом музее. OpenSpace.ru. Архив. [Эл. ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/mediathek/details/20216/> (дата обращения: 03.10.2022).

3. Россия заняла 20-е место в мире. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.advertology.ru/article39114.html> (дата обращения: 03.10.2022).

Сковородко Александр Денисович
обучающийся магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им.Н.Г. Чернышевского

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

1. Культура отмены (далее КО) является формой общественного порицания и ostracизма. Её существенными характеристиками будут: а) действие «снизу», когда общество самостоятельно инициирует и применяет санкции к провинившемуся лицу, не всегда доводя дело до судебного вмешательства; б) КО является по преимуществу феноменом цифровой эпохи, а «канселинг» осуществляется, в первую очередь, в интернет-сети.

2. Несмотря на упреки, звучащие со стороны противников нового явления, в неопределённости и противоречивости (как один из элементов сегодняшней борьбы за социальную безопасность и справедливость, свободу самовыражения, КО своими методами и исходными посылками губит то, что пытается построить и т.д.), КО обладает собственной логикой, которая может быть описана через апорию «автоиммунной демократии» Жака Деррида. Суть последней заключается в том, что демократическая свобода становится возможна только через исключение того, что представляет и угрозу такой свободе, и одновременно, является необходимым условием и возможным

следствием этой последней (пример с демократическими выборами в Алжире 1992 года, которые были приостановлены из-за возможности пришествия к власти консервативных сил, угрожающих демократии). Тем самым не только демократия становится невозможной за счёт того, что делает её же осуществимой, но и сама «отменяющая» сила превращается в то, что она стремилась исключить [1, с.33-35].

3. Соответственно, в своей политике КО руководствуется тем, что можно было бы назвать «принципом допустимой (цифровой) демократии» (а также свободы, безопасности и справедливости), видя в тех, на кого она направлена, потенциальную угрозу. Интернет, главная платформа для КО, является одним из мест для реализации демократических свобод выражения. Однако некоторые высказывания и лица в нём отныне подлежат ограничению (блокировке аккаунтов, удалению высказываний, игнорированию или порицанию) ради поддержания и сохранения уровня «достаточной» свободы и безопасности.

4. Двусмысленностью такого подхода объясняется не только всеобщая обеспокоенность явлением КО, но и существующий в рядах её сторонников разлад, когда «отмене» подвергаются лица, поддерживающие данное явление, либо когда к практике «канселинга» прибегают те, на кого она в первую очередь направлена – придерживающиеся консервативных позиций. Эта хаотичность, неиерархичность КО есть следствие пертурбации, которой были подвергнуты понятия свободы, равенства, безопасности, но также оно связано со структурой цифровой демократии и демократии как таковой. Обе представляют собой неустойчивую и всё же саморегулируемую сеть, в которой любые властные запретительные претензии, если и остаются всегда чем-то возможным, всё равно могут быть оспорены и поставлены под сомнение кем и откуда угодно [1, с.155]. Не принадлежа, таким образом, никому, КО сама оказывается «расеяна» по сети, будучи способна обернуться на любого, включая своих сторонников. Споры вокруг КО обвязаны своей напряженностью этой сетевой структуре, в которой слова «свобода» и «демократия» отныне не резервируются за той или иной отдельной группой (как бы та того порой не хотела), но входят в «общее пользование».

5. КО является более широким дискуссионным феноменом и должна быть осмыслена через наблюдение за современными демократическими процессами, а также за тем, как именно в публичной сфере (в первую очередь – в сети) сегодня функционируют и вращаются понятия свободы, равенства и другие – в стане и их «противников», и их «последователей».

Литература:

1 Derrida J. Rogues. Two Essays on Reason. Stanford, California: Stanford University Press, 2005. – 175 p.

Соломко Дмитрий Витальевич

к.филос.н., доцент

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

ИДЕЯ «ОТМЕНЫ» ЧЕЛОВЕКА В ДИСКУРСАХ ПОСТГУМАНИЗМА

Человек XXI века все чаще и охотнее передает свои способности и возможности технике, освобождая себя от многих видов деятельности, от решения огромного количества разнообразных задач – обрабатывать и запоминать большие данные, проводить объемные расчеты и аналитические операции, просчитывать и прогнозировать различные варианты развития событий. С помощью техники человек стремится сделать свою жизнь более безопасной, удобной и комфортной – в целом изменить ее к лучшему. Однако есть и обратная сторона техники. Человек может оказаться в пассивной позиции, перекладывая решение многих задач на технику. Облегчая свой физический или умственный труд, он может лишиться себя возможности активно развиваться, в каком-то смысле частично, а затем и полностью «отменить» себя. Отменить себя как активное действующее существо. Например, полноценно развивать свои творческие и

когнитивные способности: «Мозг должен выполнять трудные задачи» [6]. Кроме того, тенденция технизации и киборгизации человека (ярко представленная дискурсами постгуманизма, трансгуманизма, техногуманизма, иммортологии [1-4; 7]) ставит статус человека под вопрос, порождая проблему антропологической трансформации техническими средствами – проблему идентичности человека как живого человека, сохранения и воспроизводства его живого начала: «Поставили искусственный глаз, ухо и, наконец, вставили в голову чип, который делает вас умнее и быстрее. Это всё ещё человек?» [6]. Вопрос, выходящий за рамки возможностей технических наук, требующий более широкого, концептуального осмысления – философской и этической рефлексии, т. к. предметом заботы и защиты должно быть сегодня не только то, что связано с когнитивными способностями и физическими возможностями человека.

В данных условиях представляется необходимым формирование и укрепление своеобразной экологической парадигмы жизни и деятельности современного человека, связанной с тем, что приобщение к новым технологиям должно сопровождаться осмыслением как их человекоосозидающих возможностей, так и неблагоприятных рисков: низкая социализация, гиподинамия, снижение умственной активности, нарушение биологических ритмов, преждевременное старение и т. п. Требуется альтернативная технико-технологическому подходу установка мышления и деятельности человека, возвращающая понимание человека к проблеме сохранения и воспроизводства его как родового существа. Такой установкой может выступить экогуманистический подход [5].

Экогуманистический подход отражает активную позицию по укреплению ответственности человека в технико-технологизированном мире. Возвращает человека в созданный им же самим техномир как сознательного и целеустремленного деятеля (субъекта), на взаимоконформных, экологических (поддерживающих и обеспечивающих оптимальное существование различных сторон) основаниях. В настоящее время это важно, ибо отказ от субъектной функции означает отказ от активной позиции человека и по отношению к его миру, к другим людям, и по отношению к себе, а следовательно, в каком-то смысле и «отмену» человека.

Литература:

1. Барышников П.Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. №1. С.98–127.
2. Болонкин А.А. Бессмертие людей и электронная цивилизация [Эл. ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/b/bolonkin_a_a/immortalityofpeopleandelectroniccivilization.shtml (дата обращения: 25.09.2022).
3. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму [Эл. ресурс]. URL: <https://coollib.com/b/326779/read> (дата обращения: 25.09.2022).
4. Вишев И.В. Современная научная революция: переход от смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. №6. С.112–116.
5. Соломко, Д. В. Основные принципы экогуманистического подхода // Вестник Омского университета. 2021. №3. С.68–75.
6. Черниговская, Т. В. Мозг должен тяжело и постоянно трудиться [Эл. ресурс]. URL: <https://spb.aif.ru/gazeta/number/36501> (дата обращения: 20.09.2022 г.)
7. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое Литературное Обозрение, 2017. – 616 с.

Степанов Алексей Георгиевич

к. филос. н., доцент

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ (CANCEL CULTURE)

Технологической платформой обеспечившей распространения cancel culture стали информационно-коммуникативные механизмы ставшие атрибутом современной культуры социального взаимодействия. В предельно общем смысле категория cancel culture является формой внеюрисдикционной реакции локального сообщества направленной на исключение субъекта из системы социального взаимодействия за нарушение этических норм культивируемых в рамках определенной социальной группы.

Получив широкое распространение на рубеже первых десятилетий XXI века, в качестве средства общественного контроля cancel culture стала результатом эволюции определяющих институций либерального мировоззрения, таких как свобода мысли, свобода слова, неприятие любых форм и проявлений социального угнетения и неравенства и формой озвещения технологий социальной защиты общественной группы (изгнание, бойкот, социальное игнорирование и др.) от угроз её целостности и функциональной эффективности (способность обеспечить собственную жизнеспособность в качестве значимого явления социальной жизни).

Либеральный подход в исторической ретроспективе является «первой и осевой идеологией Современности» основоположники которой Д. Локк, И. Бентам, Д. С. Милль, А. де Токвиль заложили концепт безусловной ценности личности и её неотчуждаемых прав как определяющих маркеров «естественной» формы социальной экзистенции. Система свобод призвана не только обеспечить основания бытия человека, но и выступает в качестве парадигмы независимого от общества в целом и общественного мнения в частности существования. Парадигма либерализма аккумулирует систему ценностей отрицающих значение для социальной экзистенции сословных, имущественных, профессиональных, гендерных ограничений и культивирующих приверженность автономным формам взаимодействия. Философской основой либерализма является номиналистический постулат о доминировании единичного перед общим, вследствие чего интересы личности рассматриваются как приоритетные в комплексе общественных интересов. Идеалы классического либерализма предусматривали конструирование практики социального взаимодействия как системы отношений личностей, интересы которых в отношении друг друга определены их отношением к ценностям свободы и разума.

Реализация технологий cancel culture на современном этапе представляет скорее форму психо-социальных репрессий внесудебного порядка. В крайних формах выражения «культура отмены» имеет принципиальную деструктивно-уничжительную направленность, не коррелирующую с формами конструктивного влияния на объект критики. Применение технологий «культура отмены» на практике реализуется как система намеренной дискредитации публичной репутации личности посредством безапелляционной оценки степени её соответствия неформализованным, но значимым для определенного сообщества нормам, без анализа соотношения имеющихся причин и неизбежных следствий.

Ключевым фактором реализации технологий cancel culture является масштаб принуждения социальных субъектов к санкциям в отношении объекта критики. Человек существо социальное-коллективное-коммуникативное возможность быть исключенным из социума пугает сильнее, чем заявление собственной позиции. Таким образом из средства общественного контроля – что очевидно приветствуется в качестве инструмента содействия общественному воспроизводству cancel culture стала институцией ущемления естественных прав субъекта. Классический либерализм открыл миру свободу как принцип «священного» единства гуманизма и демократии. Обмирщение и вулгаризация либерального концепта составило условие его трансформации в инструментарий социальной «массы» не способной и не готовой принять любую альтернативу своим взглядам.

Субботина Мария Владимировна

к.соц.н., ассистент

Российский университет дружбы народов

ГЕРОИЗМ И КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Культуру отмены можно считать одним из самых сложных, но от того и более интересных для исследователей, социальных движений. Феномен культуры отмены заключается в «бойкотировании» определенных людей или брендов, которые транслируют идеи, отличные от идей принятых в обществе. С одной стороны, культуру отмены можно считать одним из высших проявлений демократизации дискурса, с другой стороны – это сила цензуры и нетерпимости к идеям, которые противоречат доминирующим социальным нормам [3].

Противоположным по своей сути феноменом является героизм, который, с одной стороны являет собой экзистенциальный выбор, а с другой, выступает социальной атрибуцией, так как именно общество нарекает того или иного человека героем. При этом, героизм в целом амбивалентное понятие. Такая ситуация детерминирована исторически, культуру и ситуативно: нередко действие, которое считается героическим в одной группе (например, подвиги террористов-смертников), является абсолютно отвратительным и неприемлемым для многих других. По той же причине герои одной эпохи могут оказаться злодеями в другое время, когда выясняются новые противоречивые факты или меняется трактовка прежних [2].

Исходя из этого, возникает потребность изучения феноменов героизма и отмены в связке. Два этих явления находятся, условно, на различных полюсах шкалы социального одобрения, при этом, имея намного больше общего, чем кажется на первый взгляд. Дискурсивные/медийные механизмы конструирования образов «героев» и тех, кого общество, условно, нарекает «злодеями» схожи, поскольку современная массовая культура в принципе основана на определенном наборе дискурсов и форматов визуальности. Помимо этого, зачастую, происходит подмена понятий и люди относят к героям «лидеров мнений» в трактовке П. Лазарфельда, которые, «оступившись» молниеносно становятся жертвами культуры отмены [1].

Литература:

1. Дмитриев А.Н. Опыт сотрудничества П. Лазарфельда и Т. Адорно в исследовании массовой коммуникации // Социологический журнал. 1997. №3.
2. Heroism and Wellbeing in the 21st Century. Applied and Emerging Perspectives / Ed. by O. Efthimiou, S.T. Allison, Z.E. Franco. Routledge, 2018.
3. Joseph Ching Velasco You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purgings. Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities Vol. 12, No. 5, 2020. 1-7 p.

Суслов Иван Владимирович

к.соц.н., научный сотрудник

Саратовский национальный исследовательский государственный университет ЛЕНИН, КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЯН (АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО МЕДИАДИСКУРСА)

Полноценный информационный повод вспомнить про Ленина связан с весьма специфичной для человеческой истории практикой пребывания в Мавзолее. Иностранные журналисты задаются непростым вопросом. Почему исторический деятель, который не вызывает сильных эмоций и интереса у большинства россиян и в том числе не аффилирован с действующей властью, до сих пор занимает центральное место Красной площади – символического центра государства, а также повсеместно представлен в виде памятников публичного пространства российских городов? Тем более что во многих статьях приводятся скорее отрицательные путинские характеристики деятельности Ленина.

Летом 2020 года в связи с борьбой части американского общества против неправильных памятников повысился интерес западных журналистов к исторической политике российских властей, отказавшихся выстраивать единый нарратив о прошлом через критику революционного прошлого и Ленина в частности.

Ленина вспоминают в зарубежных статьях, посвященных украинской политике декommунизации, широко обсуждаемой в иностранной прессе. Таким образом, Ленин неожиданно для белопатриотов оказывается символом русского мира. Другими словами борьба с российским влиянием в иностранной прессе связывается с разрушением советских памятников.

Про ленинопад на Украине пишут также и зарубежные журналисты, освещающие борьбу с «неправильными» памятниками в США. Рассуждения о сносе памятников в США и необходимости современной борьбы с Россией через демонтаж памятников Ленину могут удивительным образом пересекаться.

Таким образом, в июне 2020 года журналисты вспоминали про памятники, которые стоят в России в разгар борьбы против памятников историческим деятелям, которые не вписались в актуальную BLM-повестку в США. Лениностояние в России и отказ российских властей выстроить единый нарратив о прошлом, тем самым понизив уровень разобщенности общества, с одной стороны, удивляет зарубежного наблюдателя, с другой стороны, дает повод восхищаться нетипичным сегодня историческим плюрализмом российского массового сознания и политики памяти.

Опыт лениностояния в России, подчеркивающий плюрализм исторической памяти россиян, важен западным журналистам и читателям как альтернатива культуры отмены. Очевидно, что критика таких исторических деятелей прошлого как, например, Вашингтон за недостаточные усилия в деле отмены рабства широко обсуждается в западном медиапространстве. В связи с этим сохранение памятников Ленину после разрушения СССР вызывает на Западе одновременно удивление, критику и саморефлексию.

РНФ №22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах»

Фоменков Артём Александрович

д.и.н., доцент

Нижегородский государственный университет им.Н.И. Лобачевского

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЬ» В РОССИИ:

ТРУДНОСТИ УКОРЕНЕНИЯ

«Культура отмены», по-английски называемая «cancel culture» или «call-out culture», зародилась в 2016 г. и получила в последнее время широкое распространение. Всеобщность «культура отмены» приобрела благодаря социальным сетям.

Яркий пример с канселингом в российских реалиях связан с сетью супермаркетов «Вкусвилл». 30 июня 2021 г. – последний день т.н. «Месяца гордости» – сеть опубликовала в соцсетях рекламу с однополкой семьей. Уже 2 июля пост и статья были удалены. При этом же по сути декларировалось, что эта реклама была плодом ошибки персонала из числа занимающихся связями с общественностью в компании, но не официальной позицией всей организации.

Другой пример – попытка «отменить» сеть «Тануки». В данном случае мы будем писать не про «Мужско государство», признанное экстремистским, а про Евгению Голомуз, являющуюся главным редактором (редакторкой) журнала «Ресторанные ведомости». Причина «отмены» заключалась в вызывающем сексизме «Александра Орлова – владельца сети «Тануки». В результате были сорваны «гастроли» нескольких видных шеф-поваров. Однако в целом проведенная в западных традициях попытка «отмены» закончилась ничем.

Наличествуяют и успешные примеры канселинга в российских реалиях. Связан один из них с актрисой Региной Тодоренко. За неоднозначное высказывание о жерт-

вах семейного насилия она была подвергнута критике, а её рекламные партнеры разорвали с ней контракты. Важно отметить, что большая часть брендов была не российского происхождения.

Ещё один пример, также с нашей точки зрения являющийся характерным, связан с К.А. Собчак. Последняя опубликовала 7 июня 2019 г. видеозапись того, как в Лос-Анджелесе во время протестов грабят модный магазин. При этом на фоне черного квадрата звучала песня «Убили негра» группы «Запрещенные барабанщики». Пост ведущая сопроводила подписью «Миннеаполис, я с тобой. Смотреть со звуком». Собчак написала, что происходящее в США кажется ей неправильным и что поддерживать такие агрессивные и насильственные протесты она не готова. Немецкий производитель автомобилей Audi присоединился к протесту против расизма – и разорвал контракт с телеведущей, которая была лицом бренда в России на протяжении последних восьми лет. В компании заявили, что «некоторые публикации Собчак... прямо противоречат такой политике компании» [1].

Важно также и ещё один аспект: не связана ли лёгкость «отмены» с большим выбором (это касается как брендов, так и людей)? Большие возможности выбора порождают и большие же возможности для принципиального отказа. В Российской Федерации в ряде случаев люди лишены столь большого выбора, а потому участие в канселинге – даже гипотетическое – может причинить немало неудобств в повседневной жизни.

Наконец, ещё один немаловажный с нашей точки зрения аспект. В России пока ещё не так сформирован институт репутации, как в странах Запада [2, с.37]. Соответственно, лицо – в том числе и публичное – в ряде случаев никак не пострадает от факта обнародования нарушения им обязательств, взятых в рамках канселинга того или иного бренда etc.

В целом же все вышеизложенные нами обстоятельства и препятствуют укоренению канселинга в современном западном варианте в отечественных реалиях.

Литература:

1. Нижельская О., Струкова Т. Расизм в черном квадрате. Почему Audi отказалась от сотрудничества с Собчак. – URL: <https://360tv.ru/news/tekst/rasizm-v-chernom-kvadrate/> (дата обращения – 04.05.2022).

2. Пахомова Е.А., Резанова Н.И., Фоменков А.А. Правовая культура россиян и неформальные институты // Гражданско-правовая культура России: Прошлое и настоящее. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 2020. С. 35-39.

3. Плохой мальчик. Почему ресторатор Орлов строит репутацию на хайпе и открывает проекты в Лондоне и Дубае. – URL: <https://www.afisha.ru/restaurant-news/plohoi-malchik-pochemu-restorator-orlov-stroit-reputatsiyu-na-haipe-i-otkrivaet-proekti-v-londone-i-dubae/> (дата обращения – 04.05.2022).

4. Скандал с Региной Тодоренко приобрел глобальные масштабы. – URL: <https://www.moirebenok.ua/novosti/skandal-s-reginoy-todorenko-priobrel-globalnye-masshtaby/> (дата обращения – 04.05.2022).

5. Фомина Е., Резникова К. О чем говорит реакция общества на скандал вокруг «Вкусвилла». – URL: <https://style.rbc.ru/life/60e41f329a79470a4300641d> (дата обращения – 04.05.2022).

Цибизова Ирина Михайловна

к.и.н., научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ФИЛОСОФИИ, ДОКТРИНЕ ВАТИКАНА И ПОЛИТИКЕ ИТАЛИИ

Феномен гипермодерна – культура отмены – давно перенесен из блогов Интернета в область культурной политики, в том числе отношение к истории.

Мыслящие люди забили тревогу: «владеющие мечом отмены пытаются стереть прошлое» в абсолютистском наивном требовании избавиться от темной стороны истории как нежелательного мусора.

Итальянский философ Ф. Дзаккури отмечает, что культура отмены родилась и развивается в США, стране, которая больше любой другой стремится компенсировать краткость своей истории обширным и зачастую неизбирательным прибеганием к монументальности. Соединенные штаты необычайно быстро воздействуют на массы посредством символической системы, замкнутой в себе, и противостоящей мелочам, направившим восстание движения «Черные жизни имеют значение» [6, с.204]. Обесценившееся совпадение или более-менее сопутствие «политически корректного» со здравым смыслом имплицитно не только запрограммированное удаление не общего для них, но и может привести к «семиотической диверсии» в отношении текста, оторванного от контекста и обреченного одновременно определяться как текст и контекст в галлюцинации автореференциального избирательства [6, с.206].

Выделяет несколько «столпов» культуры отмены: цензура текстов и фильмов (и в это связи вопрос: что делать с «политически некорректными» фильмом и романом «Унесенные ветром», как и романами о Юге Ф. О'Коннор); «война со статуями» (памятники генералу конфедератов Р.Ли, А. Линкольну, У. Черчиллю – ментальность последних не удовлетворяет «демократическое общество»), а также полный снос или разрушение исторических памятников. Полный снос – феномен, появившийся после Второй Мировой войны в стремлении стыдливо избавиться от темного прошлого. Однако подписи Муссолини на итальянских зданиях лишь стерты, но читаемы, словно Э. Искро не разъяснил, что стирание – замаскированное подчеркивание. Мыслитель призывает включить в «битву за память», так как последняя «питается своими руинами». Осколок недостаточно для строительства будущего [6, с.207].

Д. Миланезе после пожаров в Нотр-Даме и Нантском соборе противопоставляет их как места «празднования смысла жизни» [5, с.114] «не-местам» («отсутствующим местам» / объектам пространства) М. Оже. Его пугает то, что «люди рискуют утратить даже тревожное ощущение предания огню части их жизни» [Ibidem], как и то, что «политическая корректность создала новую форму техники обнуления» [5, с.115]. Выход – в «осознание истории и темпоральности, как сущностного компонента образования и культуры» [5, с.114].

Не миновала «культура отмены» даже Папу Римского Франциска, последовательного ее противника. В энциклике «Все братья» памяти посвящен целый раздел [7, §§246-249]. Особо выделен призыв не забывать о холокосте [7, §§247], а также принцип «прощать, но не забывать» [7, §§250-254]. Из-за протеста украинской стороны (посланника в Ватикане А. Юраша и главы УГКЦ архиепископа Святослава Шевчука, не воспринявшей папского послания в совместном несении креста русской и украинкой, были изменены текст пасхального призыва и пятничного молитвенного послания, откуда убрали упоминания о России и русских [3]. Понтифик неоднократно посвящал Россию и Украину Непорочному Сердцу Марии [4]. Он против «обнуления» России, но, по его словам, мало кто на Западе его услышит. Украинские протесты следуют после слов о гонке вооружений, смерти Дарьи Дугиной [1].

Ныне в Италии лишь единицы недовольны «отменой России»: писатель Паоло Нори возмущен отменой курса лекций о Ф.М. Достоевском в Миланском университете Бикокка. «Сейчас запрещено даже быть русским, приговорённым к смерти, как Достоевский. Хочется плакать» [2]. Ряд оппозиционных партий, ученых, издательств назвали этот запрет абсурдным, как и представители партии «Братья Италии». После же прихода к власти курс изменился на прямо противоположный.

Литература:

1. Абраменко А. МИД Украины вызвал украинского нунция после слов папы римского о Дугиной // News.ru. – 25 августа 2022. – URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/europe/mid-ukrainy-vyzval-ukrainskogo-nunciya-posle-slov-papy-rimского-o-duginoj/>. – (Дата обращения 28.09.22).
2. Мальшев В. Руки прочь от Достоевского! Как пытаются отменить нашу великую культуру // Столетие. Интернет-газета. – 05.03.2022. – URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/ruki_proch_ot_dostojevskogo_527.htm. – (Дата обращения 28.09.22).
3. Мельников А. Папа Франциск в диспуте с Великим инквизитором: Понтифик не позволяет использовать Святой престол в интересах лишь одной из сторон конфликта // НГ Религии. – 19.04.2022. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2022-04-19/9_528_pope.html. – (Дата обращения 28.09.22).
4. Папа посвятил Россию и Украину Непорочному Сердцу Марии // Vatican News. – 25.03.2022. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2022-03/papa-posvyatil-rossiyu-i-ukrainu-neporochnomu-serdцу-marii.html>. – (Дата обращения 28.09.22).
5. Цибизова И.М. [Реф. ст.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2022. №2. С.113-115. – Реф. ст.: Milaneze G. *Salvare le cattedrale, un monito per l'Europa* // *Vita e pensiero*. Milano, 2020. A.103, N5. p.57-63.
6. Цибизова И.М. [Реф. ст.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2022. №2. С.204-207. – Реф. ст.: Zaccuri A. *Rovine o macerie? Il dilemma della Cancel Culture* // *Vita e pensiero*. Milano, 2020. A.103, N5. p.81-85
7. Lettera enciclica Fratelli tutti del Santo Padre Francesco sulla fraternità e amicizia sociale. – URL: https://www.vatican.va/content/francesco/it/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html. – (Дата обращения 28.09.22).

«ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

материалы круглого стола

Бондаренко Владислав Сергеевич
курсант

Сергиевская Галина Евгеньевна

к. филос. н., доцент, старший преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва

ЭТИКА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Среди множества задач, которые сегодня стоят перед Вооруженными Силами Российской Федерации, важнейшее место принадлежит проблеме формирования нравственных ценностей у военнослужащих всех рангов: начиная от солдат-срочников, проходящих военную службу по призыву, и заканчивая высшими офицерскими кадрами, призванными воспитывать в них эти чувства. Нравственные ценности человека, предопределяют его личную позицию и направление возможных действий. Поэтому вопросам морали и нравственности в Вооруженных Силах придается особое значение и уделяется много внимания.

Если проследить историю становления и формирования российской армии, то можно увидеть, что в период становления и развития отечественной государственности, в дореволюционной России основой формирования нравственности и нравственных ценностей в армии и на флоте, в военно-учебных заведениях было религиозное воспитание. Позднее, в советский период основой формирования нравственных ценностей военнослужащих, было коммунистическое воспитание, моральные нормы строителя коммунизма. После распада Советского Союза, существовавший общественный уклад с его ценностями и порядками, оказался разрушенным. Новая же государственность не обозначила ориентиры и идеалы своего развития, не предложила обществу новых ценностей, не представила государственную идеологию. Сложившаяся ситуация привела к серьезному расхождению в понимании и соблюдении нравственных установок в армейской и курсантской среде, привела к конформизму в воинской службе и как результат – к «дефициту» подготовленных офицерских кадров, способных организовать системную работу по формированию нравственных ценностей.

Сегодня, особенности воинской морали обусловлены той социальной ролью и спецификой, поставленных и исполняемых, задач, которые решаются вооруженными силами; организацией армейской жизни, характером труда, быта и взаимоотношений в воинских коллективах. Современный уровень требований, предъявляемых к боевой готовности войск, определяет повышенное внимание военной этики к формированию у военнослужащих высоких морально-боевых качеств.

Среди основных моральных категорий военной этики особое место занимают воинские добродетели. Обычно выделяют на две категории:

- качества, необходимые воину, чтобы с честью носить свое звание в любых обстоятельствах;
- качества, необходимые ему при выполнении определенных обязанностей как в мирное время, так и в военное время.

Кроме того, военная деятельность – это процесс взаимодействия индивидуальных и коллективных социальных субъектов. Мы различаем индивидуальные и коллективные добродетели. Такое деление обусловлено именно спецификой военной деятельности.

Основные индивидуальные военные добродетели:

- Ответственность;
- Дисциплина;
- Призвание;
- Мужество.

К основным коллективным воинским добродетелям обычно относят побратимство и дееспособность.

Среди специальных качеств главное место, несомненно, занимает такое личное качество как Инициатива.

В современных условиях существования нашей армии и в виду ведения специальной военной операции на Украине многократно возрастает значение духовно-нравственных качеств, определяющих профессиональную этику офицерского корпуса России. В русской армии всегда признавалось, что офицерский корпус – это особое воинское братство, сплоченное особым корпоративным духом, традициями и единым мировоззрением

Центральное место в системе моральных представлений офицерства всегда занимал кодекс офицерской чести:

«Обладать честью, во все времена, было признано необходимою для офицерского кадра. При всех остальных хороших служебных качествах офицер не может быть терпим, если он неразборчив в добывании средств к жизни и марает мундир. Кто не может возвыситься до истинного понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера, необходимейшему и первому требованию которого он не удовлетворяет». Кодекс офицерской чести призывал «ведать законы государственные и уставы воинские», быть «благородным гражданином и патриотом», сохранять верность Присяге и Знамени, «ни при каких обстоятельствах не допускать измены и предательства» и всецело следовать принципу «честь дороже жизни».

Борзенков Николай Иванович

к. филос. н., доцент

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А.В. Хрулёва

ВОИНСКАЯ ЭТИКА КАК УЧЕНИЕ О ВОИНСКОЙ МОРАЛИ. ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ

В среде общественно-политической деятельности человека правомерно выделить ее особый вид – воинскую (в мирное время) и боевую (в военное время). Воинская, бытовая деятельность по защите Отечества требует от каждого солдата и офицера проявления определенных нравственных качеств, необходимых для успешного ведения вооруженной борьбы, осуществления воинской деятельности. Та часть этики, которая посвящена изучению морали, формированию моральных требований применительно к воинской деятельности, представляет собой воинскую этику. Ее особенность заключается в том, что военная служба, тем более боевая деятельность, предъявляет повышенные требования к нравственным качествам личного состава Вооруженных сил.

Существенной стороной требований воинской этики является моральная готовность и способность осуществлять вооруженное насилие в интересах защиты народа, Отечества, готовность и способность достичь поставленных командованием целей, не останавливаясь и перед актом самопожертвования.

Воинская деятельность по защите Отечества порождает много специфического в проявлениях нравственности. Именно в этой сфере человеческой деятельности ярко проявляются моральные противоречия. Особенно в деятельности офицера-командира в боевой обстановке: с одной стороны, его моральный и правовой долг – выполнить задание командования, с другой – офицер обязан максимально стараться сохранить жизнь подчиненным. Вооруженная борьба, как известно, без жертв не происходит.

Отдавая приказ подчиненным, офицер знает, что выполняя его, кто-то из подчиненных отдаст свою жизнь.

Русская военно-этическая мысль прошла сложный и противоречивый путь. Она следовала теми же путями общественного развития, которыми проходило русское общество.

С созданием регулярной армии возникла объективная необходимость в определенной системе обучения и воспитания воинства. И она формировалась под господствующим воздействием социальной действительности того времени.

Влияние воззрений русских просветителей прослеживается в первых военных уставах Петра I. В этих военных документах нашли свое отражение идеи патриотизма, получили жизнь понятия: отечественный интерес, польза всенародная, добро общее. Наряду с ними вводятся категории воинского долга, чести, отваги.

Выше всего Петр I ставил нравственное воспитание армии. Он указывал, что все материальные условия есть не более, как ветвь для будущих плодов, корень же есть нравственный элемент. Средствами для воспитания нравственных начал в русской армии являются дисциплина, требование от офицеров твердого характера, сознательного отношения к своему долгу, а также личный пример служения Отечеству.

Следует также отметить, что в воспитании офицера в русской армии, играли огромную роль семья и семейные традиции военных династий. Понятия чести и достоинства формировались у потомственных военных с детства и обычно, затем проявлялись в армейской службе, боевых делах.

Общечеловеческие нормы морали и понятия воинской этики тесно смыкаются между собой, не иссякают со временем, не утратили они своей притягательной силы в настоящее время. В русском военно-этическом наследии есть важные, актуальные теоретические положения и практические рекомендации, необходимые для сегодняшнего этапа реформирования ВС РФ. Конечно, к их использованию нужно подходить избирательно. Следует, на наш взгляд, бережно сохранить, упрочить и развить все народное, демократическое, что питало и обогащало военную культуру России. Такой подход к прошлому военно-этической мысли как к бесценному источнику опыта, поможет понять настоящее и избежать ошибок в будущем.

К военным традициям Вооруженных Сил Российской Федерации относятся:

- массовый героизм и мужество в сложные периоды для страны;
- верность военной присяге, Боевому Знамени и Военно-Морскому флагу;
- самоотверженность и самопожертвование в бою ради достижения общей победы;
- взаимная выручка, боевое братство и войсковое товарищество;
- уважение к командиру и защита его в бою;
- презрение к трусам и предателям, предпочтение достойной смерти пленению;
- воинская доблесть;
- отдание воинских почестей погибшим в бою;
- неразрывное единство фронта и тыла, армии и народа;
- высокая бдительность;
- верность союзническому долгу в рамках заключенных договоренностей в борьбе против общего врага;
- представление отличившихся в бою к государственным наградам, пропаганда их боевого опыта;
- забота о сохранении жизней подчиненных в бою;
- гуманное отношение к поверженному врагу, населению зарубежных стран и пленным и др.

Гудов Андрей Геннадьевич
курсант

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА НА СОВРЕМЕННЫЙ МОРАЛЬНЫХ ОБЛИК ВС РФ

В условиях проведения специальной военной операции возрастает актуальность вопросов имиджа и морального облика вооружённых сил Российской Федерации, огромное влияние на которые оказывают сложившиеся за многовековую историю традиции русского офицерского корпуса. Это обусловлено не только тем, что офицеры являются значительной долей кадровых военнослужащих, но и тем, что они принимают непосредственное участие в воспитании личного состава, комбинируя методы убеждения и принуждения. Более того, воспитание в подчинённом морально-психологических, боевых качеств является прямой обязанностью любого командира и начальника.

Одним из элементов воспитания морально-психологических качеств военнослужащих является прививание им воинских традиций, «правильных» ценностей и социальных установок. К сожалению, в свете революционных событий 1917 года и последующей гражданской войны многие ценности и традиции русской императорской армии были безвозвратно утрачены, поэтому одним из способов улучшения морального облика как отдельных военнослужащих, так и вооружённых сил Российской Федерации в целом является возрождение традиций и ценностей императорской русской армии. Примером одной из таких ценностей может служить Кодекс чести русского офицера 1804 года, который можно рассматривать как формализованные собрания моральных норм, желательных к соблюдению каждым представителем русской армии. Безусловно, некоторые моральные нормы в Российской империи начала XX века устарели, а некоторые даже противоречат действующей Конституции. Возьмем хотя бы пункт о свободе совести, который противоречит одному из главных правил Кодекса чести русского офицера, знаменитому «Душа – Богу». Однако подавляющая часть, представленных в Кодексе чести русского офицера ценностей, актуальна и по сей день, например, «Береги репутацию доверившейся тебе женщины, кто бы она ни была» или «Не кути – лихость не докажешь, а себя скомпрометируешь».

Таким образом, можно сказать, что кодекс чести русского офицера нуждается в переработке и адаптации под современные реалии с сохранением фундаментальных общечеловеческих ценностей и конечно ценностей офицерского корпуса русской императорской армии. Издательство такой книги и включение её в план военно-политической работы в подразделениях и частях позволит формализовать и актуализировать основополагающие ценности и традиции с поправкой на современность, напомнить продолжателям славных традиций русского воинства как должно, тем самым улучшив моральный облик ВС РФ.

Добровидов Максим Станиславович
курсант

Сергиевская Галина Евгеньевна
к. филос. н., доцент, старший преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва

«ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ» –

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕРМИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В конце марта 2014 года эвфемизм «Вежливые люди» взорвал интернет пространство. Прежде всего это было связано с участием по возвращению Крыма военнослужащими Российской Федерации, что 17 апреля 2014 года признал верховный главнокомандующий Владимир Владимирович Путин. Почему иностранный интернет-мем так сильно закрепился за образом российской армии?

Вежливость, честь, милосердие на протяжении столетий характеризовали образ российского военнослужащего, тому есть подтверждения в истории, литературе, в памяти ветеранов, как с нашей стороны, так и со стороны противника, оказавшемуся в плену.

В романе – эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» Петя Ростов, находясь в партизанском отряде Денисова, жалеет французского мальчика – барабанщика, попавшего в плен. За столом он беспокоится, накормлен ли пленный, не обидел ли его кто. После победы над врагом Кутузов предлагает пожалеть пленных, которые выглядят «уже нищих», т.к. они «тоже люди».

Почему немцы, уже проиграв войну, боялись плена? Они боялись, что с ними будут поступать так же, как они обходились с нами. Однако рассказ ветерана войны пережившего блокаду, освобождавшего Украину, закончившего войну в Берлине Кирилла Васильевича Захарова, свидетельствует об обратном..

«И вот я в Берлине. 20-е числа апреля 1945 года. Идут бои за каждую улицу, каждый дом. Гибнут наши солдаты. В один из дней, когда огонь на время стих, я решил подкрепиться: с утра во рту не было ни крошки – такими напряженными были бои. Зашел в подворотню одного дома, развернул свой паек... И вдруг вижу, как поднимается крышка канализационного люка, передо мной предстает изможденный от голода пожилой немец и показывает на рот: есть, мол, хочу. И я... отломил кусок от своего пайка и отдал ему. Потом откуда-то взялся еще один немец, молодой, тоже изнемогавший от голода. И с ним я поделился. В общем, в этот день выдался без обеда.»

Месть не состоялась.

Приведенные истории демонстрируют неизменность традиций российского воина.

В уставе закрепленные статьи, за нарушение которых следует дисциплинарная ответственность.

- Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других. ...должны помнить, что по их поведению судят не только о них, но и о Вооруженных Силах в целом...

В повседневной жизни офицерам разрешается применять утвердительное выражение «слово офицера» и при прощании друг с другом допускается вместо слов «до свидания» говорить «честь имею»...

- Военнослужащие должны ...способствовать защите чести и достоинства граждан,

Существует и другой, неформальный свод правил, делающий офицера настоящим джентльменом. Долгое время единого писаного кодекса чести, наподобие японского «Бусидо», в России не было. Он появился в 1904-м, в год Русско-японской войны. «Советы молодому офицеру» написаны ротмистром Валентином Михайловичем Кульчицким. В период с 1915 по 1917 год выдержала шесть изданий.

Многие из правил поведения, перечисленных в «Советах...», универсальны.

1. Будь вежливым и скромным в общении со всеми людьми.
2. Не обещай, если ты не уверен, что исполнишь обещание.
3. Будь выдержанным, корректным и тактичным всегда, со всеми и везде.
4. Будь учтивым и предупредительным, но не назойливым и льстивым. Умей вовремя уйти, чтобы не быть лишним.
5. Необходимо помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и где начинается низкопоклонство...

Напрашивается вывод: проявление вежливости русским военным, закреплено не только духовно, но и документально.

Лебедь Илья Павлович
обучающийся специалитета

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева

«КОДЕКС ЧЕСТИ» ОФИЦЕРА В РОМАНЕ ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

В любом профессиональном сообществе существуют свои (гласные и/или негласные) правила поведения. В российской армии на протяжении всей ее истории складывался так называемый «кодекс чести офицера». Считается, что в более или менее стройном виде он сформировался ко второй половине XIX века [1, с. 62]. Существенный вклад в понимание моральных аспектов воинской службы внесли произведения известных русских писателей, особенно тех из них, кто проходил службу в офицерских званиях, и смог поделиться с читателем собственным видением «кодекса чести».

Одной из наиболее значимых фигур в связи с обсуждаемой темой является Михаил Юрьевич Лермонтов. В социально-психологическом романе «Герой нашего времени», написанном в 1838-1840 годах, действие которого происходит на Кавказе, Лермонтов показал хорошо знакомую ему духовную атмосферу русского офицерства.

Вопросы чести, доброго имени важны для всех главных героев романа, однако они склонны трактовать честь по-разному, отсюда и вытекают драматические и трагические коллизии сюжета. На взгляд современного читателя чувство чести Печорина весьма противоречиво. Так, в истории с Бэлой Печорин без зазрения совести манипулирует слабостями людей для удовлетворения своих потребностей, не оценивая горцев как равных себе, его кодекс чести допускает по отношению к ним весьма неблагоприятные поступки.

Однако в главе «Княжна Мери», особенно на фоне поведения Грушницкого и драгунского офицера, кажется, что Печорин способен на поступки искренние и благородные. Грушницкий же прежде всего пытается соблюдать установленные правила, чтобы понравиться окружающим. По сути – это слабый человек, готовый на все ради признания. Его предвещанию о чести не противоречит желание отомстить Печорину и княжне, потешить свое самолюбие, и не «уйти последним», хотя и Печорин в свою очередь также использует Мери для того, чтобы разозлить Грушницкого. Все это выливается в дуэль.

Дуэль как способ восстановить задетое чувство чести была характерной особенностью офицеров рассматриваемой эпохи. Долгое время дуэли в армии официально были запрещены, однако негласные правила поведения требовали от представителей дворянского сословия решать проблемы, связанные с личной честью, не привлекая обидчиков к суду, отстаивать честь при помощи поединка. Лермонтов и здесь очень точно и психологически достоверно описывает ситуацию, в которой противоречивые взгляды героев на приемлемое и неприемлемое, благородное и низкое, заставляют читателя колебаться в своих симпатиях к участникам дуэли.

Какого-то общего свода правил «чести офицера» в романе нет, но ведь и до настоящего времени «понятие офицерской чести остается «вещью в себе», содержание и смысл которой не раскрыты до конца» [2, с. 37]. Представляется, что ситуация, при которой «несмотря на то, что понятие чести используется везде, где только можно, нет его единой, общепринятой трактовки» [2, с. 40], не так уж и страшна. Моральные нормы не существуют сами по себе, они раскрываются в поступках человека, и именно такой урок можно извлечь из романа Лермонтова.

Литература:

1. Иванов Е.С. Воспитание офицерской чести в русской армии // Вестник Военного университета. 2007. №2(10). С.58-67.
2. Скрынников Н.П. Кодекс чести офицера: история и направления развития // Научные тенденции: Педагогика и психология. сборник научных трудов по материалам XXI международной научной конференции. 2019. С.37-41.

Леонтьев Степан Алексеевич
курсант

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулева

АРМИЯ И ДУХ СТОИЦИЗМА

Возникший в переломную для античного человека эллинистическую эпоху, стоицизм и в наши дни не утратил способность предоставлять людям мощную духовную поддержку на фоне происходящих в мире глобальных трансформаций. Сегодня представители гуманитарных наук фиксируют стабильный интерес к философии и этике стоиков [1,2], сопровождающийся организационным оформлением такого интеллектуального движения как «новый стоицизм» [3, с.481] и популяризацией идей стоиков в массовом сознании [4].

С другой стороны, во все периоды существования Вооруженных Сил командный состав искал способы поднятия морально-психологического духа личного состава и воинского коллектива в целом. С психологической точки зрения служба в армии – это стресс, который связан в мирное время с пребыванием в жестких рамках дисциплинарного пространства, в военное – с ответственностью офицера не только за себя, но и за своих подчиненных, их жизнь, а также за выполнение заданий в экстремально напряженных условиях. Представляется, что культивируемые стоицизмом душевные качества (такие как сдержанность, самодисциплина, саморазвитие, самообладание, достоинство личности, хладнокровие, мужественное поведение перед лицом возможных опасностей и даже смерти) максимально соответствуют требованиям, предъявляемым профессиональным военнослужащим.

Как известно, для решения внезапных боевых задач военнослужащему необходима «холодная голова», четкость и рассудительность. Стоицизм даёт возможность путем соответствующих духовных практик развивать эти качества.

«Согласно учению стоиков, осмысленная жизнь подразумевает дифференциацию тех вещей, которые человек не способен контролировать, от тех, которые он может изменить, а среди последних – выстраивание приоритетов необходимого сделать здесь и сейчас» [3, с.485]. Для армии, где есть четкая иерархия и необходимость подчиняться приказам, нет ничего важнее, чем принятие фактической обстановки и понимание того, как реально устроен мир. Ведь это позволяет правильно жить и действовать в нем.

Возможным препятствием к распространению стоических духовных практик в современной армии могла бы стать космополитическая установка античного стоицизма. Военнослужащий же по определению должен быть носителем патриотического сознания. Однако можем ли мы утверждать, что в любую переломную эпоху, когда стоические добродетели особенно востребованы, их носитель неизбежно станет космополитом? Вероятно, такой опасности нет, и человек судьбы в наше время вполне способен быть мужественным защитником Отечества.

Литература:

1. Шахнович М. М. Эпикуреизм и стоицизм в современной практической философии // XI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)»: Материалы конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 года / Ответственный редактор В.Ю. Перов. – Санкт-Петербург: ООО «Сборка», 2019. – С. 104-105.

2. Попов Д.С. Стоицизм: древняя философская религия или актуальный нарратив субъекта? // *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*. 2018. № 9. С. 8-18.

3. Гусельцева М.С. Практики самодисциплины в транзитивном обществе: стоический ренессанс и скандинавизация потребления // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 17. № 3. С. 478–499.

4. Пильюччи М. Как быть стоиком. Античная философия и современная жизнь. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Лубский Владимир Сергеевич
курсант

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева

ВОИНСКИЕ РИТУАЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Воинские ритуалы являются важными элементами дисциплинарного пространства армии. Их основное назначение состоит в том, чтобы обеспечить формирование и поддержание идентичности профессионального военнослужащего на протяжении всего пребывания в армии.

В отечественной научной литературе воинские ритуалы рассматривают прежде всего как торжественные мероприятия [1, с.67], выполняющие функции эстетизации [2, с.21] и морально-психологического упорядочивания воинской деятельности.

Необходимо отметить, что в настоящее время список источников по истории российских воинских ритуалов существенно расширился за счет привлечения теоретических работ и мемуаров, авторство которых принадлежит представителям русской военной эмиграции первой волны [3, с.7], таким как А.А. Керсновский, П.Н. Врангель, А.И. Деникин и др.

Одним из первых торжественных ритуалов, с которым встречаются в армии, является военная присяга. В этом ритуале обязательными элементами, закрепленными уставом, являются:

- построение личного состава воинской части;
- принятие военной присяги перед государственным флагом Российской Федерации и Боевым Знаменем воинской части;
- парадная форма одежды;
- исполнение Государственного гимна Российской Федерации;
- проведение воинского ритуала в местах исторической и боевой славы.

Кроме того, процедура присяги может быть дополнена нормами, которые диктуются традициями той или иной воинской части.

К торжественным воинским ритуалам относятся и те из них, что связаны с подъемом и спуском Государственного флага Российской Федерации, с вручением Боевого Знамени воинской части, с вручением воинской части государственной награды.

В последнее время появились интересные научные исследования, в которых ритуалы в армии трактуются в расширенном смысле: к ним относят и те неформальные социализирующие практики, которые способствуют успешному вхождению в профессиональное сообщество [4]. У таких практик тоже есть моральный аспект, ведь нравственные отношения регулируют не только парадную сторону армейской жизни, но и ее внутреннюю «кухню».

Культивирование воинских ритуалов (как парадно-торжественных, так и связанных с повседневной жизнью военнослужащих) несомненно имеет важное воспитательное значение, сплачивает воинский коллектив и, в конечном счете, является основой выполнения долга перед Родиной.

Литература:

1. Кулаков А.А., Чуриков Ю.С., Блягоз Н.Ш. Воинские ритуалы фактор формирования морально-нравственного облика российского офицера // Вестник военного образования. 2021. №5(32). С.66-69.
2. Ростовский В.Ю. Воинская символика и ритуалы в культуре российского офицера (конец XIX – начало XX вв.). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Волгогр. гос. мед. ун-т. Волгоград, 2007.
3. Минёр В.Л. Воинские ритуалы российской армии в XIX – начале XX веков. Автореферат дис.... кандидата исторических наук. Москва, 1997.
4. Романова Е.Н. Повседневность военного училища как среда формирования военно-патриотической идентичности // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. №3(16). С.190-195.

Поправко Елена Александровна

д.и.н., профессор

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва

«НЕВИННЫЕ» ЖЕРТВЫ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»:

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ
ВОЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В 1937-1939 ГГ.**

Начиная с выступления Н.С. Хрущёва на XX съезде старательно создавалось впечатление, что всё связанное с «Большим террором» однозначно: репрессированные – невинные жертвы, оставшиеся в живых – или палачи, или молчаливые и запуганные соглашатели. Но если отрешиться от идеологических шаблонов (и сталинского времени – про «врагов народа», и хрущёвской оттепели – про невинных жертв «Большого террора»), то станет очевидно, что всё не так просто. Сложность отнесения к «палачам» или к «спасителям» даже для одиозных фигур, например Е.А. Щаденко, раскрыл на конкретных примерах и архивных документах А.А. Гуляев [1, с.145–152].

Сталин не изобретал репрессии и лагеря. Организацию первых трудовых лагерей ВЧК инициировала в 1919 г. Но у советского ГУЛАГА был несветский прототип: первый лагерь на Соловках, куда отправляли «во внесудебном порядке», организовали белые. Красные позаимствовали и идею, и место её реализации (СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения до 1929 г. был единственным такого рода учреждением в РСФСР, а потом в СССР) [2, с.222; 6, с.61–67]. В 1920-х–1930-х гг. репрессивная машина начала работать активнее. Но нельзя не учитывать реальное сопротивление политике «Большого скачка»: были и кулаки, и «подкулачники», и недовольные свёртыванием НЭПа, и вредители, и саботажники, и шпионы. Но было и головотяпство, «авось», очковирательство, хищения и прочие уголовные преступления меньшей или большей тяжести, которые стали использовать в политических целях.

Современные исследователи отмечают проблемы с производительностью труда и качеством продукции; порчу и омертвлении ресурсов в незавершённых стройках и т.п. В условиях милитаризация экономики и нарастающей идеологизации всех форм жизни общества столкновение курсов завершалось массовыми репрессиями [5, с.128,131].

Автор предлагает проанализировать стенограммы заседаний Военного Совета при Наркоме обороны и активов Центрального аппарата НКО СССР 1935–1937 гг. [3; 4], где упоминаются обрушения казарм и «складывающиеся» крыши самолётных ангаров; неработающая бензиноразводящая сеть на большинстве аэродромов; пожароопасная электропроводка и т. п. проблемные объекты. Прямую ответственность за это несли и те, кто стал жертвами политических репрессий 1937–1939 гг. Как этически интерпретировать их деятельность? Как этически определить степень вины или «невиновности»? Можно ли (этически правильно ли) осуждать тех, кто был репрессирован? Как этически оценить тех, кто не был репрессирован?

Литература:

1. Гуляев А. А. Е. А. Щаденко и репрессии в Красной армии в 1937–1938 гг. // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 145–152.
2. Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). Москва: Алгоритм, 2018. 511 с.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 60, 61, 158.
4. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 52, 54, 61.
5. Фельдман М. А. Второй пятилетний план: эволюция подходов к реализации в период 1933–1936 гг. // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 3. С. 127–144.
6. Шульгина М. В. Эволюционирование системы принуждения и стимулирования труда заключённых в Соловецких лагерях особого назначения (1923–1933 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – Вып. 39. – № 10 (191). – С. 61–67.

НИР «Биограф МТО-21»

Спирин Антон Павлович
к.пед.н., преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулева

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА

Рассмотрение национальной идентичности в качестве этической основы формирования личности российского офицера обусловлено теми военно-политическими и идеологическими вызовами, с которыми столкнулись на сегодняшний день Вооруженные силы Российской Федерации.

Масштабная информационная война включает в себя систематические «атаки» на историческое прошлое России (искажение, фальсификация и дискредитация истории); стирание исконных национальных идеалов и уничтожение национального самосознания россиян; смену традиционных морально-нравственных ценностей на западноевропейские ценности; разжигание межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Все это крайне негативно влияет на формирование сознания молодых офицеров, в наибольшей степени подверженных информационному воздействию в силу несформировавшегося мировоззрения. В армейской среде возрастает психоэмоциональная напряженность и тревожность, у офицеров наблюдается снижение способности к самореализации, самоопределению, принятию жизненно важных решений.

Одним из духовных ресурсов противостояния вышеуказанным вызовам можно назвать национальную идентичность российских офицеров.

Офицеры относятся к специфической социокультурной группе, отличающейся особым статусом в отношении принадлежности к российской нации, что обусловлено их профессиональной ролью защитника российского государства и его граждан.

Под национальной идентичностью российского офицера понимается отождествление с российской нацией, осознание офицером себя россиянином, переживание им единства с культурно-политическим сообществом граждан России. Осознание неразрывной связи с российской нацией, ощущение сопричастности к великому прошлому российского народа, чувство ответственности за его будущее составляют мировоззренческую основу служения Отечеству.

В системе военного образования национальная идентичность берет на себя роль этической основы процесса формирования личности российского офицера, выполняя при этом не только информационную и побудительную функции, но и регулятивную функцию, которая заключается в регуляции офицером профессиональной деятельности на основе осознания своей национальной идентичности.

Национальная идентичность выступает как компонент направленности личности и предполагает осознание и принятие российским офицером системы национальных идей.

Идея общего исторического прошлого нации помогает офицеру осознать свою принадлежность к великой истории государства и сформировать целостную мировоззренческую систему. Указанная идея становится ориентиром для военнослужащего в бесконечном информационном потоке.

Идея единой национальной системы ценностей способствует успешной социализации офицеров, помогая им ощутить себя неотъемлемой частью российской нации.

Идея общей ответственности за будущее нации является самым устойчивым элементом национальной идентичности. Принятие офицером общей ответственности за будущее нации становится регулятором всей профессиональной деятельности военнослужащего, ориентируя его на профессиональное и личностное самосовершенствование, на самоотверженный труд во благо российского общества.

Таким образом, российская национальная идентичность как совокупность вышеуказанных идей играет роль этической основы и духовного ресурса в формировании необходимых для профессии личностных качеств российского офицера.

Тебякина Елена Евгеньевна

к. филос. н., преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В.Хрулева

ЖЕНЩИНЫ-ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В РОССИИ: ЭТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ

Проявление женского начала в военных событиях зачастую было сопряжено с ощущением трагичности и крайности положения, в котором оказалась армии, раз оружие берёт в руки даже женщина – дарительница жизни, поэтому большинство этических максим были направлены против женского участия в войне и насилии. Поэтому так трудно найти примеры женского участия в войнах, поскольку они носят либо принципиально мифологический (амазонки, валькирии) характер, либо случайный, эксклюзивный элемент (матери или невесты тайно переодеваются в мужские доспехи и берут в руки оружие), считающийся не типичным женским поведением, а скорее несчастливим стечением обстоятельств. И, только начиная с Великой французской буржуазной революции, привнёсшей образ Марианны, которая не только сама участвует в военных событиях, но и призывает мужчин следовать её примеру, меняя ракурс этического вектора и снимает с женщины строгий запрет и моральное осуждение за участие в войне. Поэтому, уже в отечественной военной истории находится пример 1812 года, когда молодая девушка Надежд Дурова под видом юноши поступает на военную службу и делает сознательный выбор в пользу военной деятельности. Но такой случай, опять же, был практически единичным. Как ни парадоксально, но идея массового привлечения женщин на военную службу находит своё воплощение снова в России, но уже в 1916 году. Во период Первой Мировой войны, по документальным источникам, на официальной воинской службе на добровольных началах и с личного разрешения императора находилось около 20 тысяч женщин и среди них – одна из первых русских женщин-офицеров, поручик, Мария Леонтьевна Бочкарёва, которой суждено было стать инициатором и создателем условий для полноценного прохождения женщинами военной службы в рядах Женских батальонов смерти. Изначально, по замыслу Временного правительства, эти подразделения имели символический характер и были призваны для увещевания мужчин, уклонявшихся от военной службы. Однако М. Бочкарёва настаивала на осуществлении женщинами прохождения военной подготовки, отправки на фронт и реального участия Женского батальона смерти в боевых событиях. Однако, само явление Женского батальона воспринималось солдатами-мужчинами крайне негативно. Женщины-военнослужащие подвергались оскорблениям и попыткам физического насилия. И, хотя функция этих формирований была в большей степени символической, именно благодаря подобному примеру создавались женские формирования уже во времена Второй Мировой войны, чьё право носить оружие и участвовать в боевых событиях уже не высмеивалось и не оспаривалось мужчинами.

Феминистические традиции XX века и активная борьба женщин за равенство радикально изменили моральное сознание и убеждённость неэтичность привлечения женщин на военную службу, а также их осуждения и остракизма, которым они подвергались по возвращении с неё (с этим явлением пришлось столкнуться женщинам, вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны). Современные женщины в различных странах мира не только служат наравне с мужчинами в различных родах и видах войск, но и демонстрируют высокие боевые и морально-этические качества.

Шаманский Андрей Михайлович

Курсант, Военная академия материально технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва

НЕПИСАНЫЕ ЗАКОНЫ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ВОЕННОГО ПЛЕНА

Военная сфера жизни общества тесно связана с повышенными моральными требованиями к тем, кто защищает Отечество с оружием в руках. Однако, даже в современной учебной литературе подчеркивается, что многие «вопросы профессиональной военной этики, нравственных аспектов военной службы являются дискуссионными» [1, с. 40]. Во многом это связано с тем, что в профессии военного формальные требования морального характера тесно переплетаются с неформальными нормами поведения, причем и те, и другие принципиально важны для успешного вхождения в профессиональное сообщество и дальнейшего пребывания в нем.

Так, «неотъемлемой составляющей нравственных основ военной службы является принцип гуманизма, который предписывает признавать, соблюдать и уважать честь и достоинство человека. Ярким подтверждением данного принципа являются случаи гуманного отношения русских воинов к пленным и мирным жителям» [1, с.59]. Однако, фактическая реализация этого принципа по отношению к пленным имеет ряд ограничений.

Одним из ярких проявлений неформальных военных норм стало деление противника на условные группы: «те, кого берут в плен» и «те, кого принято в плен не брать». Так, во время Первой мировой войны в плен не брали людей, которые использовали дробовики для зачистки траншей. Не брали в плен и людей, вооружённых огнёмётом, а во времена Великой Отечественной войны в плен не брали снайперов. В первую очередь это было связано с особо разрушительным характером и негуманностью используемого оружия.

Огнемёт был крайне ужасающ в своём воздействии. Смерть, что наступала от сожжения, в отличии от огнестрельного оружия, была страшна в том числе и для тех, кто за ней наблюдал и «не взятие в плен» стало асимметричным ответом на его применение. Дробовики, в свою очередь, также наносили множество страшных ран, психологический эффект от их применения был схож с воздействием огнемёта. Снайперы же получили билет в эту группу из-за тактики своих действий: отстрел людей, идущих за водой, справляющих нужду и так называемая «ловля на живца». Снайпер ранил одного противника из группы, лишая его подвижности на открытом пространстве, а последующими выстрелами в бёдра и ноги заставлял его кричать от боли, выманивая таким образом других жертв.

Выведение некоторых представителей противника за пределы действия принципа гуманности к пленным характерно не только для российской военной ментальности. Пример нетерпимого отношения к снайперу, нежелания брать его в плен представлен в фильме «Цельнометаллическая оболочка», где речь идет о действиях американской армии во Вьетнаме.

Интересно, что косвенное оправдание таких неформальных военных практик связано с официальными положениями Женевских и Гаагских конвенций, запретившими использование особо негуманных видов оружия (например, запрет на использование огнемётов).

Вообще для военной этики характерен постепенный перевод некоторых неформальных норм поведения в кодифицированные правила. Например, негласное правило «не стрелять по гражданским» переросло в разделение людей на комбатантов и некомбатантов.

Кроме того, неписанные нормы могут быть связаны не только с уменьшением сферы действия принципа гуманности, но и с его расширением. Правило «не открывать огня по санитарам» вероятно проистекло из того, что изначально роль санитаров исполняли женщины. С другой стороны, явная направленность этого правила на сохранение жизни комбатантов также могла оказать своё влияние.

Литература:

1. Измайлова И.К., Кольцова Н.В., Кузнецов А.М., Левчук А.А. Профессиональная этика и служебный этикет. Учебник. М., 2020.

Шатровой Олег Вячеславович
к.п.н., преподаватель

Военная академия материально технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва

ПРАВСТВЕННАЯ СТОРОНА УТРАТЫ АВТОРИТЕТА ВОЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Авторитет представляет собой высоко ценимые нравственные качества, которыми обладает субъект власти без угрозы санкции или необходимости убеждения [2]. А.Г. Караяни отмечает, что военнослужащие уважительно относятся к тем командирам, которые уважительно относятся к ним [1]. В этой связи, на командире лежит большая нравственная ответственность за сохранение своего авторитета. Анализ последствий утраты авторитета командиром в ситуации, когда он оставил или подвел своих подчиненных, позволил выделить следующие типы отношений военнослужащих: ситуативно-враждебное экстернальное (направленное вовне) личностно-враждебное интернальное (направленное внутрь) эмоционально-деструктивное (с негативной переработкой эмоций). Обобщая, выделенные типы можно объединить в группы с отношениями катастрофизации и враждебности. Таким образом, авторитет военного руководителя представляет собой сложное социально-психологическое явление, зависящее от определенных взаимоотношений между людьми, опосредованное рядом внешних и внутренних психологических факторов, среди которых наиболее важным являются нравственные качества.

Литература:

1. Караяни А.Г. Военная психология. В 2 ч. Часть 1: учебник и практикум для вузов / А.Г. Караяни. – М.: Издательство Юрайт. 2017. – 218 с.

2. Спирина Т.П. Психолого-педагогические аспекты управленческой деятельности офицеров: учебное пособие / Т.П. Спирина. – СПб.: ВАМТО, 2016. – 208 с.

Юркевич Евгений Иванович
к.и.н., старший научный сотрудник

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

В 1920 г., после разгрома Русской Армии генерала П.Н. Врангеля страну покинуло не менее 2 млн. человек, среди них и огромное количество военнослужащих. Носители русской культуры и морального сознания продолжали культивировать русские традиции и создавали учебные заведения для передачи культурного опыта. Пожалуй, самым известным русским учебным заведением в эмиграции был Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус, созданный в Югославии. За 24 года своего существования (1920-1944) корпус провел 24 выпуска, выпустив 966 кадетов.

Среди офицеров и генералов, ушедших в эмиграцию, оказалось немало людей с большим литературным талантом. Здесь нельзя не вспомнить романы генералов Петра Николаевича Краснова (1869-1947) «От двуглавого орла к красному знамени», «Опавшие листья», «Царевубийцы», «За чертополохом», и Георгия Ивановича Гончаренко (1877-1940), писавшего под псевдонимом Юрий Галич: «Красный хоровод», «Гусарские сказки», «Легкая кавалерия», «Звернада», «Синие кирасиры. Лейб-Регимент» и др. Многие офицеры-эмигранты прославились своими поэтическими произведениями: Сергей Сергеевич Бехтеев (1879-1954), Николай Николаевич Туроверов (1899-1972), Иван Иванович Савин (Саволайнен) (1899-1927), Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) и др. Именно они, продолжая русские литературные традиции рассуждали на темы нравственного выбора и национального самосознания.

В музыке русская военная эмиграция дала такое уникальное явление, как Хор донских казаков, созданный в 1921 г. Сергеем Алексеевичем Жаровым (1896-1985), который руководил созданным им хором на протяжении 60 лет, продирижировав 10 тыс. концертов. Хор существует по сей день (ныне его артисты проживают в США).

Всю жизнь собирал русские военные песни в эмиграции Валентин Николаевич Мантулин (1921-2017), издавший в Нью-Йорке в 1970-1985 гг. двухтомник «Песенник Российского воина».

В начале 1920-х годов за рубежом были созданы полковые объединения всех полков Гвардии, большинства армейских кавалерийских полков, ряда пехотных полков. В 1924 году в Париже было создано Гвардейское Объединение, куда вошли все полковые объединения Гвардейских полков. Филиалы Объединения возникли и в других странах.

Полковые объединения не только консолидировали оказавшихся в изгнании чинов полков, но и были теми местами, где они и члены их семей могли получить в тяжелых условиях эмигрантской жизни всемерную помощь и поддержку. В частности, объединения помогли многим своим членам найти работу, пусть для начала и временную. Кроме того, полковые объединения служили также и моральной поддержкой эмигрантам, оказавшимся вдали от Родины.

Не менее важной, едва ли не главной задачей полковых объединений стало сохранение памяти о полках, их боевом пути, прежде всего в Первую мировую и Гражданскую войны. За рубежом были написаны десятки историй полков, книги о многих операциях Первой мировой и Гражданской войн, опубликованы воспоминания многих русских генералов, офицеров и нижних чинов (А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, Г.М. Семенова и др.).

Таким образом, русская военная эмиграция внесла выдающийся вклад в дело сохранения памяти о русской военной истории, и прежде всего этических традициях русской армии, заключавшихся в преданности клятве своему Отечеству, пусть даже и отвергнувшему их.

«МОРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства:
этико-философский анализ»

материалы круглого стола

Баженов Сергей Сергеевич

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им.В.И.Ульянова (Ленина)

МОРАЛЬНАЯ АГЕНТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Вышедший в 2021 году 15 выпуск философского журнала Финиковый компот и посвященный теме моральной ответственности, по мнению Р. Г. Апресяна, существенно повлиял на российский дискурс в области моральной ответственности. Примечательно, что в последние годы также вышло некоторое количество текстов, посвященных проблеме этической ответственности в области технологий искусственного интеллекта. Несмотря на серьезные усилия авторов, нельзя сказать, что указанные проблематики могут считаться исчерпанными.

Для раскрытия вопроса об агентности искусственного интеллекта следует осветить ряд положений: во-первых, конкретизировать объем понятия «Искусственный интеллект» (далее ИИ), интеллектуальный агент, моральный агент. Во-вторых, охарактеризовать специфику положений морального агента. В-третьих, рассмотреть применимость характеристики «моральный объект» к искусственному интеллектуальному агенту, в контексте антропоцентричного взгляда на развитие и применение технологии ИИ.

В первую очередь, обратим внимание на сложность и широту понятия ИИ, а также многозначность его использования в современном дискурсе, это во многом обусловлено многообразием технологий, объединяемых под этим названием. Для простоты обозначим ИИ как вычислительную систему, выполняющую ряд задач, базой для которых служит определенный математический аппарат, программные средства, а также периферийные устройства, например, микросхемы, процессоры и системы сбора данных, как базис для выполнения интеллектуальных и вычислительных задач. Интеллектуальным агентом в этом случае, считается искусственный или естественный субъект, способный к совершению операций связанных с решением задач, которые могут быть формализованы, поняты и выполнены носителем интеллекта. Для простоты рассуждения, опустим сравнение специфики проведения интеллектуальных операций человеком и системой ИИ, сосредоточившись только на общих перечисленных свойствах.

Концепт морального агента подразумевает субъекта деятельности, включенного в моральное взаимодействие, то есть являющегося участником события, которое включает внешнего наблюдателя, осуществляющего внешнюю оценку поступка в этическом контексте. Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. отмечают, что субъект моральной оценки, должен в первую очередь иметь возможность оценивать собственные поступки не только с утилитарных позиций, но и с нравственных. Возникает вопрос, ответ на которой в настоящее время неочевиден: «Сможет ли ИИ преодолеть субстратное ограничение, которое видится существенным различием функционирования естественного и искусственного интеллекта?». Не смотря на некоторый оптимизм, что подобное будет возможно для ИИ, в настоящее время описываемый сценарий не реализован, а значит и моральная ответственность не может применяться к ИИ. Не смотря на различия авторов в подходах описания будущего, все же Н. Бостром и Т. Уолш сходятся во мнении, что ИИ еще не достигла уровня интеллекта человека. В этой связи, ИИ становится не более чем инструментом в руках человека

разработчика, оператора или собственника, поэтому в настоящее время главным и пока единственным бенефициаром, а, следовательно, и носителем моральной ответственности.

По мнению А.М. Положенцева, человек, создавая ИИ, старается уйти от субъектности, что по мнению Р.Г. Апресяна, может рассматриваться с позиции нонантропоцентризма, стремится перейти к системе, лишенной человеческой субъектности. Однако фактически, мы не можем вырваться с антропоцентрических позиций. Следовательно, прескрептивная позиция рассуждений о контроле за искусственным интеллектом, может быть выходом в подобной ситуации, позволяя с одной стороны преодолеть страхи вызванные ИИ, а также встать на путь контроля разработки и применения технологий ИИ, которые оказывают существенное влияние на развитие человеческой цивилизации.

Бегалинова Калимаш Капсамаровна
д.филол.н., профессор

Казахский национальный университет им.аль-Фараби

ДОБРО И ЗЛО КАК ПОНЯТИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Изучение категорий этики необходимо начинать с изучения центральных понятий морального сознания – добра и зла. Именно через призму этих понятий происходит оценка поступков человека, всей его деятельности. Эти понятия выработаны моральным сознанием давно, и уже первые этические теории используют их в своих построениях. Как показывает история этики, представления людей о том, что такое добро и зло, менялись в зависимости от конкретных исторических условий развития общества, от того, какие классовые интересы представляла та или другая этическая теория. Понятия добра и зла связывается с категорией благо, которая определяется как наиболее общее ценностное понятие, отражающее отношение субъекта (человека, коллектива, общества) к окружающей его среде. Понятие «благо» распространяется не только на предметы, вещи, элементы природы, когда они включаются в процесс активной деятельности человека, но и на продукты собственно духовной деятельности – познание, образование, идеи. Однако «благо» ни в коем случае нельзя отождествлять с «добром», эти понятия связаны между собой, но не тождественны друг другу. Благо выступает как объект потребности человека, как цель его деятельности и служит мерилем ценности предметного мира и целесообразности деятельности человека. Стремясь к благу, человек активно преобразует мир во взаимодействии с другими людьми и в этой практической деятельности становится творцом добра или зла.

Добро и зло не только этические категории, с помощью которых строится общая теория этики, но и понятия морального сознания личности, класса, общества, так как они представляют собой формы отражения непосредственного общественного бытия, способов взаимодействия и взаимоотношений между людьми. Именно поэтому добро и зло не могут выступать как абстрактные и вечные понятия, они меняются вслед за изменением общественного бытия людей.

В этической системе добро рассматривается как объективное моральное качество поступка: добро является наиболее общим понятием морали, которое объединяет всю совокупность положительных норм и требований нравственности и выступает как идеал; добро может рассматриваться как нравственная цель поведения и в таком случае оно выступает как мотив поступка; наконец, добро может выступать и как добродетель, как моральное качество личности. Такое многозначное определение добра вытекает из самой природы нравственности, которая пронизывает собой все стороны жизнедеятельности людей.

Глебова Софья Валерьевна
к.филос.н, ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

О РОЛЯХ МОРАЛЬНЫХ АГЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РАМКАХ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Когда речь заходит об этической экспертизе возникает необходимость привести различающиеся представления моральных агентов о «хорошем» и «плохом» к одному общему знаменателю и вынести определенное аргументированное, справедливое решение. Представляется два аспекта, которые могут стать точкой расхождения представлений о нравственном: моральный релятивизм и различный уровень развития морального сознания. И если пути преодоления нравственного релятивизма в рамках институции существуют, внедряются и используются (формирование общей корпоративной культуры, кодексы корпоративной этики и пр.), то вопрос разного уровня нравственного сознания у моральных агентов, принимающих участие в рамках заседания этической комиссии – рассматривается крайне редко. В то же время, представляется значительной проблемой в связи с тем, что отсутствие понятных каждому моральному агенту аргументов приводит к дискредитации статуса этической экспертизы и потере доверия к членам этической комиссии.

Психолог Л. Кольберг предлагает весьма условную классификацию степеней нравственной зрелости моральных агентов:

1. Две «досоциальных» ступени развития представлений о морали
 - a. Биологическая ступень предполагает представление о зле как о негативном физическом воздействии и о хорошем, как об отсутствии такового воздействия;
 - b. Гедонистическая ступень – представление о хорошем, как том, что приносит удовольствие для тела, и о плохом, как о том, что приносит дискомфорт
2. Две «социальных» ступени развития представлений о морали:
 - a. На стадии «хороший мальчик/хорошая девочка» подключаются социальные стимулы. Предполагается, что хороший поступок принесет удовольствие от общения, а плохой – наоборот;
 - b. Юридическая стадия подключает к процессу анализа нравственного поступка соответствие или не соответствие его букве закона;
3. И две «автономных» ступени:
 - a. Социальной договоренности, на которой моральный агент принимает во внимание последствие поступка для социальной группы в целом;
 - b. Универсального закона, на которой моральный агент способен разработать собственный универсальный критерий оценки нравственных поступков, оперируя абстрактными терминами.

Такая классификация может стать стартовым инструментом для распределения ролей и определения хода этической экспертизы. Т.к. моральный агент с более высоким уровнем нравственного сознания может использовать модель оценки морального агента с более низким уровнем нравственного сознания, но не на оборот, то, представляется крайне желательным представительство моральных агентов с высокоразвитым моральным сознанием в качестве членов этической комиссии. Навыки этического анализа позволят решать сложные ситуации, не отраженные в этическом кодексе, а способность к этической рефлексии на всех уровнях абстракции упростит коммуникацию в рамках проведения этической экспертизы.

Дальнейшие исследования показывают, что большинство работников различных компаний хорошо и уверенно оперируют социальными и нормативными мотивами при оценке моральных поступков, т.е. являются моральными агентами третьей и четвертой ступени. Крайне удачная роль моральных агентов с таким уровнем развития в рамках этической экспертизы – консультативная, взгляд «равного» «со стороны» позволит рассмотреть ситуацию в рамках релятивизма ценностей и лучше понять суть проблемы.

Наконец, представляется возможным участие моральных агентов с досоциальными стадиями развития нравственного сознания в качестве заявителей, т.к. чувство несправедливости может возникать у любого морального агента и, соответственно, является и потребностью в разрешении этических вопросов.

В связи с этим, представляется важным введение некоторого предварительного тестирования моральных агентов для определения развития уровня их нравственного сознания не только для распределения ролей в рамках заседания этических комиссий, но и для более продуктивного проведения этической экспертизы, адекватного подбора аргументов в пользу того или иного решения.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Каменцева Марина Александровна

ассистент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;
аспирант, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ЛОГИКА УТВЕРЖДЕНИЯ СУБЪЕКТА КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

В акте действия нас интересует несколько вопросов: «Должны ли мы видеть в следствиях поведения, – создаваемых договором или субъективным мотивом, – результаты действия, отличающегося от движения, но этим же движением и вызванного?», «Следует ли вести речь об одном действии, которому дается несколько интерпретаций, или же о разных действиях?», Сознательное самовосприятие субъекта связывается с ментальными состояниями, которые, в свою очередь, связываются с физическими событиями в митре. Самосознание когито сопряжено с интенциональной направленностью сознания не только на себя, как на объект первичного восприятия, но и с физическим миром объектов, который определённым образом конституирует способ понимания мира. Сами же события соединены каузальными связями, при этом, будучи основанием для ментальных состояний, они не позволяют говорить об определенной детерминации сознания.

В связи с этим можно сказать о том, что мы можем отсылать к причинам, которые носят сознательный характер, т.е. причина действия может исходить как из внешних предпосылок, продиктованных природной необходимостью, но также и изнутри, исходящих из мотивов рационального агента. С одной стороны, это идея не столь новая, с другой – важным её аспектом является то, что оба полюса влияния на субъекта являются равнозначными и в некоторых аспектах автономными источниками мотивов. Причинность как таковая, лежащая в выборе субъекта, носит особый характер. Она связывается с языковыми возможностями донесения, с грамматикой языка, которая является частью более широкой системы коммуникаций. Наша языковая коммуникация отражает наше желание донести что-либо до другого агента или же описание того или иного волевого действия, которое мы намерены совершить.

Агент непосредственным образом осознает целесообразность собственных действий. Утверждая нечто, он осознает, что дальнейшие действия будут связаны с реализацией внутренних интенций. Его действие можно было бы назвать спонтанным, так как оно происходит в рамках «знания без наблюдения». Агент, обладая интенцией, которую можно назвать целесообразной, совершает действие, не анализируя его как нечто внешнее, как то, что можно наблюдать как что-то физически отчужденное от него самого.

Намеренные действия могут быть связаны с понятием практики: мы можем оценивать действие агента через его целесообразное осмысление совершенного им действия. Задавая вопрос «Почему?» мы должны получить релевантное объяснение причины того или иного действительного акта. Агент всегда полагает себя одним и тем же, и в связи со своим тождественным полаганием он выстраивает тот или иной тип намерения.

Всякое намерение о каком-либо действии носит индивидуальный и личный характер. Когда совершается действие, нам важно учитывать, что намерение носит своим внутренним источником агента. Только агент в состоянии оценивать целесообразность того или иного намерения.

Таким образом, в действии присутствует элемент тождественности в том смысле, что любое действие, совершаемое с определённым намерением, связывается только с определённым агентом. Этот агент, обладая рациональностью и целесообразностью, будет совершать то или иное действие. Сам этот акт утверждает агента как рационально мыслящего субъекта силу понимания целесообразности того или иного действия, которое нельзя взять извне.

Коваль Екатерина Александровна

д. филос. н., профессор Средне-Волжский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МОРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ХРИСТИАНИНА И КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО

Перечень моральных агентов – неоднозначный вопрос в современной этике. Социальное разнообразие обеспечило различные представления о том, кто может быть моральным агентом. Так, в отдельных сообществах статусом морального агента не наделяются рабы и женщины, даже если они свободны; в других историко-культурных контекстах моральными агентами считаются коллективные сущности (корпорации, благотворительные организации, международное сообщество в целом) и даже нонантропные объекты.

Несмотря на постоянно расширяющийся круг моральных агентов, степень моральной самостоятельности отдельных категорий людей может дифференцироваться. Так, например, принято проблематизировать моральное агентство умалишенных и младенцев. Более сложный вопрос возникает при обсуждении соотношения степени моральной свободы и религиозности.

Особая регламентированность жизни членов отдельных религиозных сообществ может привести к выводу о подавлении свободы воли и моральной свободы личности. Однако рассмотрение обозначенной проблемы невозможно вне контекста конкретного религиозного вероучения, поскольку мировоззренческие основания таких учений имеют принципиальные отличия.

Жизнь члена христианской общины регламентируется догматами, нормами канонического права, которые имеют дисциплинарный характер, религиозными обычаями, новейшими нормативными церковными документами. При этом христианин, будучи гражданином того или иного государства, обязан подчиняться и нормам светского права. Оставляет ли столь подробная нормативная регламентированность жизни пространство для моральной свободы? Сохраняет ли христианин свое моральное агентство в полной мере или, как минимум, частично передает священнослужителям, епископату?

Отвечая на данные вопросы, необходимо учитывать не только количество норм, но и специфику их природы. Так, например, нормы канонического права сочетают в себе религиозную, правовую и моральную нормативность, поэтому «не покушаются» на моральное агентство христианина и, соответственно, не допускают возможности переложить хотя бы часть ответственности на другого члена общины, в том числе, обличенного церковной властью.

Подтвердить заявленный тезис можно при помощи кантовских примеров с виселицей, которые приводятся в «Критике практического разума» (кейс о влечении к объекту страсти и кейс о лжесвидетельстве), а также франкфуртской модификации кейса о лжесвидетельстве.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Курхин Павел

к.филос.н., магистр политических наук, ассистент

Finnish organization for International Cooperation In Natural Sciences – METSO ry.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА С МОРАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ И АКТУАЛЬНОСТЬ СОЗДАНИЯ КОМИССИИ
ПО ВЫЯСНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ И ПРИМИРЕНИЮ**

Доклад рассматривает следующие тезисы о том, что возможна ли историческая истина и ее моральная составляющая, то для чего нужна комиссия по выяснению исторической истины и примирения, какую роль может сыграть прикладная философия в обосновании исторических событий. Почему невозможно сразу раскрывать исторические факты для коллективного сознания, но изучение истинности и моральности с универсальной точки зрения нужно для развития общества. Почему примирение является важным для создания общей истории, нового объединенного общества с историческим и моральным мостом между прошлым и будущим. Комиссия по выяснению фактологической истины и примирению именно исторической истины и ее моральной составляющей способствуют примирению сторон и направлены для того, что бы в государстве произошло так же некое единение, а не разрушение изнутри. В общей сложности комиссия несет глубоко моральный, общечеловеческий и государственно важный характер. Создание таких комиссий зачастую идет от самого государства сверху, а не снизу, и инициированы самим правительством. Так как многие исторические события имели зачастую политический характер, и поэтому у потерпевших сторон имеют зачастую даже многовековые претензии к друг другу.

Цель комиссии носит сугубо так же и философско – прикладной характер, в ней именно практическая ее составная или прикладная философия может показать, то как разные группы людей и непосредственно индивидуумы могут попросить прощения у друг друга, это конечно не должно означать, что таким образом обвиняемая сторона в преступлениях против народа, или других группы, или единичных случаях просто напросто избежала бы таким образом наказания, как бы смела всю грязь под ковер. Совсем наоборот, в общечеловеческом плане, это примиряет разные этнические группы, или другие социальные слои и так далее и приводит к обоюдному прощению, если прощение и дальнейшее более общечеловеческое универсальное со-проживание например разных этнических народов или религиозных конфессий еще возможно.

Построить некий исторический мост между прошлым и будущем, вот цель комиссии по выяснению исторической истины и примирению. Иначе те кто оправдывают например нацизм, маоизм, сталинизм и так далее, и те, которые пострадали будут вечно ненавидеть друг друга. Замалчивание хорошо возможно в течении какого-то время пока общество не готово принять историческую истину с ее моральной составляющей, конечно я говорю о кантовской морали, и обществе возможно собственно лучше жить еще в теньере с теньями, в платоновском смысле. Но сознание ищет истину и поэтому жить в тени мифологического сознания прекращает удовлетворять вечно ищущее сознание.

Ларионов Игорь Юрьевич

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«КОЛЛЕКТИВНАЯ ВИНА», «КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» И ПРОБЛЕМАТИКА МОРАЛЬНОЙ АГЕНТНОСТИ

Если устоявшееся в современном праве определение вины предполагает анализ индивидуального мотива (или сложных случаев его отсутствия), то есть «субъективного отношения лица к своему собственному общественно-опасному деянию (действию или бездействию), его возможным или неизбежным общественно-опасным последствиям», иначе говоря – вина сугубо индивидуальна, то в политическом дискурсе и практике распространено представление о т.н. «коллективной вине», для обоснования какой-либо нередко прибегают к помощи этики.

Несмотря на то, что изначально обсуждаемая проблематика была введена в этику XX в. именно в формулировке коллективной «вины» (К. Ясперс), такой подход сложно назвать удовлетворительным, поскольку он явно окрашен политически, в связи с чем слово «вина» (Schuld), как бы ссылаясь на юридический аспект вопроса, на самом деле, становится метафорой, вместо которой правильнее употреблять термин «ответственность» и, соответственно, «коллективная ответственность». Напомним также позицию Х. Арендт («Коллективная ответственность»): там, где виновны все, на деле не будет виновен никто.

Современная этика, реализуя исходные предпосылки всякой философии – мыслящее усмотрение вещей, сути дела, – предлагает концепт т.н. «моральной агентности (агентства)» (moral agency), который, несмотря на громоздкость названия, позволяет прояснить возможные границы применения категории вины в отношении к различным типам субъектности (агентности).

Исходный важный вопрос таков: какая именно концепция субъекта связана с виной и ответственностью? Кажется очевидным, что концепт коллективного субъекта не соответствует классическому представлению о субъекте. Исследование агентности позволяет отойти от традиционных философских концептов, однако поддержит ли она представление о том, что субъект ответственности может быть коллективным?

Данная теория не требует признания той или иной исходной целостности морального агента и, тем более, наличия у него единой субстанции (Д. Денет). Давая обзор современных теорий агентности современный проponent этой теории К.Э. Химма (Kenneth Einar Himma) приходит к выводу, что такие сущности, напр., как предприятия и организации не могут считаться моральными агентами. Наделение их самостоятельным статусом – юридическая фикция, и агентом – носителем ответственности будет ее директор, иной сотрудник, осуществляющий определенные действия (Himma K.E. Artificial Agency, Consciousness, and the Criteria for Moral Agency: What Properties must an Artificial Agent have to be a Moral Agent? // Ethics and Information Technology. 2009, №11. Сс.26-27).

В примере с корпорацией часть сотрудников, акционеров и т.п. столкнутся с последствиями действий указанных агентов, но это едва ли сделает агентами их. В случае с коллективной ответственностью напр. народов можно говорить о «политической фикции» их единства как агента. Они сталкиваются с последствиями решений государственных деятелей. В этом смысле можно употреблять термин «их ответственность».

Участием полноценного (не фиктивного) морального агента в «коллективной вине, ответственности» может быть описание себя как носителя такой вины, «принятие» ее на себя. Наилучшим образом это описывает С. Блэкберн под именем «проективизма» (Blackburn S. Essays in Quasi-realism: a defence of quasi-realism as applied to ethics. New York – Oxford: Oxford University Press, 1993).). Подобного рода своеобразный «обратный рессентимент» может быть одной из форм проявления основных свойств морального агента: намеренность, наличие убеждений и желаний «второго порядка» (Д. Денет), знания различия между хорошим и плохим, каковые не могут быть приписаны т.н. «коллективным» агентам.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Перов Вадим Юрьевич
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО: ПРОБЛЕМА ВМЕНЕНИЯ

Когда речь заходит о моральном агенте как субъекте и акторе нравственных отношений одним из самых главных и существенных является вопрос о тех характеристиках или качествах, которые позволяют вменить этому субъекту определенные моральные требования и оценить совершенные действия с этической точки зрения. Иными словами: кто такой моральный агент? Чем действия моральных агентов отличаются от действий тех, кто ими не является? Для решения этого вопроса и поиска возникающих проблем стоит обратиться к сфере права, в которой проблема юридической дееспособности как возможность быть субъектом правовых отношений и действий является актуальной и при всех имеющихся трудностях достаточно хорошо разработана как с общетеоретической, так и с практической точек зрения. Речь идет о совокупности проблем, связанных с виной, умыслом, намерением, вменяемостью и т.д. В этическом плане это подразумевает более широкий контекст, хотя во многих юрисдикциях решение указанных вопросов прямо требует в качестве критерия выяснение способности людей различать морально правильное и неправильное или даже умение отличать добро от зла. В обобщенном виде (то есть не касаясь особенностей законодательств, правоприменительных практик, различий в упомянутых вопросах между уголовным и гражданским правом и т.д.) можно выделить следующую иерархическую градацию характеристик юридически и морально вменяемых действий (во всех случаях речь идет и о бездействии).

1) Преднамеренные действия – моральный агент имел сознательную цель действовать и прилагал настойчивые усилия для ее достижения

2) Сознательные действия – моральный агент с высокой степенью вероятности уверен а) в возможности достижения поставленной цели; б) в обстоятельствах их совершения; в) в соответствии/ несоответствии своих действий существующим нормам.

3) Безрассудные (легкомысленные) действия – моральный агент знал, но сознательно игнорировал существенный и неоправданный риск своих действий

4) Небрежные действия – моральный агент не знал о возможных рисках, хотя должен был и мог был знать о них, но не приложил для этого достаточных усилий.

Следует отметить, что содержательно такое понимание юридически и морально вменяемых действий уходит своими корнями в этику добродетелей Аристотеля и его понимание произвольных поступков, которые характеризуются следующими признаками:

1) человек должен быть причиной поступка;

2) поступок должен быть

2а) сознательным, включая как знание возможных результатов, так и обстоятельств его совершения

2б) контролируемым, то есть предполагает волевые усилия для достижения искомого результата.

Следует обратить внимание, что право сконцентрировано на негативных последствиях поступков (общественная опасность, вред жизни и здоровью, ущерб имуществу и т.д.), что является причиной отождествления понятий вины и ответственности в качестве негативной санкции в виде наказания. Нравственное вменение предполагает не только осуждение, но и одобрение. Возникающие в отношении данной классификации основные этические проблемы можно сформулировать следующим образом

1) Правовые нормы в силу своего формального характера достаточно четко (насколько это возможно) фиксируют осуждаемые негативные последствия, в том числе посредством определения противоправных действий. Моральные нормы обладают большей вариативностью, что создает двойственную ситуацию. С одной стороны, это затрудняет оценку действий морального агента, с другой – усиливает значение

морального агента как субъекта сознательного выбора и ответственной и морально вменяемой личности.

2) В некоторых юрисдикциях существует понятие «строгой ответственности», то есть «ответственности без вины/ умысла». Это понятие включает множество различных интерпретаций, но в том числе речь идёт о совершении очевидно противоправных и аморальных действий. При этом ключевой проблемой как раз является предполагаемая «очевидность». Это возвращает к знаменитой дилемме Евтифрона (Платон).

Указанные проблемы с одной стороны, фиксируют отличие морального вменения от юридической, с другой – их решение позволяет более чётко определить сущность морального агентства.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Перова Нина Вадимовна
инженер-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

СОХРАНЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО МНОГООБРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО УЛУЧШЕНИЯ

В контексте исследований биологического нравственного улучшения человека часто встает вопрос о выборе качеств создаваемого морального агента. Существует мнение, поддерживаемое, например Дж. Савулеску и Т. Дугласом, что можно выделить конечный список «хороших» качеств, которые должны быть в добровольно-принудительном порядке выбраны для всех будущих поколений.

В целом, возможности выбора качеств морального агента, а не корректировка существующих, связаны с развивающейся технологиями редактирования генома и искусственного оплодотворения. Первый этап использования технологий искусственного оплодотворения, не просто для продолжения рода, но в евгенических целях, связан с открытием Repository for Germinal Choice, банка спермы, созданного в 1978 году с целью сбора спермы у нобелевских лауреатов, людей, считающихся «гениями» и спортсменов олимпийского уровня. Сама по себе идея подразумевала, что именно эти черты, гениальность и спортивность, должны быть сохранены. Они несут ценность, в то время как другими можно пренебречь.

Подобные идеи заставляют задуматься о ценности сохранения нравственного многообразия. Конечно, мир в котором все дети штампуются как одинаковые кажется маловероятным, тем не менее, идея тотального избавления от некоторых черт вызывает определенные опасения. Ориентация на одни качества, сопровождаемая игнорированием или даже искоренением других, может привести к потере многообразия нравственных качеств.

В частности, многие сторонники биологического нравственного улучшения любят рассуждать о пользе сохранения сострадания как «хорошей» черты, выступающей благом для каждого отдельного человека и для общества в целом. Эта наследуемая характеристика связывается учеными с повышением уровня альтруизма, эмпатии, доверия, снижением уровня агрессии. С другой стороны, согласно некоторым исследованиям, люди с более высоким уровнем сострадания эмпатии и сострадания более склонны к делению общества на «своих» и «чужих», что может привести к усилению социальной сегрегации и дискриминации. При этом, появляется вероятность того, что менее сострадательные и альтруистичные люди будут пользоваться более доверчивыми альтруистами. Чем-то напоминает фильм «Изобретение лжи», где при тотальном всеобщем доверии неуемные врать люди верят всему, что придумывает научившийся врать главный герой. Также, можно предположить, что повышение уровня сострадания будет сопровождаться снижением соревновательности. Взаимопомощь и эмпатия придут на смену конкурентности, стремлению к достижениям, победе. Это повлияет на развитие спорта, экономики, политики, технологий и науки. В связи с этим,

сохранение многообразия черт моральных агентов кажется необходимым условием биологического совершенствования.

Нельзя забывать, что технологии биологического нравственного улучшения нацелены на развитие не современного общества, а будущих поколений. Осознание этого ставит вопрос сохранения многообразия по-новому. Даже если мы признаем некоторые качества как «хорошие» и «правильные» для современного общества, это не дает нам знания о качествах будущего. Мы наблюдаем политические, экономические и социальные изменения общества, они все будут требовать трансформации морального агента, как и любые другие изменения, которые будут, безусловно, происходить в будущем. С позиций современности мы не можем точно знать, каким должен быть моральный агент общества, которого на сегодняшний момент еще не существует. В этом смысле сохранение нравственного многообразия позволит сохранить открытыми возможности морального агента будущего, не ограничивая его этическими стереотипами и требованиями прошлого.

РНФ №22-28-00379 «Трансформации морального агента: этико-философский анализ»

Ставцева Ольга Ивановна
к. филос. н., доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
**ТРАНСФОРМАЦИИ МОРАЛЬНОЙ АГЕНТНОСТИ:
ОТ ГУМАНИЗМА К ПОСТГУМАНИЗМУ**

Краткое рассмотрение понимания морального агентства в европейской мысли можно обозначить как переход от понимания действующего субъекта как человека, определенного законами космоса и богами/Богом (античность, средневековье), к становлению индивидуального субъекта (Новое время) и последующее разложение такого понимания, что в этической теории совпадает с критикой как религиозных систем морали, так и проекта рационального обоснования морали в 19 – 20 вв. Актуальная философско-этическая рефлексия развивает и усиливает эти тенденции, доводя их до постгуманизма.

Возникновение теории постгуманизма связано прежде всего с антигуманизмом французских постструктуралистов и постмодернистской теорией, а также формируется на основании идей «прото-постгуманистических авторов» (С. Хербрехтер) – Т. Адорно, Ж. Деррида, Ж. Делёза, М. Фуко, Ж. Лакана, Л. Иригарей, Ж.-Ф. Лиотара, Б. Латура, Б. Стиглеара, Н. Лумана, вписывающих действия человека в ту или иную систему. Работы Р. Брайдотти и Ф. Феррандо, недавно переведенные на русский язык и изданные в России, являются серьезными попытками целостно осмыслить и обосновать мышление за пределами гуманизма.

Гуманистическое обоснование морали, осуществляемое Кантом и утилитаристами в эпоху Просвещения, связано с универсализмом на основе разума. Но разумность морального закона или утилитаристского расчета вытесняет в зоны фронта иррационального, по отношению к которым допускается насилие. Колониальные захваты, геноцид, неравные права, специзм (привилегии некоторых видов над другими) – исторические следствия такого гуманизма (Р. Брайдотти). Постгуманистическая деконструкция гуманистического морального агента призвана преодолеть и предотвратить эти негативные явления истории ради заботы о человеке и будущем его социальной и природной среды.

Универсалистское и эссенциалистское понимание морального субъекта, развитое гуманизмом, постгуманизм заменяет на сложный субъект, связанный многими и неочевидными связями со средой. Основными свойствами такого субъекта является не разум (гуманизм), а телесность, аффективность, эмпатия, желание, чувство коллективности, стремление к построению сообществ (Брайдотти). Брайдотти называет такую субъективность номадической, возникающей в сложных взаимосвязях с другими,

включая нечеловеческих других, во «множественности нечеловеческих потоков и ассамблежей». Постгуманистический агент рассматривается также и в работах Т. Мортонга, Э. Бинчик, А. Цзин, Ф. Феррандо и других, которые подобным образом понимают его.

Постгуманистический моральный агент в эпоху антропоцена, рассматривающегося как человеческий мир, лишенный телеологии и веры в прогресс, дает надежду на выживание человека, но вместе с другими видами и биосферой. Важной ценностью становится экологическая осознанность, фокусирующаяся на связи человека и нечеловеческих других. Возможно, что создание сообществ, основанных на солидарности, поможет сдержать темп катастрофы, причиной которой являются сами люди, распорядившиеся природой ради прибыли.

Таким образом, в современных теоретических проектах происходит расширение моральной агентности: действующим субъектом считается не разумный автономный человек, действующий на основании принципа или расчета, а сложная система взаимодействий с другими, в том числе и нечеловеческими, в которой на основании солидарности и сотрудничества действует постчеловек.

Чалый Вадим Александрович

д. филос. н., профессор

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ: ФАЛЛИБИЛИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Первая формула категорического императива («формула всеобщего закона», ФВЗ) часто рассматривается как главное и наиболее ясное выражение кантовской этики: «...поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» (GMS 4: 421). Однако эта лапидарная формула стала мишенью для разнообразно, часто взаимоисключающей критики: формализм (Гегель), возможность для агента «при известной изобретательности» оправдать любой поступок (Энском, Макинтайр), излишний ригоризм (О'Нил), невозможность четко сформулировать описание действия (Тиммонс) и выбрать уровень обобщения максимы (О'Нил), уязвимость для самообмана (Штикер). Я утверждаю, что моральная делиберация по первой формуле содержит не только «чистый» (формальный), но и «эмпирический» (содержательный) компонент, привносящий уже на первом шаге делиберации недоопределённость и вызывающий многие из перечисленных трудностей. Для обоснования этого тезиса я воспользуюсь построенной Джоном Ролзом (1989, 2000) экспликацией шагов делиберации по ФВЗ: описание действия X в обстоятельствах C для цели Y, превращение его в максиму, универсализация максимы, превращение максимы в закон природы, мысленное присоединение полученного закона к множеству существующих законов природы. Мой аргумент основан на анализе понятия «природа» в кантовском рассуждении («бытие вещей, поскольку оно определено по всеобщим законам» (GMS 4: 421; cf. A 114, MAN 4: 467), учитывает человеческую эпистемическую ситуацию в отношении природы, характеризующуюся неполнотой, перспективностью, недоопределённостью убеждений (пропозициональных установок). Неполнота означает отсутствие целостности и недостаток системности моделей мира человеческих агентов. Перспективность означает конституированность этих моделей положением, точкой зрения, горизонтом, уникальной эмпирической и экзистенциальной траекторией агента. Недоопределённость означает, что свидетельства (данные опыта), доступные нам в некоторый момент времени, могут быть недостаточными для определения того, каких убеждений мы должны придерживаться в ответ на них. Эти три связанных фактора распространяются на выносимые агентом моральные оценки (деонтические вердикты) в отношении по крайней мере некоторых своих действий.

Возвращаясь к модели Ролза, три фактора, во-первых, релятивизируют нашу попытку описать предполагаемое действие: нам доступно множество способов описаний, на выбор среди которых одни влияют и индивидуальный язык, и личная нравственная ориентация, и социально предписываемые образцы. Во-вторых, они релятивизируют операцию возведения описания в максиму: тождество и действий, и их описаний не является полным и даёт основания для ситуативных вариаций. В-третьих, данные факторы таким же образом препятствуют обобщению максимы для всех агентов. В-четвёртых, данные факторы определяют и теоретическую модель агента, к которой надлежит прибавить обобщённую максиму в статусе закона природы, и, соответственно, результат операции прибавления. В-пятых, глубина доступных агенту вычислений при поиске противоречия «в понятии» и/или «в волеии» в получившемся после прибавления универсуме, эпистемически ограничена.

Таким образом, кантаианский агент не имеет сомнений в отношении «твёрдого ядра» делиберации – морального закона как «факта разума» и категорического императива как должного способа его реализации. Результаты же моральной делиберации, то есть деонтические вердикты в отношении действий, не обладают абсолютной достоверностью, а имеют вероятностный характер и могут модифицироваться при изменении различных параметров модели мира агента. Полученные результаты касаются не только естественных, но и (потенциальных) искусственных агентов (автономных интеллектуальных систем).

РНФ №22-28-02041 «Перспективизм как эпистемологическая программа»

Шевченко Александр Анатольевич

д. филос. н., доцент, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

СПРАВЕДЛИВОСТЬ «СКВОЗЬ ВРЕМЯ»

Отложенная во времени справедливости обычно формулируется как «историческая справедливость» (или несправедливость). С правовой точки зрения такая прошлая несправедливость – обычно результат применения права с позиции силы, при этом условия справедливости всегда формулирует победитель. Особую сложность приобретает вопрос о принципах или основаниях, на которых может быть восстановлена поправная справедливость. Философские трудности связаны, прежде всего, с онтологическим статусом прошлого, представлениями о степени и характере связи прошлого с настоящим.

Прежде всего, обращают на себя внимание две структурные особенности ситуации, в которых заходит речь об исторической справедливости или «справедливости во времени». Во-первых, речь, как правило, идет о справедливости по отношению к уже ушедшим из жизни людям. Во-вторых, к этим людям относятся не как к индивидам, а как к группе, несправедливо пострадавшей. Если трактовать взаимодействия людей как отношения между фиксированными членами множества, проблема в том, что субъекты справедливости не сохраняют тождественность. Рождаются новые поколения, которые не участвовали ни в начальном распределении имущества, ни, возможно, в его справедливой передаче.

Решать эту проблему можно по-разному, например, попытаться «спасти субъектов» и трактовать осуществление исторической справедливости как исполнение наших моральных обязательств по отношению к уже ушедшим из жизни людям. Такая позиция по отношению к предкам выражена в философском учении Н.Ф. Федорова, где нравственное падение человека объясняется через утрату чувства вины и ответственности перед умершими. Однако перенос такого подхода из морально-метафизического плана в план морально-юридический связан со многими серьезными проблемами. В частности, требуется пояснить, где искать источник нормативности наших действий по возвращению ресурсов или имущества.

Есть и более стандартный аргумент в пользу тезиса о нетождественности субъектов. Он состоит в том, что потомки тех, с кем обошлись несправедливо, без такого наруше-

ния просто не появились бы на свет. Такой позиции можно противопоставить представление не об индивидуальных субъектах, пострадавших от несправедливости (которые действительно утратили «тождественность» со своими потомками), а о групповом субъекте. В этом случае требование восстановления исторической справедливости может быть основано на том, что ущерб от нарушения справедливости в прошлом продолжает нести группа или сообщество в целом, с общей памятью и схожими представлениями о справедливости. При этом обсуждение исторической справедливости требует учета изменяющихся «обстоятельств справедливости». События, которые могли восприниматься как несправедливые в одно время, могут позднее трактоваться как нейтральные или даже благоприятные, что делает притязания новых поколений неуместными.

Шитовалова Лада Владимировна
д. филос. н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

МОРАЛЬНОСТЬ АГЕНТА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Наука, функционируя в качестве социального института, различным образом взаимодействует с господствующей идеологией. Несмотря на то, что это взаимодействие не однозначно, и идеология может как стимулировать научные исследования, так и делать ученого собственной жертвой, очевидно, что они противостоят требованию научной объективности, а также эпистемической добродетели незаинтересованности. В современных исследованиях распространены критика объективности и незаинтересованности как данностей, сопровождающих научное исследование, а также сомнение в том, что они в качестве таковых вообще возможны в научных практиках. По преимуществу такая критика звучит со стороны феминистской (С. Хардинг) и исторической эпистемологии (Л. Дастон и П. Галисон). Однако пренебрежение незаинтересованностью как регулятивным идеалом, тем, к чему ученый может стремиться, делает язык науки сложно отличимым от политической риторики. Особую остроту такого рода положение дел приобретает в то время, когда настоятельность общественно-значимых проблем и их глобальный характер делают необходимыми для их разрешения существование так называемых «наук для общества» (С. Фунтович, Дж. Равец).

Представляется, что в этой ситуации существует комплекс аргументов, с эпистемологической точки зрения определяющих необходимость освобождения науки от идеологического влияния, а с этической точки зрения задающих условия возможности такого освобождения. На стыке этих аргументов могут функционировать интеллектуальные (эпистемические) добродетели, характеризующие моральность агента научного познания. При этом первоначально должно быть уточнено само понятие идеологии, которое, в соответствии с идеями представителей Франкфуртской школы и критической теории технологий (Э. Финберг) включает два порядка предубеждений, предполагающие во-первых, придание всеобщего характера частным политическим и эпистемическим взглядам и, во-вторых, настаивание на реальности позиции, легитимизируемой в качестве всеобщей. Для раскрытия того, как возможна искомая моральность научного агента в контексте таких предубеждений могут быть использованы аргументы Критики способности суждения И. Канта, работы, которая по мнению Х. Арендт является важным текстом Канта как по этике, так и по социально-политической философии. При этом имеет значение тезис о геватнонии как законе способности суждения, а также рефлексивной способности суждения, обуславливающей «правило широкого мышления».

В докладе будет раскрыто применение этих этических аргументов к научной деятельности в цифровую эпоху в связи с идеологическим контекстом, сопровождающим науку. При определении специфики такой эпохи будет сделан акцент на той составляющей, которую подчеркивают специалисты в области эпистемологии добродетели, а именно возрастание возможности быть услышанным, а также возможностей транслировать или воспринимать сообщения других (М. Альфано).

Грант Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», № 075-15-2020-798).

«СОВРЕМЕННАЯ БИОЭТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ»

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием
нейронаук»

материалы круглого стола

Абдулаева Заира Эсенбулатовна
к.филос.н., доцент

Дагестанский государственный медицинский университет

БИОЭТИКА КАК ФИЛОСОФИЯ И НАУКА ВЫЖИВАНИЯ

Человек овладевает природой, еще не научившись владеть собой.
(А.Швейцер)

Окружающий мир представляет собой удивительное многообразие вещей и явлений: от мельчайших частиц до огромных галактик. Несомненно, что человек тоже часть этой бесконечной природы и неотторжим от неё. Но человек не только живёт в природе, но и преобразует её в своих интересах, забывая порой, что естественно-природная среда обитания человека на планете Земля не безгранична.

Совсем недавно люди были уверены в неограниченных возможностях научно-технического прогресса, предсказывая, к какому году человечество победит болезни, долетит до ближайших планет и разрешит социальные проблемы. Но даже в эпоху торжества науки, техники и технологии природная среда не стала лучше, а жизнь людей не только не улучшается, а становится даже всё более опасной.

Дахр Джамаил в своей весьма выразительной метафоре сравнивает все более безумные погодные явления, вызываемые антропогенными изменениями климата, с электрокардиограммой сердца в состоянии дефибриляции.

Человечество почувствовало реальную угрозу физическому, умственному, психическому и нравственному здоровью и даже собственному существованию. Интенсивное вмешательство человека в естественно-природные и социально-культурные процессы на Земле ставит острые вопросы о нравственности и ответственности за хищническую эксплуатацию природных ресурсов, которая может привести к экологической катастрофе, в результате которой сам род человеческий может исчезнуть с лица Земли, если не предпринять упреждающие меры, которые позволят избежать рост нагрузки на окружающую среду. В чём же причина грозящей катастрофы? Основная причина в том, что человек всё время стремится подчинить себе природу, не считаясь с очевидным фактом, где законы природы превыше разработанных теоретических парадигм организации человеческой жизнедеятельности.

Т.В. Черниговская отмечает: «Мы хорошо должны подумать над тем, чтоб не создать дополнительные страдания Вселенной. Надо донести до сведения человечества, что, если оно не опомнится, то жить осталось ему недолго, мы заигрались».

С этой опасностью и возникла естественная потребность в разработке философии выживания, которая должна стать новой человеческой мудростью.

Отсюда требование глобальной гуманизации науки и медицины, образования и гуманистической ориентации всего социального прогресса на всех уровнях и во всех областях человеческой жизни и научно-творческой деятельности. Но как совместить гуманизм, духовность и жизнеспособность человечества? Холистический, биоэтический, взгляды на мир предполагают включение в краткосрочные планы человечества также и «долгосрочных целей», среди которых: доступность образования, нравственное совершенствование человека, улучшение качества индивидуальной жизни, сохранение и развитие окружающей среды и собственно человеческой природы, совершенствование коммуникации между людьми в решении глобальных проблем человечества. Вот эта проблема, решить которую может только разумная и совестливая форма

жизни и решение которой возлагается на биоэтику, как своего рода экзамен на интеллектуально-нравственное состояние человеческого рода. Человечество пока этого экзамена не сдало, хотя Аристотель еще в 4 веке до н.э. отметил:

Кто двигается вперед в науках, но отстаёт от нравственности, тот более идёт назад, чем вперед.

Вывод очевиден: как говорил Пол Фейербанд «Знание не есть добро. По самой сути своей знание нравственно нейтрально», знания могут представлять опасность, а наука и технологии могут иметь последствия, которые трудно предвидеть, если не изменить присущий ученым и всему обществу (в лице его институтов) традиционный способ мышления.

Акимова Наталья Александровна
к.филос.н., доцент

Саратовский государственный медицинский университет им.В.И. Разумовского ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКОГО СТАТУСА РЕДУЦИРОВАННЫХ ЭМБРИОНОВ ПРИ ЭКО: ЕВГЕНИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Современная биомедицинская наука способна предоставить людям больше выбора, чем когда-либо прежде, в отношении репродуктивной функции. Методы отбора эмбрионов, например, могут позволить выбирать пол ребенка, чтобы избежать рождения ребенка с инвалидностью, или даже намеренно создать ребенка с инвалидностью. Такие возможности поднимают важные этические проблемы и необходимость их оценки с точки зрения моральной экспертизы, а также регулятивных механизмов законодательства. Репродуктивные технологии предоставляют женщинам больше, чем репродуктивный выбор: они способны предоставить средство контроля за репродуктивной функцией, то есть по сути – средство евгенического контроля.

Для сторонников как евгеники, так и вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) деторождение – это своеобразное «лекарство» от социальных «болезней» (умственная или физическая неполноценность). Выбор «лучшего ребенка» – отчасти политический выбор, разоблачающий наши предубеждения и формирующий проблему репродуктивной свободы.

Поскольку идея о решении социальных проблем путем биологической трансформации прочно закрепилась в сознании современного общества, репродуктивные технологии должны оцениваться с точки зрения их потенциальных социально-культурных и этических рисков.

В современной России ВРТ поощряется государством, однако при этом проблематизируется традиционное понимание родства и моделей социальных ролей [1], создавая условия для девальвации устойчивых культурных кодов и норм в понимании маскулинности и феминности.

Одна из наиболее острых моральных проблем – это определение этического и социального статуса редуцированных эмбрионов при экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО). Уничтожение происходит или исходя из принципа евгенической выбраковки эмбрионов, или с целью максимально удобного «выполнения манипуляций» [2, с. 514]. После процедуры редукции только 51% пациенток донашивали беременность до 38 недель и более [2]. Кроме отрицательных соматических последствий здоровью редукция эмбрионов связана с нравственными и психологическими проблемами женщины, допускающей уничтожение эмбрионов.

То есть этическая и юридическая проблемы связаны с «избыточным» числом эмбрионов и их последующим статусом при возможном уничтожении, проведении экспериментов, применении в косметических целях, использованием в качестве донорского материала.

По мнению исследователей, нравственные вопросы при проведении ЭКО возникают и в случае криоконсервации эмбрионов. При применении технологии криоконсервации 20% эмбрионов погибает сразу, а последующая частота наступления бере-

менности и рождения живых детей составляет 28% и 22% случаев соответственно [3, с. 189]. При этом существует два типа физического стресса, которому подвергаются человеческие эмбрионы в процессе заморозки: влияние пониженной температуры и физические изменения, связанные с образованием льда [3].

Таким образом, основные этические дилеммы, связанные с определением социокультурного статуса полученных эмбрионов, сводятся к следующим:

1. продолжительность хранения криоконсервированных эмбрионов;
2. частота «подсадки» эмбрионов;
3. пожертвование с целью проведения исследований и экспериментов;
4. донорское пожертвование;
5. уничтожение / утилизация эмбрионов.

Литература:

1. Воронина О. А. «Новое» материнство: философско-антропологический взгляд // Философская школа. 2018. № 6. С. 104–109. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647.

2. Бесплодный брак: современные подходы к диагностике и лечению / под ред. Г.Т. Сухих, Т. А. Назаренко. Изд. 2-е., испр. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 774 с. URL: <https://www.rosmedlib.ru/book/ISBN9785970415351.html> (дата обращения: 27.09.2022).

3. Элдер К. Экстракорпоральное оплодотворение / К. Элдер, Б. Дэйл ; [пер. с англ. Е. Горностаевой, С. Дьяконова]. М.: МЕДпресс-информ, 2008. 304 с.; URL: <https://medknigaservis.ru/wpcontent/uploads/2018/12/Q0009076.pdf?ysclid=18o69in94390881317> (дата обращения: 26.09.22).

№SSMU-2022-001 «Современный дискурс этических и правовых аспектов новых технологий репродукции человека: Россия в сравнительной перспективе»

Баранова Софья Владимировна
обучающаяся бакалавриата
Воронцова Юлия Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ТРАНСГУМАНИЗМА

На современном этапе реализации трансгуманистической концепции необходимо рассматривать ее отражение в различных областях научного знания. Эта концепция в последнее время вызывает неподдельный интерес как по своему направлению, так и по своим противоречиям. Сегодня вокруг этого идет дискуссия, которая позволяет оценить все «за» и «против» реализации трансгуманистической идеи, требующей улучшения физического состояния человека за счет использования самых передовых технологий, среди которых важное место занимают биотехнологии, искусственный интеллект и другие Smart-технологии. Их использование порождает различного рода проблемы, в том числе этического характера.

Трансгуманизм – это не просто культурное движение, а целая философия, этика, исследовательский проект и образ жизни. Проблема в том, что в гиперсвязанном обществе, в котором мы живем, ускорение изменений таково, что у нас почти нет понимания настоящего и современного состояния технологий. Это понятно для крупных технологических разработчиков. И именно в этом секторе трансгуманизм находит особое место, потому что именно инженеры, очарованы возможностью трансформировать человека с помощью технологий и предоставить ему целый ряд возможностей, которые повысят его способность решать возникающие проблемы, в том числе технологического характера [1]. Трансгуманизм может стать формой сознания, подходящей для технократов и интеллектуальных элит, которые могут контролировать развитие технологий, не всегда ориентированное на учет этической составляющей.

Самым известным во всем мире представителем такого трансгуманистического сознания является Раймонд Курцвейл [2]. Несмотря на то, что его погружение в размышления о целях человека не реализовано в рамках академической критики, его понимание

преобразующей роли технологии имеет антропологическую перспективу, которую необходимо учитывать с точки зрения не только технологической, но и философской.

Цифровой мир кажется новым двигателем прогресса, и с его скоростью пространство и время трансформировались. Это стало культурным явлением, которое децентрализовало пространство, которое связало мир, преодолев границы, налагаемые на нас нашими телами: цифровое делает данные независимыми от эмпирического опыта людей, здесь и сейчас. Скорее, он превращает все это в большой искусственный континуум, в поток реальности, который идет быстрее, чем мир природы, и который поглощает его.

Цифровизация изменила и человека. Происходит трансформация нашего представления о том, что такое человек. Он превратился из меры всех вещей в меру самого себя, и делает свою природу чем-то восприимчивым к радикальному изменению. Можно сказать, что трансгуманизм стремится ликвидировать человеческое, понимаемое как биологическая природа. Он стремится ликвидировать его в самом узком смысле этого слова: превратить биологию в *sapiens*, во что-то поддающееся изменению, зачастую искусственно направленному.

Для правильного восприятия обществом цифровых инноваций необходимо разъяснять последствия вмешательства прогрессивных технологий в природу человека с помощью того же цифрового пространства, активно продвигая этические и моральные концепции, поскольку они станут основой будущих бизнес-решений при поиске баланса между сугубо человеческим и результатами организации в цифровой эре.

Литература:

1. Diéguez Lucena, A. (2021). *Cuerpos inadecuados. El desafío transhumanista a la filosofía* (Inadequate bodies. The transhumanist challenge to philosophy, in Spanish). Barcelona: Herder.

2. Monterde Ferrando, R. (2021). *El ocaso de la humanidad: la singularidad tecnológica como fin de la historia* (The twilight of humanity: the technological singularity as the end of history, in Spanish). Tesis doctorales y Tesinas. Universidad Católica de Valencia.

Барбашина Эвелина Владимировна
д. филос. н., профессор, зав. каф. философии,
Новосибирский государственный медицинский университет;
профессор, Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

РАЗНООБРАЗИЕ НАРРАТИВА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ И НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЭТОГО

«Нарративный поворот», начавшийся в 80-е годы прошлого века, к настоящему времени «захватил» практически все области познания. Его распространение начинается с выхода за пределы литературной и лингвистической областей и заканчивается рассмотрением нарратива как определяющей практики человеческого (социального) общения, как основного способа осмысления себя и мира. Основная линия развития в понимании нарратива заключается в его продвижении от анализа отдельных, зачастую обрывочных текстов, к конституированию смыслов и формированию социальной реальности. От анализа разрозненных повествовательных свидетельств к формированию «нарративного самосознания» (H. Meretoia), homo Narran (W. Fisher) и даже – к «нарративному империализму». В результате своего развития нарратив с удивительно быстрой скоростью перешел от маргинального статуса к состоянию высокой легитимности.

Широкое распространение нарративный подход получил в области медицины. Это определено рядом причин: медицинских (хроникализация общества, снижение острых инфекционных заболеваний), биомедицинских (переход от патерналистской модели взаимоотношений «врач-пациент» к реализации принципа автономии пациента,

пациентоориентированный подход, комлаенс), экономических (стоимость медицины высоких технологий). На теоретическом уровне важным стала признание необходимости отказа от объективизации болезни (пациента) в пользу субъективизации, «субъективной сборки болезни».

Развитие нарратива в медицине привело к парадоксальной ситуации. С одной стороны – популярность и распространенность нарратива, его активное теоретическое осмысление, практическое применение в практике врачебного и сестринского ухода, в коммуникации врач (медицинский работник) – пациент. С другой – содержательная, методологическая неопределенность нарратива. Сложившаяся ситуация «распространенности и неопределенности» нарратива объясняется, на мой взгляд, тем, что его развитие продвигалось в трех основных направлениях каждое из которых обогащало и усложняло понимание нарратива. Более того, развитие нарратива по каждому из этих направлений влияло на остальные, что существенно затрудняет анализ нарратива в области медицины на современном этапе ее развития. В какой-то степени существующее положение дел является неизбежным, то есть содержательная и методологическая неопределенность (богатство) является следствием предыдущих исследований. Поэтому выявление причин, анализ «путей» развития нарратива является шагом к прояснению современной ситуации, и пониманию того, что есть нарратив и какую роль он играет в области медицины. Более того выделение путей развития нарратива, представленное далее, показывает неизбежность «методологической вакханалии» нарратива в области медицины.

Первое направления в развитии нарратива связано с усложнением понимания самого нарратива, то есть с ответом на вопрос «что есть нарратив?». Второе – путь нарратива от одного из способов анализа текстов, зачастую обрывочных и случайных, до нарративной парадигмы современности. Третье направление связано с более общим изменениями в философских основаниях нарратива. Изначально он развивается в ориентации на методологию структурализма, потом – постструктурализма, затем – в контексте феноменологии, герменевтики. Следует учитывать, что смена философских ориентаций нарратива не происходит последовательно, когда одно сменяется другим. Ориентация на то или иное философское основание усложняется еще постмодернистскими импульсами, которые остаются достаточно влиятельными в XXI веке.

Брызгалова Елена Владимировна

к.филос.н., доцент, зав.каф. философии образования

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

ЦИФРОВАЯ БИОЭТИКА: ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС

В докладе выделяется и анализируется концепт «цифровая биоэтика» как использование цифровых методов эмпирических исследований биоэтического дискурса. Распространение биоэтического дискурса в цифровое пространство вызвало формирование концепта «цифровая биоэтика».

В статье выделяется и анализируется концепт «цифровая биоэтика» как использование цифровых методов эмпирических исследований биоэтического дискурса.

Распространение биоэтического дискурса в цифровое пространство вызвало формирование концепта «цифровая биоэтика». Понятие «цифровая биоэтика» не использовалось до настоящего времени в отечественной исследовательской литературе, однако ряд обсуждаемых российскими авторами тем близок различным аспектам, на которые обращается внимание при дисциплинарном оформлении цифровой биоэтики.

Цифровые форматы осмысления сложных этических вопросов в публичном пространстве, не отменяя аналоговых форм биоэтических обсуждений, порождают новую реальность биоэтического дискурса, который становится предметом цифровой биоэтики, использующей цифровые методы эмпирических биоэтических исследований. При этом не происходит изменения в понимании предмета биоэтики. Цифровые ме-

тоды сбора и анализа данных способствуют развитию эмпирической биоэтики через внимание к субъективному опыту отдельного человека и социальных групп, отраженному в публичных дискуссиях в цифровом пространстве, а также могут описывать цифровой ландшафт проявления биоэтических принципов как регуляторов социальных практик.

Литература:

1. De Vries, Raymond. (2004) How can we help? From «sociology in» to «sociology of» bioethics. *Journal of Law, Medicine & Ethics*, Summer, 32(2), pp.279–292.
2. Hedgecoe, Adam M. (2004) Critical bioethics: beyond the social science critique of applied ethics. *Bioethics*, 18(2), pp.120–143.
3. Schneider, Maniel, Vayena, Effy, Blasimme, Alessandro. (2021) Digital bioethics: introducing new methods for the study of bioethical issues. *Journal of Medical Ethics*, 107387.
4. Skorburg, Joshua A., Sinnott-Armstrong Walter, Conitzer, Vincent. (2020) AI Methods in Bioethics. *AJOB Empirical Bioethics*, 11, 1; pp.37–39.
5. Solomon, Mildred Z. (2005) Realizing bioethics' goals in practice: ten ways «is» can help «ought». *Hastings Center Report*, 35(4), pp.40–47.

Ковалева Татьяна Викторовна

к.филос.н., доцент

Санкт Петербургский государственный университет

Плашиенкова Златица

д.филос.н., профессор

Университет Коменского в Братиславе

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ НЕЙРОНАУК В МАРКЕТИНГЕ

Изучение человеческой природы и использование этих знаний нейронауками имеют важное значение, в свою очередь, для маркетинговых исследований, поскольку полученные инновации позволяют им предоставлять нужную информацию коммерческим компаниям для улучшения их продаж. Например, нейронаука помогла маркетологам понять, как люди обрабатывают визуальные стимулы, что позволило им лучше разработать дизайн продукции, чтобы привлечь потребителей. Нейронаука доказала свою полезность в маркетинге и создала предпосылки к актуальным обсуждениям в этическом дискуссионном поле среди специалистов междисциплинарных направлений.

Киберпространство позволяет многим компаниям, которые осуществляют там коммерческие проекты, проводить эксперименты, направленные на улучшение продаж. Очевидно, что в реальном мире такие действия регулировались бы законодательными актами, кодексами профессиональной деятельности, актами защиты прав человека и потребителя. В киберпространстве субъекты часто превращаются в объекты исследования, не подозревая об этом. В 2014г. благодаря статье, размещенной на платформе научного журнала «Proceedings of the National Academy of Sciences» интернет-сообщество узнало, что Фейсбук совместно с учеными Корнелльского университета США проводили ряд исследований по изучению эмоций без согласия испытуемых. Социальное поведение бизнеса заставляет задуматься о том, что любые технологии нейромаркетинга направлены в большей мере на выгоду коммерческим компаниям, а не потребителям. Применяемые технологии из-за их непрозрачности не опознаются обществом и часто служат способом манипуляции СМИ и общественным мнением. Маркетологи экспериментируют с небольшими триггерами, которые могут изменить поведение покупателей/потребителей (например, постепенное увеличение негативной эмоции, создание искусственных хейтеров в борьбе за сферы влияния и т.д.). Исследование нейромаркетинга интуитивной реакции потребителя через влияние на его подсознание помогает маркетологам вырабатывать новые маркетинговые стратегии и дизайн. На эти исследования бренды готовы тратить колоссальные деньги, нейромаркетинг стал инструментом изучения меняющихся рыночных отношений, покупательского стимула и т.д.

Улучшение понимания поведения человека – это задача, которую ставят перед собой многие исследователи из разных сфер научной деятельности. Основным мотивом данных исследований должно быть стремление действовать во имя блага и выгоды общества, а не отдельных людей, наживающихся на выявленных особенностях физического или психического поведения, которые в свою очередь становятся слабостью всего человечества и возможностью всяких манипуляций через них. Этические проблемы в нейромаркетинге не лежат на поверхности, с ними трудно работать, поскольку the System1 brain и the System 2 могут не иметь контакта с объектом и поэтому сложно представить ситуацию прямого вреда, однако суммарные результаты, как типичные показатели поведения человека часто используются некорректно с намерением заставить потребителя вести сообразно намеченным компаниями планам и различным проектам, например, «визуальному плану». Практика выявления «неправильных людей» через такие технологии приводит к мысли, что стигматизация одного человека, группы лиц или всего народа вполне допустимая вероятность. Примером может послужить подобная ситуация в ведении дел компании «OKCupid», которая имела доступ к конкретным людям и могла манипулировать ими для своей выгоды. РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Ларионов Игорь Юрьевич
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЙ БИОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В докладе обсуждается философское значение, а также возможные общественно-значимые риски технологий т.н. биологического совершенствования человека (human bioenhancement).

Техники биосовершенствования человека можно назвать техниками будущего. С одной стороны, очевидно, их реализация приведет нас в новую эпоху истории (прекрасную или трагическую). Концептуально – это вопрос о будущем человеческой природы. Поскольку природа человека в данном случае подвергается изменению, а не преодолению, это направление можно назвать «новым гуманизмом», – в противоположность трансгуманизму, под которым правильнее понимать появления новых существ (систем искусственного интеллекта или новых генетически модифицированных организмов) посредством прорывных достижений «стандартного» человечества.

Стремление привести концептуальное основание ограничения новых биомедицинских технологий, а также критическое обсуждение биологического совершенствования имеет психологическую основу. Новые технологии практически всегда вызывали страх, особенно если они связаны с непосредственным вмешательством в человеческую телесность или в интимную область так называемой «частной жизни». Массовая культура эффективно эксплуатирует подобные страхи (например, в жанре фантастического кино). Однако такая критика не может быть полностью сведена к психологии вопроса, и устранить существенные философские основания аналитики подобного рода.

В первую очередь, мы имеем дело с новой постановкой вопроса о том, что есть человеческая природа, вопроса о сущности человека. Далее, философская аналитика власти несомненно увидит в данном случае новое своё приложение, потому что, во-первых, подобного рода техники связаны с феноменом власти. Во-вторых, осуществление биосовершенствования приведёт к возникновению новых групп человечества, перераспределению власти и, возможно, трансформации ее парадигм, возникновение новых феноменов власти.

Наконец, неизбежен вопрос о допустимости данных практик, нормативной оценки подобного рода возможных процедур. Учитывая экстремальную новизну и сложность темы, едва ли он может быть решён отдельно в правовом и/или политическом поле.

Требуется целостный философский анализ и критика. Это вопрос в том числе этики как одной из важнейших частей философии.

Операции именно над отдельными добродетелями выглядят как относительно «домашняя», а не холодная медицинская процедура, наподобие маникюра (хотя она, конечно, больше напоминает визит к стоматологу). Поэтому она вызывает меньше страха и сомнений, и не так много принципиальных возражений, как идея полномасштабной трансформации человека. Разумеется, такие отдельные идеи улучшения легче обосновать посредством некой общественно-полезной цели. Мы ставим важную задачу улучшить жизнь человечества и помогаем себе решить ее посредством незначительных генетических изменений – мелкой, но важной коррекции «природы» человека в общем контексте воспитания и дрессировки человека.

Разумеется, такого рода проекты никогда не будут свободны от обвинений в том, что они возрождают опасные человеконенавистнические технологии и идеи. Чаще всего они отождествляются с германским нацизмом времен второй мировой войны. Ни в коем случае не оправдывая подобного рода теории, следует сказать пару слов об отличие идей биосовершенствования. По сути их нельзя назвать расизмом (и, тем более, национализмом), поскольку объектом коррекции, преодоления недостатков потенциально является всё человечество, и никакая его группа не провозглашается носителем нежелательных качеств исходно. Только отдельные представители человечества могут быть подвержены коррекции таких свойств, но их нельзя исходно объединить ни в какую социально значимую группу (что, разумеется, не отменяет того, что они могут стать подобной группой после осуществления процедур).

РФФИ №20-011-00124 А «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Летов Олег Владимирович

к. филос. н., доцент, старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

БИОЭТИКА: РАСЦВЕТ ИЛИ КРИЗИС

В 1970 г. впервые был введен в научный оборот термин «биоэтика». Тем самым был дан импульс для развития новой научной дисциплины, направленной на решение проблем, связанных с новыми перспективами в развитии биомедицинской науки. Биоэтика – это знание о том, как использовать информацию в целях выживания и развития человечества. Когда имеют место конкурирующие между собой пути решения проблемы и приоритеты не определены, биологическое знание дополняется ценностными суждениями. Под биоэтикой в настоящее время понимаются биомедицинскую этику как прикладную дисциплину, как, например, этика бизнеса, этика окружающей среды и т.п. Иными словами, биоэтика – это не моральная философия как базовая этика в том смысле, что существуют базовая наука и прикладная наука. Таким образом, стандартная биоэтика суть медицинский и клинический подход к этике. Современная биоэтика представляет собой «нормальную» науку в куновском смысле этого слова. Под «нормальной» наукой Т. Кун понимал дисциплину, в рамках которой оказывается упорное сопротивление по отношению к любого вида изменениям (новым парадигмам, революциям). «Нормальная наука», согласно Куну, сводится к одному предложению: она «работает». «Нормальная» биоэтика как прикладная дисциплина также закрыта по отношению к критике, ограничена в рамках классических текстов. Своим происхождением она обязана случаям или фактам из практики биологических исследований или медицины. В определенном смысле биоэтику можно сравнить с библиографической наукой, неспособной справиться с реальными внешними проблемами, вести диалог с представителями других наук. Последователи биоэтики дистанцируются от «нормальной» науки, которая имеет объект исследования, принадлежит к определенной традиции, обладает собственным языком и методом.

В начале XXI века в кризисе находится не только биоэтика, но и медицина как система социального здравоохранения. Причинами этого кризиса могут быть разнообразные факторы, такие, как рост влияния финансового капитала по отношению к целям социальной политики, увеличение средней продолжительности жизни населения развитых стран, «перевертывание» социальных пирамид в «информационном» обществе, успехи биологии и медицины, дающие надежду богатым людям выиграть еще одну жизнь. Указанный кризис является многомерным, поэтому не вызывает удивления обращение представителей биоэтики к междисциплинарному исследованию. Возникает необходимость рассматривать биомедицинскую этику сквозь призму более широкого контекста системы здравоохранения. Таким образом, проблема биоэтики становится политической проблемой. С одной стороны, встает вопрос, что является предметом биоэтики, а с другой стороны, проблемы биоэтики являются не дисциплинарными, а междисциплинарными. Эпистемологические изменения в области биоэтики влекут за собой изменения во взглядах на происхождение этой дисциплины, трансформируют основные понятия и методы.

Вопрос сводится к тому, может ли биоэтика стать новой дисциплиной с собственными методами, нормами, признанными текстами, программой. Как показывает история науки, дисциплина превращается в «иную», когда новая теория формируется как ответ на новые возникшие проблемы, что приводит к необходимости формирования новых языков и новых подходов.

Мухина София Хамидовна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖИВОТНОЕ КАК ОБРАЗ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ БЕСКОНТАКТНОГО МИРА

Роль животного в пространстве современной цифровой культуры, характерным воплощением которой является образ бесконтактного мира, еще не получила должного осмысления в философской мысли. Однако, этот аспект проблемы во взаимоотношениях человека и животного, обнаруживает целый ряд философских и этических вопросов, напрямую связанных с бытийствованием человека в виртуальной реальности. Современный исследователь Александр Пшера в книге «Интернет животных» отмечает, что образ животного в формате мемов и такого явления как lolcat, а также онлайн трансляций для наблюдения за дикими животными – все это не просто феномен современной массовой культуры, но и особый симптом. Масштаб распространения этих образов указывает на то что, что технологии уже давно развиваются независимо от человека и, тем самым способствуют оскудению культуры в целом, и самому опыту общения человека с миром природы в частности. Однако, у этого обстоятельства есть и позитивный смысл. Такое развитие образа животного в пространстве современного бесконтактного мира свидетельствует о потребности формирования единого, некогда безвозвратно утраченного, бытийного пространства, в котором человек благодаря животному обретает доступ к собственному бытию. Такая постановка вопроса приближает нас к фундаментальной философской проблеме животного как экзистенциала. Экзистенциальный потенциал, который содержит в себе образ животного, выполняет буквально терапевтическую роль. Животное открывает для человека доступ к бытию, поскольку обладает непосредственным восприятием реальности. Существование животных характеризуется непосредственным пребыванием в мире. Они напрямую соприкасаются с реальностью, в то время как человек вступает с ней в отношения посредством абстрактных конструкций, подобной конструкцией выступает также и пространство Интернета. Абстрагирование, будучи способностью мышления, выводит человеческий разум в область идей, но в то же время отделяет, отвлекает его от самого мира. Абстракции создают основную преграду между человеком и миром. Животные лишены самой возможности возникновения такого рода пре-

град, как абстрагирование и отвлечённость. Иначе говоря, принятие ими мира абсолютно, поскольку абсолютна их укорененность в собственном существовании. Человеческое существование обладает огромной экзистенциальной амплитудой, в то время как животное всегда остаётся животным. Эффект причастности, эмоционально переживаемой близости к животному, порождаемый современными технологиями, содержит в себе опыт, посредством которого человек заново получает доступ к животному, дикому, иному, и вместе с этим обретает доступ собственному бытию. Обращение к данной проблеме позволяет утверждать: в современном мире во многом благодаря цифровым технологиям образ животного несет в себе эмоциональный и бытийный потенциал, обращающий человека к самому себе, в заботе о животном, своей дружбе с ним, современный человек обретает доступ к своему естеству, но вместе с тем, в цифровом одомашнивании природы и животного утрачивается грань радикально иного, стихийного начала в природном мире. Следовательно вопрос о технологии заботы, опыте общения с другим, оказывается вопросом об отношении человека к своему животному основанию, поскольку предполагает его новое встраивание в культуру. Грант Президента Российской Федерации. Проект МК169.2021.2 «Техники заботы о себе в цифровой реальности»

Николаенко Сергей Алексеевич
д.м.н., профессор,

руководитель, Медико-производственный центр «Эпитетика»,
Общество православных врачей Красноярского края имени Архиепископа Луки

Штарк Елена Владимировна

старший преподаватель, Красноярский государственный медицинский университет
им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

«PRO BONO»-ВОЛОНТЕРСТВО, КАК ЭЛЕМЕНТ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ВРАЧА-СТОМАТОЛОГА

В современном мире представление о добровольной помощи, представляет особый интерес для изучения, как с экономической, так и с этической точек зрения. Причины мотивации добровольца (волонтера) могут быть различные и зависят от рода занятий и вида деятельности добровольческих организаций. Добровольчество в сфере медицины, которое организуют и контролируют профессионалы имеет особое значение, как ценный здоровьесберегающий ресурс для населения, а также является эффективным способом формирования культуры и профессиональных компетенций, как студенческого медицинского сообщества, так и действующих практикующих специалистов системы здравоохранения.

Правительство Российской Федерации, как и мировое сообщество, все чаще обращает внимание на развитие добровольческих инициатив в современном обществе. Так, например, Конституция Российской Федерации в статье 37 закрепляет принцип свободы труда граждан; право человека работать как за вознаграждение, так и безвозмездно. А в соответствии со статьей 39 Основного закона, поощряется занятие благотворительностью, кроме того с 1995 г. функционирует Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

Наблюдая за развитием добровольческих организаций в России, мы можем отметить повышенный возрастающий интерес, как со стороны Правительства, так и более уважительное отношение к данному направлению деятельности самих граждан. Следует отметить, что в течение последних десяти лет количество добровольцев (волонтеров) среди российских граждан увеличилось более чем в 10 раз (с 1,5% до 15%). Помимо того, начало 2022 года обусловлено рядом запланированных проектов, например, один из них: «В НКО с маршрутной картой». Фонд «Нужна помощь» получил 17 млн. рублей, что показывает готовность государства осуществлять финансовую поддержку развития современного некоммерческого сектора.

Одним из видов высокоэффективной помощи добровольцев является волонтерство PRO BONO (от лат. pro bono publico – ради общественного блага) – это профессиональное волонтерство.

На сегодняшний день PRO BONO-помощь в России находится только на стадии становления. Исследователи считают, что такая форма волонтерства «может стать удачным ценностным драйвером для современных людей, заполнить разрыв между миром личной карьеры, лояльности к компании и ответственностью перед обществом».

Помимо очевидных плюсов волонтерства PRO BONO, т.е. эффективной и безвозмездной деятельности профессионалов, существуют ряд серьезных проблем, на которые необходимо обращать внимание исследователям данного явления. «Барьеры, сдерживающие развитие PRO BONO, достаточно типичны для разных сфер социальной ответственности: отсутствие информации, слабая популяризация, недоверие, непонимание задач и преимуществ, слабая инновационно-стратегическая активность потенциальных игроков, низкая социальная активность профессионалов, отсутствие правил, регламентирующих взаимодействие сторон в процессе PRO BONO», – говорится в исследовании.

В качестве примера профессиональной волонтерской деятельности врачей PRO BONO, можно привести деятельность и проекты Красноярской региональной общественной организации содействия предоставлению медицинской помощи людям с ограниченными физическими возможностями «Подари улыбку», которые направлены на оказание мобильной стоматологической помощи для людей с ограниченными возможностями здоровья. Вектором дальнейшего развития данного проекта является: включение услуг мобильной стоматологической бригады в Красноярском крае в систему стандартных услуг Фонда обязательного медицинского страхования. Создание на базе КРОО «Подари улыбку» ресурсного центра подготовки врачей волонтеров PRO BONO.

В заключении можно сделать вывод, что профессиональное волонтерство PROBONO в сфере медицины является наиболее значимым направлением медицинской этики и деонтологии, способствует развитию профессиональных компетенций, так как добровольная помощь профессионала-врача, даже в отличие от добровольной инициативы студента-медика, имеет особо высокое значение и эффективность для восстановления здоровья пациентов.

Овчинникова Елена Анатольевна
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ И НЕЙРОНАУКАХ)

Проблема междисциплинарности является в настоящее время достаточно «общим местом» исследовательских парадигм (как в сфере гуманитарного знания, так для многих естественно-научных направлений современной науки). В этом, несомненно, заложена определенная внутренняя логика развития наук – он целостности к дифференциации и вновь к попыткам целостного взгляда на предмет науки. Однако, как нам представляется, существует и определенная негативная сторона данного процесса, которая может проявляться в размывании предметной области знания, в апроприации проблемного поля науки. В данном контексте нам представляется необходимым обратиться к такой дискуссионной предметной области, как современные нейронауки в их соотношении с этическими проблемами и современным попыткам выстроить этико-биологическую модель человека.

Взгляд на проблемы происхождения морали, механизмов моральной регуляции с позиций естественных наук имеет свою длительную историю. В контексте общей объединяющей идеи данной конференции, посвященной 100-летию событию в рус-

ской культуре и философской истории, уместно было бы вспомнить о взглядах представителей русской физиологической школы и обратиться к этико-философскому и естественнонаучному дискурсу данной эпохи – взглядам таких ученых физиологов, как И.П. Павлов и А.А. Ухтомский. Актуализация взглядов русских физиологов обусловлена пристальным интересом в современной науке, в том числе философских науках, – к нейроисследованиям. Русских ученых естествоиспытателей, физиологов объединяло стремление разгадать этический строй личности с позиций естественнонаучного знания. В данном докладе хотелось бы уделить внимание не столько анализу их концепций, сколько самому подходу к анализу этических проблем. Позиции ученых физиологов отличались следованием определенной демаркации предметных областей и стремлением с точки зрения науки дать ответы на многие проблемы нравственного поведения. При всем своеобразии подходов и концепций, ученые однако не стремились к замещению этического, к исчерпывающему объяснению всех нравственных процессов, которые характеризуют морального субъекта, нравственную личность в ее целостности. Им была свойственная особая научная строгость и компетентность, требующая научной четкости с позиций топоса науки.

Как нам представляется, современные исследования биологической природы человека выходят за границы научных компетенций в стремлении не просто объяснить нравственные процессы, но заместить, вытеснить возможное обоснование с позиций этического знания, с позиций этических-ценностного и нормативного.

В контексте поставленной проблемы – междисциплинарность может предполагать не просто применение методологии различных наук для объяснения определенных феноменов человеческой культуры, морали, но в некотором смысле подмены и замещением собственно этического взгляда на человека. В этом нам видится некоторые «риски» увлеченности междисциплинарностью современных наук.

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Парийская Елена Николаевна
к.б.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ В РОССИИ

На сегодняшний день трансплантология является одной из самых перспективных областей современной медицины. Трансплантация (от лат. *transplantatio* – пересаживание) – процесс замены поврежденных или утраченных органов путем пересадки таких же органов, взятых из здоровых организмов того же вида. В России в год производится около сотни операций по трансплантации органов. В тоже время пациентов, которые нуждаются в донорских органах в десятки раз больше, по статистике многие из них умирают, так и не дождавшись операции. Проблема пересадки органов волнует не только медицинских работников, так как открывается возможность оказания медицинской помощи больным, ранее считавшихся неизлечимыми, но в тоже время в связи с этим возникает целый ряд этических и правовых проблем (проблемы источников органов и тканей для трансплантации; проблемы доверия к службам, обеспечивающим изъятие органов (констатация смерти человека, но критериям смерти мозга, распределение органов и (или) тканей реципиентам); проблемы коммерциализации), требующих для своего разрешения совместных усилий специалистов из разных областей: медицины, биоэтики, права, теологии, психологии. Главной проблемой развития органной трансплантологии в России является: во – первых, в отсутствии системы координации «донор-реаниматолог-реципиент», а во-вторых, недостаточная информированность населения о вопросах трансплантации, донорства, последствий, которая выражается в негативном отношении общества, включая самих врачей, к донорству органов. Больные вынуждены длительное время находится на больничных койках в медицинских учреждениях или дома в ожидании донорского органа.

Доказано, что выгоднее пересадить почку и провести реабилитацию, нежели практически ежедневно проводить дорогостоящую процедуру-гемодиализ.

Таким образом, несмотря на большие перспективы в области оказания медицинской помощи людям, для большинства людей этические проблемы современной трансплантологии являются примером решения моральных проблем, возникающих в области манипуляций с телом человека, как живым, так и мертвым. Они касаются вопросов права распоряжаться своим телом при жизни и после смерти, об уважении к телу человека, которое является частью его человеческой сущности.

Перов Вадим Юрьевич
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

НЕЙРОЭТИКА В НЕЙРООБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

За последние десятилетия одной из существенных сфер применения достижений нейронаук стало образование. Появились и получают всё более широкое распространение различные, но близкие и пересекающиеся образовательные технологии и методики: нейродидактика, нейропедагогика, образовательные нейронауки, нейрообразование и т.д. Эти направления исследований и практик объединяют специалистов в области биологии, когнитивных наук, психологии, педагогики, дидактики и др., изучающих и использующих особенности взаимодействия между биологическими процессами (деятельность мозга и нервной системы) и обучения для повышения качества образовательной деятельности. Больше всего таких исследований сконцентрировано на изучении нейробиологических механизмов чтения, математических вычислений, освоения речи, включая изучение иностранных языков, памяти, внимания и т.д. При этом особое внимание чаще всего уделяется детям и взрослым, испытывающих в этом трудности по различным причинам. И как это часто бывает, появление новых сфер деятельности, существенно затрагивающих важные и чувствительные стороны жизнедеятельности людей (а в современном мире образование в широком смысле относится именно к таковым), актуализирует традиционные этические проблемы и риски (автономия, благодеяние, непричинение вреда, справедливость, принуждение и др.), а также порождает новые. К наиболее существенным обстоятельствам, порождающими этические проблемы и риски можно отнести следующие.

1. Лженаучность. Этические риски, связанные с проблемой обеспечения достоверности использования результатов нейроисследований обусловлены:

А) Подавляющее число современных нейроисследований принципиально ограничены лабораторными стенами. Даже тогда, когда речь идёт о исследованиях с участием людей, а не только животных (последнее очень распространено в нейронауках), возникают технические сложности их воспроизводства в реальных образовательных процессах. Нельзя поместить всех учащихся в аппараты фМРТ или аналогичные на время занятий.

Б) Как было отмечено ранее, в центре внимания нейрообразования находятся люди испытывающие когнитивные и подобные затруднения. Возникает принципиальный вопрос о возможности распространения даже успешных методик на тех, кто этих затруднений не испытывает.

В) Особенности образования состоит в том, что проверку научной достоверности основанных на нейроисследованиях методик а) невозможно или крайне ограничено и затруднительно проводить с использованием контрольных групп; б) не позволяет проводить исследования на основе принципа информированного согласия, поскольку само образование связано с передачей и получением знаний.

Г) Популяризация достижений нейронаук зачастую становится причиной их упрощенного понимания, вплоть до искажений.

В результате возникают многочисленные нейромифы (напр. лево и правополушарные люди, эффе́кт многозадачности и т.д.), на которых основаны многочисленные

активно внедряемые в сфере образования методики, которые в лучшем случае являются затратными и бессмысленными, в худшем – наносят когнитивный и моральный вред.

2. Образовательные практики, возникающие на использовании достижений нейронаук можно условно разделить на следующие группы: 1) «косвенные», когда создаются новые педагогические методики или изменяются существующие, но при этом не предполагается вмешательства в мозговую и нервную деятельность обучающихся; 2) «прямые», которые основаны на различного рода нейростимуляторах (электромагнитные, компьютерные, фармакологические и т.д.). Последние, особенно с учётом проблем информированного согласия, являются наиболее этически рискованными.

3. Моральная агентность. Особенность образования состоит в том, что это совместная деятельность различных социальных акторов, которые являются моральными агентами. В качестве главных можно выделить организаторов образования, учителей, учащихся и до определенного возраста их родителей (законных представителей). Важно отметить, что их интересы в отношении нейрообразования могут кардинально отличаться, что сказывается на принятии соответствующих решений, в том числе по поводу целей и ценностей образовательных методик.

Сказанное не означает, что нейрообразование в силу своего этически проблемного характера является принципиально рискованным. Речь идёт о том, что эта сфера нуждается в моральном критическом рассмотрении и выработки соответствующей этической нормативности.

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Сапунов Валентин Борисович

д.б.н, Emeritus member of European Geosciences Union, консультант

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

ЭТИКА С ПОЗИЦИЙ СОЦИОБИОЛОГИИ

Под этикой понимается как наука, изучающая мораль и нравственность (Аристотель), так и сами нормы морали и нравственности, обуславливающие существование общества. Человек – существо двойственной природы, сочетающее социальную и биологическую сущности. Соответственно, можно рассматривать сочетание социальной и биологической этики. Биологическая направлена на выживание *Homo sapiens* как вида. Социальная – на сохранение Человека разумного как основы ноосферы – по Т.Де Шардену и В.И.Вернадскому. Эти ученые создали учение о биосфере и обозначили основные законы существования ноосферы как сферы социальной формы движения материи. Важнейшие принципы существования биосферы и ноосферы – гомеостаз и иерархия механизмов устойчивости. Каждый более высокий уровень организации биосферы и ноосферы сохраняется, отбрасывая элементы более низкого уровня. Биосфера выживает, отбрасывая менее приспособленные экологические системы. Виды выживают, жертвуя менее приспособленными особями. Аналогично существует ноосфера. Возникает иерархия ценности личности в обществе. Хотя любая личность ценна, но в экстремальной ситуации возникает иерархия ценности. На первое место ставятся детские особи как будущее вида, на вторую – женские, и на последнюю – мужские. Репродуктивный потенциал их выше, чем женских. Поэтому мужчин активно используют на войне и в других экстремальных ситуациях, рассчитывая, что их потери будут скомпенсированы в будущем поколении. По законам биологии в условиях популяционного стресса среди новорожденных доля мальчиков возрастает. В любой экологической системе есть хищники и паразиты. Стабильная система держит все экологические формы в балансе. В социуме профессия, связанные с убийством других видов – охотники, работорговцы – считаются социально приемлемыми. Но социум отвергает социаль-

ных паразитов – киллеров, уголовников и т.п., хотя их существование неизбежно. Социальный паразит высшего уровня сформировался в пределах мировой финансовой системы. Он живет по принципу «деньги делают деньги», хотя с позиций человеческой этики прогресс возможен на основе принципа «труд делает деньги». Как биологическая система не может полностью лишиться паразитов и хищников, так и в социуме неизбежно возникают структуры, уничтожающие население и материальные ценности. Создание гармоничного общества должно быть основано на формировании этических норм, ограничивающих активность социальных паразитов.

Томильцева Дарья Алексеевна

к. филос. н., доцент

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б.Н.Ельцина

БИОАРТ – ОЖИВЛЯЕМОЕ И УМЕРЩВЛЯЕМОЕ

Несмотря на распространённость и даже привычность, био-арт по-прежнему сохраняет свой проблемный статус как с эстетической точки зрения, так и с точки зрения этики. При всём многогранности этической проблематики, складывающейся вокруг этого направления, одной из интереснейших является вопрос о моральном статусе существования живых объектов. Он в био-арте проявляется в двух аспектах. Первый ставит вопрос о том, когда и какие объекты мы можем назвать живыми, если имеем в виду нечто меньшее, нежели целостный организм, и какого рода отношения с ними являются морально-приемлемыми? Более того, возможно ли говорить о моральном отношении применительно к «полу-живым объектам» (см. например, одно из первых и знаковых произведений для био-арта «Полу-живые куклы беспокойства» «The Semi-Living Worry Dolls 2001» O. Catts, I. Zur, G. Ben-Ary)? Если в отношении подлинно-живых организмов (данный термин сам по себе является крайне непростым) постоянно разрабатываются критерии, по которым задаётся предел (не)допустимого, например, способность чувствовать боль, то для полу-живого, или искусственно-живого такой критерий навряд ли будет особенно значимым. Последнее предположение открывает собой второй аспект нашего рассмотрения, и касается вопроса о смерти подобных объектов. Может ли быть названо убийством прекращение роста клеток полу-живого объекта? Является ли инициированное художником прикосновение случайного человека к такому объекту, ритуальным убийством? Возможно ли вообще употребить подобную этически-сложную терминологию применительно к отдельному скоплению клеток? В представляемом вашему вниманию докладе будут предложены возможные варианты ответов на поставленные вопросы.

Литература:

1. Циммер К. Живое и неживое: в поисках определения жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 370 С.
2. Bakke M. Zoe-philic Desires: Wet media art and and beyond // Parallax, 2008. № 14(3). P. 21-34.
3. Chistyakova M. Bio-Art Between Bios and Zoe // 4th CTPE 2019 Fourth International Scientific Conference Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism. Volume, 2020. P. 390-398.
4. The Semi-Living Worry Dolls // O. Catts, I. Zur, G. Ben-Ary. URL: <https://tcaproject.net/portfolio/worry-dolls/>

Шахназарян Нона Робертовна
к.и.н, ст. научный работник
Академия наук Армении

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА МЕНТАЛЬНОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Два исследовательских проекта, реализованных мною в 2021 и в 2022 гг., касаются антропологии утраченных городов и деревень в ходе второй 44-дневной карабахской войны 2020 г. Сочетание метода аудио-интервью и параллельного прорисовывания концептуальных или ментальных карт составили сердцевину методологии исследования.

В ходе сбора и анализа материалов очень скоро обнаружили себя этические дилеммы. При исследовании ментальных карт исследователь неизбежно получает доступ к конфиденциальной информации. Следует иметь в виду, что интерпретация результатов исследований – дело вторичное. В ходе исследования важно не терять доверия участников и соблюдать вытекающую из этого этическую ответственность.

Следует спрашивать об их собственной части города – требует этический кодекс ментального картографирования. Это правило относительно легко соблюдается. Хотя принцип несколько раз в ходе исследования «нарушали» сами участники исследования. Некоторые из них пожелали нарисовать целые три карты своего города – Гадрута, близкого к городу родового села родителей, где проходило их детство. Вдобавок, карту всего гадрутского района захотел нарисовать архитектор по профессии житель утраченного города Гадрут.

Еще один важный вопрос касается конфиденциальной обработки собранных данных. Не успели мы обсудить эту проблему в группе, как раздался звонок давшей накануне интервью женщины, настоятельно требовавшей удалить аудиозапись ее интервью и вернуть карту. Не было сомнения, что доверие и спокойствие участников исследования важнее. Если неуклюже нарисованная ментальная карта каким-то образом вернется в естественное окружение интервьюируемого, то он может стать предметом насмешек как в глазах своих друзей, так и незнакомых людей. Во-первых, это было бы серьезной ошибкой, а во-вторых, связанная с этим потеря доверия может поставить под угрозу продолжение исследования.

Многие, хотя не все этические вопросы отпадают, в случае если карта прорисовывает контуры биографии человека, которого нет в живых, как это было с историческим исследованием беженцев карабахского города Шуши, касавшееся кровавых событий марта 1920 г.

In the framework of the «Future for Karabakh» project, University Southern California, Armenian Studies Institute

«МОРАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕ»

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения
Российской империи XIX – нач. XX вв.»

материалы круглого стола

Azadegan Ebrahim

PhD, Associate Professor

Sharif University of Technology

IBN SINA ON VIRTUE ENGINEERING ETHICS

Our universities focuses are mainly on educational system of flourishing «good» engineers and scientists who are capable of quick complex calculations and comprehension of mathematical and physical subtleties in order to make our lives more suitable and comfortable. The outcome of modern educational system is the production of weapons of mass destruction, environmental crisis, extinction of several species, global warming, laboratory-made viruses, and so many other crises that put our lives on the earth in danger.

This paper concerns with the deep root of the calamities that we engage with in our world, which is forgetfulness of our real virtue, value and role in the world. A «good» Engineer is not a good calculator or a dictionary of formulas but a virtue who through scientific understanding and wisdom ought to try to help others and the world to build moral life and ethical community. In order to promote this idea of virtue engineering ethics this paper draws upon Ibn Sina's definition of Muhandes which does not mean engineer or a calculator at all but he introduces muhandes as a mathematician who apprehends the mind of God and tries to transform his/her sacred vision in the natural world. So the outcome of the muhandesi [engineering] would be beauty, art and then a real comfort for human beings.

In this paper first I will demonstrate the problems that our modern system of education has been made and then I shall refer to the remedy of this throughgoing disease of our world by introducing the need for changing our worldview towards the role and real nature of humanity and then based on Ibn Sina's idea about the Muandes I shall propose that our universities should aim at generating muhandesin rather than engineers.

Malakootikhah Esmaeil

Dr., Assistant Professor

University of Isfahan

FAMILY STRATEGIES TO STRENGTHEN CHILDREN'S RELIGIOUS BELIEFS

This research has considered family and effective strategies in strengthening the religious beliefs of children from the Islamic point of view. Strengthening the religious beliefs of children is one of the important subsets of religious education. The extent of the family's influence on the children's personality is not hidden from anyone. The purpose of this study is to provide solutions to parents that strengthen their children's religious beliefs. The necessity of this research is because religious education and institutionalization of religious beliefs is one of the most important duties of parents and one of the spiritual rights of children. Today, it has prevented parents from paying attention to the spiritual upbringing of their children in a modern lifestyle and many activities. This damage will weaken the children's internal control tools and will also threaten the health of the community and lead to a generation gap. This research has been done by descriptive-analytical method. The results show that the deepening of children's religious beliefs and their spiritual education depends on the loving behavior of parents with their children. If children's religious beliefs are linked to their feelings and emotions, those beliefs will be more consistent. Also, in order to provide the ground for their acceptance and internalization, it is necessary that religious beliefs and teachings be conveyed to them in a simple and understandable expression, reasoned and

appropriate to the level of understanding and comprehension of children. Prophet Mohammad (PBUH) said: We, the group of prophets, are commissioned to speak to the people as much as they can (Kolieni, vol.1, p.23). In addition, education is a gradual and continuous process. Therefore, it is necessary that the teaching of religious beliefs and teachings to children be gradual and continuous. On the other hand, children and adolescents have a spirit of homogenization and assimilation. Hence, it is necessary for parents to help them choose friends with faith and righteousness. Prophet Mohammad (PBUH) said: «Man acts in his religion based on the religion of his friend and his companion» (Kolieni, vol.2, p.375). The impact of children from parent's religious beliefs and behaviors is also significant. Hence, the belief and the righteousness of the parents also lead to the consolidation of the religious beliefs and education of children. Prophet Muhammad said: Prophet Muhammad said: Invite people to religion with something other than language. People should see you acts and behave right like you like piercing, honest and prayers because these things are automatically invited others to religion and influence on others (Clinic, p.2 p.78).

Shiravand Mohsen
Assistant Professor
Rezaei Ibrahim
Assistant Professor
Ishaghian Naimeh
MA
University of Isfahan

EXPLAIN MYSTICAL ETHICS AS A CONCEPTUAL APPROACH IN BAHRULULOOM'S TREATISE

Keywords: Mystical Ethics, Bahrululoom, The Treatise of Wayfaring

One of the substantial approaches to Islamic ethics is mystical ethics. A great deal of writing in the field of ethics is specified to the mentioned approach whose exploration requires attention to definition and ontological as well as epistemological peculiarities. Scholars of ethics believe that mystical ethics is wayfaring ethics and the wayfarer is subject to particular duties and decrees in accordance with circumstances of the new waystation in which fundamentals and regulations of purification of the self and the soul vary from former and next stages. Hence, every waystation includes specific ethics along with common morals (A group of authors 1393, 45). This approach has its unique basis in ontology and anthropology; it is ontologically an empirical and sensory method, as well as an intellectual method to perceive the vain truth, and it is inevitable if mystic's findings appear to be deductive-rational since it is a prerequisite for communication with non-mystics. For the mystic, otherwise, the method to perceive the truth is intuition homed in the heart of human being. Anthropologically in here, the heart is the center of perception and once one's spirit and heart thrive, man's existence purifies, consequently receiving reflections made by truths. A remarkable point is that the human soul consists of layers and linear levels derived from one another. Scholars of this field maintain that each of the layers would find actuality throughout man's spiritual development and in light of this actuality human perception would be profound and advanced. Amongst great treatises exploring diverse spheres of man and his perception is a work titled *The Treatise of Wayfaring* ascribed to Al-Sayyid Mohammad Mehdi Bahrululoom (1155-1212 AH) whose work is possibly the most significant work in mystical ethics which later scholars and mystics drew heavily on it. The present dissertation adeptly identifies twelve levels of ethical education and attainment of sincere devotion, including lesser Islam, lesser faith, great Islam, great faith, great emigration, greater emigration, great holy war, victory and unification, greater Islam, greater faith, greater emigration, greater direction. It is apparent from his treatise that Bahrululoom applies a novel approach by investigating the concept of sincere devotion. To him, discovery of truth is subject to a journey of existence through twelve waystages. The researcher aims to explain mystical ethics as a conceptual approach to analyze and examine the twelve levels of mystical ethics embedded in Bahrululoom's treatise.

Shiravand Mohsen
Assistant Professor
Rezaei Ibrahim
Assistant Professor
Ramazani Nejad Maryam
MA
University of Isfahan

EXPLANATION THE RELATIONSHIP BETWEEN INTELLECT AND DISCIPLINE

Keywords: Intellect, Discipline, Wisdom, Divine law

The relationship between intellect and discipline is one of the paramount issues in Divine Law. The main contention of the present proposal is that there is a close bond between intellect and discipline, hence we can assert that discipline is the offspring of intellect, hereinafter «disciplined intellect». Discipline, as one of the topics in ethics and mystical knowledge, is divided into two categories of human and divine discipline. The former is grounded in practical intellect, and the latter is rooted in theoretical intellect. Whose behavior complies with imperatives of practical intellect is called a discipline individual, and once he guards known divine borders on the ground of theoretical intellect becomes divine discipline-realized. Seemingly, divine law considers a causal relation between intellect and discipline, thus discipline is the reason for the fulfillment and actuality of intellect. As also depicted in Seas of Lights, «disciplines yield understandings and generates minds» (68) or as expressed in Exalted Aphorisms and Pearls of Speech «the wise need discipline, much like plantation needs rain» (52). Imam Ali (PBUH) likewise articulated, «all things require intellect and intellect needs discipline.» This thesis aims to explore the relation between intellect and discipline in Islamic divine law, and analyze its role and faction in the revealed law. Understanding, analysis, explanation and presentation of disciplined intellect are more likely the solution for most sufferings and burdens of the modern society. Conceptology and appropriate presentation of teachings of divine law and wisdom are what contemporary human is missing. Divine Law and wisdom support a submissive and humble intellect against human issues, with the purpose of respecting divine rules «observe limits set by Allah» and progress within the approved framework of religion (9:112).

Барташевич Татьяна Юрьевна
к.филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Богословская мысль России конца XIX – начала XX вв была тесно связана с философской мыслью. Пространством дискуссий выступали в этот период прежде всего философские журналы, на страницах которых публиковались философы, богословы, писатели. Основным предметным полем философской полемики становились прежде всего проблемы этики, нравственной жизни общества, моральных ценностей, нравственного строя личности. Следует отметить, что именно в этот исторический период философская и богословская мысль обращается к анализу этических понятий и проблем моральной философии. Можно предположить, что столь пристальное внимание к понятийному строю этической мысли было связано с рядом обстоятельств – во-первых, ростом самосознания российского общества, формированием этической рефлексии общественной жизни и нравственного мира личности, во-вторых – с необходимостью осмыслить западноевропейские философские влияния (в этот исторический период как в богословской, так и в философской мысли анализируется наследие классической философской мысли – труды Канта, Гегеля, марксистские концепции, а также сочинения Ницше, Шопенгауэра и др.) и современные достижения науки, третье обстоятельство, объясняющее появление разнообразных работ, посвященных анализу этических понятий и проблем, связано с созданием философских самобытных концепций и учебных изданий. Так, А.А. Бронзов в своем труде «Нравственное богосло-

вие в России в течении XIX столетия» отмечал, анализируя учебник христианского нравоучения проф. М. А. Олесницкаго, что «самое раскрытие нравственных вопросов ведется на высоте современных научных требований и данных».

Предметом богословских сочинений становятся «вопросы нравственной жизни общества», «нравственные отношения и обязанности к семье, школе, обществу», проблемы благотворительности, нравственное отношение к природе, проблемы воспитания и многие другие проблемы, которые входят в предметное поле этики. К теоретическим проблемам нравственной философии, которые более всего интересовали богословов, можно отнести такие проблемы, как свобода воли и детерминизм, долг, обязанности и совесть, определения чести и бесчестья, анализ категории счастья и др.

Цель данного доклада видится нам не в стремлении дать исчерпывающий анализ проблематики нравственной философии в трудах богословов, но обозначить основные исследовательские интересы и векторы в этой области, сформулировать исследовательские задачи, которые позволят представить более целостно и основательно вклад отечественного богословия в этическую науку.

Блинкова Александра Олеговна
к.филос.н., исследователь
университет Осло Мет

ЭТИКА В СИСТЕМЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В духовных школах Российской империи нравственное или моральное богословие, долгое время будучи частью догматического или схоластического богословия, начало оформляться в отдельный учебный курс в рамках системы, выработанной Феофаном Прокоповичем в первой половине XVIII века [1]. Однако, в самой структуре богословского образования нравственному богословию по-прежнему уделялось недостаточное внимание и зачастую нравственные вопросы продолжали рассматриваться в рамках других богословских или даже философских дисциплин (например, система нравственной философии И.М. Скворцова). Тем не менее, первая половина XIX века охарактеризовалась заметным развитием в области нравственного богословия. В свет вышло не мало отечественных трудов, в том числе составленных на основе прочитанных лекций в духовных школах Российской Империи, авторы которых хоть и продолжали ссылаться на труды католических и протестантских богословов, все же больше и больше обращались к святоотеческим писаниям «моралистов», как западным, так и восточным, обширно переведившимся в то время на русский язык. Глобальное преобразование положения христианской этике в системе духовного образования было связано с изменением устава духовных школ. Реформа уставов духовных школ 1867 г. затронула напрямую и нравственное богословие, установив программу учебного курса, в основу которого легла нравоучительная система о. Солярскаго (пособие о. Солярскаго на долгое время стал единственным учебником нравственного богословия в духовных семинариях). Следующая за ней уставная реформа 1884 г. исключила некоторые аспекты системы о. Солярскаго (сравнительное нравственное богословие, внехристианское нравственное богословие, этическое отношение к животным), расширил другие из имеющихся аспектов программы (добавив положение о народных верованиях), а также впервые осветила методологические подходы к преподаванию нравственного богословия [2]. Несмотря на то, что введенная уставная программа накладывала довольно строгие рамки для развития христианской этики как науки, сильно уступая в этом западным школам, на начало XX века нравственное богословие инкорпорировалось в систему духовного образования в качестве отдельного предмета.

Литература:

1. Корзо М.А. Православное нравственное богословие XVII в. и его специфика: «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669) // Этическая мысль. 2018. Т.18. №2. С.56-71.
2. Бронзов А.А. Нравственное богословие в России в течение XIX-го столетия. С.-Петербург: Типография А.П. Лопухина, 1901.
РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв.»

Доржигушаева Оюна Владимировна

к. филос. н., доцент, ведущий научный сотрудник

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

ЭКОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БУДДИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Экологическая этика, в том виде в котором она существует, являет собой некий симбиоз современных идей и традиционных ценностей. Она опирается на теорию систем и теорию устойчивого развития, что касается духовного наполнения, то тяготеет к духовным традициям, которые проповедовали идеи ненасилия, толерантности и уважения ко всему живому. Инвайронменталисты говорят, что позитивизм, утилитаризм и стремление к максимальному удовлетворению материальных потребностей привели нашу цивилизацию в тупик. Поэтому нужно пересмотреть духовный багаж человечества и вновь вернуться к мировой мудрости основанной на понимании целостности мира и внутренней взаимосвязи всех существ. Современная экология заинтересована в поисках философских и нравственных парадигм, на основе которых будут разработаны основы гармоничных отношений между человеком и природой. Такие вызовы как высокая антропогенная нагрузка на биосферу, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов, вымирание видов растений и животных, эстетическая деградация природы и др. подводят общество к необходимости перестроить этику и питающую ее философию. Эти вызовы требуют объединения усилий Востока и Запада в формировании экологической этики. Это тем более важно для России в силу специфического географического положения, многонациональности и чрезвычайной остроты экологической ситуации. В докладе будет рассматриваться нравственный потенциал буддийской культуры для формирования экологического стереотипа поведения современного человека. Представлены основные понятия экологической этики буддизма, например, воплощение экологической ответственности человека – закон кармы, принцип ненасилия – ахимса, сострадание ко всем живым существам – бодхичитта и др.

Сейчас мы наблюдаем растущий эоактивизм как молодежный тренд, который упирается в то, что универсальные и понятные решения разнообразных экологических и этических задач еще не выработаны. Для современной молодежи быть экологичным – это быть эмпашированным человеком, придерживающимся осознанного потребления. 10 января 2021 года состоялся диалог Его Святейшества Далай-ламы с активистом по защите окружающей среды Гретой Тунберг и учеными Сьюзан Натали и Уильямом Мумо. Грета Тунберг начала свое выступление со слов благодарности. Она поблагодарила Его Святейшество за то, что он так стойко выступает за необходимость осознать проблемы окружающей среды и изменения климата. «Мы, молодые люди, хотим поблагодарить вас за то, что вы заступились за нас. Между нами может быть разница в возрасте, но нас объединяет общая цель – защитить планету».

Далай-лама в своих обращениях по поводу пандемии подчеркивает обеспокоенность экологическим состоянием земли, в частности в связи с колоссальными изменениями климата. В своем интервью журналу *The Guardian* в ноябре 2020 г, Далай-лама упомянул, что одним из вопросов первостепенной важности для него стали экологические проблемы. XVII Кармапа Орьген Тинлей прикладывает множество сил для продвижения в интернете созданного им экологического движения «Хорьюг». Российские общины не остаются в стороне: буддистская ассоциация «Арья Сангха» обратила внимание на экологические проблемы и организовала в феврале 2021 г. Международную онлайн-конференцию «Байкал – чистая чаша планеты». Если до пандемии благоприятные условия в мире позволяли сосредоточить внимание на расширении общин и распространении буддийских практик, то в условиях глобального кризиса вопросы выживания и развития экологического сознания стали приоритетной задачей мировых буддийских лидеров. Также мы хотели бы отметить, что использование интернет-пространства для распространения экологических ценностей на ши-

рокие слои общества становится достаточно перспективным и важным путем духовного развития. Многие элементы буддийской философии сегодня осмысливаются духовенством с точки зрения потенциала для формирования и продвижения экологической этики. Мы наблюдаем, что проблемы экологии постепенно формируют платформу для диалога и обмена опытом, призывая к сотрудничеству не только разные буддийские общины, но и способствуя межрелигиозному сотрудничеству. Повышающаяся активность буддийских сообществ в сфере экологии, так или иначе формирует новые феномены, наделяя данную сферу интересом для дальнейшего научного наблюдения.

РНФ №19-18-00412-П «Экологическая этика буддизма»

Жадунова Наталья Владимировна

к.филос.н, декан факультета дополнительного образования

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им.Н.П. Огарёва

МОДЕЛЬ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

В силу многообразия современных протестантских деноминаций не существует единой модели нормативного регулирования жизни членов протестантских общин. Сама сущность протестантизма заключается в отказе от каких бы то ни было авторитетов, правил и предписаний, кроме Святого Писания.

Ранние протестанты (У.Цвингли, М.Лютер и др.) отрицали необходимость юрисдикции церковной жизни, важность канонов. Позднее Ф. Меланхтон, Ж. Кальвин высказывали позицию, что государь, светские власти (*Landesherr*) имеют полномочия и обязанности, возложенные Богом, по управлению церковными делами, в качестве членов церкви (*praescriptum ecclesiae membrum*). После М. Лютера и Ф. Меланхтона сложилась традиция не создавать никаких законодательных актов относительно общего устройства и управления протестантскими приходами и регламентации жизни прихожан. Вместо канонического права встал светский закон, который заменял собой права Св. Апостолов, Вселенских и Поместных соборов.

Так, например, в Германии еще в начале XV века, Констанцкий и Базельский соборы, определили независимое от Ватикана замещение церковных должностей, послужили основой для судебной реформы, что позднее в период Реформации привело к тому, что князья, по примеру их коллег, примкнувших к новому вероисповеданию и взявших в свои руки церковное управление, стали светскими законами регулировать церковные дела на своих территориях.

Иная традиция сложилась Англиканской церкви. В середине XVI века Парламент принял Акт о супрематии (1534), который провозгласил короля верховным главой независимой англиканской Церкви (*Ecclesia Anglicana*), управляемой примасом – Архиепископом Кентерберийским. Светский правитель приобрел право утверждать доктрину (признавались всего лишь 3 таинства, позднее только 2, доминанта принципа «оправдание верой»), обряды и внутреннюю структуру церкви. «Тридцать девять статей англиканского вероисповедания» (39 Articles of Religion), по мнению исследователей (И.А. Фадеев и другие) являются сборником политических решений Елизаветы I, нацеленных на установление религиозного единообразия, а, следовательно, религиозной и социальной стабильности, в большей мере, чем на изложение основ учения Английской церкви.

Таким образом, отменив общецерковные каноны, протестантизм создает системы дисциплинарных норм, которые принимаются светскими правителями и поддерживаются членами общин. Важно отметить, что в разных государствах устанавливались разные правовые и этические нормы, которые оказывали существенное влияние на формирование нормативных практик в различных деноминациях. Право деклари-

вать нормы, управлять жизнью прихода и стало принадлежать общему собранию прихожан. Общими принципами нормативного регулирования вместо канонических норм стали коллегиальность и выборное начало. Эта тенденция сохранилась до настоящего времени и находит свое выражение в том, что многообразие индивидуальных позиций членов протестантской общины во многом оказывается предопределенным мнением большинства. Важную роль в нормативной регуляции играют не только уставы и регламенты протестантских церквей, но и социально-экономическое и политическое устройство тех государств, где они существуют и имеют преобладающее большинство.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Зайцев Павел Леонидович
д. филос. н., профессор

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

«СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ» СВ. ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ О ТИПАХ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ К.-Х. ГРЕНХОЛЬМА

Святитель Игнатий Брянчанинов в «Слове о человеке» продолжает идею Писания о том, что человек дом, обитель, сосуд: «Вы есте церкви Бога Жива» (2 Кор. 6:16). Св. Иоанн Златоуст реагируя на эту же строчку Послания к Коринфянам заключал, что где бы человек не был, везде приготовлен ему и алтарь, и жрец, и жертва, так как сам человек и есть алтарь, и священник и приношение. Нам представляется, что дом как зримый аналог человеческой природы несколько иной, чем те, что приводит Златоуст. Дом – указывает нам прежде всего на место, в которое приходят, которое хранят или напротив, покидают. Следовательно, человек не есть содержание, не есть суть, а только возможность для определения. Этим произведением Брянчанинов демонстрирует принадлежность к традиции, от которой в первой половине XX века обособляется экзистенциализм, акцентирующий тему человеческого существования. Человек «есть», и лишь это константа, то же «что он есть» – переменная. Если для философии экзистенциализма смысл человеческого существования существует во множестве вариантов, каждый из которых верный, то для Брянчанинова он или дом Божий или дом сатаны. Человек не может не быть домом – он «Богозданный храм Божества по душе и телу», и дом не может оставаться пустым. Вместе с тем, этот дом может быть разрушен. Именно так, как разрушение дома понимает смерть Брянчанинов. Впустивший в дом сатану – погибнет. Брянчанинов уверен, что смерть это казнь, поражая каждого человека она доказывает, что каждый из нас преступник. Последний аспект имеет безусловное этическое содержание, представляя собой рефлексию базовых моральных институций христианства. Этика Брянчанинова безусловно теологическая этика. Но к какому типу, или даже к какой интерпретации теологической этики она относится? К.-Х. Гренхольм в работе «Этическая теория» выделяет два значения теологической этики: во-первых, как систематической разработки разновидности религиозной этики, теологическую и критическую рефлексию морали внутри традиции; во-вторых, часть религиоведения, т. е. теоретического и критического анализа этических моделей религиозной этики. Мы видим, что святитель И. Брянчанинов говоря о смерти и разрушении дома, впустившего в себя сатану, хотя и связан с широким контекстом философских идей (подобное изречение, обращенное к строителю дома, что будет разрушен, присутствует и в тексте Дхаммапады) исходит из внутрехристианского понимания природы человека. Следовательно перед нами пример конфессиональной теологической этики, первом типе в классификации Гренхольма.

Климович Анна Игоревна
к. филос. н., доцент

Белорусский государственный медицинский университет
**ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ
В ПОЛОЦКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ АКАДЕМИИ (1812-1820)**

Преподавание моральной философии (этики) в Полоцкой иезуитской академии (1812-1820 гг.) неразрывно связано с классической системой образования Общества Иисуса, нашедшей воплощение в учебном плане Ratio Studiorum. Главной целью преподавания выступала следующая: формирование у воспитанников этической и правовой культуры. Политика и право, по мысли представителей данного ордена, должны были быть в первую очередь обусловлены христианскими добродетелями, что, как отмечают исследователи, породило поколения граждан, которые научились отождествлять благочестие с гражданскими ценностями [1, с.530]. Идеальным горизонтом этического обучения было, безусловно, формирование *respublica christiana* – определенное видение христианского мира, выходящего за рамки национальных государств. Данный идеал был утрачен в связи с историческими событиями Реформации и Контрреформации. После изгнания ордена из европейского интеллектуального пространства он обосновался на территории Российской империи и попытка восстановиться как сам идеал, так и этические и правовые его аспекты в рамках академического сообщества Полоцкой иезуитской академии.

В соответствии с учебным планом был образован факультет философии и свободных наук, на котором изучались поэзия, риторика, моральная философия, логика и метафизика. [2, с.59]

Курс философии состоял из трех частей: логики, диалектики и метафизики, в соответствии со схоластической традицией. В рамках логики рассматривалось понятие рассуждения и его основные составляющие, диалектика изучала правила правильного рассуждения, критерии истинности и ложности суждения. Метафизика разделялась на общую и частную. В общей излагалась классификация тварного и нетварного бытия в, в частной метафизике исследовались концепты души (растительная, животная и человеческая согласно принципу учения Фомы Аквинского) и Абсолюта. [2, с.83].

После изучения метафизики студенты переходили еще к одной философской дисциплине – этике или моральной философии, разделенной на три части: первая была посвящена понятию счастья человека, вторая – его правам, а третья – обязанностям с точки зрения Св. Писания и теории естественного права. [2, с.83].

Примерный курс преподаваемой моральной философии в Полоцкой иезуитской академии представлен в работе В. Бучинского «Начала философии, часть третья: этика». Курс по этике разделен на общую и прикладную. Общая этика рассматривает вопросы человеческого действия в целом, но только те, что являются моральной заслугой либо побуждают чувство вины. Основанием любого человеческого действия по В. Бучинскому является желание, которое в свою очередь может быть ослаблено страхом, насилием или невежеством. Одной из центральных проблем общей этики является соотношение позитивного и естественного права, их корреляция с внутренним законом в виде совести, имеющим божественное происхождение. Таким образом, этическая теория соединяется с правовой доктриной. Основными оппонентами для автора выступают философы, рассматривающие автономию личности как существенную характеристику морали (в первую очередь И. Кант), а также представители происхождения права из теории общественного договора. Отдельная глава посвящена высшему принципу закона справедливости [3, с.80], основанием которого с одной стороны является человеческий разум, а с другой – божественная воля [3, с.80]. Четвертая глава определяет понятие и основные характеристики внутреннего закона, а также поднимает проблему его всеобщности. Прикладная этика рассматривает обязанности человека относительно себя самого, себе подобных, Бога и общества.

Литература:

1. Kainulainen J. Virtue and Civic Values in Early Modern Jesuit Education // *Journal of Jesuit Studies*. 2018. N 5. С. 530-548.
2. Giżycki J. M. A. Materiały do Dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Kraków, 1905. 288 s.
3. Buczyński V. *Instutiones philosophicae, pars tertia*. Viennae. 1843. – 159 p.

Михельсон Ольга Константиновна
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ ЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПРЕПОДАВАНИЕ НРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВИЯ В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ВО II ПОЛ. XIX В.

В 1867 г. в Российской Империи был принят новый устав для духовно-учебных заведений, в соответствии с которым были разработаны программы преподаваемых в них дисциплин. Что примечательно, заключительный «отдел» программы для нравственного богословия был «сравнительный», то есть, он предполагал сравнение православного нравственного богословия с нравственным учением других христианских церквей. В программе предлагалось сфокусироваться на различиях в понимании христианской нравственности, поэтому в определенном смысле в этом мы можем усмотреть зачатки компаративистского подхода, свойственного и другим христианским направлениям того времени, поскольку в соответствии с программой следовало сравнительно подойти к интерпретации этических учений христианских конфессий. Так, предполагалось преподавание «римско-католического нравственного воззрения», в частности, «воззрений на искупление и оправдание человека», особенностей католического церковного устройства, и как следствие, якобы преобладания в католицизме внешней обрядовой стороны, на что прямо указывалось в самой программе. Также католицизм критиковался за «частное» изложение нравственности, не глубокую и не осознанную веру, поверхностное понимание добродетелей и «фарисейство» в практической жизни церкви. Кроме того, программа подразумевала преподавание особенностей различных направлений протестантизма, также указывая на их недостатки по сравнению с православным нравственным учением. Интересно, что в программе было отведено и место разговору о нравственности и науке, под которой в первую очередь понималась философия, а именно, естественное учение о нравственности, а не естественно-научные дисциплины. В докладе предполагается подробнее рассмотреть особенности преподавания нравственного учения других христианских конфессий в духовных учебных заведениях в России второй половины XIX века, продемонстрировав, что, с одной стороны, подход к интерпретации их нравственного богословия был не столько сравнительным, сколько критическим. Преподаватели должны были обличать «поверхностность», «фанатизм» и ограниченность учений о нравственности в католицизме и различных протестантских конфессиях. Однако, с другой стороны, тот факт, что разговор о нравственной теологии других направлений христианства, а также о философских подходах к морали и нравственности вообще был включен в программу, можно, тем не менее, охарактеризовать как положительный. Это позволяло в принципе познакомить студентов с особенностями этики других христианских конфессий и философскими этическими концепциями.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв.»

Овчинникова Елена Анатольевна
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРЕДМЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТИКИ В НРАВСТВЕННОМ БОГОСЛОВИИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ

Разграничение предметных областей этики и нравственного богословия в России произошло в начале XVIII века и было предпринято Феофаном Прокоповичем, который в своих богословских сочинениях отделил, по выражению А.А. Бронзова «богословие догматическое от нравственного, специализировав и то и другое и точнее определив их задачи», и дисциплинарно обозначил этику в ее отношении к предметной сфере нравственного богословия. Разграничение предметных областей этики и

нравственного богословия, предпринятое Феофаном Прокоповичем, позволяет в дальнейшем в русской философской и богословской традиции осмыслять их как самостоятельные науки, обладающие своеобразием и спецификой построения моральных систем. Однако, как известно, на протяжении XIX века в русской университетской, академической традиции этика как дисциплина, наука с четко очерченным предметом отсутствовала довольно длительное время. В этот период – на протяжении всего XIX века нравственное богословие оказывает влияние на формирование религиозной этической мысли. К концу XIX – началу XX века богословская мысль обращается к анализу этических систем современности, нравственных проблем общества, нравственного содержания отечественной литературы.

Задача данного исследования видится нам в обозначении основных предметных областей этики в русской богословской мысли данного периода. Первое, на чем следует остановиться прежде всего – это на внимании к категориальному строю этической мысли, в центре внимания богословских сочинений и дискуссий такие этические категории, как добро и благо, смысл жизни, свобода воли, совесть, ответственность (можно привести в качестве примера магистерскую диссертацию Антония Храповицкого о проблемах свободы воли и нравственной ответственности).

Другим направлением богословской мысли в ее интересе к этико-религиозной проблематике можно выделить обстоятельные исследования по истории этической мысли, которые не утратили своей научной значимости и в современном прочтении. Здесь можно привести в качестве примеров такие исследования, как работа А.А. Бронзова «Аристотель и Фома Аквинский в их отношении к их учению о нравственности» (СПб., 1884 г.).

Третий немаловажный компонент в предметном поле этического анализа – это выявление нравственных проблем. Одной из приоритетных проблем, обозначаемых как в богословских, так и философских сочинениях этого периода является проблема нравственной жизни общества (следует заметить, что данная проблема приобретает особо актуальное звучание в контекста анализа проблем общественной морали, представленных в современной этической науке), вопрос о путях формирования, воспитания добродетелей, о «нравственных коллизиях» обязанностей, о «семействе, общечеловечности, государстве и церкви» (М.А. Олесницкий), проблемы благотворительности, определение социальной этики и ряд других проблем, не утративших свое значение как в теоретическом плане (анализ категорий), так и практическом – прикладном (представленный в богословской мысли подход к социально-нравственным проблемам).

Богословская мысль России второй половины XIX – начала XX века представляет не только исторический интерес в контексте задач воспроизведения полноты картины этической мысли этого периода, но в ней содержится во многом еще не востребованный и недостаточно изученный потенциал теоретического этического знания и ориентированности на многосторонний анализ нравственной жизни общества.

Изыков Денис Дмитриевич
лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ

НРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.

Главными источниками по истории преподавания нравственного богословия в Российской империи XIX в. являются специализированные труды богословов, которые претендовали на роль учебников для духовных учебных заведений. Эти учебники должны были соответствовать определенным программам развития духовных учебных заведений, что выразилось в движении к более наукообразной стороне обучения или же к более практической. Так, периоды 1814 – 1840 гг. и 1867 – 1884 гг. характеризуются сдвигом в научность, а период 1840 – 1867 гг. – в практическую.

Первым трудом по нравственному богословию в XIX в., написанным для преподавательских целей можно считать произведение протоиерея И. Воскресенского «Нравоучение для благородных воспитанниц общества благородных девиц и института ордена св. Екатерины». Среди прочего, у И. Воскресенского отобразена тенденция, которая будет встречаться и в последующих книгах столетия, – влияние лейбнице-вольфианской философии, как писал Знаменский П.В.: «Разрушительной силе модной французской философии в духовных школах старались противопоставить новые системы солидной немецкой философии...». К тому же, первые ответственные системы по нравственному богословию были созданы под влиянием католических схоластических руководств. Вернейшим пособием для построения своих оригинальных систем для авторов были святоотеческие творения.

1821 г. является знаменательным, т.к. был напечатан труд епископа пензенского Иннокентия (Смирнова) – лекции, которые он читал в бытность ректором Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В рассматриваемую пору курс еп. Иннокентия был новинкой и пользовался большим уважением.

В 1824 г. законоучитель Царскосельского лицея свящ. И. Кочетов издает «Черты деятельного учения веры или краткое учение о христианской нравственности, изложенное в духе православной греко-российской Церкви». Книга стала руководством по преподаванию нравственного богословия в Московской Духовной академии с 1824 по 1831 гг. По мнению критиков, книга еп. Иннокентия признавалась именно научной, а Кочетова «популярной» с ясным и общедоступным её изложением.

В 1833-1835 гг. архим. Иннокентий (Борисов) читал лекции в Киевской Духовной академии, которые в дальнейшем были напечатаны. Тексту характерна фрагментарность, т.к. он составлялся по запискам студентов. Но, как бы то ни было, – по словам Бронзова А.А.: «Перед нами опыт, не похожий на принадлежавшие предшествовавшему Иннокентию времени, отличный от них, резко превосходящий их истинно-научным направлением и духом...». До середины века труд архим. Иннокентия (Борисова) считался лучшим произведением для преподавания нравственного богословия.

В 1854 г. ректор Владимирской Духовной семинарии архим. Платон (Фивейский) пишет «Православное Нравственного Богословие», что было введено как учебник в семинариях до 1867 г. Составлен он был так же из ученических записок по предмету, – эти записки послужили материалом и были обработаны Платоном. Основа рассуждений и этических положений автора кроется в Священном Писании и Древнеотеческой традиции. Впервые с момента выхода труда еп. Иннокентия работа Платона написана специально для духовно-учебных заведений.

В 1860 г. в Санкт-Петербурге публикуется первый том обширной системы нравственного богословия прот. П. Солярского «Записки по Нравственному православному Богословию» (II том – 1862 г., III том – 1863 г.). Среди основных достоинств современниками отмечались многочисленные библейские и святоотеческие выдержки. Представляется, что трехтомник Солярского – последнее фундаментальное произведение в XIX в. для преподавания нравственного богословия. В 1867 г. выходят новые уставы духовно-учебных заведений и программы развития, согласно им, система прот. Солярского названа единственным руководством для преподавателей этой науки в духовных семинариях. В 1869 г. выходит учебник, который был признан официальным для семинарий, «Нравственное Православное Богословие», являющийся сокращенным вариант трехтомных записок.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв.»

Сычев Андрей Анатольевич
д. филос. н., профессор

Мордовский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ, МОРАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ: ТРАДИЦИИ И ДИНАМИКА

Исторически представления о соотношении социальных норм прошли несколько этапов – от нормативного синкретизма древности до концепции прав человека, определяющей нормативную конфигурацию современного общества.

Древнейшие из сохранившихся законодательных сводов представляют собой сборники религиозно-нравственных и правовых предписаний, в которых различные виды нормативности не дифференцированы. Наиболее показательным примером нормативного синкретизма является текст Ветхого Завета, который может рассматриваться не только как откровение и источник нравственных норм, но и как юридический памятник. Средоточием нормативности Торы выступает Декалог: система норм, которые одновременно обязывают как религиозные требования, моральные заповеди и правовые предписания.

Мораль как особая сфера регуляции, отличная от права, выделяется в «осевое время». При этом моральные идеалы и принципы как правило, рассматриваются в качестве фундамента законотворческой деятельности. Моральные нормы, в свою очередь, базируются на религиозных. Так, в христианстве право объявляется производным от добродетели любви (которой «утверждается весь закон и пророки»), а первенство любви в системе ценностей подтверждается соответствующей заповедью. По этой же логике выстраивается схема соотношения норм в философии. Аристотель, например, возводит право к добродетели справедливости, мораль же обосновывает «божественным характером» ума как руководящей инстанции души. Таким образом выстраивается единая иерархия, на вершине которой находятся божественные нормы, им подчинены моральные, а последним – нормы права. Ярким примером такой системы является каноническое право, в которой каноны выступают в качестве практически-правовых приложений догматов веры и нравственных правил.

Дальнейшее развитие нравственной философии идет по пути постепенной автономизации морали и права, их эмансипации от религиозных оснований. Этот процесс был, в основном, завершен к Новому времени. Так, для Канта мораль не зависит от религиозных, социальных, культурных и прочих внешних посылок. Напротив, религия обосновывается моралью. Параллельно идут процессы автономизации права. Так, для позитивизма познать право значит свести его к закону, очистить его от религиозных и морально-метафизических смыслов.

Если на ранних этапах социальные нормы согласовывались между собой, то в Новое время они не просто были отчуждены друг от друга, но оказались в состоянии неустранимого конфликта. Каждая нормативная система претендует на первенство. По мере усиления позиций права традиционная модель соотношения норм оказалась реверсирована. Современные системы прикладной этики по большей части выстраивают свою аргументацию на идее прав человека. Кроме того, если первоначальные версии доктрины прав человека апеллировали к идее Бога, то в современном варианте права человека настолько самоочевидны, что не требуют божественной санкции. Тем не менее, в отличие от классической иерархии норм, первенство права не признается ни моральными философами, ни носителями религиозных традиций. Так, последние, признавая важность прав человека, требуют в то же время ограничить их рамками традиционной морали (ценностями человеческой жизни, семьи, общины и т.д.).

Современные моральные дилеммы (например, эвтанази, аборта), по-видимому, продолжают оставаться источниками конфликта, если право, мораль и религия будут предлагать взаимоисключающие варианты их решения. В этих условиях требуются инструменты сопоставления, координирования элементов различных нормативных

подсистем и приложения норм к конкретным проблемам современности. Определенное значение при поиске и разработке таких инструментов может иметь обращение к истории и философии канонического права, разработавшего образцовую методологию экспертного анализа конкретных случаев (казуистику) и предложившего различные модели согласования несогласованных норм: как собственно правовых, так и религиозных, и моральных.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Туманян Тигран Гургенович

д. филос. н., профессор, зав. каф. философии и культурологии Востока

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ИСЛАМА

Традиция изучения вопросов этико-политического характера в исламе имеет достаточно долгую историю. Она восходит своими корнями к началу VIII века, когда мусульманские ученые в своих сочинениях стали обращаться к некоторым аспектам соотношения религии и власти. В научной литературе мы нередко находим мнение, что некоторые вопросы на тему властных отношений в исламе впервые затронул (в приписываемых ему трудах) знаменитый исламский богослов Хасана ал-Басри (642-728).

Среди тех, кто обращался к вопросам этического содержания на самом раннем этапе становления политической мысли ислама (VIII-IX вв.) принято называть таких авторов, как Ибн ал-Мукаффа' (724-759), ал-Джахиз (ок. 775-868), Абу Йусуф (731-798), Ибн Кутайба (828-889) и некоторых др. Каждый из них внес свой вклад в формирование этико-политических представлений.

Известно, что в ранний период существования халифата мусульманские правители активно обращались к персидскому (сасанидскому) наследию в правовой сфере, в вопросах государственного управления и др. И именно этот факт обеспечил существенное влияние персидской литературы на сочинения мусульманских мыслителей этико-политического содержания, в частности жанра адаба, такого его направления, как насихат ал-мулук («поучения владыкам»). Этот литературный жанр появился в арабской культуре в VIII веке благодаря Ибн ал-Мукаффа', который осуществил перевод сасанидских сочинений о поведении правителя и искусстве управления. Со временем произведение этого поучительного жанра обрели широкую популярность в средневековой культуре ислама.

Перу Ибн ал-Мукаффа' принадлежат несколько произведений этико-политического содержания, в том числе, Китаб ал-адаб ас-сагир и Китаб ал-адаб ал-кабир («Малая и большая книга адаба»). Эти труды, по всей видимости, являются наиболее ранними памятниками адабной литературы в исламе. В ал-Адаб ал-Кабир последовательно разбираются вопросы, связанные с временным правлением и поведением правителя, далее с поведением его окружения и, наконец, с образом действий его сподвижников. В первой части ал-Адаб ал-кабир правитель изображается как абсолютный монарх, окруженный аурой царского блеска, богобоязненный и чистый в своих помыслах, хороший администратор и осмотрительный повелитель. Во второй части книги изображается высокомерный деспот, служение которому является рискованным и неблагодарным.

В трактате ал-Адаб ас-Сагир Ибн ал-Мукаффа' затрагивает вопросы политического порядка, утверждая, что власть правителя может иметь три различных основания: религия, воля к власти и личное желание. Первое – наилучшее для царской власти, второе ведет к стабильности, но может привести к сопротивлению, третье же эфемерно. Он полагает, что идеал добродетельного властвования можно обнаружить в Сасанидской монархии. Цель власти понимается им двояко: добиться стабильности и прославить монарха. Он не выказывает заботы о благосостоянии народа и, в противоположность более поздним авторам, не придает большого значения роли справедливости. Основная задача правителя в целом сводится им лишь к назначению чиновников и наблюдению за

их деятельностью: те, кто плодотворно работают, должны быть вознаграждены, а те, кто творят зло, – наказаны. Небрежение же в осуществлении контроля в этих делах приведет к неустойчивости и подвергнет опасности всю структуру государства.

Характеризуя значение творчества Ибн ал-Мукаффа*, можно констатировать, что ему принадлежит не только важное место в становлении политической (этико-политической) мысли ислама, но и особая роль в синтезе арабской и персидской политических традиций и культур.

Чумакова Татьяна Витаутасовна
д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
ЭТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В БИБЛИОТЕКАХ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Роль библиотек в духовном образовании была значительна с момента начала формирования их системы в России с XVII в. Духовные школы (приходские школы, епархиальные училища, семинарии и академии) различались уровнем, задачами и принципами работы. Их юридический статус, задачи и принципы работы определялись законодательством Российской империи. Первым законом, который определил наличие библиотек в учебных заведениях был «Духовный регламент». Анализ рукописных каталогов этих библиотек, и в частности библиотеки Вифанской духовной семинарии, показывает, что в XVIII в. они включали в свой состав преимущественно книги на латинском языке, как печатные, так и рукописные (рукописный «самиздат» был способом тиражирования не только, и даже не столько запрещенной, сколько редкой или дорогой литературы) были достаточно широко распространены в России XVIII–XIX вв. и являлись важным средством социальной коммуникации. Позже состав библиотек менялся, появилось больше книг на русском, немецком и других иностранных языках. Немецкий и французский языки могли изучаться учащимися по выбору. Но немецкий чаще выбирали те студенты, которые планировали в дальнейшем заниматься богословием (в том числе продолжить образование на богословских факультетах немецких университетов), а французский те, кто был более заинтересован в налаживании коммуникации в светской сфере (они могли поступить на гражданскую службу после окончания семинарии/академии или просто налаживать коммуникацию в светской среде, которая во многом оставалась франкоязычной, особенно в первой половине XIX в.). Литература морально-этического характера значительную часть библиотечных коллекций. Это объясняется тем, что морально-этический контент можно обнаружить в составе различных курсов, начиная с первых ступеней, где детей учили основам грамоты, поскольку азбуки и буквари включали разделы морально-нравственных наставлений, и в них входил Декалог и заповеди блаженств. Но в качестве отдельной философской дисциплина этика (нравовучение) появляется лишь на третьей ступени, в курсах семинарий. В 4 классе «философических наук», в котором изучались логика и метафизика, теоретическая и опытная физика, нравоведение. В 5 классе богословских наук изучали моральное богословие. В духовных академиях этические идеи рассматривались в составе курсов по метафизике и «философской истории» в 4 классе и нравственного богословия в 5 класса. Курс нравственного богословия предполагал рассмотрение следующих тем: понятие о нравственности, нравственное чувство, чувство долга, нравственная свобода, совесть. В философском курсе изучался комплекс вопросов, связанных с темой свободы воли, эвдемонизм, утилитаризм, концепция морали у Канта и т.д., и конечно же связь нравственности с религией.

Этическая проблематика становилась предметом квалификационных работ учащихся, так темой магистерского сочинения Антония Храповицкого была проблема свободы воли и нравственной ответственности («Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности», 1887); А.А. Бронзов в магистерской диссертации «Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности» (1884) подробно анализирует проблему блага, добродетелей, свободы. Особое место в сочинениях богословов занимает концепт «любови», понимаемой как основное христианской морали.

РНФ №22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв.»

Шахнович Марианна Михайловна
д.филос.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТ СВЯТЫХ-ЦЕЛИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

В Псковской области в районе Выбутских порогов на реке Великой распространено почитание «святых» камней и источников, связанных с культом святой равноапостольной княгини Ольги как святой-целительницы. Эти объекты сохраняются и поддерживаются как значимые элементы природных комплексов, несмотря на то что в период антирелигиозной пропаганды подвергались разрушению или разорению. Этот локальный культ возник до середины XVI века, до того, как святая княгиня Ольга была официально объявлена равноапостольной, и основан на местной устной легендарной традиции, что будущая княгиня была обычной деревенской жительницей, привлечшей князя своей красотой. Культ представляет собой сочетание почитания природных локусов, фольклорных сказаний и православных верований. Паломничества по местам, связанным с княгиней Ольгой, молитвы над ее памятными камнями и употребление святой воды из ее источников в надежде на исцеление, считаются наиболее благоприятными в день ее официального церковного почитания.

Представляется, что для адекватной интерпретации этого сложного религиозного феномена, включающего в себя не только христианские идеи и ритуальные практики, но и связанные с ними природные объекты, подлежащие не только почитанию, но и сохранению, может быть использована акторно-сетевая теория Бруно Латура. Она дает возможность не просто выделить в области религиозных практик, так называемые практики вернакулярной (народной) религиозности, но она дает основание для выявления связи между материальным и нематериальным, видимым и невидимым, живым и неодушевленным, которая возникает в процессе ритуальной деятельности.

Акторно-сетевая теория не делает различий между актерами, к которым могут относиться как одушевленные (то есть человеческие), так и неодушевленные акторы, то есть природные материальные объекты, а также нематериальные сверхъестественные агенты, то есть – нечеловеческие существа. Именно природные материальные объекты (камни и источники) создают сеть между паломниками (людьми) и сверхъестественными (нечеловеческими) агентами, которая проявляется в непосредственных действиях: потирании камней, целовании камней, омовении в источнике или питье воды из него. Укреплению этой связи способствует соответствующее votivное подношение в виде монеты, брошенной в источник, или тряпочки или ленты, привязанной к дереву у камня. Природные акторы выступают в качестве проводников между естественным и сверхъестественным мирами, осуществляют прямую связь со сверхъестественным агентом (в данном случае со святой-целительницей), который, по мнению верующего паломника, постоянно присутствует в этом священном месте. Выстраиваемая сеть имеет важное психологическое значение для человека, участвующего в паломничестве. Получается, что человек не почитает природные материальные объекты, а использует их как портал в иной мир, через них взаимодействует с сверхъестественным (нечеловеческим) бытием, создавая при этом сеть социально значимых отношений.

Таким образом, можно заключить, что природные святыни (камни и родники) являются древнейшими маркерами почитания княгини Ольги как целительницы, и значительно позже к ним добавились святыни антропогенного характера (часовни и поклонные кресты). Природные объекты выполняют важную функцию проводника в сакральное пространство, позволяя выстроить особую сеть между святой-целительницей и паломником, которая характеризуется психологической и эмоциональной вовлеченностью человека, ожидающего защиты, помощи или исцеления от святой.

Грант РНФ – DFG, проект №21-48-04402

«ЛОГИКА, ОБОСНОВАНИЕ И АРГУМЕНТАЦИЯ В МОРАЛИ И ПРАВЕ»

РФФИ №20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»,

РНФ №21-78-10044 «Феномен моральной ответственности»

материалы круглого стола

Лисанюк Елена Николаевна
д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ТО ЛИ ЧАЮ ИСПИТЬ, ТО ЛИ ПОВЕСИТЬСЯ, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ В АРГУМЕНТАХ О ДЕЙСТВИЯХ

Желания выступают мотивами или средствами в рассуждениях о действиях и практической аргументации по поводу действий. Чтобы достичь цели выпить чаю, нужно нагреть воду, или средством, чтобы избежать беспокойства, является выпить чаю, как считает Подпольный человек из «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского. От того, каким образом рациональные агенты связывают свои желания с поступками, зависит, возможно ли построить обоснованные рассуждения и приемлемые аргументы, включающие желание в качестве одного из своих элементов, и существуют ли способы оценить приемлемость таких рассуждений или опровергнуть их.

Утверждения агентов о своих желаниях могут быть элементами исключительно недемонстративных рассуждений, в которых посылки дают некоторую поддержку в защиту того, что заключение истинно, но не обеспечивают этого, в отличие от демонстративных умозаключений, где посылки и заключение связаны отношением логического следования, позволяющим перенести истинность с посылок на заключение.

К причинам того, что оценка рассуждений о действиях должна осуществляться иначе, относятся следующие. Во-первых, затруднено разграничение между когнитивными и некогнитивными элементами таких рассуждений. Во-вторых, желания могут выступать и мотивами, и средствами для действий, служа предпосылками в планировании поступков или инструментами для достижения их целей. В-третьих, желать чего-то и предьявлять утверждение о желании этого в качестве элемента аргумента о действиях – это не одно и то же.

Для решения задачи проверки желаний в рамках оценки аргументов о действиях предлагается следующее: 1) провести границу между деятельностными и бездеятельностными желаниями, а также 2) между экспрессивной и гилетической трактовкой желаний и 3) использовать методику критических вопросов, предложенную канадским философом Д. Уолтоном, дополнив ее основанным на динамической семантике формализмом.

Некогнитивный характер желаний зиждется на их экспрессивной их трактовке, согласно которой высказываниям агентов о своих психологических состояниях нельзя сопоставить истинностных значений. Нет препятствий тому, чтобы желать самого разного и несовместного, как Дикарь из романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», желающий «Бога, поэзии, ... свободы, и добра, и греха». Ничто не мешает желать своей мечты и не желать ее удовлетворения. Например, Иван Петрович Войничский из пьесы Антона Павловича Чехова «Дядя Ваня» утверждает, что «в такую погоду хорошо повеситься», и ничего не делает для осуществления этого желания, а Илья Ильич Обломов в романе Ивана Александровича Гончарова «Обломов» желает пить чай с близкими на террасе будущего дома, который он не собирается строить.

Гилетическая трактовка желаний объективирует содержание желания относительно тех, кто его желает, что сближает желания с когнитивными состояниями и ведет к нивелированию различий между утверждениями о желаниях и о фактах, что подразу-

мевают, что желаниям надлежит быть выполнимыми и консистентными. Достоевский, Чехов, Гончаров, Хаксли, как, видимо, и большинство людей, придерживаются экспрессивной трактовки, поэтому для проверки утверждений о желаниях целесообразно придерживаться последней.

Методика Уолтона позволяет проверить в содержательном смысле достоверность посылок и степень поддержки ими заключения при помощи понятия схемы аргументации и корпуса критических вопросов. Критические вопросы к схеме аргументации к последствиям включают проверку посылок, а, стало быть, утверждения о желании, и степени их поддержки заключения, то есть того, насколько (хорошо) указанное желание реализуется в планируемом действии.

Для ответа на критический вопрос о связи между желанием и планируемым действием предлагается специальная методика ранжирования предпочтений авторов. Это методика предполагает, что утверждения о бездеятельности желаний не могут служить элементами обоснования в аргументах о действиях до тех пор, пока их автор не превратит их в деятельностные.

Таким образом, целью обоснования станет поиск и упорядочение агентом ситуаций относительно своих приоритетов. Оценке будет подлежать целиком аргумент о действиях, а целями критических вопросов к аргументу будут не сами по себе утверждения агента о желаниях, а когнитивные состояния последнего, выраженные мнениями о предполагаемых ситуациях удовлетворения желаний, включая степень удовлетворения и эмпирические связи между ситуациями.

РФФИ №20-011-00485 Делиберативная аргументация между рассуждением и действием

Микиртумов Иван Борисович
д. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК МОРАЛЬНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ
В ДЕЛИБЕРАЦИИ**

Выдвижение аргументов в ходе делиберации и спора имеет прямые и побочные следствия, определяемые этапом спора. Их три: выбор повестки, содержательное обоснование, делиберация о действии. Само действие образует институциональное основание спора, т. е. без перспективы его совершения или несовершения в результате делиберации спор остаётся лишённым коммуникативной цели и когнитивной ценности. На разных этапах спора действуют правила, обязывающие участников совершать определённые иллюкутивные акты. Обязывают их к этому моральные основания, формы которого различны. Здесь и общее благо, и приоритет истины, и представительство. В последнем случае участник спора действует от имени других агентов, возможно неодушевлённых, описываемых собирательно или метафорически. Что заставляет быть представителем, и почему, следуя Максус Веберу, эта функция отсылает к призыванию, нежели к профессии? Ответ на этот вопрос может быть получен при анализе аффективной составляющей делиберации. В структуре аффекта я усматриваю четыре компонента: пропозициональное содержание, эмоциональную модуляцию, совокупность эпистемических и деонтических установок, блок намерений и действий. Деонтические установки выражают моральное содержание представительства, которое состоит в принятии на себя задачи артикуляции интересов и аргументов других агентов. Первым побочным эффектом оказывается здесь их легитимация, причём как в аспекте признания субъектности, так и в аспекте признания права иметь притязания. Второй побочный эффект состоит в переносе на представителя части статусных особенностей представляемых. В одних случаях это повышает его собственный статус, в других же – понижает. Очевидно, что представительство связывает и сближает обе эти стороны, так что моральные обязательства оказываются для представляющего перенесёнными и на себя. По-видимому, некоторый статусный недостаток, не

всегда сопряжённый с низким статусом, и выступает тем положением дел, вокруг которого формируется сопряжённый с представительством аффект, который можно так и назвать: «аффект представительства». Его эмоциональная модуляция, в основном, положительна, но может оказываться отрицательной в ситуации проигрыша или принятия негативных последствий принятых решений. Акциональный план включает участие на всех этапах спора, но с акцентом на делиберацию о повестке как наиболее полном выражении функции представительства. Выдвижение аргументов на этапе формирования повестки образует горизонт ближайших действий представителя, направленных на достижение признания своей субъектности, а также субъектности представляемых. Привлекаемые здесь доводы призваны ликвидировать онтологические, эпистемологические, антропологические и иные различия между сторонами, подрывать дискурс, отражающий их неравенство, отменять коммуникативные запреты и дискриминации. Соответствующий характер приобретают и иллокутивные стратегии по замещению одних языковых игр другими. Успех представительства сопровождается разрешением аффекта, при котором, однако, всегда сохраняется основание для его немедленного возрастания, причиной которого становится неспособность представляемых удержать достигнутое признание. Только институционализация их интересов лишает силы аффект представительства и подрывает, тем самым, его моральное основание.

РФФИ №20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Карнов Глеб Викторович
доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРФОРМАДОКС И САМО-ВЕРИФИЦИРУЕМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ОСНОВА АРГУМЕНТАЦИИ

Начиная с 1970-х годов прошлого века в еще не до конца умершей лингвистической философии водворяется, вдохновленный генеративной грамматикой и натуральным образом отвечающий методологическому запросу заинтересованного сообщества (в основе которого – расширение функционального пространства естественного языка), так наз. Перформативный анализ. Это установка, уподобляющая логическую форму синтаксической структуре, видит предложения как композиции описаний положений дел и иллокутивных приставок. Тогда перформатив, как и любое другое предложение, принимает вид $F(P)$, где P есть описательная часть композиции (например «я никогда не был коммунистом»), а F – ее иллокутивный глагол, указывающий на способ обращения с описательной частью, присущий говорящему/автору предложения (например, «я утверждаю, что»). [Voër, Lusan 1980] обращают внимание на то, что если $F()$ можно приписать истинностное значение, то $F(P)$ получает неверную интерпретацию («Я утверждаю, что P » всегда истинно, потому как говорящий, произнося «Я утверждаю, что P », действительно утверждает, что P). Если же $F()$ нельзя приписать истинностное значение, то это нельзя сделать и в отношении $F(P)$. Тогда $F(P)$ не поддаются интерпретации, иначе говоря – отсутствуют основания, которые бы позволяли нам указывать на значение таких предложений. $F(P)$ или получают неверные значения, или не получают значения вовсе.

Мы утверждаем, что дилемма, в которую якобы попадает Перформативный анализ, в действительности является мнимой, т. к. составляющая ее альтернатива, где утверждается, что все предложения вида $F(P)$ делают автоматически истинными (self-verifying), только если признать, что элемент $F()$ сам обладает истинностным значением, выгодна в том отношении, что ее признание не только проливает свет на работу перформативных структур, обеспечивающих существование и успешное применение целого семейства аргументов, самым знаменитым представителем которого является cogito-ergo-sum-аргумент, взятый в его сугубо перформативном измере-

нии [Hintikka 1962], но и дает основание для формулировки теории значения для перформативов, которая, в свою очередь, может послужить фундаментом оценки широкого спектра рассуждений о действиях.

В докладе я критикую предложение [Walton 1977], представляющее собой попытку использовать классические определения для алетических модальностей для того, чтобы задать условия истинности перформативных само-верифицируемых предложений вида $F(P)$, и предлагаю новые определения, в основе которых лежит, во-первых, понятие направления реализации соответствия, и, во-вторых, – деление предложений языка-объекта на агентные и не-агентные. Так открывается возможность для описания норм, лежащих в основе массы аргументов перформативного толка, служащих движущей силой и для ряда специальных философских споров (см., напр., [Errazuriz 2014] или [Donghui, Xuan 2008]), и для споров общего, регулярного свойства с использованием аргументов группы *ad hominem*.

Литература:

Boër, S., Lycan, W. A Performadox in Truth-Conditional Semantics. *Linguistics and Philosophy*, 1980, Vol. 4, No. 1 (1980), pp. 71-100.

Donghui, H., Xuan, W. Performative Contradiction and the Regrounding for Philosophical Paradigms. *Frontiers of Philosophy in China*, Dec., 2008, Vol. 3, No. 4 (Dec., 2008), pp. 607-621.

Errazuriz, J. The performative contradiction as an argumentative device: an analysis of its reach and scope. *Logique & Analyse* 225 (2014), pp. 15-44.

Hintikka, J. Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? *The Philosophical Review*, Jan., 1962, Vol. 71, No. 1 (Jan., 1962), pp. 3-32.

Walton, D. Performative and existential self-verifyingness. *Dialogue*, Vol. XVI. No. I (1977), 128-138.

РФФИ №20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

Фатиев Никита Игоревич

д.филос.н., профессор, Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы

МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ЗАКОН ЮМА

В данной работе мы собираемся рассмотреть доводы *pro* и *contra* в отношении так называемого «закона Юма». Его формулировка хорошо известна «one cannot get an ought from an is», как он писал об этом в работе «A Treatise on Human Nature». [1, 3.1.1]

Русская формулировка этого закона – нельзя вывести долженствование (в правовом или моральном смысле) из имеющегося положения дел. Отметим, что речь не идет об обычном логическом выводе, то есть это не лишение социальных наук способности предвидения событий. Помимо того, речь не идет о переходе от действительного к необходимому, поскольку в число деонтических модальностей кроме обязательности входит позволение.

С формируемым в «законе Юма» барьером, запрещающим вывод от «an is» к «an ought» согласны далеко не все. Среди множества согласных следует указать наиболее известных – К. Поппера, А. Прайора и К. Файна. (А.Прайор, правда, в этом вопросе колебался).

Среди несогласных – П.Гич, Д.Мавродес и Д.Сирл. Вопрос, которого мы собираемся здесь коснуться – можно ли бороться с «законом Юма» средствами модальной логики? Сразу уточним, что ряд формул, вроде бы нарушающих вышеуказанный барьер, на самом деле ничего не доказывают. Мы имеем в виду формулы вида: $(A \& \neg A) \vdash OB$; а также $A \vdash (A \vee OB)$.

Никакой барьер здесь не преодолевается, перед нами известные из обычной логики высказываний парадоксы материальной импликации. Однако далее мы можем увидеть формулы деонтической логики, ставящие «закон Юма» под сомнение.

Можем начать с сравнительно безобидного тезиса И.Канта «обязательное возможно», то есть $OA \vdash \Diamond A$. Безобиден он потому, что здесь не происходит нарушения «закона Юма». Контрапозиция данной формулы даст нам $\neg \Diamond A \vdash \neg OA$, что в переводе на обыденный язык означает «против природы не поперешь». Учítывая, что контрапозиция формулы сохраняет ее истинное значение, перед нами явное нарушение построенного Юмом барьера. Дальше больше: подставив в последнюю формулу $\neg A$ вместо A и совершив дальнейшие действия, связанные с тем, что и деонтические и алетические операторы определяются друг через друга с помощью дуала отрицаний, получим $\Box A \vdash PA$.

Во-первых здесь опять нарушен «закон Юма». А во-вторых сама, истинная по логическим канонам, формула вызывает вопросы. С необходимостью в алетическом смысле происходят все природные процессы, включая наводнения и землетрясения. Но в каком смысле они разрешены и кем? Уместно вспомнить поэму Вольтера о Лиссабонском землетрясении, где он пишет: «Нет, слишком в эти дни я сердцем возмущен, чтоб неизбежности холодной чтить закон...» [2, 721]. Это камень Вольтера, наряду с «Кандидом» в огород Г.Лейбница, но попадает он и по противникам «закона Юма». Оппонентом Вольтера здесь выступает В.Н.Костюк, когда пишет «...какой смысл не разрешать необходимое событие, если оно все равно произойдет?» [3,93] Какой смысл – думаю, что моральный. Можно сослаться и на мысль А.А.Ивина в его известной монографии «...ни одна определяющая наше поведение норма не существует в силу законов логики» [4, 65]. Следующий, приводимый Д.Мавродесом пример – выводимость формулы «невозможно – значит не обязательно» [5,42]. То есть $\neg \Diamond A \vdash \neg OA$. В этом случае содержательных претензий не имеется, но формально «закон Юма» снова нарушен. Попробуем перейти к выводам: крайняя точка зрения – для уменьшения числа парадоксальных формул некто С.Pigden на полном серьезе предлагает ввести в логику для суждений о морали hedgehog barrier. Если в antecedенте ничего не говорится про ежиков, то и в консеквенте о них говорить нельзя. [6, 132]. Это не приемлемая крайность, скорее нужно помнить о «линии Лейбница» и «линии Бентама» в деонтической логике. Но соглашаясь с последней из прагматических соображений, не следует отказываться от философского анализа кажущихся парадоксальными формул первой.

Литература:

1. Hume D. A Treatise on Human Nature. Oxford: Oxford University Press, 1978.
2. Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. с.721.
3. Костюк В.Н. Элементы модальной логики. Киев: Наукова думка. с.93.
4. Ивин А.А. Логика норм. М.: Изд. Моск. университета, 1973.
5. Mavrodes G.I. «Is and Ought» Analysis. 1964. 25(2) 42-44.
6. Pigden C. Logic and autonomy of ethics. 1989. The Australian Journal of Philosophy. 67. 127-151.

Лисанюк Елена Николаевна
д. филос. н., профессор
Прокудин Дмитрий Евгеньевич
д. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ И ДЕЛИБЕРАТИВНЫХ РАССУЖДЕНИЙ

В докладе изложены основные результаты проведенного комплексного исследования программного обеспечения, предназначенного для моделирования аргументации и делиберативных рассуждений. Главный результат – разработка классификации программных приложений, программного обеспечения и информационных систем, предназначенных для моделирования и репрезентации аргументации, делиберативных рассуждений широкого профиля, поддержки процессов принятия решений и формирования навыков аргументации и критического мышления. В докладе рассматриваются принципы и подходы к разработке классификации. Ключевые выводы касаются прикладной значимости предлагаемого научной общественности разработанного на основе полученных результатов каталога соответствующего программного обеспечения.

В рамках проведенного комплексного исследования было выявлено существующее программное обеспечение, предназначенное для моделирования, анализа и обучения навыкам аргументации и критического мышления. Отобранное и ранжированное программное обеспечение было разбито на несколько основных категорий в соответствии с основным назначением: моделирование аргументации; визуализация критических и делиберативных рассуждений; майндмэппинг. По назначению и функциям были определены концептуальные основания функционирования ПО [1. 2] и разделены на две группы – по критериям дескриптивности/нормативности и по модифицируемости рассуждений. Предложены две предварительные классификации программных систем и приложений, а также теоретических описаний, которые могут быть использованы для классификации и создания подобного ПО.

На следующем этапе мы сформировали и обосновывали группы критериев, которые необходимо учитывать при разработке ПО для моделирования и репрезентации делиберативной аргументации [3], уделив особое внимание возможности реализации функций оценки аргументов и поиска решений. Выявленные ранее теоретические основания существующего ПО предлагается использовать в качестве теоретических критериев для создания программных систем, на основе которых формулируются компетенции интеллектуальных агентов, участвующих в процессе делиберативной аргументации. Предложено использовать пять групп критериев, учитывающих специфику делиберативной аргументации и возможность оценки аргументов и поиска решений: 1) логические; 2) прагма-лингвистические; 3) коммуникативные; 4) методологические; 5) информационно-технологические.

Одним из основных логических критериев, определяющим возможность моделирования делиберативной аргументации является разработка и использование онтологий. Мы предлагаем использовать четыре онтологии, которые необходимо реализовать в качестве библиотек: аргументов, отношений (функций), диалогов (споров) и агентов. В качестве необходимого элемента такого ПО предлагаем использовать модифицируемую онтологию AIF до DelibAIF для моделирования делиберативной аргументации, что определяет новизну полученных результатов.

С учетом сформированных критериев предложена обобщенная архитектура информационной системы, предназначенной для моделирования делиберативной аргументации с функцией оценки аргументов и поиска решений. Прикладная значимость полученных результатов состоит в направленности на оказание методической поддержки для формулировки рекомендаций при создании отечественных программных систем и приложений для моделирования аргументации.

В целом создаваемая классификация направлена на методическую поддержку академического, исследовательского и образовательного сообщества для эффективного выбора программных систем и приложений для использования в исследовательской и образовательной деятельности, основанной на применении методов делиберативной аргументации. Также такая классификация может быть использована специалистами различных сфер деятельности, в которых при решении профессионально значимых задач применяются методы моделирования и использования делиберативной аргументации.

Для представления разработанной классификации широкой академической, исследовательской и профессиональной общественности разработан машиночитаемый каталог программного обеспечения и информационных систем, предназначенных для моделирования делиберативной аргументации, что и определяет прикладную значимость полученных результатов.

Литература:

1. Лисанюк Е.Н., Прокудин Д.Е. Формирование групп критериев программного обеспечения для моделирования делиберативной аргументации // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2021. № 5. С. 28-42. DOI: 10.17586/2587-8557-2021-5-28-42.
2. Лисанюк Е.Н., Прокудин Д.Е. Программное обеспечение для репрезентации делиберативной аргументации: концептуальные основания и особенности классификации и использования // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 11. С. 49-56.
3. Лисанюк Е.Н., Прокудин Д.Е. Формирование групп критериев программного обеспечения для моделирования делиберативной аргументации // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2021. № 5. С. 28-42. DOI: 10.17586/2587-8557-2021-5-28-42.
РФФИ №20-011-00485-а

Хамидов Алишер Асламович
научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

SHORT-CIRCUIT СЕМАНТИКА В ПРАКТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Для абстрактных аргументаций типа Дунга наиболее распространёнными являются два вида семантик, при помощи которых можно интерпретировать аргументационные системы и устанавливать состоятельность позиции агента в споре: доверительная (credulous) и скептическая (skeptical). Аргументационные множества состоят из аргументов упорядоченных отношением attack и производным от него отношением support. При помощи доверительной семантики можно проинтерпретировать спор-обоснование и установить состоятельность позиции агента. Если аргументационное множество выражающее позицию агента бесконфликтно, такую позицию называют слабо-состоятельной. Если каждый элемент множества позиции агента защищен, такую позицию можно назвать сильно-состоятельной. Для анализа такого вида аргументации как убеждения используется скептическая семантика, при помощи которой выделяют слабо-убедительную и сильно-убедительную позиции в споре.

В данной работе мы предлагаем еще один вид семантики для аргументации, которую мы назовем семантикой короткого цикла (short-circuit). Идея для такой семантики вдохновлена концепцией вычислений по короткой схеме Джона Маккартни, это подход в некоторых языках программирования, когда программа прекращает вычисление выражения после того как результат всего выражения в целом становится очевидным. Например, если при чтении дизъюнкции, левый дизъюнкт истинен, программа не будет интерпретировать остальные дизъюнкты. (Или если у конъюнкции конъюнкт на первой позиции имеет значение ложь). Второй логический операнд вычисляется только, если значения первого не достаточно для определения значения всего выражения в

целом. Важным здесь становится тот факт, что операции перестают быть коммутативным, иными словами позиция аргумента становится значимой. Такие вычисления еще называются ленивыми (*lazy*), поскольку они не привлекают больше информации, чем необходимо. Если интерполировать данный смысл на аргументацию, то семантика короткого цикла будет работать для интерпретации предвзятых рассуждений, когда последовательность изложения аргументов в аргументативном споре имеет значение и ожидается, что только первый представленный аргумент будет рассмотрен, первая критика этого аргумента и непосредственная защита. Если аргумент будет защищен, позиция агента в споре будет считаться состоятельной для скептической семантики. Получается также, что отношения между аргументами должны быть проиндексированы, чтобы учесть последовательность их появления в споре. Ситуации, когда рассуждения можно проанализировать с помощью семантики короткого цикла довольно распространены. Примерами тому могут послужить «Апология Сократа» или приобретающие распространение случаи культуры отмены, когда публичные фигуры подвергаются остракизму без должного рассмотрения.

РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Шапиро Ольга Александровна

к. филос. н., доцент

Воронежский государственный университет

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ В ОПТИКЕ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

«Патриотизм... требует рассуждения – и потому не все люди имеют его». Эта цитата из Карамзина звучит, согласно утвержденному сценарию, в самом начале занятия для 10-11 классов на тему «Наша страна – Россия» из нового цикла уроков «Разговоры о важном». Действительно ли «разговоры о важном», направленные, как это заявлено, на формирование и укрепление морально-нравственных ценностей и патриотизма, используют как свой инструмент рассуждения и аргументацию? Какого рода эта аргументация?

Выявление аргументативных структур, используемых в «разговорах...», позволит нам не только говорить об актуальных аргументативных паттернах, используемых при обсуждении морально-нравственной проблематики, но также и прогнозировать, какого рода аргументативные структуры будут использоваться в практической аргументации в недалеком будущем. Это связано с тем, что основной путь освоения навыков аргументации (кроме целенаправленного обучения логике и дисциплинам логического цикла) – подражание; школьники усваивают на уроке не только содержание предлагаемого материала, но и способы его обоснования.

Анализ сценария уроков, презентаций и видеоматериалов к «Разговорам» (все они доступны в сети интернет [1]) показал, что:

1) Формой проведения урока является имитация сократического диалога. Имитация – поскольку после ответов школьниками на вопросы мировоззренческого характера учитель дает «правильный» ответ, а не стимулирует дальнейшее совместное исследование.

2) Наиболее используемыми квазиаргументативными паттернами являются «аргумент к авторитету» (представленный преимущественно в виде цитат из русских писателей и ученых) и *story telling*, который мы можем рассматривать как современный частный ложной аналогии.

3) В материалах занятий используется правдоподобная аргументация, основанная на популярной индукции, а также аристотелевское «наведение», представляющее собой свернутое до энтимемы рассуждение по аналогии. Например, в упомянутом занятии для 10-11 кл. представлен перечень русских литераторов XX века (Б.Ш. Окуджава, М.В. Исаковский, В.И. Лебедев-Кумач, А.Т. Твардовский, К.М. Симонов) в подтвер-

ждение тезиса «Чувство патриотизма, ответственности за судьбу родины всегда было присуще русскому человеку».

4) Вся (квази)аргументация, используемая в уроке, имеет яркую эмоциональную окраску и направлена на когнитивную Систему 1 в терминологии Д. Канемана [2].

Таким образом мы видим, что в текстах, посвященных морально-нравственной проблематике, предлагаемых ученикам средней школы, используются те же аргументативные паттерны, что и в продающих текстах электронной текстовой культуры [3]. Похоже, целью занятий является формирование у школьников позитивного стереотипа, а не обучение рассуждению, без которого, согласно Н.М. Карамзину, нет патриотизма.

Литература:

1. Разговоры о важном. Сервис для классных руководителей. URL: <https://apkpro.ru/razgovory-o-vazhnom>

2. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2014.

3. Шапиро О.А. Аргументативные паттерны электронной текстовой культуры // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. 2019. №3. Том 5(71). С. 30-41. РФФИ №20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Лисицына Александра Анатольевна
старший преподаватель

Южный федеральный университет

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И КОНСЕКВЕНЦИАЛИСТСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ЭТИКЕ ПАЦИФИЗМА

Пацифизм как идейное течение крайне многолик и неоднороден. В самом первом приближении типологически пацифизм может быть подразделён на абсолютный и условный. Первая разновидность пацифизма опирается преимущественно на деонтологическую этическую аргументацию, тогда как сторонники второго, условного, вида пацифизма, могут выдвигать как консеквенциалистские аргументы, так и комбинировать элементы деонтологии и консеквенциализма в обосновании своей позиции.

Примером деонтологического подхода в пацифизме может служить этическое учение И. Канта. Мыслитель обосновывает положение о стремлении к преодолению войны как безусловном моральном императиве человечества: «...Морально-практический разум произносит в нас свое неотменимое veto: никакой войны не должно быть; ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами...» [Кант, 1965, с.282]. О. Хаксли в свое «Энциклопедии пацифизма» вслед за Кантом ссылается на безусловную ценность человеческой личности и пишет о сознательном стремлении ко всё более мирным формам социальной и политической жизни и, в конечном счёте, к избавлению от войн как о моральном долге каждого отдельного человека и человечества в целом [Huxley, 1984, p.130].

Для абсолютного пацифизма свойствен категорический отказ от личного участия в каких бы то ни было войнах. Здесь речь идёт о том, чтобы во что бы то ни стало избежать совершения убийства конкретным лицом, не брать ни при каких условиях оружие в руки и не участвовать в убийстве других людей. И какие-то конкретные обстоятельства не играют здесь принципиальной роли. Такова, в частности, позиция М. Ганди и других религиозных пацифистов [Gandhi, 1959].

Умеренный (или условный) пацифизм сосредоточен на преодолении института войны и достижении всеобщего мира как долгосрочной цели, достижение которой мыслится как сложный и многоэтапный процесс, а использование насилия в качестве средства не может быть полностью исключено. Сторонники данной позиции исходят из того, что война при определенных условиях может быть допустима (например, оборонительная война), и, в отличие от деонтологической позиции, отклоняет войну не с самого начала, а из-за не поддающихся оценке последствий. В рамках данной

версии пацифистского дискурса война может отвергаться по причине деградации политических институтов и демократических практик, выработанных в мирное время (либеральный интернационализм) [Russett, Oneal, 2001], разрушительных последствий для экономики и межгосударственных торговых связей (фритредерство) [Schneider, Gleditsch, 2010], катастрофических последствий для населения в случае применения оружия массового поражения (антиядерный пацифизм) [Russell, 1961].

Таким образом, в абсолютном пацифизме на первый план выходит личная этика, во втором варианте – общее благо и социальное реформаторство, в основе которого лежат нравственные ценности и идеалы универсалистского толка.

Литература:

Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С.107–438.

Gandhi M.K. Non-violent Way to World Peace. Ahmegabad, 1959. 51 p.

Huxley A. Plädoyer für den Weltfrieden. Enzyklopädie des Pazifismus. München, 1984. 171s.

Russell B. Has Man a Future? London, 1961. 128 p.

Russett B., Oneal J. Triangulating peace: Democracy, interdependence, and international organizations. New York, 2001. 394 p.

Schneider G., Gleditsch N.P. The capitalist peace: The origins and prospects of a liberal idea // International Interactions. 2010, Vol. 36, N. 2, pp. 107–114.

Королева Мария Николаевна

к.т.н., доцент

Московский государственный технический университет им.Н.Э. Баумана

Леушина Влада Вячеславовна

лаборант-исследователь

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ПОНИМАЮЩИХ ИСКУССТВЕННЫХ АГЕНТОВ

Создание понимающих агентов является одним из перспективных направлений в искусственном интеллекте. В частности, такие агенты востребованы в коллаборативной робототехнике, где необходимо организовать взаимодействие и понимание между человеком-оператором и роботом-партнером. Понимание в данном случае заключается в частичном совпадении картин мира, в том числе в части затрагивания понятий «моральность поведения», «целеполагание» и др. В определенном смысле человек ожидает от робота проявление свойств морального агента (например, принимать решения самостоятельно, основываясь на принципах морали).

Вместе с тем архитектура робота имеет много общих черт с «архитектурой» живых существ. Так, нижний уровень системы управления реализует рефлекторную деятельность, на котором поведение определяется актуальными потребностями и сенсорикой. Здесь же работает механизм эмоций, функции которого сводятся к стабилизации поведения, краткосрочной памяти, контрастированию восприятия и т.д. В целом поведение робота направлено на удовлетворение его актуальных потребностей. Верхний – когнитивный – уровень управления является некоторой надстройкой над эмоционально-потребностной схемой, его функционирование заключается в искажении и коррекции сенсорного восприятия, изменении значимости нужд. Одной из форм представления данного уровня является так называемая семиотическая (знаковая) модель.

Одним из важных компонентов знаковой модели является знак «Я» (познающий субъект). Введение в картину миру этого знака позволяет реализовывать такие феномены, как подражание, социальное обучение, эмпатия. Последняя, в свою очередь, является основным компонентом морального поведения. Вместе с тем открытым остается вопрос о цели и характере поведения искусственного агента. Для решения вопроса вводятся сущности, например, благо, счастье, цель и т.д. При этом номенклатура этих сущностей, и, особенно, связи между ними задаются моральной схемой, концепцией и т.п. Таким образом ставится задача формализации некоего этического

учения в виде определения множества сущностей и связей между ними и представления его в виде онтологической модели. При этом множество понятий такой модели является подмножеством системы понятий картины мира робота. Определение связей между концептами модели мира задает целеполагание агента. Однако механизм поведения всё равно основан на удовлетворении актуальных потребностей. Дуализм подобного рода (противоречия между целеполаганием, задаваемым моральной схемой, и необходимостью удовлетворения потребностей) приводит к тому, что второй функцией онтологической модели является объяснение: соответствуют ли текущие действия агента цели поведения, которая задана моральной схемой (в случае соответствия схеме поступки считаются моральными, иначе аморальными). Кроме того, обоснование собственного поведения является важнейшим компонентом в коллаборативных системах: робот-партнер должен всегда уметь объяснить, почему он решил поступить именно так.

В качестве примера моральной схемы в работе выбран гедонизм, как компактная схема с хорошо интерпретируемой системой понятий, допускающей к тому же оценочные суждения. В качестве инструментального средства построения онтологии выбрана платформа Protégé. Основными концептами стали понятия «счастье», «цель», «мотив», «потребность», «удовольствие» и т.п. При этом онтологическую модель необходимо было ограничить в количестве концептов и связей, т.к. путь достижения цели должен быть как можно короче, а выводимые роботом-партнером объяснения должны иметь достаточный, но не «занудный» характер. В основе формализации лежит когнитивная карта, отвечающая за процедуру доказательства выводимости заявленной цели из текущего поведения агента (т.е. обоснование его моральности или аморальности).

Таким образом, формирование картины мира агента на основе формального представления этического учения в определенной степени должна повлиять на целенаправленность поведения и сформировать схему объяснения действий. В настоящее время отработка предложенной системы находится на уровне имитационного моделирования. РФФИ №20-07-00770 «Разработка фундаментальных проблем построения «понимающих» когнитивных агентов, многоагентных систем и искусственных сообществ на основе подходов синергетического искусственного интеллекта, методов грануляции информации, динамических биполярных шкал и диалогических миров»

Логинов Евгений Владимирович
к. филос. н., научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
**ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНЫЙ КРИТЕРИИ
МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Один из важных феноменов, который должен быть учтен при построении теории моральной ответственности, – это моральная тревога. Этим термином я указываю на ситуацию, когда эпистемический критерий моральной ответственности применяется без ограничения. Эпистемический критерий утверждает, что возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент находился в такой эпистемической позиции, из которой ему в достаточной степени было доступно релевантное знание о том, за что на него возлагается моральная ответственность. Однако на практике бывает крайне трудно специфицировать, что означает «достаточная степень» и «релевантное знание». Анализ гипотетических случаев возложения ответственности за незнание показывает, что мы в целом можем возлагать ответственность практически за любое действие, совершенное из виновного незнания (М. Циммерман, Х. Смит и др.). Между тем, виновным можно признать любое незнание, которое стало результатом невыполнения некоторой обязанности знать что-то. Учитывая огромное количество таких обязанностей, агент оказывается в тревожном состоянии, которое вызывается осознанием того факта, что он в любой момент может совершить предосудительный поступок. Один из

теоретических выходов в такой ситуации – это пытаться развить аргумент моральной тревоги как аргумент в пользу скептицизма в отношении моральной ответственности (Г. Розен). Так как последовательное применения эпистемического критерия возложения моральной ответственности влечет такие абсурдные следствия, то можно утверждать, что понятие моральной ответственности как таковое не может применяться последовательно. Я предлагаю другой выход. Я критикую эпистемический скептицизм Розена и показываю, что ситуации снятия ответственности в случае незнания не должны пониматься в терминах эпистемологии. Более перспективным тут является нормативная трактовка этих случаев. В случаях незнания мы снимаем ответственность не потому, что агент не знал то, что мог не знать, а потому что это незнание не отражало некоторые предсудительные установки. Таким образом, эпистемический критерий можно свести к нормативному: возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если оцениваемое качество воли агента имеет соответствующее выносимой оценке моральное значение («хорошо», «дурно» и т.п.). Это предложение само по себе, однако, имеет большую теоретическую цену: оно ограничивает наши возможности понимать нормативные аспекты моральной ответственности через эпистемологические термины, в частности, ограничивает наши возможности применять эпистемологию добродетели для обоснования феномена моральной ответственности (Л. Загребски, У. Фитцпатрик, А. Беседин). В докладе я установлю в какой мере наши возможности тут на деле ограничены.

РНФ №21-78-10044 «Феномен моральной ответственности»

Юнусов Артем Тимурович

к.филос.н, научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОСТЬ В ТЕОРИЯХ ДЕРЕКА ПАРФИТА И Т.М. СКЭНЛОНА

Дерек Парфит и Т.М. Скэнлон – одни из самых крупных моральных философов современности. Центральным для их моральных теорий является понятие объективно существующих нормативных оснований (reasons) в пользу или против совершения определенного поступка или формирования определенного убеждения. Морально неправильное действие в этом случае в первом приближении понимается как действие, которые у нас есть решающие моральные основания не совершать, что делает его одним из видов иррационального действия.

Однако в вопросе о том, какие именно действия следует называть иррациональными между Парфитом и Скэнлоном существует важное расхождение. Оба согласны, что центральным случаем иррациональности является случай, когда агент совершает поступок, имея при этом убеждение о том, что у него есть решающие основания его не совершать (или не совершает поступок, имея убеждение о том, что у него есть решающие основания его совершить) [Parfit 2011, 1, 122; Scanlon 1998, 25–26]: например, ест суп вилкой, хотя уверен, что его следует есть ложкой. Однако Парфит полагает, что существует также принципиально иной тип случаев, которые заслуживают быть характеризованы как иррациональное поведение не в меньшей степени. Это случаи, когда, несмотря на то, что агент действует в соответствии с имеющимися у него убеждениями, некоторые из его нормативных убеждений являются, грубо говоря, глубоко и очевидно ошибочными [Parfit 2011, 1, 119–124]: например, агент ест суп вилкой, потому что полагает, что суп следует есть вилкой. Такой агент, по Парфиту, заслуживает специфической нормативной критики, которую мы ассоциируем с упреком в иррациональности, не меньше, чем агент, который действует против своих нормативных убеждений; более того, в некоторых случаях агенты совершающие подобную ошибку, будут заслуживать упрека в иррациональности в большей степени. Скэнлон, в свою очередь полагает, что подобные случаи не следует рассматривать как случаи иррациональности агентов; они являются лишь случаями «существенного заблуждения» (substantive mistake) [Scanlon 1998, 30].

Однако, кажется, моральная теория самого Скэнлона говорит против такой позиции. Если морально дурное действие является видом иррационального действия, специфически моральная нормативная критика, т.е. упрек в предосудительности (blameworthiness) поступка, с высокой вероятностью должна быть устроена аналогично общей нормативной критике, т.е. упреку в иррациональности. А Скэнлон признает, что предосудительными являются не только те поступки, которые агент совершает, будучи убежден, что у него есть решающие моральные основания их не совершать, но и те, которые агент совершает, исходя из глубоко морально ошибочных нормативных убеждений (вне зависимости от того, как эти убеждения были приобретены) [Scanlon 2015, 98–103].

Чтобы защитить свою позицию в вопросе об иррациональности сторонникам позиции Скэнлона нужно было бы указать, что задает релевантное отличие между случаями предосудительности и случаями иррациональности, позволяющие считать случаи критики за глубоко ошибочные нормативные убеждения упреком в предосудительности, но не упреком в иррациональности. Учитывая, что все указывает, что эти два типа критики соотносятся как род и вид, кажется, что сделать это было бы чрезвычайно сложно.

Литература:

1. Parfit D. On What Matters. 2 vols. Oxford: Oxford University Press, 2011.
2. Scanlon T.M. Forms and Conditions of Responsibility // The Nature of Moral Responsibility / Ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. New York: Oxford University Press, 2015. P.89–111.
3. Scanlon, T.M. What We Owe to Each Other. Cambridge MS; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1998.

РНФ №21-78-10044 «Феномен моральной ответственности»

Беседин Артём Петрович
к.филос.н., доцент

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
СВОБОДА И ОБИДА

Статья «Свобода и обида» оказала глубокое и неоспоримое влияние на современные дискуссии о моральной ответственности. Интерпретаторы до сих пор спорят о том, как именно устроена аргументация в этой работе. Комментаторы часто выделяют две стратегии в «Свободе и обиде»: одну можно охарактеризовать как трансцендентальную, другую – как натуралистическую. (П. Рассел называет их «рационалистической» и «натуралистической»; Г. Уотсон использует другие термины: «нормативный аргумент» и «психологический аргумент».) Обе они должны показать, что для нас в определенном смысле невозможно отказаться от практики применения реактивных установок, лежащих в основании моральной ответственности, поскольку они являются условием нормальных межличностных отношений. Трансцендентальная аргументация опирается насылку, что эти отношения составляют важную часть того, кто мы есть. Натуралистическое рассуждение указывает на психологическую невозможность для нас отказаться от применения этих установок.

Для лучшего понимания аргументации Стросона можно привлечь методологический прием, применяемый теоретиками анимализма в области персональной онтологии. В качестве показательного примера я возьму подход Э. Олсона. Тогда как представители других направлений часто пытаются ответить на вопрос «Что такое личность?», Олсон ставит вопрос «Что есть мы?» Ответ Олсона прост: мы животные. Замена термина «личность» на местоимение «мы» дает важные результаты. Так, тезис Олсона не является необходимым: индексикал «мы» указывает на множество вещей мире, и об этих вещах утверждается, что все они суть животные. Из этого не следует, что мы необходимо являемся животными, хотя это и может быть так.

В рассуждениях Стросона также можно разделить аргументацию, касающуюся нас и аргументацию о человеческой природе вообще. (Не утверждается, что именно

так должен читаться сам текст «Свободы и обиды»; тезис состоит только в том, что такое разделение позволит нам лучше понять стросонианскую аргументацию.) Применим две стратегии аргументации к нам. Трансцендентальная стратегия: межличностные отношения составляют важную часть нашей того, что мы есть. Можно попытаться тривиализировать этот аргумент. Предположим, что мы люди в шляпах. Тогда, если мы лишимся шляп, мы перестанем быть теми, кто мы есть. Ответ со стороны Стросона может состоять в том, что моральная ответственность и шляпы имеют для нас разную важность. Это просто факт, что ответственность важна для нас, а шляпы нет. Натуралистическая стратегия: для нас психологически невозможно отказаться от реактивных установок. Это может быть просто эмпирическим фактом. Критик возразит, что мы можем отказаться от реактивных установок, и для нас это психологически возможно, при этом оставшись узнаваемо самими собой. Ответ защитника Стросона состоит в том, что это уже будем не мы.

Применение двух стратегий к человеческой природе вообще можно трактовать как усиление вышеприведенной аргументации: мы как люди не можем отказаться от моральной ответственности. Рассуждения о нас были менее сильными, потому что из них не следовало никаких необходимых выводов (например, что никакое человеческое общество не может существовать без практики применения реактивных установок). Из рассуждений о человеческой природе такие выводы должны последовать, и психологический аргумент не может быть для них сильным подтверждением.

Если мы добавим к интерпретации аргументов «Свободы и обиды» еще одно измерение – разделение аргументов о нас и о человеческой природе вообще, – мы сможем лучше понять область применения двух стратегий, используемых Стросоном. К тому же, можно оспорить успешность применения аргументации Стросона к человеческой природе вообще и утверждать, что его выводы относятся только к нам.

Фролов Константин Геннадьевич
к. филос. н., научный сотрудник

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МЕРЕОЛОГИЯ ДЕЙСТВИЙ И ПРИПИСЫВАНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Неоднозначность фиксации границ действий во времени и пространстве относится к числу затруднений, связанных с приписыванием и обоснованием моральной ответственности. Очевидно, что действия могут происходить как мгновенно (хлопок в ладоши), так и иметь темпоральные и пространственные части. Различные действия-части при некоторых обстоятельствах становятся целостным действием так же, как материальные части вещей становятся целым при определенных обстоятельствах. В то же время другие сочетания действий остаются не составляющими какой-либо целостности.

Объектом исследования мереологии действий являются эти самые «определённые обстоятельства», в зависимости от которых целостная структура составного действия либо образуется, либо нет. В сравнении с предметом мереологии материальных объектов особая специфика предмета мереологии действий ограничивает пространство возможных решений этого вопроса. Основное отличие действий состоит в наличии особых характеристических свойств и параметров, к числу которых можно отнести: само наличие агента-актора; необходимость наличия определенных намерений, предшествующих действию; необходимость наличия контроля у агента над происходящими событиями. В связи с этим не может быть и речи об аналоге принципа неограниченной композиции для действий: мереологическая совокупность действий различных агентов, которые имеют различные намерения, вместе не составляет целостное действие. Однако относительно действий возможны иные варианты мереологических подходов. Например, можно вести речь о варианте мереологического нигилизма, в рамках которого может иметь место существование только таких действий, которые не имеют собственных частей. Помимо этого можно рассуждать в рамках теории гру-

бой композиции действий, которая полагает грубым фактом, не имеющим никакого обоснования, наличие либо отсутствие между различными действиями мереологических отношений. Также можно говорить о допущении наличия таких натуральных видов действий, в которых сущностные черты определяют границы этих видов и их состав. Тем самым речь в данном случае идет об аналогах эссенциалистских теорий.

Проблемы мереологии действий являются существенными для теории моральной ответственности. Так, агент несет ответственность отдельно и независимо за такие действия, которые не имеют никакой общей связи между собой, которые лишь случайно оказались вместе в пространстве и времени. Например, агент отдельно и независимо ответственен как за управление автомобилем, так и за слова в разговорах с пассажирами. Однако ответственность агента за целостное действие и за совершение отдельных частей не разделяются похожим образом, в связи с чем агент ответственен за управление автомобилем и с помощью рук, и за нажатие ногами на педали в той же степени, и за управление автомобилем в целом. Это так потому, что целостное действие управления транспортным средством супервертно на множестве его пространственных и временных частей.

В рамках доклада будут исследованы проблемы соотнесения пространственно-временного распределения частей действий с моральной ответственностью за них. РФФИ №20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Фауль Богдан Владимирович
научный сотрудник

Тюменский государственный университет

ИЗЫТОЧНОСТЬ КАТЕГОРИИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

В докладе рассмотрены стратегии решения моральных дилемм, которые осуществляются не на уровне нормативной этики, но на уровне метаэтики. Знакомые решения моральных дилемм, которые предлагаются в утилитаристских или деонтологических подходах, основываются на идее, что моральные агенты не могут сталкиваться с противоречивыми долженствованиями. Тем не менее, в современной литературе можно обнаружить подходы, которые предполагают такую возможность посредством отрицания знаменитого принципа, согласно которому долженствование предполагает возможность. Другой класс решений основан на идее, что моральные дилеммы не могут быть сформулированы при условии, если пропозиции, которые включают категорию долженствования, являются ложными или не имеют смысла. Принятие этой стратегии часто ассоциируют с прямым отрицанием морального реализма. В докладе будет продемонстрировано, что такой способ решения моральных дилемм, тем не менее, совместим с моральным реализмом, понимаемым определенным образом. Я предложу теорию морального реализма, которая основывается на введении телеологической причинности для классов объектов, но в которой все утверждения с категорией долженствования являются либо ложными, либо не имеющими смысла.

Мерцалов Андрей Викторович
научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ТОЖДЕСТВО ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: АРГУМЕНТЫ PRO ET CONTRA

Большинство теорий моральной ответственности (далее – МО) предполагают, что МО могут нести только личности: разумные, мыслящие существа, обладающие релевантными моральными способностями и компетенциями, доброй или злой волей и способностью проявлять качество этой воли в действии. Считается, что только наличие определённых моральных способностей делает личность моральным агентом – тем, кто в принципе способен нести МО; а проявленное в действии качество воли

определяет принадлежность этого действия личности как агенту этого действия в смысле, необходимом для уместного возложения МО за него. Обычно также утверждается, что МО за прошлые действия уместно возлагать только на ту личность, которая совершила это действие: чтобы возложение МО было уместным, личность, на которую теперь возлагается МО за некое действие, должна быть той же самой личностью – тем же самым моральным агентом и агентом действия, – что и личность, совершившая это действие в прошлом. Это, как кажется, ведёт к признанию тождества личности одним из условий уместности возложения МО.

С другой стороны, в последние десятилетия в дискуссиях о тождестве личности популярен лозунг о том, что тождество личности не важно. В том, что касается вопроса о МО, его подхватили как сторонники психологической теории, так и приверженцы биологического и субстанционалистского подходов к проблеме тождества личности. Кажется, что этот лозунг прямо противоречит признанию тождества личности условием уместности МО.

Выход из этого конфликта можно найти, обратившись к анализу аргументов за и против признания значимости тождества личности в вопросе о МО. В пользу его значимости говорят аргументы, демонстрирующие, что если личность на момент возложения МО не является той же самой, что была личность в момент совершения действия, то будет нарушаться либо условие агентности действия, либо условие моральной агентности, вследствие чего возложение МО на эту личность будет неуместным.

Отрицание же значимости тождества личности для МО обычно является отрицанием значимости нумерического тождества личности. Основанием сторонников биологического и субстанционалистского подходов здесь обычно служит принимаемая ими трактовка личности как человеческого тела, организма, или как души, нематериальной субстанции. Так понимаемая личность оказывается ничем не связана с моральными способностями и качеством воли, являющимися существенными чертами личности как морального агента и агента действия в теориях МО, а потому и тождество биологически или субстанционалистски понимаемой личности оказывается не важно для МО.

Напротив, трактовка личности в психологической теории полностью соответствует её пониманию в теориях МО. Но здесь значимость нумерического тождества личности отрицается обычно в силу того, как в психологической теории понимается нумерическое тождество. Трактую его как неразветвлённое R-отношение, сторонники психологической теории показывают, что требование неразветвлённости является совершенно сторонним вопросом о сохранении личности той же самой. Однако значимость самого R-отношения (а не одного лишь его неразветвлённого подвиды) не ставится под сомнение. И именно оно, а не нумерическое тождество, в психологической теории признаётся эквивалентом отношения «быть той же самой личностью», которое и значимо для МО.

Кажущийся конфликт теорий МО и тождества личности разрешается признанием того, что отношение «быть той же самой личностью» (R-отношение) не равно нумерическому тождеству личности. И хотя нумерическое тождество личности не важно для МО, сохранение личности той же самой (связанной R-отношением) является одним из условий уместности возложения МО. Два эти тезиса оказываются совместимыми со всеми теориями МО и тождества личности, указывая на область пересечения этих теорий.

РНФ №21-78-10044 «Феномен моральной ответственности»

Ларин Андрей Сергеевич
обучающийся аспирантуры
Северо-Кавказский Федеральный Университет

КАКОВА ПРИРОДА БЛАГОПОЛУЧИЯ? УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПРОТИВ ТЕОРИИ ОБЪЕКТИВНОГО СПИСКА

Исторический в рамках консиквенционализма существовали разные подходы при ответе на вопрос о том, что мы должны максимизировать или в данном контексте, что обладает внутренней ценностью? Классический утилитаризм изобретенный Иеремией Бентамом долгое время довольно прямолинейно и не без проблем отвечал на данный вопрос так, что единственной внутренней ценностью обладает удовольствие и минимизация страданий. Выделив одно монистичное не инструментальное благо в виде удовольствия, Бентам вызвал множественные сомнения и критику не только со стороны конкурирующих философских подходов, но и со стороны самих консиквенционалистов [1].

Одна из наиболее успешных попыток оспорить данный подход, которые отождествляет благо и удовольствие была совершена Робертом Нозиком. Он предложил мысленный эксперимент, именуемый «Машиной опыта», который стал достаточно серьезным вызовом для такого ответа на вопрос о природе благополучия как удовольствия [2].

Именно с этой точки к начинаются значимые дебаты между последующими теориями, которые я намереваюсь рассмотреть в рамках данного доклада, а конкретно, теорию, которая допускает, что благополучие является не более чем реализацией предпочтений агентов и минимизацией фрустраций. Преимущества данного подхода безусловно состоят в том, что он сохраняет за агентом свободу избирать те или иные формы реализации своего благополучия [3]. Помимо этого, данный подход не имеет множественных проблем, которые предстают перед теорией гедонизма (как минимум этот подход исключает необходимое погружение в машину опыта).

Однако и этот подход имеет некоторые проблемы, например, связанные с странными и опасными желаниями, которые могут оказаться объективно вредными для агента (или других агентов), даже если нечто предпочтается. Не забудем и отметить также момент связанные с тем, что в реализации наших предпочтений фундаментально важную роль играет наша информированность о характере тех или иных предпочтений, что более подробно будет разобрано в рамках доклада. Далее я намереваюсь раскрыть на данный момент наиболее популярную теорию, при ответе на вопрос о том, что представляет из себя благополучие, а конкретно теорию объективного списка. Также, как и теория предпочтений, объективный список нивелирует машину опыта, а также данная теория в различных её версиях позволяет найти обоснованный ответ вопрос о том, почему мы допускаем, что существует множество различных значимых целей (не инструментальных ценностей) [5]. Хотя теория объективного списка имеет свои проблемы, я допускаю, что существует возможность правдоподобно ответить на них и защитить данный подход к анализу благополучия.

Литература:

1. Bentham J., 1789, *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, J. Burns and H.L. A. Hart (ed.), Oxford: Clarendon Press.
2. Nozick R., 1974, *Anarchy, State, and Utopia*, Oxford: Basil Blackwell.
3. Sobel D., 1994, «Full-information Accounts of Well-being».
4. Parfit D., 1984, *Reasons and Persons*, Oxford: Clarendon Press.

Пономарёв Андрей Игоревич
старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
**ПРЯМОЕ ВОСПРИЯТИЕ МЕНТАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ И
МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ**

Доклад посвящён анализу концепции 4E-cognition в контексте моральной аргументации. В практическом аспекте моральная аргументация представляет собой серию рассуждений от убеждения о правильности действия к намерению его совершить, от намерения к попытке совершения, и от попытки совершения действия к его успешному совершению.

В рамках концепции 4E-cognition утверждается, что сознание является воплощённым в теле (embodied, embedded, extended, enactive). Данная концепция выглядит перспективно по двум причинам. Во-первых, в рамках данного подхода существует концептуальная возможность прямого восприятия ментальных состояний другой личности [1]. Знание о ментальных состояниях другой личности необходимо, если другая личность является объектом морального действия. На тех же основаниях, в рамках концепции 4E-cognition можно оценить, можно ли считать моральными агентами животных, искусственный интеллект или коллективный субъект [2].

Во-вторых, в рамках теории 4E-cognition существует возможность под новым углом оценить рациональность перехода от убеждения к действию в моральной аргументации. Воплощение сознания в телесности означает, что сами действия являются не результатом мыслительного процесса, а его частью. Допустимость, оправданность и целесообразность того или иного действия являются не только характеристиками моральности действий, но и являются частью общих закономерностей для практической аргументации.

Литература:

1. Krueger J. Direct Social Perception. The Oxford Handbook of 4E-Cognition, A. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher (eds.), Oxford University Press, Oxford, pp.301–320.
2. Newen A. Understanding Others – The Person Model Theory. Open MIND. Ed. by T. Metzinger & J. M. Windt. Frankfurt am Main: MIND Group, 2015.

Гаврилов Максим Викторович
аспирант

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова
УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Т.М. СКЭНЛОНА

Гарвардский философ Томас Скэнлон в своих многочисленных работах описывает и защищает разработанную им моральную теорию, которую он обозначает как контрактуализм. Помимо разработки этой авторитетной моральной теории, не менее важным его вкладом в философию являются его размышления об условиях и формах ответственности, а также следующими за ними моральными последствиями. Скэнлон выделяет два вида ответственности и соответственно два вида моральных последствий:

а) Ответственность моральной реакции. Эта ответственность уместна в том случае, когда в отношении отдельной личности, совершившей положительный или негативный поступок (хотя мы можем говорить об ответственности моральной реакции в нейтральном смысле), уместны такие последствия, как определенные моральные реакции (осуждение, гнев, благодарность, похвала, негодование и т.д.).

б) Содержательная ответственность. Этот вид ответственности имеет такие последствия, как изменение обязательств друг перед другом.

Для моего доклада и в целом для дискуссии о моральной ответственности ключевым является именно первый вид ответственности и связанная с ним концепция осуждения. Условие применения этого вида ответственности будет рассматриваться с точки зрения нормативных установок агента в отношении других людей. Контроль,

по Скэнлону, играет значимую роль лишь при определении содержательной ответственности.

Он считает, что разногласия на тему свободы воли возникают из-за неясности допустимого диапазона реакций, которые мы считаем уместными в отношении ответственности за установки агентов. Если в этот диапазон включают готовность согласиться с причинением страданий, которые были бы нанесены не только из-за конвенционалистских соображений, то правдоподобно было бы придерживаться инкомпатибилизма. Если не включают – то мы можем остаться в русле компатибилизма.

Однако многие считают, что даже в случае, когда мы исключаем ретрибутивизм в качестве вида уместных реактивных установок, ответственность за действие полагается лишь тогда, когда оно было подконтрольно агенту. Скэнлон в принципе особо не озадачен проблемой детерминизма, именно потому что отсутствие контроля над обстоятельствами, формирующими характер человека, не меняет, по его мнению, степень осуждения и соответствующую корректировку установок с нашей стороны.

Можно ожидать, что физические вмешательства, манипулирующие нашим поведением, могут подорвать ответственность. Для объяснения этого нет необходимости в обращении к контролю. Представим франкфуртский случай манипуляции через стимуляцию мозга и действие, которое оно вызвало [3]. Легко обнаружить, что поступок, совершенный человеком, находящимся под подобной манипуляцией, никак не характеризует нормативные установки агента. Однако мы не можем сделать исключение для всех установок человека, считая, что они вызваны факторами, не зависящими от агента, которые он не мог контролировать. В целом все эти установки уже не могут не отражать его нормативные установки, его «реальное я». «Даже если наши установки и действия могут быть полностью объяснены генетическими факторами и факторами окружающей среды, все равно верно то, что у нас есть эти установки и что наши действия их выражают» [1, p.181].

То же самое касается импульсивных или неосознанных действий, которые могут произойти без сопутствующего им контроля агента. Эти действия тоже характеризуют наши нормативные установки, а значит агенты будут за них ответственны.

Таким образом, для того, чтобы человек был ответственным за действие, необходимо чтобы это действие являлось хорошим свидетельством того, каким он на самом деле является – условие контроля здесь не нужно. «На самом деле, эти установки – единственное, за что человек ответственен в наиболее фундаментальном смысле» [2, p.98].

Литература:

1. Scanlon T. M. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, and Blame*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.
2. Scanlon T. M. *Forms and conditions of responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays / Ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 89-111.
3. Франкфурт Г. Альтернативные возможности и моральная ответственность // Пер. А. С. Мишуры // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 1. № 4. С. 129–140.

Снетков Иван Геннадьевич

аспирант, приглашённый преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
**МОРАЛЬНОГО АГЕНТА НЕ СУЩЕСТВУЕТ. НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ
АНТИРЕАЛИЗМ В ОБЪЯСНЕНИИ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.**

Моральная ответственность – это особый вид ответственности, который оправдывает получение похвалы и наказания, которые обязательны – заслужены – только из-за поступка, независимо от его последствий. Критериями моральной ответственности обычно являются такие вещи, как способность действовать здраво, осознанно, на основании собственных причин и мотивов, без принуждения или обмана. Все это совместимо с натуралистическим представлением о том, что мы полностью подчиняемся

естественным причинно-следственным законам, поэтому философы называют это компатибилистскими требованиями к моральной ответственности.

Хотя люди в целом отвечают требованиям компатибилизма к моральной ответственности, тем не менее, мы всё ещё можем утверждать, что никто и никогда не заслуживал похвалы или наказания.

Моральной ответственности не существует – именно этот антиреалистический тезис и будет рассмотрен в настоящем докладе.

Я представлю две натуралистические стратегии его обоснования:

1) Для обоснования понятия моральной ответственности необходимо предоставить причины наказывать агентов, которые в конечном итоге не выбирали свой характер и мотивы. Натуралистическая причинно-следственная история показывает, что никто из нас не является самосозданным таким образом, чтобы сделать такое наказание морально справедливым. Таким образом, моральная ответственность морально неоправдана в натуралистических рамках.

2) Аргументы из моральной философии объединяют свободу воли с моральной ответственностью. Разница между ними зависит от того, какой фактор каждый из них принимает за основной: одни начинают с существования свободы воли, другие – с моральной ответственности.

Рассмотрим утверждение: свобода воли и моральная ответственность зависят от объективных моральных свойств. Решающий метаэтический вопрос здесь заключается в том, существуют ли объективные моральные свойства? Если мы занимаем не-когнитивистскую позицию, в пользу которой появляется всё больше натуралистических аргументов, то у нас нет ни свободы воли, ни моральной ответственности.

Но если эти стратегии верны, и моральной ответственности не существует, то откуда у нас сохраняется устойчивая интуиция моральной ответственности, и, что важнее, всё наше общество и взаимодействие в нём построено вокруг веры в эту интуицию?

Представьте, что мы создали общество роботов. У них не будет свободы воли в обычном понимании, поскольку они – причинно обусловленные автоматы. Но у них будет осознаваемая модель себя и других автоматов вокруг них, и эти модели позволят им взаимодействовать между собой и управлять своим поведением. Теперь вообразите, что мы добавили к их внутренним моделям себя еще две особенности: во-первых, ошибочное убеждение, будто они (и все остальные) ответственны за свои действия; и во-вторых, «идеального наблюдателя», представляющего интересы группы, такие как требования честности в обоюдных взаимодействиях. Что от этого изменится? Возникнут ли у наших роботов новые каузальные характеристики просто от ложного убеждения в свободе своей воли? Ответ – да; станет возможной моральная агрессия, поскольку возникнет совершенно новый уровень конкуренции – конкуренции за наилучшее следование интересам группы, за моральные заслуги и тому подобное. Теперь можно будет повышать свой социальный статус, обвиняя других в аморальности или действуя лицемерно. Возникнет совершенно новый уровень оптимизации деятельности. При правильно заданных граничных условиях вдруг возрастет сложность созданной общественной системы, хотя ее внутренняя целостность останется прежней. Социальная эволюция сможет развиваться на новом уровне. Обычай приписывать моральную ответственность – создаст решающую и вполне реальную функциональную характеристику: на поведении каждого робота будут более эффективно сказываться интересы группы.

Примерно таким образом мы и могли бы натуралистически реконструировать возникновение понятия моральной ответственности и наше реалистическое представление о нём, вместе с тем не отходя от антиреализма в объяснении моральной ответственности.

Чепелева Наталья Юрьевна

тьютор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
**НОВЫЕ ДЕТАЛИ В РЕКОНСТРУКЦИИ «ДИСПУТА ХОВИТЦА»
 ОБ ОСНОВАНИЯХ МОРАЛИ**

В 1839 году Датская Королевская Академия Наук объявила о конкурсе философских сочинений. Заявленная тема предполагала ответ на вопрос об источнике и основаниях человеческой морали. Артур Шопенгауэр был единственным, кто прислал на конкурс свое сочинение [1], однако его работа была признана недостойной награды. В официальном ответе утверждалось, что автор сочинения непозволительно оскорбляет выдающихся современных философов [2]. Долгое время считалось, что главным членом жюри был гегельянец Ганс Лассен Мартенсен, – об этом сообщает Пауль Дойссен со ссылкой на рукописную заметку самого Шопенгауэра [3]. Со ссылкой на Дойссена эту историю описывает и Д. Картрайт в биографии Шопенгауэра [4].

Шопенгауэр не знал, что главным жюри в Копенгагене был не Мартенсен (он даже не был членом Академии до 1841 года), а Фредерик Кристиан Зибберн. Недавно было найдено письмо Зибберна, датированное 1828 годом, из которого следует, что на момент конкурса он уже был знаком с философией Шопенгауэра [5]. Этот факт привел к переосмыслению причин отказа Датской королевской академии, а также к пересмотру интеллектуального контекста, в котором обсуждалось сочинение.

Заявленная Датской Королевской Академией наук тема была вызвана «диспутом Ховитца» [6] – общественной дискуссией, вызванной статьей Франца Готтхарда Ховитца, критикующей кантианское понимание свободы воли и оспаривающей основы судебной практики в Дании того времени. Согласно Ховитцу [7], человеческие действия не являются выражением чистой разумной и автономной воли, но, как и все остальное в природе, чем-то вызваны. Человеческие действия вызываются мотивами, и каждый выбор, который делает человек, обусловлен мотивом. Ховитц понимает психологические расстройства как вызванные биологическими изменениями в теле или мозге. Применительно к судебной практике теория Ховитца означает, что вменяемость и безумие не должны рассматриваться как абсолютные противоположности. Скорее, становится возможным говорить о степенях здравомыслия и, таким образом, степенях ответственности. Теория Ховитца рассматривалась критиками как материалистический детерминизм или даже фатализм, делающий любое моральное различие между добром и злом невозможным и чреватым опасными последствиями для общества в целом. Если действия человека детерминированы и выделяются степени ответственности, то это означает, что человек не несет моральной ответственности за свои действия и нравственное воспитание теряет смысл.

Взгляды Шопенгауэра, представленные в работе «Об основе морали», оказались невероятно близкими взглядам Ховитца, яростными противниками которых были члены жюри конкурса Датской Королевской Академии Наук.

В данном докладе я планирую обсудить последние достижения в области реконструкции дискуссии об основаниях морали.

Литература:

1. Шопенгауэр А. Об основе морали // Собр. соч.: в 6 т. Т.3 / Под ред. А. Чанышева. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015
2. Сафрански Р. Шопенгауэр и бурные годы философии / пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Роузбэд Интерэктив, 2014.
3. Deussen P. Schopenhauers Leben // Sechstes Jahrbuch der Schopenhauer-Gesellschaft, Vol.6(1917): 3–46.
4. Cartwright D. Schopenhauer: A Biography. Cambridge University Press: Cambridge, 2010.
5. Pasgaard-Westerman M. Strictly Incognito? Schopenhauer's Prize Essay on Morals and the Royal Danish Academy // Schopenhauer Jahrbuch, 101, 2020.
6. Basso I. On madness and free will: a Kantian debate in Denmark in the first half of 19th century // Philosophical Inquiries Vol.8 No.1, 2020.
7. Howitz F. On madness and ascribing responsibility // Philosophical Inquiries Vol.8 No.1, 2020.

«ИЗГНАННИКИ И ПРОРОКИ: РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ И ОПЫТ ЕГО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ»

материалы круглого стола

Беззубова Ольга Владимировна
к. филос. н, доцент

Санкт-Петербургский горный университет

СЕРИАЛ «ВЕРТИНСКИЙ»: ДИЛЕММА ЭТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Сериал «Вертинский» (реж. А. Смирнова, сценаристы А. Пармас, Дж. Шемякин, генеральный продюсер К. Эрнст) вышел на экраны осенью 2021 г. и вызвал противоречивые отклики у зрителей и рецензентов. Несмотря на то, что ряд авторитетных критиков отзывались о сериале положительно, зрительское восприятие оказалось не столь однозначным. Авторы негативных отзывов чаще всего отмечались исторические несоответствия биографии прототипа и событий, продемонстрированных в фильме. Однако, как представляется, данное кинопроизведение следует рассматривать не столько с точки зрения его художественных достоинств (вполне соответствующих уровню качественной сериальной продукции), а также и не с точки зрения его соответствия канонам жанра фильма-байопика. Аспектом, остающимся до сих пор без внимания, является то, что можно назвать политическим содержанием фильма. Сериал следует интерпретировать в качестве своеобразной попытки переосмыслить стереотипные для российской культуры представления об отношении творческого человека (или, в современных реалиях – «представителя креативного класса») и власти и тем самым отказаться от видения этих отношений непременно как конфликтных и неизбежно приводящих к противостоянию.

Следует отметить, что А. Смирнова не впервые обращается к данному вопросу. Эта тема уже затрагивалась в ее предыдущих фильмах («Ко-ко-ко» (2012), «Два дня» (2011)). на другом материале (условная научная интеллигенция). Однако, в «Вертинском» она приобретает новое звучание благодаря сюжету эмиграции и возникающих в этой связи мотивов противопоставления России и зарубежья. На фоне дискуссий на тему «уезжать или оставаться», разворачивающихся в российском публичном пространстве на протяжении как минимум последнего десятилетия, создатели фильма, очевидно, претендуют на программное высказывание, имеющее своей целью критику традиционной для российского общества ситуации политического диссенсуса. Образ Вертинского, как сугубо частного, далекого от политики человека, обладающего способностью выходить из любой затруднительной ситуации и находить общий язык с любым собеседником, умеющего договариваться с любой властью, от пьяных революционных солдат до высших чинов Третьего рейха, очевидно противопоставляется мифологическому образу российского / советского интеллигента, отрицающего компромиссы. Участие в создании фильма К. Эрнста, считающегося одним из создателей постсоветской идеологии, подтверждает гипотезу о том, что сериал «Вертинский» представляет собой попытку конструирования нового «общественного договора» между определенной частью российского культурного истеблишмента и властью.

Добровидов Максим Станиславович
курсант

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева

ПОВЫШЕНИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ОСНОВЕ СУВОРОВСКИХ ТРАДИЦИЙ

За последние годы появилось множество точек зрения на различные проблемы Великой Отечественной войны, в частности, источники победы СССР. Попытки ревизии истории Великой Отечественной войны предпринимаются с целью абсолютизации такого источника как людские ресурсы. Этот источник определяется как основной и едва ли не единственный. При этом игнорируется такой фактор, как моральные качества советского общества в целом, боеготовность армии и флота. Идеологическое противостояние сегодня выходит на первый план, как и много лет назад. В такой ситуации мы полагаем, что является целесообразным обратиться к истории идеологической борьбы с Германией, в которой значительную роль сыграли суворовские традиции и образ А.В. Суворова.

Создать атмосферу активной причастности к общему делу в годы Великой Отечественной войны оказалась способной система советской пропаганды, последовательно отражавшей патриотические и великодержавные традиции страны.

Еще в 1940 г. в СССР появился фильм «Суворов». 23 января 1941 г. состоялась премьера этого знаменитого фильма. Режиссеры Всеволод Пудовкин и Михаил Доллер сняли в роли А.В. Суворова Николая Черкасова-Сергеева. Все эпизоды биографии великого полководца второй половине 90-х гг. XVIII в. показаны в связке с аналогичными внешнеполитическими событиями Второй мировой войны. Например, зритель видит аналогию польской кампании после третьего раздела Польши и разгромом Польши в 1939 г. Позже, через полгода блестящий швейцарский поход, в котором Суворов крушит полчища французов, будет ассоциироваться с Берлином – столицей Третьего рейха и центром абсолютного зла для каждого советского человека. А в призыве Суворова «На Париж!» советские люди эпохи Великой Отечественной войны будут слышать то, о чём мечтал каждый: «На Берлин!»

Фильм стал выдающимся рубежом в деле агитации и пропаганды предвоенного и военного времени. Этот тезис подтверждают Сталинские премии, которыми были награждены режиссеры фильма и исполнитель главной роли.

А.В.Суворов предстает перед зрителем как человек чести и достоинства. В то же время режиссер и сценарист показали выдающиеся качества российских боевых военачальников (трогательны сцены общения с любимым учеником полководца Багратионом и другом – Кутузовым), и политическое интриганство пустых царедворцев против выдающегося полководца (граф Аракчеев). Суворов не кланяется Аракчееву намеренно, а кланяется лакею с комментарием: («Сегодня лакей, а завтра барон»). За такое поведение Павел называет Суворова «шут гороховый».

При всём идеологической тенденциозности фильма (например, факт неподчинения императору Павлу не имел места в действительности), не лакируется суровая действительность, и страшные потери русской армии. Солдат во время Швейцарского похода говорит Суворову: «По одному заряду на ружье», «Много наших костей здесь осталось».

Последнее слово Суворова в фильме – слово «Вперед!». Сценаристы и здесь очень бережно отнеслись к подлинным историческим фактам. За смелые и решительные наступательные действия против превосходящих сил противника австрийцы прозвали Суворова «Генерал Вперёд».

7 ноября 1941 г. с трибуны Мавзолея Сталин закончит свою знаменитую речь перед самым началом Московской битвы вдохновенным призывом: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Исаков Александр Николаевич
к. филос. н., доцент

Гуманитарный университет профсоюзов

ЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В КИНО О ВОЙНЕ

Уже в практической философии Канта четко обозначена оппозиция этики принципов («категорический императив») и экзистенциальной этики основанной на постепенно формирующемся моральном чувстве, конститутивном для личности («Я есть»). Рассмотрим, с точки зрения выделенной оппозиции этический контекст представленный в трех англоязычных военных фильмах (2 – США, 1 – Великобритания), в разное время получивших признание у критиков и киноведов. 1. «Вертикальный взлет». США 1949 г., режиссер, Генри Кинг. Этический конфликт фильма строится на противопоставлении гуманистической морали основанной на любви к ближнему и профессиональной воинской этики. Командование отстраняет от руководства авиагруппой полковника Девенпорта, считая, что его излишний гуманизм и эмоциональная близость к подчиненным является причиной больших потерь в его подразделении. Полковника заменяет генерал Сэвидж, последний строит более «рациональные» отношения с летчиками исходя исключительно из чувства долга. Он добивается осязаемых результатов, но, когда над территорией Германии, на его глазах гибнет 6 экипажей из 21-ого, во время одного вылета, генерал переживает экзистенциальный кризис и командование возвращается полковнику. 2. «Тонкая красная линия». США 1998 г., режиссер Теренс Малик. В фильме, как и в одноименном романе Дж. Джонса, есть несколько этически значимых линий. В-первых, главный герой, рядовой Уитт на вопрос сержанта почему он на войне, отвечает – «Я люблю людей моей роты», все его поведение демонстрирует определяющий для его личности экзистенциал «жертвы», и в конце концов он гибнет, спасая товарищей. Во-вторых, командир роты капитан Старос, отказывается выполнить приказ, который очевидно приведет к большим потерям, и после боя его отстраняют от командования. В-третьих, образцовый офицер, человек долга, подполковник Толл, постоянно недоволен собой, он переживает внутренний конфликт и закадровый голос сопровождает его действия недоуменным вопрошанием – «Боже, что я здесь делаю?». 3. «Последняя битва». Великобритания 2017 г., режиссер Солл Дибб, экранизация антивоенной пьесы Т.Шериффа «Конец путешествия» (1928 г.). Действие происходит на фронте во время 1-ой мировой войны, с 18 по 25 марта 1918 г. Главный герой, – командир роты капитан Стэтхофф, он хороший офицер, уважаемый своими подчиненными, но за четыре года войны становится алкаголиком, однако, благодаря усилиям режиссера и нетривиальной игре актера (Сэм Клаффин), зритель понимает, что суть образа капитана, это не деградация личности, но обостренное осознание происходящего ужаса. В отечественной традиции к этому образу близок князь Андрей в романе Л. Толстого. Последний понимает, что «война это самое гадкое дело в жизни», но от него нельзя уклонится в силу наличных обстоятельств и поэтому опыт войны, для морально здорового человека, способного к рефлексии оборачивается экзистенциальным «разотождествлением» своей личности по формуле – «Я не то, что я делаю».

Подводя итог нашему анализу, можно сказать, что в рассмотренных случаях противоречивый феномен войны разлагается в трех этических контекстах: 1. Воля к победе и этика долга. 2. Экзистенциал «жертвы» и христианская этика любви. 3. Неприемлемость войны как убийства и этика экзистенциального «разотождествления» личности надленной обостренным сознанием.

Крутько Дарья Юрьевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет
**ВОСПРИЯТИЕ САКРАЛЬНОГО В ИСКУССТВЕ: КОНФЛИКТ ЭТИЧЕСКИХ
И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КИНЕМАТОГРАФА)**

Голливудские и европейские режиссеры проявляют интерес к христианским религиозным сюжетам, продолжая кинематографическую традицию повествований о Христе (например, фильмы «Страсти Христовы» 2004, «Последнее искушение Христа» 1988, «Мария Магдалина» 2018 и другие). Также в обществе востребованы киноработы о «сверхъестественном» и «оккультном» (например, «Ведьма», 2015). Но не всегда работы с религиозным сюжетом неоднозначно воспринимаются публикой.

В 1934 году в США создали организацию – «Национальный легион приличия». Эта компания занималась выявлением непристойного содержания в кинофильмах от имени католической аудитории. Позже к католикам присоединились и представители других конфессий.

До 60-х годов организация сильно влияла на кинематограф. Она запрещала показы «неудобного» фильма или приравнивала его просмотр к смертному греху. Среди «забракованных» картин попадались также работы, никак не связанные с религиозными сюжетами. Например, такие фильмы как «8 с половиной» (режиссёр Федерико Феллини), «Фотоувеличение» (Микеланджело Антониони) и другие. Легион создал моральную шкалу оценки, где А означало, что кинокартина морально допустима, С – морально неприемлема.

В России известен случай с кинофильмом «Матильда», который вызвал негативную реакцию у православной публики. «Активисты» считали, что кинокартина не правильно трактовала канонизированный образ царя.

Православные исследователи отмечают, что и из кинематографа современные люди узнают о религии, вере и церкви. И то, как показаны на экране «лики святых» отличается от того, что «говорится в Писании». Такое положение дел формирует неверные установки в общественном сознании и не мешает духовному воспитанию.

Как отмечает Плейт (S. Brent Plate «Religion and Film: Cinema and the Re-Creation of the World»), прошло три волны исследований, посвященных отношениям религии и кино. Первая волна (1960-1980) изучала теологические, метафизические и экзистенциалистские темы в явно религиозных фильмах, обычно в рамках европейской модернистской традиции (Дрейер, Брессон, Бергман) с гуманистической точки зрения. Вторая волна (конец 1980 – 1990-е) отказалась от сосредоточения на архаусном кино и обратилась к популярной культуре, охватывая как религиозные (христианские) переживания, так и более неявные исследования веры или убеждений. Наконец, третья волна, набравшая популярность в последние два десятилетия, отказывается от тематических, авторских или нарративных подходов в пользу культурных аналогий между кино и религией, уделяя особое внимание зрительскому восприятию фильмов.

В данной работе автор сконцентрирован на изучении конфликтов, связанных с кинопроизведениями, посвященных религиозным темам, так как религия продолжает оставаться важным культурным и смысловым базисом для человека.

Литвинский Вячеслав Михайлович

к. филос. н., доцент

независимый исследователь

**ГОЛОС ПАМЯТИ СЕРДЦА В МИНИМИЗАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ
(ПО МОТИВАМ «О ЛЮБВИ В НАШЕЙ ПРОФЕССИИ» М.А. ЧЕХОВА)**

В 1830 г. А.С. Пушкин откликнулся на перевод «Илиады» Гнедичем замечательными строками: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;/ Старца великого тень чую смущенной душой». Мотив «умолкнувшего звука» отзвучавшего, но доносящегося до нас гомеровского слова, присутствие звучащего космоса дописанной греческой культуры, позднее усиливает О. Мандельштам: «И море и Гомер – все движется любовью. /Кого же слушать мне?...»

В истории европейской культуры XX–XXI вв. процесс отчуждения захватил область производства смыслов, прежде всего область языка: определенности текста, главному инструменту исторической преемственности поколений пытаются вторить живой человеческий голос. Человек не успевает адаптироваться к новым технологиям получения, хранения и использования информации, – сначала письма и книги, а затем кинематографа, радио, телевидения, цифровизации всё новых и новых областей информации. Только профессиональная коммуникация в искусстве, психологическом и психотерапевтическом консультировании, юридическом сопровождении клиента, в областях творческой деятельности культивируют чуткость человека не только к содержанию текста, лексическому значению слов и языковых выражений, а к голосу другого во всем многообразии аспектов его неопределенности.

Очевидность отчуждения в области языка драматически возрастает в ситуациях вынужденной миграции, массового исхода беженцев из родных мест обитания: С.Д. Довлатов где-то прозорливо заметил, что чужой язык уничтожает личность на 80 %. Одним из наиболее поучительных событий такого рода можно считать как изгнание из Советской России ярких представителей творческих профессий – писателей, философов, юристов, врачей, художников, журналистов т.п., так и их вынужденную эмиграцию по идейным мотивам: от т.н. «философского парохода» 1922 года до нашей современности, стоит назвать лишь имя лауреата Нобелевской премии мира Дм. Муратова. По – видимому, подавляющую часть отечественных изгнанников можно отнести к сторонникам текста, будь – то Н.А. Бердяев, С. Д. Довлатов, А.А. Зиновьев, П.А. Сорокин, Вл. Набоков, и многие – многие другие. На стороне голоса, непосредственной коммуникации – их меньше и среди них М.А. Чехов, актер театра и кино, педагог, мыслитель.

В своем последнем выступлении перед работниками Голливуда в 1955 году «О любви в нашей профессии» он предлагает принципы и приемы, которые можно отнести к арсеналу концептуального персонажа Учителя, позволяющие использовать внутренние ресурсы самого ученика там и тогда, когда Учитель становится его руководителем, в том числе и научным. Так понимаемое призвание сближает М. Чехова, а вместе с ним и учителя с психоаналитиком формации Д. Винникотта, Э. Фромма, психологом формации М. Эриксона, Ст. Гиллигена, мета –медитацией буддийской традицией Тхеравады.

М. Чехов советует прислушиваться к голосам в разговорах и спорах людей вокруг себя и обращать внимание на то, как они произносят личные и притяжательные местоимения, прежде всего «я», «мой», «по-моему», «по моему мнению» и другие. Феномен, подмеченный им, можно было бы назвать «соблазном простоты»: так легко и так соблазнительно, присоединяясь к мнению Другого, почувствовать общность с ним (Я такой же!), не требующую собственных усилий. Но так же соблазнительно настаивать и на своем несогласии, не требующем мотивации. Простота «Да» и «Нет» в непосредственном общении освобождает от собственного подумывания мысли, обретения доступа к подлинному звучанию собственного голоса.

После 40 лет работы преподавателем университета я все яснее слышу голос моего научного руководителя М.С. Козловой, при случайной встрече в коридоре философского факультета, до сих пор лучшего знатока философии языка Л. Витгенштейна в нашей стране: «Слава, а Вы сегодня пили кофе?». Это значит, что она приглашает меня пить кофе и, кроме того, что платит за меня, делает свидетелем беседы с В.А. Штоффом, М.А. Кисселем и другими мэтрами, учителями, которым мы столь многим обязаны в нашей жизни.

Мазур Юрий Алексеевич

обучающий специалиста

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А.В. Хрулева

ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЯ Z В КИНЕМАТОГРАФЕ

Согласно теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса, люди схожего возраста имеют одинаковые установки и ценности, а смена поколений происходит каждые 20 лет. Через несколько лет каждый четвертый человек будет представителем поколения «Z», не мыслящим жизнь без смартфона, интернета, соцсетей, загранпаспорта.

Конечно, в реальности система ценностных ориентаций нового поколения не вполне однородна, и зависит от характера социокультурной среды. В то же время многие авторы говорят о так называемой «клиповости» мышления и фрагментированности сознания зумеров. Важной особенностью их социализации называют виртуальный характер значительной части межличностных коммуникаций, когда общение со сверстниками зачастую протекает в социальных сетях. В этой связи исследователи характеризуют данное поколение как «homelanders» – дети, сидящие дома за компьютером. В то же время, по оценкам социологов, это поколение отличается высокой мобильностью, отсутствием привязанности к постоянному месту жительства и социальной окружению.

Общая нравственная оценка зумеров также весьма противоречива. С одной стороны, сравнивая молодежь с их предшественниками, исследователи говорят, что «поколение Z» отличается приоритетом ценностей «духовного удовлетворения», в то время как для «поколения Y» наиболее значимыми являются «собственный престиж» и «активные социальные контакты», а для «поколения X» – «высокое материальное положение» [1, 27].

С другой, их упрекают в нравственном инфантилизме, неспособности совершить моральный выбор, своеобразной «всеядности» [1, 28], тесно связанной с интернет-зависимостью. Впрочем, наиболее дальновидные прогнозы предрекают, что и ценности зумеров, и их поведение вскоре станут социально одобряемыми, когда нынешняя молодежь займет свое место в структурах управления.

Кинематограф постепенно осваивает новую реальность поколения «Z». В частности, можно указать на такой его жанр, как Screenlife (дословно – «экранная жизнь») [2]. Со слов одного из основателей этого жанра Тимура Бекмамбетова – это жанр кино, все действие которого происходит на экране того или иного гаджета. По его мнению, нельзя снять достоверную историю о современном мире, не задействуя в кадре экраны девайсов, ведь мы проводим за ними треть своей жизни. ScreenLife стал популярен в «коронавирусную эпоху», когда жизнь многих людей замкнулась в домашних условиях с телефоном и компьютером.

Представители поколения Z являются самыми активными пользователи цифровых технологий и экранных гаджетов, поэтому новый киножанр вполне может стать ключом к его пониманию, и, возможно, показать нам истинные ценности зумеров.

Литература:

1. Рахманова А.Р., Салимуллина Е.В. Особенности формирования ценностных ориентаций поколения Z // *American Scientific Journal*. 2021. № 54. С. 26-29.

2. Бекмамбетов Т., Степанов В., Шавловский К. Скринлайф: В поисках нового языка кино. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 166 с.; Кронгауз М.А. Screenlife в эпоху карантина // *Коммуникативные исследования*. 2020. №4; Шимохин Б.С. Формат Screenlife vs классическое кино // *Вестник ВГИК*. – 2021. – Т. 13. – № 1(47). С. 37-44;

3. Чернов А. В., Дворянова М. В. Скринлайф: авторская рефлексия в контексте проблематики медиакоммуникации эпохи WEB 2.0 // *Вестник Костромского государственного университета*. – 2020. – Т. 26. – № 4.

Науменко Алексей Максимович

обучающий специалиста

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А.В. Хрулёва

АРМИЯ КАК ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЛАЗАМИ КИНЕМАТОГРАФА

Военная и армейская тематика широко представлены в отечественном кинематографе, и в первую очередь это связано с необходимостью сохранения исторической памяти. Фильмы о военном прошлом позволяют наглядно показать молодому поколению тяжесть давних событий, подвиги людей, отвагу народа, мастерство военачальников. Можно десятки раз рассказывать детям о Великой Отечественной войне, войне в Афганистане, Чеченских компаниях, организовывать встречи с ветеранами, рекомендовать книги соответствующей тематики, но этого сегодня может быть недостаточно для эффективного патриотического воспитания молодого поколения. Кино же дает возможность «упаковать» исторические факты в привычную для современной молодежи форму. Визуализацию сражений в фильме невозможно полностью заменить обращением к устным свидетельствам или письменным источникам.

Однако каждодневный армейский быт намного реже становится объектом изучения в кинематографе. В то же время воспитательное значение такого рода источников наших знаний об армии трудно переоценить: ведь военная служба – это не только героические сражения, но и рутинная повседневность. И, как правило, обычный человек, не связанный с армией через родственников или других близких людей, получает представление о бытовом существовании армии через фильмы или телепередачи.

Значимой частью армейской повседневности является специфический пространственный дизайн. В отличие от дизайна помещений и пространств гражданского предназначения, имеющего не только эстетическую функцию, но и направленного на гармонизацию психологического и эмоционального состояния человека, армейский дизайн в первую очередь выполняет воспитательные задачи. Плац, столовая, казарма – все эти объекты вносят жёсткие коррективы в привычную жизнь человека, пришедшего в армию «с гражданки», перестраивают его сознание. Постоянное нахождение в жёстких условиях службы, вынужденный отказ от норм прежней жизни должны способствовать скорейшему обретению новой воинской идентичности [1]. Без этих весьма аскетичных пространств, без преодоления всех трудностей и ограничений военной службы, военнослужащий не сможет качественно выполнять поставленные задачи и уверенно вести себя в бою.

В качестве примера того, как работа дисциплинарного пространства армии показана в кино, можно указать на такие советские фильмы как «Солдат Иван Бровкин» и «Максим Перепелица», вышедшие в прокат в 1955 году. Для широкого зрителя они стали своеобразным вводным курсом, ознакомлением с порядком и правилами армейской жизни тех, кому еще предстояло прохождение срочной службы или обучение в военном учебном заведении. Интересно, что съемки фильма про Ивана Бровкина частично производились на территории Чернышёвских казарм в Москве, что придавало достоверности происходящей трансформации героя. Из разгильдяя, хотя и с хорошими задатками, постепенно выкристаллизовывается собранный, дисциплинированный, ответственный человек. Геометрически правильная предметно-бытовая среда внесла в это преобразование немалую лепту, подчеркивая духовную ценность воинской службы.

Литература:

1. Агранат Д. Л. Курсантская казарма как сфера военного быта: опыт социологического исследования // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д. В. Громов; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. 544 с. С. 49–69.

Огарков Александр Николаевич

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия

им. А. Л. Штиглица

ЛЮБОВЬ И ПРАВСТВЕННОСТЬ ПО КОНЧАЛОВСКОМУ

Кончаловский умеет ставить фильмы с большими идеями, частично подвергающими деструкции ее величество визуальность. Например, в фильме «Возлюбленные Марии», где страсти смыкаются в метонимический порядок женского желания, любовь замкнута на ужасное событие.

Чувствительный американский Солдат, пришедший с войны, видел ужас, каким он предстает перед героями греческой трагедии, не может его освоить, и делится им с возлюбленной. Мария же, носительница страстей, с которыми она не в силах справиться, видит в Иване то, ради чего женщина влюбляется, – мужественного опекуна и отца ее будущего ребенка. Но сублиматорную составляющую любви они оба не могут инкорпорировать в свое представление о любовном долге. (Аналог такой чувственности – «Пустоши» Малика. Герой Мартина Шина, не умеющий любить, становится убийцей).

Так влюбленность рассыпается на аффекты и продукты воображения, а Мария остается девственницей. Тогда на сцену выходят агенты возгонки легких фракций любви – Летчик и Музыкант. Летчик, влекомый Марией на узкую тропу любви по долгу и совести, сходит с дистанции. С Музыкантом сложнее, он «легкий человек». Любовь для него ознаваема, он осваивает ее фетишистские составляющие, оставляя базовый инстинкт в зоне естественных жизненных потребностей.

Любовный акт затягивается, распаясь на освоение Ужасов любви, и последующее соединение остаточных продуктов этого освоения. Бывший Солдат съедает свою крысу, Мария рождает своего ребенка. Теперь они свободны для любви.

Практически идентичный сюжет заложен в фильм Хейфеца «Единственная». Здесь в роли Солдата – Валерий Золотухин, в роли Марии – героиня Елены Прокловой, в роли Музыканта – Владимир Высоцкий.

В высшей степени любопытен и факт реинкарнации творческого потенциала в случае с русским режиссером, оказавшимся в Голливуде, и в столь модернистской стилистике преобразившим оригинальный текст Андрея Платонова, русского гения, гонимого при жизни. Все же рукописи не только не горят, но и включаются в архив актуальных ценностей, востребованных для бесконечной валоризации.

Предовская Мария Михайловна

к. филос. н., доцент, Национальный государственный университет

физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта

Тебякина Елена Евгеньевна

к. филос. н., преподаватель

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А. В. Хрулева

ИЗГНАНИЕ КАК ЭТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ СТАНОВЛЕНИЯ ГЕРОЯ

Изгнание как архетипический сюжет изначально двояк. С одной стороны, оно является активным, героическим модусом – проповедским «Отправлением», как стартовым условием начала разворачивания любого сюжета. С другой – это пассивный, претерпевающий, виктимный модус «Изгнание», как заслуженная или, что еще более значимо, именно с этической точки зрения, незаслуженная кара, требующая от героя для выживания перехода к активности. Объединяет две эти крайности теснейшая связь с ритуалами перехода, являющимися мифологической субструктурой сюжета. Герой покидает комфортную зону инфантильного эгоцентризма, вступая в мир соци-

ума, иерархии, космоса как миропорядка взрослых, объективности, и попадает в область мифологического хронотопа, оказываясь наедине с собственными этическими выборами и божествами, непосредственно их оценивающими.

Еще одним существенным различием будет то, что для Изгнания, в отличие от Отпавления, структурообразующей будет так же тема вынужденного пересечения Границы за которой пассивность больше невозможна, размываемая в первом случае последовательностью добровольно и целенаправленно пересекаемых границ-испытаний. Разрабатывая теорию ритуала, В. Тэрнер указывает на то, что человек принципиально пограничное существо, растущее в антиструктурах и сохраняющееся в структурах, и ему для обретения внутренних изменений необходимо покинуть привычную структуру. То есть пересечь границу означает перейти от внутренней стабильности к изменениям, саморазвитию, которое невозможно без приложения собственных осознанных усилий..

Пересечение границы – очень часто связывается с нарушением табу. Этот акт представляет собой божественное, этическое испытание, которое требует активного очищения в ином пространства прежде, чем реализуется возвращение. Поэтому момент перехода от обычной жизни к испытательности – маркируется особым пространством приграничья (избушкой Бабы-яги, философским пароходом, локдаунном пандемии), чьей основной характеристикой будет промежуточность, обеспечивающая запрет действовать, торможение, бездействие и утрату всего того, что было привычным в предшествующей жизни. Чем создается возможность со стороны посмотреть на процесс, в рамках которого до этого момента существовал герой.

Зачастую мотив Изгнания (намеренного, когда герой совершает какое-то преступление или проступок – крадёт яблоки/коня сбрую/выпускает по незнанию преступника и т.п. и его наказывают – отец, царь; и добровольного, когда герой уходит сам) запускает череду выработки морального сознания, корректировки и принятия этических норм и в целом становление его как личности.

Мотив изгнания и прохождения через этические экзекуции также характерен для обрядов инициации и перехода (Леви-Стросс), когда член общины меняет свой социальный статус, этические максимы прежнего порядка перестают на него действовать, а новые ещё не начинают, поэтому он изгоняется в отдаленное место (святое или проклятое, как Люк Скайокер на планете Дейгоба), где пройдя обряд сводящийся к принятию нового себя или борьбе с внутренними демонами, выходит обновленным и готовым воспринять обновленную мораль.

Так взгляд со стороны позволяет персонажу пройти процедуру удвоения, оставаясь тождественным себе, чем преодолевается стремление обрести Другого во вне. Создается возможность познавать себя как Другого, переплавляя в значимого Другого, способного на этическое оценивание и верификацию собственных поступков. Таким образом конфликт переносится внутрь персонажа, вызывая внутреннюю динамику, для которой внешняя, относящаяся к объективной реальности, отступает на второй план, и именно внутрличностная динамика – оказывается в фокусе как самовосприятия, так и сопереживания с точки зрения идентифицирующего наблюдателя/зрителя. И этот зритель становится не Другим, не взглядом извне, а соучастником, пониманием изнутри.

Подобный сюжет был и остаётся весьма популярным как в современном кинематографе, так и литературе разворачиваясь, метафорически выражаясь, как Одиссея духа от Кубрика до Кончаловского.

Романова Ирина Константиновна

к. филос. н., доцент

Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ НА ЭКРАНЕ

В последнее время отечественные исследователи довольно часто обращались к теме гражданской войны и последовавшей вслед за ней эмиграции в связи с ее отражением в кинематографе. Историков и киноведов интересовала в первую очередь эволюция «образа врага» – от самых ранних работ советского немого кино до современных попыток представить лидеров белого движения на экране [1]. Кроме того, историками кино проделана большая работа по осмыслению последствий вынужденного переезда на Запад многих российских представителей кинематографических профессий в послереволюционный период [2].

Однако есть еще одна область, связывающая кино и русское зарубежье: это отражение в фильмах отечественного и западного производства собственно повседневной жизни эмигрантов первой волны. В советском кино нечасто появляется фигура эмигранта или бывшего белогвардейца, а самые яркие, запоминающиеся образы созданы либо в карикатурном ключе («Корона Российской империи, или Снова неуловимые», 1971), либо связаны с персонажами шпионского жанра («Ошибка резидента», 1968). Впрочем, были, конечно, и исключения из этих правил, относящиеся прежде всего к фигурам гениев («Поэма о крыльях», 1979, «Белый снег России», 1980). Нельзя не упомянуть и снятый по мотивам произведений М. Булгакова «Бег» (1970). Особое место среди этих картин занимает документальный фильм Фридриха Эрмлера «Перед судом истории» (1964), в котором с рассказом от первого лица появляется известный политический деятель времен Российской империи и бывший эмигрант В.В. Шульгин.

Постсоветский кинематограф, не связанный требованиями идеологически выдержанно показывать эмиграцию, смог позволить себе представить на экране не только отдельные эпизоды из жизни русского зарубежья, но и полнометражные картины («Дневник его жены», 2000, «Ветка сирени», 2007) и сериалы («Очарование зла», 2006). Отдельного упоминания заслуживают и фильмы западных режиссеров, посвященные рассматриваемой теме («Восток – Запад», 1999, «Коко Шанель и Игорь Стравинский», 2009).

Нельзя не заметить, что чем дальше от времени трагического раскола в нашем обществе мы находимся, тем более этически взвешенные оценки произошедшему дают создатели фильмов о российской эмиграции. Возможно, этот опыт переоценки ценностей пригодится нам и сегодня.

Примечания.

1. См.: Волков Е.В. Белое движение на отечественном экране: эволюция культурной памяти // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 251-268; Волков Е.В. «Колчаковщина» в советском игровом кино // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 84-108; Кондаков Ю.Е. Гражданская война на экране. Белое движение (эпоха немого кино) // Клио. 2007. С. 85-91; Кондаков Ю.Е. Гражданская война на экране. Белое движение: учебное пособие. СПб: Элексис, 2015; Федоров А.В. Эволюция образа белого движения в отечественном и зарубежном игровом кинематографе звукового периода. Москва, 2015.

2. См.: Заиченко О.В. Немецкое и русское кино в изгнании. Часть II. Культурный трансфер в США – чужие в Голливуде // Россия XXI. 2020. № 5. С. 26-49; Нусинова Н.И. Когда мы в Россию вернемся... Русское кинематографическое зарубежье, 1918-1939. М.: НИИК, Эйзенштейн-центр, 2003; Янгиров Р. М. «Рабы Немого»: Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. М.: Русский путь, 2008; Янгиров Р. М. Хроника кинематографической жизни русского зарубежья: в 2 т. М.: Книжница: Русский путь, 2010.

Севастьянова Алина Дмитриевна
ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС НАШЕГО УЖИНА.

АНАЛИЗ ФИЛЬМА В. КОСАКОВСКОГО «ГУНДА» (2020)

Фильм В.А. Косаковского «Гунда» (2020) ненавязчиво подталкивает к самому гуманному решению – поразмышлять над меню сегодняшнего ужина.

«Гунда» – документальная драма о жизни свиней, кур и коров. Картина начинается с появления на свет поросят, когда главная «героиня» – свинья Гунда, становится матерью. Далее зрители наблюдают за взаимоотношениями внутри этой семьи, её внутренним миром. Предыдущая судьба других героев картины, кур, становится очевидной, стоит только взглянуть на внешний вид — ободранные перья, тусклый окрас, у одной из куриц нет ноги. Третьи существа, ставшие героями картины, коровы, выпущенные на волю. На протяжении фильма мы наблюдаем картину жизни животных, которых чаще всего видим в меню своего ужина. Но в финале появляется сельскохозяйственная машина и увозит с собой визжащих маленьких поросят. Выпускают Гунду, неповоротливая, тучная свинья начинает носиться из стороны в сторону в поисках детей. В какой-то момент её глаза смотрят прямо в камеру, на зрителя, соучастника этого события. И она будто бы спрашивает: «Как вы могли?». И зритель остаётся один на один с этим вопросом, с трагедией, участником которой он стал. «Режиссер не пытается создать атмосферу сопереживания животному миру через речевой комментарий или с помощью закадровой музыки, избегая любого навязывания, он оставляет зрителя наедине с героями фильма» [1, с.91].

Норвежская ферма, где живет Гунда, представляет идеальную картину, вызывающую ассоциации со словом «ферма». Но такие традиционные фермы – исключение по сравнению с современными интенсивными методами выращивания животных. В «Гунде» красноречиво показаны семейные узы, чувства животных, их эмоциональная связь. В отличие от привычных фильмов, призывающих отказаться от употребления в пищу животных («Земляне» (2005), «Доминион» (2018)), где основной эффект достигается путем шоковых кадров со скотобоев, ферм и лабораторий, Косаковский показал мир животных глазами животных. Без морализаторства, призывов и манифестов. Не случайно рабочее название картины «Arology» («Изыскание»).

Французский гуманист XVIII века, Жан-Антуан Глейзе, писал, что сострадание – источник разума, поставившего «человека во главе высшего нравственного порядка, несокрушимого среди всех переворотов и изменений в природе». Однако человек мало сострадает как к равным ему, так и низшим существам. Причина, мешающая состраданию «в несчастном легкомыслии, с которым человек воспринимает свои впечатления от окружающих его существ». Люди выстроили отдельный Мир, стоящий вне законов совести, обычных правовых понятий. Люди могут обвинять друг друга в несправедливости, насилии, жестокости и коварстве относительно других людей, но «никогда не ставят, друг другу в вину того, что они режут горла животным и едят их изуродованные члены; а между тем именно в этом жестоком отношении к животным и кроется первая причина всех остальных человеческих несправедливостей, насилий, жестокости и коварства» [2, с.357]. Глейзе призывает уважать жизнь животных не только за то, что они помогают нам нести тяготы жизни, но и «потому что они имеют одинаковое с нами право на жизнь». Вторая причина – «это доверие и верность, с которыми относятся к нам домашние животные». Природа не внушила им боязни к человеку, и он – единственный из их врагов, на которого она им не указала» [2, с.360].

Литература:

1. Конева М.Н. Концепция звуковой выразительности в документальных фильмах В.А. Косаковского // ВЕСТНИК ВГИК. 2021. Т.3, №49. С.82–94.

2. Уильяс Х. Этика пищи, или нравственные основы беззубойного питания для человека. Москва: Амрита-Русь, 2019. 460 с.

Субботина Олеся Сергеевна

кандидат искусствоведения, старший преподаватель

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия

им.А.Л. Штиглица

ПРЕДЕЛЫ ЭТИКИ В ФИЛЬМЕ «ПЕРЕКРЕСТОК МИЛЛЕРА»

В фильме Итана Козна 1990 года, снятого по роману Дэшила Хэммета, действует свободный игрок – криминальный сотрудник Том Рейган. Кажущееся произвольным его движение размечено точками соприкосновения с более или менее властными единицами, подобное звонкому отскакиванию шарика пинбола между разновеликими для посвященного и тождественными для профана означенными пунктами. Игрок обязан иметь полный архетипический набор сопутствующих персонажей; итак, в наличии: Шеф, любящий своего стремительного векторного героя, но обманутый им; Женщина, в меру расчетливая и коварная; Частник, он же Оппонент, желающий переманить воина с целью захвата власти; и наконец, Трикстер, невротичная скачущая форма, катализатор драматических событий. Расстановка сил в «Перекрестке Миллера» предполагает классическую голливудски-выверенную схему, любой неустойчивый элемент в кристаллической решетке мгновенно заменяется новым, преобразуя текстуру, но не нарушая общий рисунок. Так полицейские, преступники, управленцы, мирные жители и герои-одиночки мастерски смешаны в единую крапленую колоду вне социализирующих привычных правил. Потому-то жаждущий власти делец так настойчиво взволнован вопросами этики. Добро, зло, любовь и долг еще никто не отменял, и в каждом мафиози, обремененном карикатурным итальянским семейством, вызревают категории нравственности, которые он лукаво использует на правое дело бизнеса, словно ловкий хозяин мотеля, вкладывающий в традиционную прикроватную Библию преискурант на более земные сладости. Каждому необходим действующий джокер, попадающий с каждой новой раздачей на один и тот же перекресток, занимающий в точности свое положение вдоль означенной цепи уготованных для него мест. Его атрибут, единственно ценный и целеполагающий предмет – его шляпа, неотличимая от тысяч brutальных черных шляп этого brutального кипящего города. В ней достоинство и мужская сила, и лишь женщина, с кротким целомудрием изборожденная ретролюбивыми американскими ортодоксами, может изъять фетиш-объект и милостиво вернуть его владельцу. Ускользящее тело сновидения раздражает заявленную стоическую сдержанность, провоцируя смещение основной фигуры на несколько опасных клеток вперед. Должность хорошего парня позволяет убивать лишь однажды, с риском для жизни убедившись в действительности отрицательного смысла; для этого последнего акта требуется волевое усилие героя, ранее зависящего от Сюзерена и Дамы, а ныне превратившегося во внутреннего агента. Новообразованный шпион-в-себе слышит только свои позывные и продвигается за скобки предусмотренных запросов, одной рукой сжимая оружие, другой придерживая от ветра возлюбленный фетиш. Перекрестные суждения противоборствующих сил уже не имеют значения, когда за решение этических проблем берется любимец судьбы. Возможно, он потеряет все, снова и снова вступая под кроны ненавистного леса, но шляпа останется, а это самое главное.

«ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ»

материалы молодежного круглого стола

Бабышева Алена Дмитриевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет **СТРАТЕГИИ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ В РФ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ЭТИКА И ПОЛИТИКА**

В настоящий момент в отношениях иностранных компаний с российскими бизнес-партнерами и Российским государством наблюдается сложный и противоречивый период, который связан как нормативными и политическими изменениями в политике западных стран, так со стремлением России отстаивать свои интересы и ценности. Многие зарубежные компании приняли решение об отказе от своих активов в России, причём сделали это практически одномоментно. Сегодня мы наблюдаем разные стратегии взаимодействия или отказа от сотрудничества на фоне динамично развивающейся политической повестки. Одни начали просто уходить, говоря о невозможности возврата, вторые стали продавать свои активы и передавать права с соглашением о возможном возвращении в течение нескольких лет, третьи объявили о временном уходе с полным приостановлением деятельности.

Однако невозможно точно сказать о том, по какой именно причине компании приняли решение о приостановлении своей деятельности. Было ли это решением самих компаний из этических соображений, действительно связано с логистическими проблемами из-за закрытия воздушного пространства, или вовсе с политикой давления на руководство внутри их стран?

Скорее все эти факторы играют роль в сложившихся обстоятельствах. Но если с компаниями, занимающимися поставками физической продукции в этом случае всё можно соотнести с логистическими проблемами, то уход цифровых платформ и сервисов можно связать с этической составляющей, также с невозможностью принимать оплаты от граждан в связи отключением банков РФ от системы swift.

Можно сказать, что, учитывая опыт 2014 г., экономический сектор РФ отчасти был готов к тому, чтобы вести бизнес самостоятельно, в отсутствие зарубежных партнёров и точечных санкций, но не во всех сферах и отраслях удалось экстренно провести импортозамещение без потери клиентов и снижения качества продукции.

В настоящий момент крайне актуальными представляются и вопросы, касающиеся этики ведения бизнеса, а именно: проблема ответственности перед клиентами, вопрос ответственности перед партнерами, ценность доверия и сотрудничества. Скорее всего большинство компаний начали покидать рынок не только по причине невозможности провести оплаты или доставить продукцию, так как механизм параллельного импорта всё же используется сейчас многими организациями для поставок определённых товаров, но и по причине стремления «разыграть этическую карту»: показать остальным компаниям, странам, а также гражданам РФ факт аморальности действий на территории другой страны. Может ли быть бизнес действовать отдельно от политики? Вряд ли. Ведь от ведения предпринимательской деятельности зависит состояние экономики страны, а от политики государства по отношению к бизнесу зависят условия, на которых этот бизнес будет развиваться. Именно поэтому многие корпорации не готовы попадать под какие-либо ограничения в своей стране из-за продолжения работы в РФ.

Например, компания Uniqlo, в самом начале делала заявления о том, что, не смотря на санкции, не собирается закрывать или приостанавливать бизнес в России. Так

как одежда является предметом жизненной необходимости, нельзя лишать граждан этого блага. Однако спустя некоторое время компания заявила о невозможности вести бизнес-процессы и также приостановила деятельность на территории РФ.

С другой стороны, мы наблюдаем как ряд компаний, сделав громкие заявления о невозможности своего сотрудничества с РФ, налаживают продажи через бизнес-партнеров в «третьих» станах, которые не вовлечены в конфликт, и тем самым, сохраняют для себя возможность сохранения прибыли.

Балабанова Екатерина Александровна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ГРАНИЦЫ ДРУГОГО В ПУБЛИЧНОМ ПОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СВОБОДЫ СЛОВА

Публичное поле, в котором пытаются сосуществовать ценности свободы слова и толерантности, расширяется по мере стирания грани между личным и публичным в виртуальном пространстве, и проблема границ во взаимодействии с Другим становится все более острой. Интересно, что попытка распространить толерантность как терпимость, полное и беспрекословное принятие Другого с его взглядами и идеалами, сама по себе подразумевает внутреннее резонирование с Другим, потому что, чтобы что-то специально, с усилием «терпеть», принимать, необходимо отличаться, иметь иное отношение к той или иной ситуации или проблеме. Получается, что здесь имеет место осознанное стремление «закрывать глаза» на противоречия. За ним стоит ценность комфорта, заключающаяся в данном контексте в желании не резонировать, избежать от возможного столкновения с некой опасностью – отличиями Другого.

Казалось бы, нет ничего дурного в том, чтобы организовать комфортное пространство путем выстраивания меры публичного, много веков существовавшей на уровне этикета. Возможно, сейчас ситуация усугубляется тем, что этикет переходит в этику или стираются их прежние границы: атрибуты культурного человека становятся безапелляционными предписаниями, тяготеющими к абсолюту. Здесь можно вспомнить феномен «культуры отмены», набирающей обороты в американском обществе, а также провести параллель с распространенностью и в европейском, и в российском сообществах понятий «личных границ» и «токсичности». Нарушение этих «границ» жестко карается общественной моралью, может приписываться к насилию, рамки которого также постепенно размываются, и человек, обвиненный, например, в психологическом насилии по той или иной причине, «автоматически» выпадает из круга терпимости, ведь терпимо все, кроме насилия. Получается, что нравственный идеал заменяется вполне конкретными и существующими в данный момент высокими требованиями к Другому, не имеющему права на «ошибку», и здесь мы сталкиваемся с проблемой сущего и должного, поставленной еще Давидом Юмом.

Наблюдается динамика ценностных ориентаций в сторону крайней индивидуальности и страха по отношению к Другому на фоне обострения внимания к психическому здоровью в рамках ценности комфорта и экологизации культурного пространства. Резонирование с Другим становится ярким и необычным явлением, а все необычное вызывает тревогу и страх: индивид настолько более остро начинает опасаться за собственные «границы», насколько боится нарушить чужие. Такого рода замкнутый круг неизбежно приводит к росту отчужденности.

Литература:

1. Сурова Екатерина Эдуардовна. Идентификационный принцип в культуре / Сурова Екатерина Эдуардовна // Международный журнал исследований культуры. – 2010. – Вып. 1. – С. 6-17.
2. DellaVigna S., Enikolopov R., Mironova V., Petrova M. and Zhuravskaya E. Cross-border media and nationalism: Evidence from Serbian radio in Croatia // American Economic Journal: Applied Economics. 2014. № 6 (3). P. 103–32.
3. Ralsmark H. Media visibility and social tolerance: Evidence from USA // Working Paper in Economics. 2017. №. 703.

Досаева Софья Сеадовна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Докад посвящен рассмотрению вопросов связанных с концептом толерантности, возникновением понятия, его изменениями. Дается характеристика концепта, и анализируются культурные особенности России в принятии данного понятия в общественном сознании.

Ключевые слова: концепт, толерантность, терпимость, общество, язык.

Концепт толерантности стал одним из ключевых в нашем обществе за последние несколько лет. В России он имеет свою собственную понятийную структуру. Для его понимания необходимо обратиться к истории его возникновения и проанализировать, как он менялся со временем. Само понятие толерантности попадает в российский дискурс в конце 1980 – начале 1990 гг. Под толерантностью чаще всего в России рассматривают значение терпимости, а точнее качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия [1]. Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие.

Как уже видно из определения, слово толерантность произошло от латинского слова со значением «терпимость», которое подразумевало «добровольное перенесение страданий» и носило в постсоветском дискурсе негативный смысл [4]. Связано это с тем, что само понятие появилось в XVI веке, и ассоциировалось с веротерпимостью, что и стало первичным проявлением толерантности в истории. За несколько веков концепция толерантности неоднократно меняла свое значение, особенно стоит выделить, как данное понятие отражалось в эпохе Просвещения, где под ним подразумевали естественные права человека, среди которых были свобода слова и свобода убеждений [2]. С начала XX века данный концепт все чаще сталкивается с подменной понятий или их замещением, в связи с его более частым использованием в общественном дискурсе.

Несмотря на широкое распространение данного концепта во множестве стран, в России его принятие происходило с рядом исключений. Связано это с тем, что не имеет этимологии, оно воспринимается иноязычным, а иноязычные слова нередко используются в качестве эвфемизмов с целью скрыть что-то неприятное, «завуалировать» действительность за счет того, что внутренняя форма слова будет непонятна большинству людей. Еще одной причиной является то, что дословный перевод слова толерантность, как же было сказано выше, является терпимости, а данное понятие чаще всего носит в России негативный подтекст [3]. Такое понимание обусловлено тем, что многим носителям русского языка не понятно истинное значение данного слова. Тем не менее, если рассмотреть, то, что подразумевают под концептом толерантности в современном мире, а именно понятия сочувствия, доброжелательности, вежливости, тактичности. То можно сказать, что российское общественное сознание готово к принятию концепта толерантности.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент, понятие толерантности имеет множество значений, а концепт еще не до конца сформирован в российском общественном сознании.

Литература:

1. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. Т.4. – 2010 г. – 736 с.
2. Ренан Э. Ж. Собрание сочинений Эрнеста Ренана: в 12 т. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Киев: Издание Б.К. Фукса. 1902. Т.6.
3. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000. 110 с.
4. Сумина Е.С. Дублетность в концептуальных исследованиях (на примере концептов «толерантность» и «терпимость») // Вестник СВФУ. 2013. №2.

Макарова Дарья Алексеевна
обучающаяся бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ТИРАНА И ТИРАНОБОРЧЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОМ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИИ

В современности, как и в эпоху Платона и Аристотеля, важное место в общественной жизни занимают вопросы касаясь лучшей жизни, общего блага и справедливости. Нахождение и построение нравственно идеального и правового общества зависит от воли человека и развитости цивилизации. Но не редки случаи, когда наилучшие формы человеческого сосуществования, построенные на разуме и доброте, перетекают в худшие. Вследствие этого, ставится вопрос об этичности тиранического правления, о его методах удержания власти, а в следствии о противоположном аспекте возможности этического оправдания тираноборцев.

Изучение тирании и тираноборчества является важной частью политического дискурса, так как во многом можно сказать о том, что данная концепция актуальна с самого начала появления политической жизни. С учетом рецидивности различных исторических событий и процессов, необходимо восполнять и наращивать политическую теорию в рамках современности с учетом рассмотрения прошлого. Так, говоря об эпохе тотальных идеологий, когда политическая теория показала свою неудачность в объяснении и распознавании тирании, ей пришлось прибегать к интеллектуальному опыту классических мыслителей. В следствие чего, в рамках нынешней современности необходимо выработать теории для восстановления статуса политической философии после ее провала в эпоху тотальных идеологий, а для этого необходимо обратить внимание на становление тиранической традиции в Греции, римской традиции, схоластической традиции со становлением христианской религии, а также опыт апелляции к высшим институтам. Именно в эти эпохи идет важное обоснование и практические примеры применения поставленной концепции, а также этической составляющей данных политических процессов внутри разных эпох и традиций, которые являются актуальными в наше время.

В современном политическом пространстве, можно наблюдать трансформацию различных политических режимов различных стран, изменение вектора правления в сторону ухудшения эффективности управления, а также понижения уровня жизни граждан, что с точки зрения этико-правового вопроса не является правильным. На основе прошлого можно выстроить репрезентацию современного примера тирана в политическом пространстве, рассмотреть споры об этичности данного правления в современности, а также способы противостояния и конфронтации с тираном среди населения и на международном уровне с учетом нынешней политической ситуации.

Пригарина Виктория Алексеевна
обучающаяся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ВОПРОС ЭТИКИ

Технологии в современном мире распространены во всех сферах и стали играть важную роль. Культура стала не исключением, с каждым годом увеличивается количество культурных товаров, которые доступны в сети. Технологии часто используют в качестве проверки эффективности работы и достижения результата. С помощью новых веденных технологий можно проводить анализ тех или иных явлений, делать их более доступными, усовершенствовать, но стоит вопрос насколько это этично и какой эффект в этом? Возможно ли такое, что появляется новая этика?

Безусловно, цифровизация имеет свои плюсы, однако при этом возникает несколько аспектов и проблем, одна из них связана с измерением, числовыми данными. Она ведет за собой так называемый информационно-аналитический аспект, в связи с этим возникает вопрос: на какие данные рассчитана цифровизация культурной среды? Каждый сталкивается с различными проектами, например, «цифровая культура». Но как посчитать насколько он эффективен и результативен? Оценка начинает производиться даже на основе лайков, комментариев, выкладыванием сторис или количеством постов в социальных сетях разных групп и т.д. Также еще одним критерием становится количество посещаемости сайта и количество мероприятий. Поэтому, какое бы ни было мероприятие, надо оценивать его качество, но стоит проблема, в том, что, сложно выявить критерии, по которым можно было бы оценить эффективность тех или иных мероприятий и на сколько было важно людям прийти именно ради определенного мероприятия или это повод встретиться с друзьями.

Есть ли такая необходимость «Сообщать все время все всем!», ведь многая информация является лишней, на что обратить внимание, как справиться большим информационным потоком [Kieran Healy]. Еще одним аспектом является, что введенная информация может быть совсем неэтичной по отношению к некоторым гражданам, также остаются проблемы, связанные с неравенством доступа к Сети. Иногда может даже такая информация загонять людей в рамки, точно ли все мероприятия освещены или есть ли какие-то ограничения, на кого рассчитано. На все эти вещи можно посмотреть с двух сторон. С одной стороны, что действительно благодаря технологиям мы узнаем новые возможности, видим неограниченный список разных видов культурных мероприятий и событий. С другой стороны, некоторые из них показывают тебе, что ты не можешь посетить все мероприятия, так как некоторые из них платные, какие-то предназначены для разного поколения или находятся в недоступной точке (не у всех есть машина туда добраться).

Еще одним пунктом является технические оборудования в залах [Hasan Bakhshi & David Throsby]. Иногда, кажется, что в театрах не хватает новых усовершенствованных оборудования, но насколько сильно из-за этого может разрушиться внутреннее состояние, внутренний дух этого места.

Литература:

1. Hasan Bakhshi & David Throsby. New technologies in cultural institutions: Theory, evidence and policy implications. *International Journal of Cultural Policy* 18(2). 2012. 205-222 pp.

2. Kieran Healy. *Digital Technology and Cultural Policy*. 2001. 52 p.

Селезнева Антонина Владимировна

д.полит.н., доцент

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова;

Челябинский государственный университет

Тулегенова Динара Дархановна

обучающаяся бакалавриата

Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Этика выступает внешним регулятором общественных отношений, объектом исследования которой являются принципы и нормы, определяющие политическое поведение, нравственную оценку политических процессов и характер взаимоотношений в сфере политики. Современная политическая практика актуализирует изучение морально-нравственных представлений, ориентиров и ценностей политических лидеров, которые принимают решения, влияют на ход политического процесса и истории. Кроме этого, молодежное политическое лидерство является новым и малоизученным феноменом в политической науке. Исследования молодежных политических лидеров

актуально с точки зрения тенденций развития государственного управления и молодежной политики современной России.

Представленный в данной работе анализ основывается на материалах проведенных в 2022 году 63 глубинных интервью с молодыми политическими лидерами – «выходцами» из сферы молодежной политики, которые продолжают свою политическую карьеру в органах государственной власти федерального и регионального уровней.

Результаты исследования показывают следующее.

Опрошенные лидеры демонстрируют слабую устойчивость этических представлений. Просьба назвать политического деятеля, который бы являлся образцом морали для респондента преимущественно вызывал затруднение, а четверть опрошенных лидеров не смогла назвать ни одну персону из сферы политики: «Не знаю, честно, из современных образцов морали не могу никого назвать», «Не могу назвать кого-то конкретного в данный момент», «Нет таких».

Молодежные политические лидеры называли в качестве образцов морали Президента России и преимущественно политических и общественных деятелей федерального уровня – С.В. Лаврова, А.А. Турчака, А.Г. Невзорова, А.П. Метелева и др. Отмечаем, что у лидеров слабо сформированы критерии для моральной оценки.

Недопустимыми в политике с нравственной точки зрения для опрошенных лидеров являются обман, коррупция, предательство, приоритет личных интересов над общими, государственным. По мнению исследователей, этика исходит из принципов неизменности категорических императивов. Однако, нами была выявлено, что политико-моральные представления у лидеров не выстроены в четкую систему принципов, фиксируется следующая позиция: «В политике всё приемлемо...Всё относительно, всё в контексте».

Этические представления молодежных политических лидеров неконтурированы, отмечается рассогласованность морального и политического: «К сожалению, какие-то ценности и политика не всегда коррелируют. Бывают люди чести, но как будто бы мораль и политика не совсем связанные вещи».

В качестве выводов можно отметить обширное понимание морали молодежными политическими лидерами, размытое представление об образцах морали. Исходя из этого, можно определить слабую субъектность молодежных политических лидеров, что может как следствие провоцировать повышенную уязвимость, чувствительность и подверженность внешним идеям и эмоциям.

Проект №FEGG-2022-0009 «Молодежные политические лидеры в современной России: личностно-профессиональный потенциал и каналы рекрутирования», ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», конкурс Министерства высшего образования и науки РФ и ЭИСИ

Скитин Николай Сергеевич

научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук;

сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук

КОНЦЕПТ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТИКИ

Концепт «справедливость» в отечественной средневековой этике не отделяется от концепта «правда»: «Право Древней Руси не дифференцировалось еще от религии и нравственности. Не случайно слово «правда» означало в Древней Руси и правду – истину, и правду – справедливость, и право и закон» [1]. «Русская правда» в сравнении с европейскими кодексами того времени характеризуется меньшей детализацией статей, т.к. в отечественном сборнике преступления представляются как нарушения божественных правил и, как следствие, подробная расшифровка правонарушения не имеет под собой необходимости: «Писанные русские законы с самого возникновения основывались, прежде всего, на этике, а не на экономическом развитии. В них мораль имела приоритет перед экономикой» [3]. Кроме того мораль имела статус выше, чем

законность, а по мнению Мусаеляна Л.А. это актуально и сегодня: «Правда, но не право, справедливость, а не закон являются основополагающими принципами жизнедеятельности россиян» [1].

Можно констатировать, что в отечественном моральном сознании существует приоритет правды над правом, и трансляция этого культурного явления считается образцом морального поведения и примером справедливости (этот принцип обыгрывается в фильме «Брат-2», где культовый герой Данила Багров говорит: «Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее»). Поэтому, действия, характеризующиеся определенной «правотой» являются выше закона в этической картине мира россиян, и данная культурная особенность уже проглядывается со времен «Русской Правды», т.е. с первой половины XI века. Отсюда истоки таких лингвистических конструкций, которые в определенных контекстах являются синонимами «справедливости»: «по-божески», «по-людски», «честь по чести», «чин чином», «по понятиям» и др. Не противоречит этому и социалистическое понимание «справедливости», суть которого заключена в конкретном явлении – равенстве людей по отношению к средствам производства [4]. Но даже здесь можно найти приоритет такого понимания справедливого распределения над правом частной собственности – сама частная собственность подвергается процессу обобществления, и наглядным примером такой практики является раскулачивание и коллективизация.

Литература:

1. Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Древняя Русь (до половины XV века) // М.: Ломоносовъ, 2016. С.145.

2. Мусаелян Л.А. Юридическая правда: содержание и сущность концепта / Л.А. Мусаелян // Актуальные проблемы социальной философии: Сборник научных трудов. – Пермь: Московский институт государственного управления и права, 2014. С.112-135.

3. Пикалов Ю.В. Краткий очерк этики Российской истории для иностранцев / Ю.В. Пикалов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы X международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ, 2020 г. – Благовещенск-Хэйхэ: Благовещенский государственный педагогический университет, 2020. С.222.

4. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.650.

Проект №FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», конкурс Министерства высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Турков Егор Анатольевич

студент

Мюнхенский университет им. Людвиг-Максимилиана

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В данной работе представлены результаты эмпирического исследования лексико-семантического аспекта политической морали современной российской молодежи, проведенного на базе комплекса методологических принципов политической психологии и моральной философии. Представленные в статье концепты фиксируют процесс формирования у российской молодежи новой по смысловым акцентам политической морали, сохраняющей вместе с тем ряд ключевых для отечественных традиций этического мышления ценностно-культурных доминант и их вербальных воплощений: концепты блага, справедливости и др. На базе традиционных и новых концептов, обладающих как имманентным, так и привнесенным моральным содержанием, в политическом сознании молодых россиян вырабатывается новый этические критерии оценки политики, сформулированные как нравственные постулаты «и себе, и другим» по отношению к политикам и «мне – все, я – никому» по отношению к себе. Их психологическое значение для общей системы моральных норм молодежи заключается в

снятии ряда этических ограничений и усилении эгоцентрических, гедонистических и прагматических установок в сознании молодежи в ущерб установкам на субъектный нравственный поступок. Анализ концептов показал, что политической морали молодых россиян свойственны содержательно-смысловая эклектичность, фрагментарность, когнитивная простота и эмоциональная насыщенность, ограничивающие ее идентификационный и мотивационно-волевой потенциал.

Какие психологические следствия может иметь обозначенное выше состояние политической морали российской молодежи? Во-первых, происходит ограничение идентификационного потенциала политико-моральных норм. Одной из функций морали является обеспечение возможности выхода человека за личные границы ради «других» в нравственном поступке. Доминирование утилитарно-прагматических и гедонистических установок усиливает барьер между «своими» и «другими», что ведет к трансформации правил и норм морального поведения. Так, по мнению российских социологов, сегодня человек не может представить близость, которая не была бы для него в какой-то мере опасной. В этой связи приобретает актуальность проблема изучения критериев разграничения «своих», «других» и «чужих» молодыми россиянами.

Во-вторых, ограниченный мотивационно-волевой потенциал надличностных идеалов альтруизма, самопожертвования и др., вследствие чего в деятельности молодежи на первый план выходит прагматический мотив выгоды.

В-третьих, ограниченная способность молодых россиян к субъектному нравственному поступку на благо значимого «Другого». В этом контексте обращает на себя внимание значительный эмоциональный заряд молодежи, не подчиненный моральной цели содействовать благополучию страны, способный в перспективе стать причиной дальнейшего когнитивного упрощения политической морали и утраты ею обозначенных выше функций.

Четвертое следствие обозначим в качестве вопроса. Являются ли усиливающиеся утилитарно-прагматические и гедонистические ориентации проявлением отмеченной А.В. Юревичем терпимости российских граждан ко злу?

В-пятых, представляется сомнительной способность молодых россиян в будущем, на фоне тотальной «гибридности» и релятивизма, задавать высокие моральные ориентиры в политике. Более реалистичным представляется сценарий синкретического сосуществования принципов «жила бы страна родная, и нету других забот» и «мне должны все, я – никому».

Хомяков Дмитрий Олегович
обучающийся магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

ОДНОСТОРОННИЙ РАЗРЫВ ДЕЛОВЫХ СВЯЗЕЙ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Этика формировалась на протяжении всей истории становления культуры людей, начиная с межличностного, заканчивая межгосударственным уровнем взаимодействия. Главной задачей этики являлось стремление создать такие рамки поведения, которые облегчали бы взаимодействие между людьми и снижали конфликтность.

Представления об этике формировались преимущественно на бессознательном уровне в культуре каждого отдельно взятого этноса. Позднее по мере объединения групп людей во все большие объединения, которые впоследствии оформились как нации и государства, этика закреплялась скорее на рациональных началах с целью нейтрализовать имеющиеся недостатки во взаимодействии людей, которые не могли быть полностью контролируемы законом.

Любая этика взаимодействия людей между собой строится на основных ценностях и базовых правах человека, однако такое большое разнообразие центров формирования культур, а значит – и непосредственно связанной с ними этики, способствовали тому, что в итоге сформировались «доминирующие общечеловеческие этики», кото-

рые чаще всего оформляются на государственном или цивилизационном уровне (в зависимости от конкретного случая).

Однако на ряду с доминирующими этиками в тех же обществах сформировываются и другие представления об этичном поведении ввиду появления других культур и даже контркультур. Эти культуры не существуют в отдельном взятом виде друг от друга и все время пересекаются между собой, что может приводить если не к конфликтам на моральной почве, то к непониманию, как правильно поступать в конкретной ситуации.

В сфере политики и бизнес-отношений одним из самых актуальных примеров такого конфликта является проблема разрыва деловых связей западными странами с российскими партнерами после военного вторжения России на территорию Украины в начале 2022 г. и последующими за этим волнами санкций в отношении РФ.

В данной ситуации наслаиваются друг на друга и за счет этого сталкиваются меж собой с одной стороны деловая этика, а с другой – этика гражданственности.

Рассмотрим эту ситуацию более конкретно. До обострения конфликта в начале 2022 г. деловые отношения между российскими и западными бизнесменами не прерывались – наблюдалось лишь снижение, ввиду ужесточения санкций, тем, по которым бизнес-партнеры могли осуществлять взаимодействие. Однако после перетекания политического конфликта в фазу активного противостояния, западный бизнес предпочел в одностороннем порядке отказаться от взаимодействия с Россией.

Казалось бы, что деловая этика предписывает бизнесу не поступать таким образом, т.к. одностороннее прерывание взаимовыгодных деловых отношений этично лишь в том случае, когда осуществлено вопиющее умышленное нарушение со стороны бизнес-партнера.

Однако в этом случае на деловую этику наслаивается и, в данном случае, конфликтует с ней – гражданственная этика. Гражданственная этика по отношению к западным бизнесменам указывает на то, что они, являясь частью своих государств, а именно – частью объединенного западного мира, должны прекратить бизнес-контакты с российскими компаниями. Это объясняется тем, что российский бизнес своей деятельностью поддерживает действия, которые западные страны расценивают как захватнические и приносящие вред всему мировому сообществу. Если же западные компании продолжают сотрудничество, то, согласно гражданственному подходу, они поступают неэтично уже по отношению к своим соотечественникам.

Таким образом, можно видеть, как между собой могут конфликтовать различные этические подходы. Инструментом поиска верного выбора поведения призвана быть нормативная этика. Однако сложность решения этого вопроса обусловлена множеством философских подходов к пониманию морали, как основополагающей единицы этики.

Существование разных культур, а значит – множества философских подходов, изначально означает, что существование общечеловеческой единой этики и ее подтипов, в частности – гражданской и деловой, невозможно.

«POLITICAL CHALLENGES TO THE SPORTS ETHOS»

При участии Исследовательского комитета
Социология физической культуры и спорта
Российского Общества Социологов (РОС)

материалы круглого стола

Gonashvili Aleksandr

PhD, Associate Professor, Senior Lecturer, Assistant Professor
University under the Interparliamentary Assembly of EurAsEC,
Saint Petersburg State Technological Institute (Technical University),
Saint Petersburg State Electrotechnical University named after V.I. Lenin «LETI».

TOLERANCE AND SPORTS AS ELEMENTS OF SOCIAL COHESION

Sport is a special form of human language of communication, which acts as a means of promoting peace and tolerance. An example of this is the process of reviving diplomatic relations between the United States and China, the first step to which was a table tennis match in 1971. There have also been instances in history when the achievements of individual athletes have contributed to the recognition of their ethnic groups on the world stage. For example, at the 1968 Olympics, two African Americans, Tomi Smith and John Carlos, won the 200-meter sprint. During the American national anthem, they each raised a black-gloved hand clenched in a fist and put their heads down with their eyes closed. They stood like this for the entire anthem, symbolizing the oppression of African-Americans in the United States at that time.

Today, for most immigrants in the West and in Russia, the way to success is through sports; for example, many teenagers in France dream of becoming like the famous soccer player Zinedine Zidane, whose parents were immigrants from Algeria. But in the recent past, any ethnic mixing was perceived negatively and denied in every possible way. In the 1936 Olympics, for example, the Swiss Paul Martin, one of the contenders for the 800 meters gold medal, was disqualified because he wanted to marry a Jewish woman. At the 1912 Olympics, Jim Thorpe, an American of Indian descent, won two gold medals in the pentathlon and decathlon. However, his native American sports federation then insisted that he be disqualified on the grounds that he was a professional baseball player and that only amateurs were supposed to compete in the games. Apparently, that was just an excuse, but the real reason was (his ethnicity) that his «colored» background did not fit the American background. And there are plenty of such examples. The problem of the oppression of some races over others is not as acute today, and it is not the task of the international community to identify the best race or nation in the world. On the contrary, the task of the international community today is to establish the equality of all ethnic groups, nations and faiths. The determination of belonging to one group or another is in the hands of the individuals themselves. And one of the tools of establishing such equality in our time is the Olympics.

Sport is a means, which is able to consolidate people belonging to different states and peoples of the world. In sport, the manifestation of tolerance or, on the contrary, intolerance, is obvious. The tolerant behavior of athletes and spectators has a positive effect on interethnic relations and contributes to the creation of a tolerant and multicultural society.

Ivan Emese
PhD, Associate Professor
Saint John's University
Vidoni Carla
PhD, Associate Professor
University of Louisville

A LOOK AT PROMISE AND REALITY OF FAIR PLAY – IN 2022

The concept of 'fair play' is considered as imperative teaching components of successful physical education classes. (Vidoni, 2014;2017) Sport and physical activities are not only seen as but market themselves as main instruments for teaching new generations to act, live, and behave 'fairly'. Since the United Nations (UN) declared 2005 to be its International Year of Sport and Physical Education we see a significant expansion in the use of sport as a tool for initiating social and economic development. At the same time, the sport industry itself is dominated by hyper-commercial enterprises that make no effort to disguise their cardinal objective of delivering entertaining products to maximize profit margins. This forces us, educators, to reflect on the debate existing between the 'conscience' and 'commerce' of sport management. (Hums, 2010) The purpose of this paper is to analyze some ethical composition and ramification of 'fair play' in sport management related situations by sharing three immersive learning initiatives for studying fair play behavior between 2007-2017 and comparing the results to what we see in 2022. Comparing and contrasting the development, implementation, and results of the three innovative approaches to teaching fair play in physical education teacher education, sports management, and sport for social justice classes, this paper concludes that there is a global trend towards social entrepreneurship, especially among young people. At the same time in 2022 international sport organizations as well as elite athletes have shown the tendency to focus on the political context of their sporting events rather than the basic concept of fair play that has been advocated for centuries. While between 2007-2017 after intermittent reinforcement of fair play behaviors students started to resist unfair behavior, recognize unfair practices in different sport settings, and fund the opportunity and creativity to implement sport-based programs in their own neighborhoods, we are wondering how these recent developments may affect the next generation's view on the ancient concept of fair play and how we as educators should address the newest developments in our teaching practice.

Mykhailov Dmytro
Ph.D., Postdoctoral fellow
Southeast University
Ivan Emese
PhD, Associate Professor
Saint John's University

RE-THINKING THE EXISTENTIAL ROLE OF AI IN SMART EDUCATION

Our technologies are not existentially neutral. They are not just means for our everyday goals. Technologies shape our relation to our existence; they transform the way of becoming oneself. Today we remain in a permanent dialog with our technologies. Technologies, in the meantime, become more and more ubiquitous; they extend the borders of our perception, transform our bodies and impact our decision-making.

For example, today's AI application in smart education can accomplish a wide scope of educational tasks. These tasks are ranging from checking students' homework to grading students' exams. Moreover, current AI applications can define student's learning type and depending on this prepare a personalized set of learning suggestions. The feature of personalization is a very important part of today's educational process. Personalization is changing human-computer interaction in a way that machines can adapt to every user and transform behavior depending on each student's needs. This might have a positive effect on the efficiency and interactivity of the learning process.

However, there are several ethical (and existential) uncertainties that should be critically assessed within the AI implementation in the educational domain. In the future students will spend more time in dialog with the computers. This dialog differs from face-to-face communication and can have several existential drawbacks that are hard to predict now. For example, spending less time in the 'live' conversation with classmates may impact such skills as emotional recognition, working in groups, and decision-making.

Moreover, although AI aims to increase personalization within the educational process, there is still a danger of a reversed impact. For instance, AI will assess the whole student's personality through a relatively narrow data set that the computer will collect within learning sessions. In this way, the totality of a student's personality (e.g. existence) will be reduced to a limited amount of information about this student.

Supported by the Major Program of National Fund of Philosophy and Social Science of China (Number 19ZDA040) «The philosophy of technological innovations and the practical logic of Chinese independent innovation» (技术创新哲学与中国自主创新的实践逻辑研究).

Sinyutin Mikhail

Professor

Saint Petersburg State University

INVISIBLE HAND OF VISIBLE BODY. WHERE DOES THE POLITICAL CONNOTATION OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS IN SPORTS COME FROM?

Adam Smith's catch phrase about the mysterious invisible hand has been living an independent life for a long time. Ironically, it can also be said about his phrase that its fate was beyond the intentions of the Scottish thinker. This interesting circumstance gives even me the right to use it for my own private purposes in the study of modern sports. So, I will proceed from the hypothesis based on the most common interpretation of Adam Smith's catch phrase, and assert that in modern international sports there is some force or even forces that lead the participants of the competitions to a result that has a political connotation, although none of them promotes such unintentional goal. In this assumption, I am guided by the widespread philosophy of sport, which puts it outside politics. Therefore, all the roles of participants in global competitions are considered without any political suspicions and sympathies, whether they are athletes, coaches, judges or managers of teams, organizations or associations. The hypothesis will be tested using the example of Russian sports, which has been repeatedly subjected to numerous sanctions in recent years. If the organizations and persons applying sanctions share the non-political philosophy of sports, then their intentions do not include political goals. The question arises whether the political connotation of such decisions is such a by-product, or only a false image that is used to shift attention from the non-political causes of sanctions. In my presentation, I hope to consider all the evidence regarding the issue that has arisen. Finally, it is supposed to consider the situation of the failure of the hypothesis put forward. Ironically, the refutation of the hypothesis leads to the recognition of an even greater probability of the second interpretation of Adam Smith's catch phrase, which states that private individuals inadvertently end up acting in favor of their own nation. Then, behind the invisible hand of private decisions of non-political sports organizations, the outlines of a very real political body begin to be drawn. The political connotations of decisions regarding Russian athletes, as well as athletes from other nations, will inevitably be reproduced due to the preservation of conditions when the competitors represent not only themselves personally, but their national federations and teams, opening the floodgates in the public space of sports for the inflow of diverse political interests. This conclusion certainly does not negate the multiple efforts made by international sports figures to depoliticize competitions and follow the principles of integrity. I just suggest to emphasize the deeper conditions of politics and its challenge for sport ethos.

Sun Chia-Ting

PhD, Adjunct Assistant Professor
National Taiwan Sport University

**THE INTERSECTION OF SPORTS AND REPRODUCTIVE STUDIES: A
PRELIMINARY INVESTIGATION OF EXISTING ISSUES AND THEIR
POSSIBLE INSIGHTS FOR SPORTS ETHICS**

In the context of the technological consumer society and the commercialization of sports, I have long been concerned with the processes and outcomes of biological/reproductive technologies applied to the field of sports. Based on my past work in various fields, the problematic consciousness of this paper derives from the consideration of the following questions: What new research themes can be developed at the intersection of sports and reproduction? How can we seek appropriate methodologies and intellectual resources from interdisciplinary research to respond to these issues? What importance might this aspect of research have? Since a comprehensive response to these questions would require a long and extensive research process, and would be highly involved in the biopolitical and ethical discussions, the purpose of this paper is to clarify, through textual analysis, preliminary research directions that could be further developed and to indicate their research potential. This paper will first review the existing distribution of research on the co-construction of sports and reproduction, and then take the existing interaction between the reproductive industry and the field of elite sports as an example to explore how athletes' fertility becomes a symbol that links people's consciousness and imagination of «eugenics» from the perspective of biocapital. This is followed by a brief analysis of how the sporting experiences of reproductive assistors/donors and their associated gender imaginaries become a saleable dimension in the reproductive industry, which will involve the responses of different cultural structures to sporting body imagery. The expected contribution of this paper is to facilitate a re-examination of past discourses related to body imagery and fertility in sports, to develop new research themes and expand discursive spaces in sports ethics. Partially supported by the «Jade Mountain Program» (under the project of Prof. Alain Brossat)» of the Ministry of Education of Taiwan; International Institute for Cultural Studies of the National Yang Ming Chiao Tung University.

Tewari Sanjay

PhD, Managing Committee Member
Indian Sociological Society

**RESEARCH IN SOCIOLOGY OF SPORTS IN INDIA AND POSSIBILITIES FOR
THE WESTERN WORLD**

This paper focuses on the state of Sociology of Sport in India, a country with a population of 1.3 billion and a sport culture that seems to show particular characteristics, but remains relatively under-researched. This could offer an abundance of opportunities for Indian scholars, as well as foreign ones. The objective of the paper is to reveal some of these specificities of the Indian context, relying on the conceptual work of researchers from Europe and other parts of Asia such as China, Japan, South Korea and Taiwan. One of the issues to be discussed is the attitudes of parents towards sport as a recreational activity and as a prospect of career growth. Another concern, which requires investigation, is the place of sport in the public education system, which puts much more emphasis on academic subjects at the expense of physical education. All of these features of the Indian sport culture hinder the participation of youth in sport and physical activity, and, to address this challenge, the paper aims to identify the potential priorities of a sport sociological research agenda in India. With this background, it is trusted that this piece shall contribute towards a better understanding of the sociological factors which can be instrumental in the promotion of sports and physical culture, the development of youth and the nation.

Vasilyev Iliia

PhD, Associate Professor
Saint Petersburg State University

«BRINGING SPORTS IN DISREPUTE» AS ETHICAL VIOLATION

This year, two Russian world known athletes were found guilty of committing ethical misconduct, formulated in the FIDE and FINA regulations as «bringing sports into disrepute». I propose to discuss three conclusions drawn from the analysis of the disciplinary decisions that took place:

1. «Bringing sports into disrepute» is used by certain sports federations as a de facto legalization of the open list of subjects' disciplinary offenses: no check for legality (*nulla poena sine lege*) + predictability (*nulla poena sine lege clara*)

2. Sports federations, represented by their administrative bodies, can formulate political positions, leading sports subjects to a dilemma: limit themselves in their freedom of expression or accept the risk of sports liability for «damage to the reputation of sports»?

3. «Bringing sports into disrepute» is highly likely to be used against a sporting entity if there is a combination of (1) federation policy + (2) the level and prominence of the athlete + (3) the publicity of the statement.

Yaprak Pinar

PhD, Professor
Gazi University

FOOTBALL AS AN INSTRUMENT FOR SUSTAINING ETHNIC SEPARATISM, TERRORISM AND VIOLENCE

The field of sport is usually cited for its developmental aspects; even when it is about the football with its complex «commercial first» structures, relatively manipulated mass participations – whether passive or active, and deviations (hooliganism, hegemonic toxic masculinity, match fixing, inequality in distribution of resources, etc.) that outgrew its «just for public profit» essence, maybe unlike any other sports and activities cited for development. Especially the sociology of sport and leisure scholars, have been dealing with those deviant aspects of sports fields, since at least 1964 in an internationally organized ways in addition to their personal efforts. However, terrorism, have never been a mainstream issue while it could be in the context of ethnic (separatism) issues, deviance or violence, etc.; as the gender, commercial or child exploitation, or disability issues have been. While the predicaments and goals of development are society-specific, as Marx emphasized in critical theory of social development; terrorism through ethnic separatism, religious or leftist motivations, or in other forms, the sustained and at times increased violence in this context, have been sitting in the heart of some of the nations, interfering with their development critically; notwithstanding, mostly placed aside in international sociology of sport and leisure debates. In this paper, I approach the issue not just in the «better late than never» sense, but especially in connection with the increasing observations of the use of sports, mostly football configurations in particular and related manifestations as an instrument for terrorism, ethnic separatism and violence that gradually gets more complex to be identified with the bone fide viewpoints in public, thus, the share of social scientific inquiry and awareness raising are needed, globally. Ethnographic approach employed and open to public available data collected from social media, related literature, online content and from various events; this inquiry and discussions mostly revolves around Turkish experience, however, these experiences may resonate to some live(d) experiences in different nations and community. The literature suggests that the terrorism has been frequently used by colonialism as an instrument for the long-lasting divisive colonial control. Türkiye, has never been colonized, and has served as a model for keeping relatively strong democratic, social state, and independent position in its specific conditions; though, the country experiences continuous challenges, «countering terrorism in all its forms and manifestations for decades» (Turkish Ministry of

Foreign Affairs, MFA, 2022). Our efforts in wide range of spheres for local and global development, operates within and influenced by such conditions and challenges. In this context, this paper identifies and explains the ways of terrorisms' interests' relative embodiment in some of the sport settings through performed e.g. manifestations, manipulations, alternations, or deletions of the authentic essence of the matter, focusing mostly on the football contexts influenced by colonial-postmodernist-capitalist-terrorist (mis)interpretations... These cases show how football is today made beyond being just a sport or even «soft instrument of cultural imperialism», as it serves as more proactive, progressive useful instrument and terrain e.g. for ethnic separatism and aggravated ethno and other terrorisms and violence. The role of (social) science to research-distribute the wisdom out of knowledge in support of social development, construct and sustain a just World with all dimensions is significant; Current study represents a way of decoding the terrorism for these goals, as such efforts can serve envision the risks, can be and inspire the ways of declaration to stop exploitations and manipulated construct based on these exploitations.

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 *Абакарова Р.М.* Ценностные конфликты и моральная растерянность
- 5 *Авдеева И.А.* Задачи цифровой этики
- 6 *Азаров К.В.* Концепции моральной ответственности и спонтанности у Толстого между кантианско-шиллеровским и даосским подходами
- 7 *Алейников А.В., Сунами А.Н.* Риск-рефлексии и социальные размежевания
- 8 *Ананьева Е.М.* Герменевтика в эпоху разделения интеллектуалов
- 9 *Антипов А.В.* Датафикация и этика надзорного капитализма
- 10 *Артемов В.М.* Нравственная философия как фактор защиты человека и общества в нестандартных условиях
- 11 *Артёмов Г.П.* Ценностная поляризация и нравственная культура
- 12 *Байрон А.А.* Нравственный аспект проблемы знания
- 13 *Банина Я.В.* К вопросу о допустимости войн: взгляд В.С. Соловьёва
- 13 *Беляева Е.В.* Феноменологическая этика ценностей и феноменологическая этика ответственности
- 15 *Борзенков Н.И.* Нравственность военного руководителя как фактор эффективности управления
- 16 *Бородин М.Е.* Недостатки современных этических учений в контексте проникновения этики во все сферы человеческой деятельности
- 17 *Бродский А.И.* Новая теория синдерезиса. О различии между идеологией и моралью
- 18 *Будаев Д.А.* Разработка видео игр: этические константы
- 19 *Буцукина М.В.* Экзистенциальный эскапизм: бегство от реальности или поиск себя?
- 20 *Бытдаева А.Х.* Этические аспекты принципа добросовестности в российском современном праве
- 20 *Венгура Д.С.* Постсекулярная философия религии Квентина Мейясу
- 21 *Власова Н.В.* Российское общество перед лицом глобального вызова: к вопросу о ценностях
- 22 *Волкова В.А.* Ответ буддизма на вызовы современного общества в отношении насильственных методов решения конфликтов
- 23 *Володько А.В.* Моральные и воспитательные проблемы курса «Основы религиозных культур и светской этики»
- 24 *Гарвардт А.Э.* Этические основания социального неравенства
- 26 *Гарвардт М.А.* Ценностные аспекты самооправдания коллаборационизма
- 27 *Гашков В.О.* Этические проблемы применения искусственного интеллекта: гендерный аспект
- 28 *Глобина А.К.* Поведение в критической ситуации с точки зрения нравственного развития: Я в стрессе или право имею?
- 29 *Головков В.В.* Этические вызовы интернета вещей
- 29 *Григорьева М.П.* Учение Аристотеля о phronesis
- 30 *Джинчарадзе М.З.* Катартическая «терапия» фильмов ужасов и не только
- 31 *Долинская А.А.* Человечество и вызовы бесконечной жизни
- 32 *Дорофеев Д.Ю.* Философ-странник: эстетика, этика и метафизика образа
- 33 *Еременко Т.В.* Взаимосвязь академической нечестности и нечестности на рабочем месте: обзор публикаций в системе Dimensions
- 34 *Заратин О.В.* Философский диалог в процессе человеко-машинной коммуникации: этическая импликация
- 35 *Зимбули А.Е.* Меньшинство: этические аспекты
- 36 *Зиновьева А.П.* Моральные константы русского студенчества на примере Санкт-Петербургского университета

- 37 *Зубец О.П.* Поступок!
- 38 *Иваненко А.И.* Этические аспекты применения ядерного оружия
- 39 *Канышева О.А.* Философия сердца Г.С. Сковороды
- 41 *Канышева О.А.* Диалектика этического сознания: возможность и действительность
- 42 *Карпов В.Э.* О роли морали в поведении коллаборативного робота
- 43 *Кашин Е.А.* Проблема разработки этики ИИ
- 44 *Киракосян Р.С.* О цифровом наследии как эстетическом и этическом феномене, отражающем технологические приоритеты и ценностный ряд человека XXI века.
- 45 *Киришин В.А.* К вопросу о взглядах Григория Померанца в 1970-ые годы
- 46 *Коверзнева С.А.* Нравственные критерии выбора решений субстанциальных деятелей
- 47 *Кода Н.В.* Проблематика этического измерения техники в философской антропологии современности
- 48 *Коробкина Е.Н.* Этико-философские проблемы и риски «умных» городов
- 49 *Коротченко Ю.М.* О валюативной антиномичности социальных конфликтов
- 50 *Кудряшова В.С.* Проблема экзистенциальной этики в биоэтике
- 51 *Кузнецов Н.В.* Этика образования и этика в образовании
- 52 *Волкова А.В., Кулакова Т.А.* К предательству таинственная страсть...
- 53 *Лапкина Д.И.* Кризис идентичности в современной культуре
- 54 *Майборода Д.В.* Философская катастрофа и диалогический этос философии
- 55 *Макаров А.И.* Диалогическая концепция счастья
- 56 *Макарова Н.П.* Этика «заботы о себе» в цифровом обществе
- 57 *Мамина Р.И., Ильина А.В.* Этика прикладного искусственного интеллекта в практиках современного социума
- 58 *Мапельман В.М.* Причины и нравственные уроки разрыва интеллигенции со своей страной
- 60 *Мартынова М.Д., Гришинева А.А.* Рациональные и моральные основания «принципа предосторожности»: новые интерпретации в цифровом мире
- 61 *Масланов Е.В.* Научная инфраструктура и ее этический компонент
- 62 *Медведева Е.Н.* Этические проблемы использования искусственного интеллекта в области новых репродуктивных технологий
- 63 *Мелешко Е.Д.* Этический гуманизм Л.Н. Толстого и этика современного трансгуманизма
- 64 *Мусс А.И.* Этика как медиатор континентальной и аналитической философии сознания
- 65 *Мясников А.Г.* Проблема применения императива ненасилия в ситуации адаптивной самореализации
- 66 *Назаров В.Н.* Этико-психологические предпосылки цифровизации (digitalization) принципа удовольствия
- 67 *Назарова Ю.В.* Профессиональная этика и философская практика: перспективы взаимодействия
- 69 *Неаполитанский М.С.* Ситуативная эпистемология как форма ответственности в контексте процессов деантропоцентризации
- 70 *Никитин А.Б.* Критика натуралистического подхода к проблемам обоснования и происхождения морали
- 70 *Оводова С.Н.* Этика деколониальной и инклюзивной моды
- 71 *Овчинников А.В.* «Индоевропейский соблазн» иерархии: этический статус иммигрантов в представлениях о структуре российского общества
- 73 *Одинцов П.С.* Абсолютистские теории морали
- 74 *Очеретяный К.А.* Интерфейс как этическое измерение
- 75 *Павлова В.В.* Нравственные практики обращения с животными как основа этических норм

- 76 *Петров Р.И.* Этическая сторона цивилизации: «роковой вопрос» Н.Н. Страхова в переписке с Л. Н. Толстым
- 77 *Петров П.А.* Этические противоречия современных направлений развития инфраструктуры интернета
- 78 *Петрова А.А.* Проблематика соотнесения виртуальной личности и базовых этических категорий
- 79 *Петрунин Ю.Ю.* Антиномии спортивного этоса
- 80 *Положенцев А.М.* Связь космологии и этики (на примере идеи «вечного возвращения» и этики у Ницше)
- 81 *Поляков Н.С.* Пародийные религии и осмысление классических вопросов морали (на примере пастафарианства)
- 82 *Полякова Н.В.* Политика vs этика в современном дискурсе «Доктрины открытия»
- 83 *Пономарев А.А.* Этико-религиозные аспекты в творчестве Мартина Скорсезе
- 84 *Попова Е.В.* Трактровка понятия «благо» в наследии Л.Н. Толстого
- 85 *Пронякина Е.Д.* Кризис гражданственности в условиях современного цифрового общества
- 86 *Разин А.В.* Естественная эволюция и компьютерная революция
- 87 *Робин И.Л.* Хиджаб, аборт и ценностные конфликты – почему это важно и почему без конфликтов трудно менять людей и общество
- 87 *Романов К.А.* Футбол в ловушке (гео)политики
- 88 *Романюк М.В.* Chŕēsis: этика М. Фуко в интерпретации Д. Агамбена
- 89 *Руженцев С.Е.* Влияние ценностного конфликта на мораль
- 90 *Румянцова Т.Г.* И.Кант о культивировании морально-совершенной и творческой личности
- 91 *Русских М.В.* Роль конфликта в процессе трансформаций морали
- 92 *Рыскельдиева Л.Т.* Нравственная утопия В.С. Соловьева как проект
- 93 *Ряполов С.В.* Нравственная философия смерти Л.Н. Толстого
- 94 *Сазанов А.В.* Трансформация интимности в зеркале современных технологий: дигигекуальность как неизбежность
- 95 *Семенов В.В.* Кровавый спорт: морально-этический аспект гладиаторских боев в античности
- 96 *Сергеева В.С.* Проблемы нравственного идеала в современной педагогической мысли
- 98 *Серкова В.А.* Феноменологические основания этики
- 98 *Сидорова А.А.* Интерпретация Библиейского текста постдраматическим театром на основе спектакля Романа Габриа «В рыбацѣй лодке. Монологи галилейских рыбаков»
- 99 *Силантьев А.О.* Российская модель корпоративной социальной ответственности: количественный анализ
- 100 *Соболева К.П.* Онтология отношений «Я – Другой» в контексте диалога культур
- 101 *Сокольчик В.Н.* Open Science Approach as the Ethics Committee's Care
- 102 *Спирин Т.В.* Герменевтика этических дискуссий: понимание как ключ к аргументации в моральных вопросах
- 103 *Станжевский Ф.А.* Семиотика Сьюзан Петрилли
- 104 *Стрежнева К.О.* Проблема свободы в западноевропейских этических концепциях XIX – XXI века
- 105 *Алейников А.В., Сунами А.Н.* Доверие как пререквизит риск-солидарности
- 106 *Тарковский В.Н.* Философия до корабля доведет?
- 107 *Тарханова Ю.М.* Моральная философия и популярная культура: метамодернистская парадигма взаимодействия
- 108 *Тимошина Е.В.* Право вместо морали: парадокс этики любви Льва Петражицкого

- 109 *Тонковидова А.В.* Этический аспект практической философии: философ-автор, философ-практик, философ-обыватель
- 110 *Травина Е.Ф.* Движение DIY-био: этические противоречия
- 111 *Туманов И.И.* Народные промыслы как элемент нравственного воспитания в цифровом обществе
- 112 *Фархитдинова О.М.* Этические аспекты корпоративной духовности
- 113 *Филимонова А.А.* Категорический императив И. Канта как христианская антропология
- 114 *Цибизова И.М.* О этичности этиков: концепция генетического альтруизма
К.Р. Монро
- 115 *Дуркан Е.Г.* Этические проблемы интеллектуального анализа данных
- 116 *Черных А.А.* Этическое учение И.М. Сеченова о не-свободе воли
- 117 *Шеваренкова А.В.* Студенческие сатирические медиа как носители ценностных ориентаций
- 118 *Шестакова Е.А.* Юмор в современной этике: анализ
- 119 *Шкляр Е.Л.* Телеология Канта как ответ на вопрос об этическом статусе AI
- 120 *Шляпников В.В.* Искусственный интеллект: эмпатия и подотчетность
- 121 *Шова М.С.* Этические аспекты проблемы наказания
- 122 *Шпенглер Л.С.* Пикап и аутентичность: стратегии поиска подлинности
- 122 *Юнусова Л.И.* Нравственные аспекты современного китайского искусства
- 123 *Юрьева А.В.* Гетеротопии города как пример этики пространства
- 124 *Glebova S., Globina A.* Friend, Foe, and Politician
- 125 *Kuzin I., Makovetsky E.* The Ethical and Existential Cipher of Freedom: Between Kant and Habermas
- 126 *Pavlova E.* Digital Transformation Risks in Terms of Conflict Management Approach
- 127 *Sokolov E.* The New Ethics, or Much Ado About Nothing

**«ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»,
материалы круглого стола**

- 128 *Балакирева Т.А.* Ситуация крайней необходимости в сюжете научно-фантастического романа Лю Цысиня «Задача трех тел»
- 129 *Беззубова О.В., Смирнов А.В.* Культура детства: рецепция советского
- 130 *Валева Г.В.* Дилеммы использования цифровых технологий в системе высшего образования
- 131 *Врублевская-Токер Т.И.* Проблема нравственной ответственности в цифровой среде
- 132 *Картухин С.В., Лобажевич В.В., Плахова Т.В.* Этические аспекты воспитания молодежи в современном учебном заведении
- 133 *Колосков А.Н.* «Образовательные» нарративы в современном художественном пространстве (этические аспекты)
- 134 *Мозилевич М.Н.* Проблема добровольности участия в игрофицированных образовательных продуктах и образовательных играх
- 135 *Ноговицын Н.О.* Выстраивание моральных дилемм в иммерсивном образовании: основные подходы
- 136 *Пирожкова С.В.* Ответственность образовательных учреждений за карьерное будущее выпускников: случай молодых ученых
- 137 *Салганова Е.И., Гафнер Н.А.* Вовлеченность обучающихся в онлайн-коммуникацию в социальных сетях: этические проблемы и угрозы виртуального пространства
- 139 *Селиверстова Н.А.* Парадигма интеллигентности в этическом образовании
- 140 *Смирнов А.В.* Концепция «переходного возраста» в советском «школьном кино»: этический аспект

**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»,
материалы круглого стола**

- 141 *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* Культура отмены в контексте концепции забвения признания А. Хоннета
- 142 *Батурина И.В., Дыдров А.А.* «Культура отмены» как специфический ресурс мем-индустрии
- 143 *Борисов С.В.* Логика ресентимента
- 144 *Бутина А.В.* Canceled Intellectuals: публичные интеллектуалы и культура отмены в современном обществе
- 145 *Былевский П.Г.* Деконструкция «культуры отмены» как цифровой внеправовой деструктивной технологии
- 146 *Ветютнев Ю.Ю.* Кризис обоснования ценностей в культуре постмодерна
- 147 *Волков А.Г.* Культура отказа от нравственности в политике
- 148 *Григорьева Е.С.* Этика двойной отмены и апокалиптическая модель человека в современной философии
- 150 *Гулеватая А.Н.* Культура отмены: цифровое «наказание небытием»?
- 151 *Держивицкий Е.В.* Культура отмены: человеческое. По-прежнему слишком человеческое.
- 152 *Дробышева Е.Э.* Культура отмены в модусе аксиологической верификации
- 153 *Зайкова О.Н., Сокоиков С.С.* Ресентимент как контекстуальная среда культуры отмены
- 154 *Иванов А.Г.* Риторические фигуры Р. Барта в свете культуры отмены
- 155 *Копанева В.А.* Этические принципы социального признания
- 156 *Косоурова Н.Р.* Проблематика «культуры отмены» в новейших исследованиях и в общественном дискурсе
- 157 *Макарова Н.Я.* Соблюдение этических норм в современных реалии-шоу
- 159 *Миляева Е.Г.* Кибербуллинг и культура отмены как способы ведения войны в цифровом пространстве
- 160 *Минченко А.Н.* Культурный разрыв как медиаэффект: «виртуальная толпа» в конфликтогенных Интернет-практиках
- 161 *Пеннер Р.В.* Культура отмены: теоретические основания
- 161 *Перова Н.В.* Дихотомия морального агента культуры отмены
- 162 *Петев Н.И.* Социум и технический прогресс как стимул феномена «отмены»
- 163 *Погожина Н.Н.* Отмена ради отмены: коммуникативная практика кэнсел-культуры
- 164 *Полякова И.П.* Культура отмены в повседневной жизни
- 165 *Рыбалко М.Н., Салганова Е.И.* Противоречивость феномена культуры отмены в исключении обществом компании ВкусВилл
- 167 *Резвушкина С.А.* Культура отмены. Миф о Герострате цифровой эпохи.
- 168 *Романов И.Ю.* Формы аргументации в культуре отмены
- 168 *Салиева Л.К.* Культура отмены как инструмент антибрендинга
- 169 *Сковородко А.Д.* Культура отмены и пределы цифровой демократии
- 170 *Соломко Д.В.* Идея «отмены» человека в дискурсах постгуманизма
- 172 *Степанов А.Г.* Классический либерализм и культура отмены (cancel culture)
- 173 *Субботина М.В.* Героизм и культура отмены как предмет социологического интереса
- 173 *Суслов И.В.* Ленин, культура отмены и историческая память россиян (анализ зарубежного медиадискурса)
- 174 *Фоменков А.А.* «Культура отмены» в России: трудности укоренения
- 176 *Цибизова И.М.* Проблема культуры отмены в итальянской философии, доктрине Ватикана и политике Италии

**«ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»,
материалы круглого стола**

- 178 *Бондаренко В.С., Сергиевская Г.Е.* Этика военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации в реалиях XXI века
- 179 *Борзенков Н.И.* Воинская этика как учение о воинской морали. Военно-этические традиции России
- 181 *Гудов А.Г.* Влияние традиций русского офицерского корпуса на современный моральный облик ВС РФ
- 181 *Добровидов М.С., Сергиевская Г.Е.* «Вежливые люди» – актуальность термина в современном мире
- 183 *Лебедь И.П.* «Кодекс чести» офицера в романе Лермонтова «Герой нашего времени»
- 184 *Леонтьев С.А.* Армия и дух стоицизма
- 185 *Лубский В.С.* Воинские ритуалы как инструмент воспитания военнослужащих
- 186 *Поправко Е.А.* «Невинные» жертвы «Большого террора»: этические проблемы интерпретации деятельности высших военных руководителей, репрессированных в 1937-1939 гг.
- 187 *Спирин А.П.* Национальная идентичность как этическая основа формирования личности российского офицера
- 188 *Тебякина Е.Е.* Женщины-военнослужащие в России: этический вызов традиционным ценностям
- 189 *Шаманский А.М.* Неписанные законы войны и проблема военного плена
- 190 *Шатровой О.В.* Нравственная сторона утраты авторитета военного руководителя
- 190 *Юркевич Е.И.* Культурная миссия русской военной эмиграции

**«МОРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»,
материалы круглого стола**

- 192 *Баженов С.С.* Моральная агентственность искусственного интеллекта
- 193 *Бегалинова К.К.* Добро и зло как понятия морального сознания личности
- 194 *Глебова С.В.* О ролях моральных агентов с различным уровнем нравственного сознания в рамках этической экспертизы
- 195 *Каменцева М.А.* Логика утверждения субъекта как переосмысление классической морали
- 196 *Коваль Е.А.* Моральное агентство христианина и каноническое право
- 197 *Курхинен П.* Историческая истина с морально-философской точки зрения и актуальность создания комиссии по выяснению исторической истины и примирению
- 198 *Ларионов И.Ю.* «Коллективная вина», «коллективная ответственность» и проблематика моральной агентности
- 199 *Перов В.Ю.* Моральное агентство: проблема вменения
- 200 *Перова Н.В.* Сохранение нравственного многообразия в контексте биологического улучшения
- 201 *Ставцева О.И.* Трансформации моральной агентности: от гуманизма к постгуманизму
- 202 *Чалый В.А.* Категорический императив: фаллибилистская интерпретация
- 203 *Шевченко А.А.* Справедливость «сквозь время»
- 204 *Шиповалова Л.В.* Моральность агента научного познания в цифровую эпоху

**«СОВРЕМЕННАЯ БИОЭТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ»,
материалы круглого стола**

- 205 *Абдулаева З.Э.* Биоэтика как философия и наука выживания
- 206 *Акимова Н.А.* Проблема этического статуса редуцированных эмбрионов при ЭКО: евгенический принцип

- 207 *Баранова С.В., Воронцова Ю.В.* Этические вызовы трансгуманизма
208 *Барбашина Э.В.* Разнообразие нарратива в области медицины и неизбежность этого
209 *Брызгалова Е.В.* Цифровая биоэтика: дисциплинарный статус
210 *Ковалева Т.В., Плащенко З.* Современные этические проблемы применения технологий нейронаук в маркетинге
211 *Ларионов И.Ю.* Этические и антропологические аспекты технологий биологического совершенствования
212 *Летов О.В.* Биоэтика: расцвет или кризис
213 *Мухина С.Х.* Животное как образ и экзистенциал в пространстве бесконтактного мира
214 *Николаенко С.А., Штарк Е.В.* «Pro Вопо»-волонтерство, как элемент становления профессиональной этики врача-стоматолога
215 *Овчинникова Е.А.* Проблема междисциплинарности в контексте современных этических исследований (к вопросу об этике и нейронауках)
216 *Парийская Е.Н.* Этические проблемы трансплантологии в России
217 *Перов В.Ю.* Нейроэтика в нейрообразовании: проблемы и риски
218 *Сапунов В.Б.* Этика с позиций социобиологии
219 *Томильцева Д.А.* Биоарт – оживляемое и умерщвляемое
220 *Шахназарян Н.Р.* Этические аспекты в применении метода ментального картографирования: проблемы и решения

**«МОРАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»,
материалы круглого стола**

- 221 *Azadegan E.* Ibn Sina on Virtue Engineering Ethics
221 *Malakootikhah E.* Family Strategies to Strengthen Children's Religious Beliefs
222 *Shiravand M., Rezaei I., Ishaghian N.* Explain Mystical Ethics as a Conceptual Approach in Bahrululoom's Treatise
223 *Shiravand M., Rezaei I., Ramazani Nejad M.* Explanation the Relationship Between Intellect and Discipline
223 *Барташевич Т.Ю.* Проблемы нравственной философии в богословской мысли конца XIX – начала XX вв.
224 *Блинкова А.О.* Этика в системе духовного образования Российской империи
225 *Доржигушаева О.В.* Эколого-этический потенциал буддистской культуры
226 *Жадунова Н.В.* Модель нормативного регулирования жизни человека в протестантизме
227 *Зайцев П.Л.* «Слово о человеке» св. Игнатия Брянчанинова в контексте учения о типах теологической этики К.-Х. Гренхольма
228 *Климович А.И.* Преподавание курса моральной философии в Полоцкой иезуитской академии (1812-1820)
229 *Михельсон О.К.* Из истории этического образования в России: преподавание нравственного богословия в духовных учебных заведениях во II пол. XIX в.
229 *Овчинникова Е.А.* Предметное пространство этики в нравственном богословии в России второй половины XIX – начала XX вв
230 *Пызигов Д.Д.* Источники по истории преподавания нравственного богословия в Российской империи XIX в.
232 *Сычев А.А.* Взаимодействие религиозных, моральных и правовых норм: традиции и динамика
233 *Туманян Т.Г.* Этико-политические аспекты в литературе раннесредневекового ислама
234 *Чумакова Т.В.* Этическая литература в библиотеках духовных учебных заведений
235 *Шахнович М.М.* Культ святых-целителей в контексте акторно-сетевой теории и экологической этики

**«ЛОГИКА, ОБОСНОВАНИЕ И АРГУМЕНТАЦИЯ В МОРАЛИ И ПРАВЕ»,
материалы круглого стола**

- 236 *Лисанюк Е.Н.* То ли чаю испить, то ли повеситься, или Желания в аргументах о действиях
- 237 *Микиртумов И.Б.* Представительство как моральная обязанность в делиберации
- 238 *Карпов Г.В.* Перформадокс и само-верифицируемые предложения как основа аргументации
- 239 *Фатиев Н.И.* Модальная логика и закон Юма
- 241 *Лисанюк Е.Н., Прокудин Д.Е.* Прикладное значение классификации программного обеспечения для моделирования аргументации и делиберативных рассуждений
- 242 *Хамидов А.А.* Short-circuit семантика в практической аргументации
- 243 *Шапиро О.А.* Патриотическое воспитание современных школьников в оптике теории аргументации
- 244 *Лисицына А.А.* Деонтологическая и консеквенциалистская аргументация в этике пацифизма
- 245 *Королева М.Н., Леушина В.В.* О необходимости формализации этических учений для разработки понимающих искусственных агентов
- 246 *Логинов Е.В.* Эпистемический и нормативный критерии моральной ответственности
- 247 *Юнусов А.Т.* Иррациональность и предосудительность в теориях Дерек Парфита и Т.М. Скэнлона
- 248 *Беседин А.П.* Свобода и обида
- 249 *Фролов К.Г.* Мерееология действий и приписывание моральной ответственности
- 250 *Фауль Б.В.* Избыточность категории долженствования
- 250 *Мерцалов А.В.* Тождество личности как условие моральной ответственности: аргументы pro et contra
- 252 *Ларин А.С.* Какова природа благополучия? Удовлетворение предпочтений против теории объективного списка.
- 253 *Пономарёв А.И.* Прямое восприятие ментальных состояний и моральная аргументация
- 253 *Гаврилов М.В.* Условия ответственности Т.М. Скэнлона
- 254 *Снетков И.Г.* Морального агента не существует. Натуралистический антиреализм в объяснении моральной ответственности.
- 256 *Чепелева Н.Ю.* Новые детали в реконструкции «Диспута Ховитца» об основаниях морали

**«ИЗГНАННИКИ И ПРОРОКИ: РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ОПЫТ ЕГО
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ», материалы круглого
стола**

- 257 *Беззубова О.В.* Сериал «Вертинский»: дилемма этического и политического
- 258 *Добровидов М.С.* Повышение боеспособности Красной Армии в годы Великой Отечественной войны на основе суворовских традиций
- 259 *Исаков А.Н.* Этическая рефлексия в кино о войне
- 260 *Крутько Д.Ю.* Восприятие сакрального в искусстве: конфликт этических и эстетических ценностей (на примере кинематографа)
- 260 *Литвинский В.М.* Голос памяти сердца в минимизации отчуждения (по мотивам «О любви в нашей профессии» М.А. Чехова)
- 262 *Мазур Ю.А.* Образ поколения Z в кинематографе
- 263 *Науменко А.М.* Армия как дисциплинарное пространство глазами кинематографа
- 264 *Озарков А.Н.* Любовь и нравственность по Кончаловскому
- 264 *Предовская М.М., Тебякина Е.Е.* Изгнание как этический приём становления героя
- 266 *Романова И.К.* Русская эмиграция первой волны на экране
- 267 *Севастьянова А.Д.* Моральный статус нашего ужина. Анализ фильма В. Косаковского «Гунда» (2020)
- 268 *Субботина О.С.* Пределы этики в фильме «Перекресток Миллера»

**«ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ»,
материалы молодежного круглого стола**

- 269 *Бабыева А.Д.* Стратегии иностранных компаний в РФ в условиях санкций: этика и политика
- 270 *Балабанова Е.А.* Границы Другого в публичном поле: проблемы толерантности и свободы слова
- 271 *Досаева С.С.* Концепт толерантности в российском общественном сознании
- 272 *Макарова Д.А.* Этические аспекты концепции тирана и тираноборчества в европейской политической традиции и современном ее проявлении
- 272 *Пригарина В.А.* Измерение культурной политики: цифровизация культуры и вопрос этики
- 273 *Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д.* Этические представления современных российских молодежных политических лидеров
- 274 *Скупин Н.С.* Концепт «справедливость» в истории отечественной этики
- 275 *Турков Е.А.* Ценностно-смысловая структура политической морали российской молодежи
- 276 *Хомяков Д.О.* Односторонний разрыв деловых связей: Этический аспект

**«POLITICAL CHALLENGES TO THE SPORTS ETHOS», материалы
круглого стола (секция на английском языке)**

- 278 *Gonashvili A.* Tolerance and Sports as Elements of Social Cohesion
- 279 *Ivan E., Vidoni C.* A Look at Promise and Reality of Fair Play – in 2022
- 279 *Mykhailov D., Ivan E.* Re-thinking the Existential Role of AI in Smart Education
- 280 *Sinyutin M.* Invisible Hand of Visible Body. Where Does the Political Connotation of Anti-Russian Sanctions in Sports Come from?
- 281 *Sun Chia-Ting* The Intersection of Sports and Reproductive Studies: A Preliminary Investigation of Existing Issues and Their Possible Insights for Sports Ethics
- 281 *Tewari S.* Research in Sociology of Sports in India and Possibilities for the Western World
- 282 *Vasilyev I.* «Bringing Sports in Disrepute» as Ethical Violation
- 282 *Yaparak P.* Football as an Instrument for Sustaining Ethnic Separatism, Terrorism and Violence

Научный журнал «Дискурсы этики» приглашает к публикации авторов статей, посвященных актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики, материалы круглых столов, коллоквиумов, обзоры литературы (рецензии на монографии, отзывы на диссертации, учебную литературу и проч.), обзоры и анонсы научных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары), объявления о грантовых конкурсах и научных проектах в сфере гуманитарных наук.

Миссия издания – создать пространство дискурса как для профессионального этического сообщества (включая ученых, преподавателей ВУЗов и студентов), так и для широкой аудитории, активно вовлеченной в процесс исследования этики и работы с моральными нормами и ценностями; реинтегрировать специалистов в области этики; обеспечить доступность знаний и высоких образовательных стандартов для студентов в сфере гуманитарного знания.

Журнал выходит **4 раза в год** в электронном и печатном формате. Издается на русском и английском языках. Публикация бесплатная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.

ISSN (Печатный): 2306-9430.

ISSN (Онлайн): 2311-570X

«Дискурсы этики» представлены в Российском индексе научного цитирования (**РИНЦ**)

Подробная информация на сайте:

<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

**XIV международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2022.**

К 100-летию ‘Философского парохода’»

Санкт-петербургский Государственный Университет,
17-19 ноября 2022 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

верстка: К.И.Ключко, Л.И.Юнусова

Издание печатается в авторской редакции.

Подписано к печати 16.11.2022. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 17,1. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 64-2
тел.: +7(812) 642-43-44, e-mail: info@sborka.spb.ru